

**МИХАИЛ
БЕЛОЗЕРОВ**

**ВЕЛИКАЯ
КАВКАЗСКАЯ СТЕНА**
ПРОРЫВ
2018

Михаил Белозеров
Великая Кавказская
Стена. Прорыв 2018
Серия «Враг у ворот.
Фантастика ближнего боя»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4990498

*Михаил Белозеров. Великая Кавказская Стена. Прорыв 2018: Яуза-
Пресс; Москва; 2013
ISBN 978-5-9955-0520-4*

Аннотация

Новый фантастический боевик на самую болезненную и запретную тему. Худший сценарий ближайшего будущего. Кавказ идет войной на Россию!

После того, как Путина отстраняют от власти, новый "болотный" президент "сдает" РФ "западным партнерам" и "отпускает Кавказ", по примеру Израиля отгородившись от шариатских "республик" 1000-километровой стеной. Но весь опыт русской истории доказывает: никакие уступки, никакие засеки не остановят орды работорговцев. И в 2018 году боевики прорывают Стену и при поддержке США движутся на север, вырезая по пути все живое. Как остановить это нашествие? Кто спасет Русь от нового Ига? Остались ли еще силы,

способные изгнать предателей из Кремля и, не боясь открытой конфронтации с НАТО, подавить мятеж, "замочить" бандитов и вытащить страну из болота, куда завели Россию враги народа?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	55
Глава 3	100
Глава 4	156
Глава 5	215
Глава 6	269
Глава 7	323
Глава 8	389

Михаил Белозеров

Великая Кавказская Стена. Прорыв 2018

Любимой жене посвящается

*Мы уничтожили Советский Союз, уничтожим и
Россию. Шансов у вас нет никаких.
Збигнев Бжезинский*

*Кавказ – мягкое подбрюшье России. Потерять
его – значит ввязаться в бесконечную череду мелких
и больших конфликтов, которые рано или поздно
приведут к Третьей мировой войне.*

Глава 1

Прорыв

В пять тридцать утра лейтенант Лёва Аргаткин, сидя в состоянии комы, тупо нюхал свой пистолет марки «стриж» и, постанывая, страдал. Особенно болела голова, которая казалась налитой расплавленным свинцом. Накануне в ресторане «Канатка» они праздновали окончание полугодовой командировки и «помешали» всё подряд: и «палёнку», и ко-

ньяк, и пиво, хотя, разумеется, Лёва Аргаткин подозревал о последствиях весело проведённого времени. В общем, он облажался и теперь страдал, вспоминая, у кого можно стрелкнуть таблетку «от головы». У Игоря Габелого, разумеется, потому что он дока по части медицины.

Лёва Аргаткин со всей предосторожностью, на которую был способен, поднялся со стульчака, когда в туалет влетел тридцатимиллиметровый снаряд, срикошетил от кафеля и оставил в двери огромную дыру. Лёва как стоял, так и сел, полагая, что у него оторвало голову. Только после этого он услышал бешеную стрельбу, которую принимал за шум в ушах. Боль мгновенно прошла. Лёва подтянул штаны и побежал к командиру группы. «Ура тараканам! – по привычке твердил он. – Ура!!!»

«Ду-ду-ду-ду-ду...» – била автоматическая пушка БТРа, «трук-трук-трук» – как сороки, трещали АКМы, «тр-р-рум-м... тр-р-рум-м... тр-р-рум-м...» – строчили ручные пулемёты, и гильзы сыпались как горох. Иногда к хору присоединялся шипящий звук, заканчивающийся громким и крайне неприятным звуком: «Бум!» – рвались гранаты РПГ-7¹, и тогда здание гостиницы заметно содрогалось.

– Да ты ранен! – заметил Игорь Габелый мимоходом, стоя на колене и набивая магазин патронами под свой АК-109.

Он один в отряде любил такое оружие и считал, что в городе оно эффективнее, чем «калаш» под патрон калибра

---

¹ РПГ-7 – ручной противотанковый гранатомёт.

пять целых и сорок пять сотых миллиметра. Рядом валялся вскрытый цинк и тапочки: Игорь был босым и в одних трусах.

– Где? – схватился за ухо Лёва и увидел кровь.

Должно быть, стеклом, сообразил он и тут же забыл о своей царапине, потому что в окно ударила очередь, и он упал и пополз назад в свой номер за автоматом. Ему тут же отдавили руку и три раза наступили на уши. Казалось, что стреляют со всех сторон и во все окна и двери, а за каждым углом притаилось по духу. По коридору, который вмиг наполнился дымом и пылью, туда-сюда сновали полуодетые люди, и самое главное, что все дико матерились или просто истошно кричали, ища своих. В последующие дни Лёва получил столько ушибов и ранений, что о том своём первом ранении забыл, и только тонкий белый шрам под левым ухом, там где плохо росла щетина, напоминал ему о штурме Пятигорска.

Из соседней комнаты высунулся капитан Олег Вепрев и, кисло морщась, словно объелся лимона, диким голосом заорал:

– К окнам, сукины дети! К окнам!

Он имел репутацию человека, которому нечего терять, и его боялись.

– Откуда?! – растерянно вопрошал Лёва Аргаткин пробегающих мимо людей. – Откуда?..

Но никто ему не ответил. В спешке он кое-как оделся, натянул «бронник», «разгрузку» и схватил автомат. И только

после этого пришёл в себя, хотя до сих пор не мог сообразить, как получилось, что здесь, в тылу, за пятнадцать километров от границы, которую охраняли не хуже, чем Берлинскую стену, оказались боевики. Впрочем, вопрос был чисто риторическим: всё же Лёва Аргаткин считал себя военным человеком, привычным к войне, к её неожиданностям, хотя это была его по-настоящему первая командировка на Кавказ и теряться ему было как бы не к лицу. К счастью, со стороны административного комплекса ещё не стреляли, и в окна, в которых стёкла ещё были целы, беззаботно заглядывала плоская верхушка ливанского кедра. За ним блестели влажные крыши телестудии и универмага. Там в клочьях тумана бегали какие-то люди, и Аргаткин понял, что это и есть бесноватые моджахеды, которых он обычно видел по ту сторону границы. Но теперь они были совсем близко, и над спинами у них торчали гранатомёты. Благо, что гостиница была огромной, и чтобы её развалить, нужны были не эти самые гранатомёты, а танки или пушки.

Лёва Аргаткин собрался было уже прищучить наглецов, но в этот момент в номер ввалился старший прапорщик Герман Орлов, обвешанный, как ёлка игрушками, и «шмелями-м», и гранатомётами, большой, просто огромный, как всегда одухотворенный, когда дело доходило до стрельбы, и заорал, словно на параде:

– Погнали на первый этаж, а то если даги его захватят, они нас здесь поджарят, как на сковородке. Гы-гы-гы!!!

– Сейчас! – с облегчением ответил Лёва Аргаткин, догадался схватить бутылку с водой, и они побежали, перепрыгивая через три ступени.

Герман Орлов по привычке ворчал:

– Трофимовщина, видите ли, им не нравилась. А что сейчас, лучше? Довели народ! За полтора года фукнули страну на ветер! Тоже надо уметь! Политики хреновы! Нет! Ты-то за кого голосовал?.. За кого, спрашиваю?!

– Что ты ко мне пристал?! – обозлился Лёва Аргаткин, который слышал эти разговоры сотни раз. – Я человек подневольный, сказали голосовать за Спиридонова, я и проголосовал.

– Ёпст! За Мишку, что ли?! – удивился Герман Орлов и картинно посмотрел на Лёву Аргаткина, словно увидел его впервые. – Да я за этого уroda даже за упокой свечку не поставлю! – убеждённо поведал Герман Орлов, выпучив глаза. – Веришь мне или нет?!

Его голос, похожий на рык, помноженный на быкоподобную внешность, неизменно производил на Лёву Аргаткина одно и то же впечатление: он побаивался Орлова, как можно побаиваться зимнего шторма на Баренцевом море.

– Верю, верю, – согласился Лёва Аргаткин, лишь бы Орлов, для которого политика была дюже больной темой, от него отстал.

– Мне всякие ползучие гады не нравятся. Гы-гы-гы!!!

– А мне квартиру ещё надо получить, – огрызнулся Лёва

Аргаткин, который если и любил зубоскальничать, то не так громко и в основном с красивыми женщинами.

Левый глаз у него был травмирован ещё в учебке под Будённовском, и кожа вокруг него походила на жёванный пергамент, от этого казалось, что Лёва Аргаткин не от мира сего – всё время о чём-то тяжело думает, а на самом деле он вспоминал жену, детей, родной город Мурманск и мечтал побыстрее вернуться домой, чтобы насладиться семьёй и морской рыбалкой, до которой был весьма охоч.

– А мне до лампочки! Ёпст! Как жил в коммуналке, так и подохну в ней. Коммуналку-то не отнимут? – съехидничал Герман Орлов.

Герман Орлов чуть-чуть кривил душой: коммуналка в Питере у него была просто огромная, аж сорок два квадратных метра, в центре, на улице Фурштатской, в двух минутах ленивой ходьбы от метро «Чернышевская». Посему он ни за какие деньги не желал никуда переезжать. Однако коммуналка – это пережиток коммунистического прошлого, искореняемый властями со всей очевидностью, на которую они были способны. Так что в скором времени Герману Орлову светила либо новая, но маленькая «двушка» в любом на выбор спальном районе, либо такая же шикарная, но всё-таки старая на его родной улице Фурштатской – как карты лягут, вот он и нервничал, полагая, что государство, как всегда, обманет и не покривится.

– Не отнимут, – кисло согласился Лёва Аргаткин, – а мне

квартира нужна. Верка третьего ждёт.

– Фиг ты её теперь получишь, – почти враждебным тоном сообщил Герман Орлов. – Или где-нибудь на Сахалине предложат, когда турнут под зад коленкой.

Под ногами скрипело стекло и крошилась штукатурка. Пули «тук-тук» бились о стены. На прилетающие издали гранаты оба не обращали внимания, потому что если уж она попадёт, то попадёт, не отвертишься, но опять же, это явление относилось к разряду редких, стало быть, можно было не особенно беспокоиться.

– Это точно, – покорно согласился Лёва Аргаткин, который больше смерти боялся быть уволенным в запас, потому что по-настоящему ещё и не служил. – Теперь мы все в большой жопе.

Армию и полицию за ненадобностью в очередной раз сокращали, и многие догадывались, что на гражданке делать нечего: кризис, массовая безработица, зависть по отношению к военным, которым при Трофимове платили большие деньги и бесплатно давали квартиры. Так что сводные летучие отряды спецназа – это лучшее, на что можно было рассчитывать в жизни. Вот и затыкали ими дыры то там, то здесь, и понятно было, что при таких условиях прорыв – это дело времени. А надеяться на силы ООН не приходилось по причине их лицемерия – только на себя да на русский авось.

– О! – обрадовался Герман Орлов. – Наконец слышу слово мужа. Разумеется, теперь уже всё равно. Дело сделано: ар-

мия, как всегда, отдувается. Затычка во все щели. Ёпст! Ну почему так устроен мир, почему? Ёпст! Почему нам не везёт на царей?! Ёпст!

– Я не знаю... – жалобно признался Лёва Аргаткин, на которого воинственные речи Германа Орлова неизменно производили сильное впечатление.

– А я знаю, – оглянулся Герман Орлов, – потому что какой народ, такой и царь!

Казалось, что эта истина открылась Герману Орлову впервые, потому что он замер на бегу, словно в него попала пуля, и лицо у него сделалось просветлённым.

Лёва Аргаткин был с ним согласен на все сто, но только произнёс: «Ура тараканам!» – дабы лишний раз не сотрясать воздух, к тому же Герман Орлов был дюже здоров, и правда, как всегда, была на его стороне.

* * *

– Какие, к чёрту, десять тысяч?! – буйствовал майор Севостьянихин, «сидя на рации» в туалете. – Слышь, Игорь... – высунулся он, – говорят, что в общем прорвалось до десяти тысяч. А на нашем направлении конкретно – две или три! Ну не фигу себе!!!

Хитрое и одновременно насмешливое лицо майора с длинным носом выражало всё то, о чём боялся думать Игорь Габелый. А думал он, что от судьбы, как от рока, не уйдёшь,

даже если очень постараться, даже если ты очень надеешься вернуться домой не в цинковом гробу, а с женой-красавицей, устроиться где-нибудь ночным сторожем – хоть на кладбище, хоть в морге, и зажить тихо и спокойно, чтобы тебя не трогали, чтобы тобой не командовали, чтобы о тебе забыли и считали, что ты умер, в конце концов, просто исчез с лица планеты. Только дотянуться до той пенсии вряд ли получится, потому что это верных четыре года, и ещё не факт, что ты её получишь, потому что новый президент затеял реформу армии и флота, и все «старички» вызывают у него маниакальное подозрение. Помнили они, какой была армия при Владимире Трофимове, и, стало быть, их надо выкорчевывать, как гнилые пни, выжигать калёным железом и гнать в три шеи, естественно, без всякого выходного пособия. И если бы не пресловутая «стена», Игоря Габелого действительно вышибли бы к чёртовой матери на гражданку. Так что на «стену» надо было молиться, а Мишке Спиридонову низко кланяться в ноги и целовать пятки за то, что он построил её и обеспечил армейский спецназ работой на сто лет вперёд.

Игорь давно заметил, что нос у майора Севостьянихина является отличительной конструкцией на его лице. Во-первых, он был чрезвычайно подвижный, а во-вторых, все крайние эмоции начинались именно с него. А эмоций, как всегда, было чрезвычайно много: в диапазоне от свирепости, когда он, то есть нос, раздувался чуть ли не в три раза, до нежности, когда он уплощался и походил на стилет. Но нежным,

естественно, Игорь его видел крайне редко – в те моменты, когда Севостьянихин читал письма из дома. В данный момент он свесился от горести больше, чем обычно, и выглядел уныло, как колодезный журавль с пустым ведром. Должно быть, он вместе со своим хозяином думал, что в жизни всё горькое, кроме мёда, но даже и мёд тот тоже горький, как полынь, а, стало быть, радоваться особенно нечему, разве что спирту, плещущемуся во фляжке, который нос почему-то очень любил нюхать.

– Не может быть, – не поверил Игорь, одновременно слушающая командира и следя за окнами, из которых он периодически стрелял, целясь между соснами, где за пеленой летящего наискось тополиного пуха, как черти, мелькали бородатые фигурки с чёрными повязками на головах. – Десять тысяч – это много!

Боевики поливали из подствольных гранатомётов, и гранаты в большинстве своём не долетали, а рвались где-то на нижних этажах.

Игорь Габелый был хорошим стрелком, с отличной реакцией и с шестым чувством, которое не раз спасало ему жизнь, поэтому и любил мощное оружие, на которое можно было положиться, как на самого себя: «попал и забыл».

Пули на шестой этаж залетали под острым углом и с визгом рикошетили куда попало. За стенкой тоже стреляли, и порой оттуда слышались радостные крики Драганова и Котлярова. Вначале боя всегда так весело, а потом возбуждение

сменится усталостью и апатией, и ничего не хочется делать, кроме того, как спать, спать, спать и ещё раз спать.

– Одна надежда, что уйдут в Минводы, – цинично сказал Севостьянихин, – или в Будённовск, зачем им какой-то курорт? – нос его при этом задиристо приподнялся, почти как хобот у слона, но чувствовалось, что даже он не верит словам хозяина и настроен крайне скептически, как новобранец первые три месяца в армии.

– Поживём – увидим, – ответил Игорь Габелый, меняя рожок и набивая опустевший, благо патронов было валом, целый склад под боком, поэтому при умелой обороне можно было сражаться хоть до посинения.

После того как Пятигорск стал приграничным городом, отдыхающие ездили сюда крайне редко – только сумасшедшие, и городок под Машуком, который с таким восторгом описывал Лермонтов, превратился в призрак. Так что все гостиницы и здравницы были в полном распоряжении военных и полиции. Правда, не было отопления, номера были в плесени и вода подавалась по расписанию, но зато можно было поселиться в любых апартаментах, какие душа возжелает, – хоть в суперлюксе, хоть сразу в трёх суперлюксах. Людям, привыкшим к казарменной жизни, они казались шикарными. Вряд ли ещё год назад кто-то из них мог себе позволить такую роскошь, как отдохнуть на курорте, попить целебную водичку – по меркам мирного времени слишком дорогое удовольствие, тем более что содержание урезали втрое

и выплачивали крайне нерегулярно, а о «боевых» и командировочных речь вообще не шла, вот и ополовинился спецназ без всяких боевых потерь. А если у тебя жена и детишки, конечно, ты будешь искать в жизни другие варианты, думал Игорь, пристегивая магазин и ни о чём хорошем больше не рассуждая, не было ничего хорошего, терпеть приходилось и ждать непонятно чего. Божену вот встретил, отдушину в жизни, пристанище, гавань, куда можно было прирулить при любом раскладе. А такое везение крайне редко. Во второй половине жизни ты это понимаешь лучше всего, думал он, вторая половина на то и дана, чтобы разобраться во всём досконально и в подробностях.

– В Минводах бригада ВДВ, – напомнил он таким тоном, будто завидовал им.

Были в той бригаде и танки, и пушки, и прочее тяжёлое вооружение. Но кто знает, как оно работает и какие планы у начальства на случай прорыва. Последнее время Игорь начальству, которое сидело наверху, не доверял, как, впрочем, не доверяли все те, кто жил от командировки до командировки. Существовало мнение, что то начальство жирело на тех «боевых» и командировочных, что президент, когда узнает о финансовых нарушениях, поотрывает всем бошки. Но пошёл второй год его правления, а ничего не изменилось: армию распинали, как хотели, топтали, кому не лень – и иностранцы, и свои – при первом удобном случае, списывая на неё все потери и неудачи. Даже министр обороны, и тот был

и.о. – временщик да ещё и баба – Клара Новикова – поговаривали, что подстилка Михаила Спиридонова. Какая уж здесь армия – тень былого величия.

– Что от той бригады осталось, – высунул нос Севостьянихин, – мои слёзы!

И действительно, силы бригады были распылены вдоль зоны ответственности. А зона та ответственности – аж сто двадцать километров «стены». Разумеется, моджахеды об этом прекрасно осведомлены и воспользовались ситуацией, у них-то разведка поставлена на высоте. Сколько тех лазутчиков ловили и не переловили, и дело не только в беженцах, которые не нашли себя на новых местах, а в ослаблении государства, низведении его до роли надсмотрщика. Кончилась политика, началась обычная реакция, похожая на развал страны. В общем, в двадцатые начались лихие девяностые, только покруче и с непредсказуемым результатом, потому что у страны не было прежнего задела в виде газа и нефти, а осталась одна эфемерная надежда в виде «современной экономики» да «новой свободы», как вещал новый президент Спиридонов. Однако все его вещания больше всего походили на заклинания. Толку от той «современной экономики», если мы всегда и везде отстаём на два, если не на три шага. Даже разваливать Россию никто задарма не собирается, вот мы и делаем это собственными руками да ещё за счёт собственного кармана, думал с горечью Игорь.

– Не может быть, чтобы нас бросили, – уверенно сказал

он. – Главное, продержаться хотя бы полдня.

– Полдня! – иронично воскликнул Севостьянихин, и нос его возмущённо раздул ноздри.

Это означало, что полдня ещё хорошо, что обычно всё заканчивается гораздо быстрее, что никто шутики шутить не будет. Давно они не попадали в такую переделку, пожалуй, только в Хасавюрте два года назад, когда моджахеды пришли на равнину. Но тогда их было не десять, а всего-навсего две тысячи, и то, пока технику не подтянули да авиацию не запустили, фиг с ними справились.

Ещё вчера утром, когда отряд выводили из Залукокоаже, всё было тихо и спокойно. Ну постреливали – не без этого. Ну вели пропаганду через громкоговорители и транслировали муэдзинов со своим азаном² – свобода слова, однако ж, зафиксированная хитрожопыми американцами в «большом договоре». В семи километрах, в Юца, взяли банду из местных дагов-ваххабитов и так по мелочам: то курьера поймают, то наркотрафик пресекут, то разгонят очередной шариатский суд, которым в очередной раз судили какого-нибудь русского бедолагу. КПП «Кавказ», названный так по одноименной трассе М29, муха не смела пролететь без ведома сил ООН. Пиндосы-миротворцы³ в гости приезжали, радостно скалясь, откормленные, как бройлеры. Так бы и своротил морду кому-нибудь, да начальство строго-настроено запрети-

---

² Азан – в исламе призыв к обязательной молитве.

³ Пиндосы – презрительная кличка военнослужащих США.

ло даже коситься в их сторону, потому что официально мы союзники. Американский президент заявлял: «США – большой друг России». Только непонятно, какой смысл он вкладывал в слово «большой»: то ли старший брат, то ли надсмотрщик. Игорь под различными предложениями от таких «раутов» увиливал, а отдуваться приходилось командиру сводного отряда, майору Андрею Павловичу Севостьянихину да Герке Орлову, который, впрочем, был большим любителем халявы, и голова у него на следующий день абсолютно не болела. Бывает же у человека счастье – голова с похмелья не болит. Можно сказать, дар природы – у человека огромная, здоровая печень. Из спецназа вообще никто не хотел пить с пиндосами, чего не скажешь о «диких гусах»⁴, которые на дармовщину готовы были употреблять даже уксус. Может быть, по этой причине начальство и косилось на спецназ, как на выродков, не понимающих своей выгоды и политического момента. Патриотизм стал продажным, на нём можно было заработать счастливую, обеспеченную старость. Впрочем, Игорь не завидовал – каждому своё: кому-то карманы набивать, а кому-то родину защищать без пафоса и соплей.

Он вспомнил ещё одну странность: за трое суток до прорыва посты ООН по непонятной причине сократились вчетверо. Исчезли все знакомые морды, появились новые, и большинство из них были явно не европейцы, а в основном чёрные и бородатые, даже негры мелькали. Об этом тотчас сооб-

---

⁴ «Дикие гуси» – наёмники.

щили в штаб группировки, однако никакой команды не поступило. Мало того, смена отряда произошла в плановом порядке под благодушные речи командира группировки, генерал-полковника Косматова Бориса Павловича, «о тесном и продуктивном сотрудничестве с силами НАТО». Игорь слушал его и не верил своим ушам. Реальность говорила совсем о другом: о лицемерии и о нахальстве американцев, и том, что они готовы хапнуть ещё и ещё, и что аппетиты у них немереные.

– Крохи не крохи... – ответил на его сомнения Игорь, – а оставлять в тылу группировку, сам понимаешь...

– Да понимаю! – Севостьянихин в сердцах выругался. – Только какими силами воевать? Какими? Хорошо, если бы ещё ОМОН или СОБР, а эти... – он с пренебрежением посмотрел в коридор, где, как ужаленные, сновали кабинетные полицейские, которые действительно были хороши только в системе, в связке, как полицейские силы в конце концов, а для реального боя не годились.

За пять минут драки мышцы не нарастишь и воевать не научишься, даже если ты очень смелый человек. Опыт нужен, натаска до уровня инстинкта не менее двух лет. Это знали все, даже начальство, присылающее негодных людей. Чём-то ж оно думало, что-то ж оно планировало, думал Игорь. К власти пришли паркетные генералы, которые стажировались в США, которые никогда не держали в руках оружие, зато были большими теоретиками, в конце концов,

им что-то внушали в академиях, в том числе и в американских, но, должно быть, они всё забыли, расслабились под помпезные речи новоиспеченного президента, мир, мол, на новом этапе, армия не нужна, всеобщее братание, штыки в землю, за граница нам поможет. Если страна не может кормить свою армию, она будет кормить чужую. Всё шло к тому.

Где-то на верхних этажах взорвалась граната, посыпались осколки, и кто-то страшно закричал. За стенкой выстрелили из огнемёта и, видать, попали, потому что тоже закричали, но радостно. Игорь был абсолютно согласен с майором: воевать некому, армия отдувается, как во вторую половину девяностых. «Армия – последний аргумент России при любой власти», – любил выражаться командир объединённой группы Ермаков Родион Михайлович. «Но выдюжили? – обычно пытал он подчинённых. – Выдюжили! Может, и в этот раз пронесёт?» Хотя, похоже было, что сам же не верил в свои слова: так низко страну да ещё под демагогические речи никто не нагибал.

– Связи вот со штабом нет. Эх, да чего там говорить! – сокрушённо воскликнул майор Севостьянихин. – Третий, Третий, я Пятый. Ответь. Третий, ответь Пятому. Почему молчишь?!

Номер люкс, в котором жил Севостьянихин, был большой двухместный, в спальне стояла кровать под атласным одеялом. В углу – два кожаных кресла, журнальный столик, пустой бар и плоский телевизор. Все это теперь было завалено

стеклом и покрыто тонким слоем пыли и тополиного пуха, который моментально заполнил всё здание. Шторы были сорваны и на одном окне висели, как белый флаг капитуляции.

Игорь перебежал в гостиную и дал две короткие очереди по окнам трехэтажного особняка напротив, откуда вёлся пулемётный огонь. Потом отскочил к противоположному косяку и выстрелил в боевика, который внаглую вымелся на открытое место между двумя соснами и знай себе поливал из автомата, даже не удосуживаясь прицелиться, а просто навскидку. Да они обдолбанные, сообразил Игорь и вдруг догадался: чтобы сбить КПП М29, вовсе не обязательно иметь танковую роту, достаточно взорвать «стену» и пройти западнее или восточнее, и даже наплевать на минные поля: подумаешь, десяток-другой фанатиков. Арабки ещё нарожают.

Пуля, должно быть, на излёте ударила напротив, срикошетила, благо потолки высокие, и, черкнув о противоположную стену, как раз над головой Игоря, вылетела в окно, разбив вдребезги телевизор.

Игорь только выругался: «Ёпэрэсэтэ!» – и присел.

Был он высокий, сутулый, жилистый и нервный, аж звенящий, глаза, как у большинства командированных, имел пронзительные и злые. За время командировки почернел от загара, а короткие русые волосы стали почти что белыми, как пушица на болоте.

– Третий, ответь Пятому! Шестой, это ты?! Слышу тебя хорошо! – так обрадованно заорал майор Севостьянихин,

что его знаменитый нос воинственно раздул ноздри. – Окружены. Ведём бой. «Двухсотых» пока нет. Слышь, – снова завёлся Севостьянихин. – Сосед просит, чтобы мы ударили на Кисловодск. У него тоже «стену» взорвали. Да как я могу?! – с возмущением кричал он в трубку. – Нас обложили, как куропаток! – Ему что-то возразили на повышенных тонах, а он ответил, не стесняясь, точно так же: – Разведка плохо работает! Я пока выберусь из города, половину БТРов пожгут. Разблокируйте нас!

– Кто бы нас разблокировал! – кричали ему в ответ.

Понятно было, что требование это – слёзная просьба Киренкина Григория Борисовича, командира сводного отряда в Кисловодске. Севостьянихин снова заорал в трубку:

– А огневое прикрытие?! А разведка?! Пиндосы всё и подстроили! – бесился Севостьянихин, озадачив Киренкина сверх меры. – Ну извините, мы им верили, как родной маме. Союзники как-никак. Договоры подписывали международного значения, мать их за ногу! Обосрали Россию с головы до ног. Никому нельзя доверять, никому! Была б моя воля!..

Игорь представил, что произошло бы, будь воля Севостьянихина Андрея Павловича, и что сейчас творится в Генеральном штабе. Явно, все на ушах стоят. Докладывают главнокомандующему, новоиспечённому президенту – Михаилу Спиридонову. А тот, наверное, ждёт, что соизволят произвести США, звонит Дяде Сэму, переминаясь босыми ногами, как в приёмной – коломенская верста. А Дяде Сэму до

лампочки. Пока он раскачается, нас здесь всех положат, хотя по «большому договору» американцы должны среагировать в часовой срок. Одна надежда, что из Ставрополя или Краснодара придёт помощь.

– Пропустили обрезанных на Будённовск, сволочи! – кричал в трубку Севостьянихин. Нос его, не стесняясь в выражениях, презрительно фыркал. Севостьянихин возмутился: – Десять тысяч! Это ж надо было их где-то спрятать? А нам умирать? Пиндосы всё подстроили! Нет, нет, не можем! Прорваться? Какими силами? У меня обстрелянных людей десять человек! Ага-ага. Понял. Ладно-ладно... Проведу до-разведку и доложу. Прапорщика позови! – крикнул он Игорю Габелому.

– Ногинский! – высунулся в коридор Игорь. – Лёха!

Тотчас где-то рядом прекратил работать ручной пулемёт и явился Алексей Ногинский по кличке Ролик из Орла. Откуда она у него, никто не знал, а он не признавался, но на урку не тянул в хорошем смысле слова. Урку бы в спецназ не взяли. Как все боксёры-средневесы, он был лёгок и подвижен, с изувеченными ушами. Волосы имел светлые, а взгляд – обозленный, как зрачок пистолета, и очень даже деловой, который бывает только у военных людей, привыкших к опасностям и крови. Была у него ещё одна черта – чрезвычайная добросовестность. Выполнение приказа можно было даже не проверять, все знали, добросовестней Ногинского в отряде нет.

– Звал, командир?!

– Бери кого хочешь из смежников, посмотри, что делается в окрестностях, оцени возможность прорыва на Кисловодск.

Кисловодск стоял на самой границе, и если «стену» взорвали рядом с ним, то, естественно, и положение там тяжелее во сто крат, но и сил там поболее – два батальона ВДВ, танки и долговременные укрепления. Но раз просят, значит, дело там действительно дрянь.

– Есть оценить, – ответил Алексей Ногинский и исчез, как привидение, легко и бесшумно.

Смежниками были все те, кого нагнали сюда из полиции: следователи, сыскари, комендантская рота, дорожно-патрульная служба, водители, даже один завскладом, один из отдела кадров, а ещё двое из гаражных механиков, и, конечно же, те «чудаки» из ГУВД, которые приехали, словно на прогулку, за орденами. В отряде таких за глаза насмешливо называли «дикими гусями». Спирт и водку они не пили – брезговали, а предпочитали дорогой коньяк – печень берегли. В гостинице сто двадцать с лишним человек, подумал Игорь, и дай бог, если половина из них ведёт огонь. Остальные разбежались по углам и щелям, отсиживаются.

В окно снова попало несколько пуль, и номер наполнился пылью. Остатки стёкол разлетелись во все стороны. Габельный подскочил, дал три короткие очереди в сторону парка центрального военного санатория, потому что стреляли именно оттуда. И вообще было такое ощущение, что нападавшие

знают, что делают, потому что два БТРа, мотаясь между домами, не давали себя подбить, а пулемётчики заняли заранее выбранные позиции. Поди теперь их всех выкури. И вдруг он вспомнил о Божене.

– Командир! – крикнул он нервно. – Я сбегаю в административный корпус, помогу?..

– Зачем? Без тебя справятся, – заверил его Севостьянихин.

– Очень надо... – сказал Игорь. – Понимаешь, очень. Человек там.

– А-а-а... – вспомнил Севостьянихин. – Конечно, дело святое. Давай, – разрешил он, – одна нога там, другая здесь.

Севостьянихин давным-давно должен был получить «полковника», но то ли у старой власти руки не дошли, то ли у новой не было нужды заботиться о боевом офицере.

Был он широкий, сухопарый, с мосластыми руками, нос имел узкий, длинный и наглый, глаза – чёрные, усталые и терпеливые, какие бывают только у кадровых военных, вкусивших все прелести государевой службы.

Как же я раньше забыл о Боженке, ругал Игорь себя самыми чёрными словами. Она там, поди, извелась. Как я мог? Впрочем, когда он взглянул на часы, то понял, что бой шёл всего двенадцать минут, а казалось – вечность, только это и извиняло его. Он заскочил к себе в номер и понёсся в административный корпус.

С Боженой Журавлёвой, или с Боженкой, как он любил

её называть, у него был бурный роман. В момент близости она всегда говорила: «Убей меня нежно...» Он даже умудрялся на ночь мотаться в Пятигорск, а на рассвете возвращался на построение в Залукокоаже. За шесть месяцев ни разу не залетел, но от такой жизни ещё более высох, однако был счастлив, как можно было быть счастливым на войне. «Смотри, так женишься», – предупреждали, словно сговорившись, многие. А Вепрев Олег из Казани, который был его другом, тот вообще нагло заявил: «Ты счастливчик! Я два года подряд к ней подкатывал, а она меня всё отшивала. И наши тоже от ворот поворот получали. Не фига! Верный признак, что не гулящая баба. Ждала тебя, красавца. Так что женись, не раздумывая!» А отшить Олега, по мнению Игоря, было трудно: ловкий, уверенный в себе, с морем обаяния на наглой татарской морде, он ходил пританцовывающей походкой, поводя плечами, и все знали, что это не просто форс, а одержимость, что правая рука и левая нога у него ударные и что он даже пробился в международную лигу муай-тай, но возраст и характер сделали своё дело, тут ещё начался очередной бардак, срочно понадобилось пушечное мясо, и спортивная карьера Олега Вепрева полетела коту под хвост. Один недостаток был у Олега Вепрева – был он женат и имел кучу детей, которых любил и холил в перерывах между командировками. Так что ни о каких серьёзных отношениях, как и другие, он не помышлял, разве что, как он любил пошлить: «Разрядить обойму», но для этого существовали

другие женщины, которые стояли за прилавками или продавали билеты на железнодорожном вокзале.

Игорь нашёл её там, где увидел впервые, – в медпункте радонового источника. Она легкомысленно пряталась за стеклянный шкафчик с медикаментами и, положив руки на колени, спокойно смотрела, как со стороны общежития Пятигорской фармацевтической академии мелькают духи.

– Что ты здесь делаешь? – удивился он, нервно поглядывая в окно. – Собирайся!

Знал он. Знал, что она ждала его ещё вчера, что осталась, не пошла домой, собственно, ради него, а он, скотина, пил водку в «Канатке», горланил песни и клялся, как и все, в боевом братстве. Были у него планы забрать её с собой в Питер, однако за суетой и делами вопрос этот они обсудили вскользь, заглядывая в будущее с большой опаской, не только потому, что оба в жизни больше потеряли, чем приобрели, а потому что жизнь стала непредсказуемой и в смысле войны, и в смысле отношений, и они хотели проверить свои чувства, прежде чем решиться на что-то серьёзное и длительное.

Сердце у Игоря мягко сжалось. Он представил, какая она хрупкая и беззащитная под этим легкомысленным халатиком, и очень пожалел, что она здесь, а не у себя за рекой на улице Льва Толстого, где у неё маленький, уютный домик и шестилетняя дочка Катя. И тут же подумал, что если духи пойдут волной, то женщин и детей не пожалеют. Так что

неизвестно, где сейчас хорошо, а где плохо.

Духи, обвешанные оружием, цепочкой бежали в сторону нижнего рынка и кинотеатра «Космос». Они были прекрасной мишенью. При других обстоятельствах Игорь не упустил бы случая завалить парочку-другую, однако сейчас было не до этого.

– Я дежурила! – вскочила она, блеснув тревожно глазами.

Ну и скотина же я, обругал он сам себя, и ему опять стало стыдно.

– Ну прости меня, – сказал он, беря её за руки и заглядывая в бездонные глаза, – прости, не мог я. Не по-армейски это. Не поняли б меня.

Что я могу рассказать, подумал он, что я только и знаю, что испытываю горечь утрат за время этой войны, что у меня нет другой семьи, кроме армии и мамы, которая ждёт не дождётся сына. Божена и так это знает, а если не знает, то чувствует как женщина. Наверное, поэтому я её и люблю.

– Я и не сержусь, – спокойно ответила она, поправляя у него воротник на форме, – что ты. Просто... ну... просто я волновалась. Как чувствовала, что что-то случится, – она кивнула на окно, за которым боевики внаглую шли чуть ли не строем, и все в сторону штаба.

Что выделяло её из всех других женщин, которые попадались на его веку, так это печальные глаза. У неё были прекрасные и очень печальные глаза, вспыхивающие особым светом в темноте, а ещё на верхней губе у неё, как нарочно,

была мушка. В общем, как только он увидел эти глаза и эту мушку, то потерял голову. Разумеется, он не подал вида, но долго, как партизан, таиться не мог. Ноги сами несли его в медпункт, и его медицинская карточка пухла на глазах. К тому же Божена оказалась не из тех натур, которые все семейные вопросы решали с помощью самого верного женского аргумента – истерик. А именно такая спокойная и рассудительная женщина нужна была ему. Однажды он уже обжёгся в юности, женившись на третьем курсе института на истеричке, и теперь выбирал со всей тщательностью, на которую был способен. Опыта по этой части у него совсем не было. Где ты его возьмёшь – опыт, если всё время мотаешься по командировкам, а домой возвращаешься, чтобы только отоспаться. А в этот раз, кажется, не ошибся, потому что чувствовал, что Божена, или Боженка, свой человек, с которым не нужно хитрить, юлить, выворачиваться, что она его понимает, а он понимает её. А самое главное – она знает, что такое армия. И всё равно – это была не та любовная идиллия, которую он себе представлял. Она была приправлена тем ощущением потери, которое возникает у людей, чуть-чуть упустивших своё время.

– А дочка? – спросил он и подумал, что к дочке её он ещё не привык, не успел.

– Мне позвонили час назад, соседи увезли её и маму в Краснодар. Сарафанное радио принесло. Ещё вчера здесь появились какие-то люди, которые предупреждали, что в го-

роде будут стрелять. Вот я и отправила своих от греха подальше.

– Ну правильно, – согласился он и кивнул на её легкомысленный белый халатик и белую же шапочку. – Так не пойдёт.

– А как? – спросила она, поднимаясь на цыпочки, чтобы доверчиво поцеловать его. – Я думала, что раненые будут поступать в медпункт, – и он понял, что она нашла такое объяснение, чтобы он не задирает нос от восторга и что она не хочет признаться, что ждала его. Это тоже была их игра, которую он принимал безоговорочно, потому что, оказывается, он романтик, хотя не подозревал об этом, и любит длинные-длинные прелюдии, полные тайн и недомолвок. У них уже появились свои привычки, и он знал, что вслед за этим она вскинет на него глаза, а сердце у него мягко оборвётся и скатится куда-то в пятки, и пребудет там до скончания веков.

– Надо переодеться. У тебя есть во что?

– Есть, – ответила она.

И пока она переодевалась за ширмой, он, сидя под окном, следил, что делается снаружи, и ждал ухудшения ситуации, но им повезло. Видно, у духов были другие планы, и пока они всерьёз не взялись за гостиницу «Интурист». Может, стоит прорваться? – подумал Игорь, только куда? В штаб? Поменять шило на мыло. Неизвестно, что там происходит.

– Я готова, – сказала она, выходя из-за ширмы.

Она была в джинсах и легкомысленной кофточке сиреневого цвета.

– Возьми ещё это, – сказал он, протягивая ей куртку, которую захватил в номере. – А сверху «бронник» на всякий случай, – и впервые поймал себя на том, что не просто тревожится о ней, а боится её потерять, и это тоже было новое и странное чувство для него, потому что все его предыдущие женщины демонстрировали такую эмансипацию, что не нуждались ни в какой заботе, а только в деньгах и в сексе. Он вообще впервые ощутил, что в его жизни появилось что-то новое, что-то, что было поважнее, чем армейское братство, к которому он прикипел ещё с детства, потому что был из семьи военных, в четвертом поколении служивших Родине, и где-то на генном уровне без армии прожить не мог и дня.

– Ну и отлично, – сказал он, невольно любуясь ею.

Даже в его армейской куртке, которая была ей велика на два размера, и в «броннике», который не придавал изящности, она выглядела потрясающе и даже более женственной, чем в белом халатике.

– Кепи надень, – сказал он, отдавая ей своё, – а волосы спрячь.

Волосы у неё были чёрные, густые и кольцами свисали из-под шапочки.

– Зачем? – удивилась она.

– На всякий случай, – ответил он и взял большую сумку с красным крестом сверху, – чтобы не охотились конкретно за тобой.

Медлить больше нельзя было ни минуты, потому что со-

всем рядом заработал крупнокалиберный пулемёт, который, должно быть, притащил неугомонный Герман Орлов, а в фойе общежития Пятигорской фармацевтической академии взорвалась граната и повалил дым. Кто-то захлебнулся собственным криком.

– Погоди... – сказал он и сунул ей в руку пистолет. – Знаешь, как стрелять?

– Знаю.

Он показал, как взводится затвор и как снимается предохранитель.

– Оружие не для боя, – объяснил он, – а для того, чтобы застрелиться, если что.

– Что значит, «если что»? – спросила она, глядя на него с недоверием.

– Чтобы в плен не попасть, – сказал он, стараясь не очень-то напугать её.

Но она не испугалась.

– Я поняла, – ответила она и, похоже, впервые осознала всю ту опасность, которая грозила им.

Конечно, у неё возникла добрая сотня вопросов, и он ответил бы на них с превеликим удовольствием, но времени не было, обстоятельства складывались против них. В этот момент в медпункт ворвался шумный и большой Герман Орлов со «шмелём-м» в руках:

– Вот они, голубки! – пробасил он, направляясь к окну и распахивая его. – Ничего, что я здесь намусорю?

Они побежали, а позади хлестнул выстрел, и дверь в медпункте вылетела напрочь, а вслед за дверью выскочил Герман Орлов, мотая, как пьяный, головой, а из уха у него хлестала кровь.

* * *

Когда они вернулись, ситуация изменилась. Во-первых, стреляли уже со всех сторон, а во-вторых, у боевиков появились миномёты. Правда, калибр был мелковат – не больше шестидесяти миллиметров, но этого хватало, чтобы вести огонь издали.

И сразу все те бойцы, которые закрепились на территории гостиницы, вынуждены были спрятаться в здании, а потом появились раненые и первый убитый, боец из волгоградского РОВД, которому осколок пробил шлем.

– Сволочи, похоже, бьют из-за первого источника, – Севостьянихин разглядывал город в бинокль. – А вторая?.. Вторая где батарея?

Перед ними возвышался Машук, заросший буком, с телевизионной вышкой на вершине и весь пригород до самого подножия. Гостиница доминировала над местностью. В свою очередь, она тоже была неплохим ориентиром для обстрела.

– Надо посадить сюда ещё двух снайперов, чтобы держать дагов на расстоянии, – сказал Севостьянихин. – Но не из наших. Наши мне понадобятся. Эх, сюда бы миномёты, мы бы

вжарили по полной!

Пуля зарылась в крышу рядом с ними. Они спрятались за трубу, и боец из омского РОВД сказал, что снайперы лупят издалека и что это не так страшно, как кажется, – расстояние большое.

– На Машуке сидят, сволочи, а ещё – на пансионатах «Гарханы» и «Лермонтов».

– Но, как известно, пуля – дура, – среагировал Севостьянихин и подмигнул бойцу, который, похоже, знал своё дело, потому что умело прятался за ограждением и стрелял из своей СВД⁵ через отверстия для стока воды.

Когда они спускались с крыши, то встретили подполковника Маслова, командира группы из кировского УВД, который формально подчинялся Севостьянихину только на время военных действий, а с выводом отряда с КПП «Кавказ» имел полное моральное право распоряжаться своими людьми самостоятельно. Но где МВД, а где армейский спецназ, да и реальность боевой остановки диктовала свои условия.

– Чего будем делать? Я хочу вывести своих людей в штаб!

Штаб находился в районе Бештау, до него было пять километров по захваченным боевиками улицам. Достаточно двух снайперов, чтобы застопорить любое движение, и полковник Маслов хорошо знал об этом.

– А если он захвачен? Вот у меня связи нет! – потряс ра-

---

⁵ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

цией Севостьянихин.

– Дай мне один БТР!

– У меня приказ находиться в здании и держать рубеж: улица Пастухова – костёл. Но если так неймётся, можете уходить. Всё равно из вас вояки, как из меня папа римский.

– Ты на что намекаешь?! – вспыхнул подполковник Маслов, и щёки его, как у хомяка, возмущённо надулись.

Был он болезненно грузен и страшно потел и запомнил-ся Игорю тем, что не умел пить и на следующий день после пьянки, хватаясь за правый бок, потребляет только компот. Вот и сейчас от него пахло какой-то зверской смесью водки, ацетона и, кажется, даже солярой – в общем, разлагающимся заживо человеком.

– На то и намекаю, о чём все молчат. Воевать надо лучше, а не языком молоть!

– А приказ чей? – ушёл от разговора Маслов, видно было, что он тут же готов увести своих людей и на подобные приказы ему, честно говоря, начхать.

– Генерал-полковника Косматого, – сообщил не без ехидства Севостьянихин, который воспринял просьбу Маслова как трусость.

– У меня своё начальство... – возразил было грузный Маслов.

– Где оно?.. В Москве?.. – ехидно спросил Севостьянихин и пошевелил своим длинным носом, что означало крайнюю степень недовольства. «Знаем мы эту Москву, – гово-

рил нос. – Днём пойдёшь и половины людей не доведёшь». – Прости за метафору, – сказал Севостьянихин.

Целую минуту подполковник Маслов соображал. На скалах у него ходили желваки. Потом он процедил, но так, словно сдавал позицию по всем направлениям:

– Ну смотри... под твою ответственность, май-ор... – и почему-то страшно разозлился.

Должно быть, уже пообещал своим вывести их отсюда, подумал Игорь, а здесь облом, вилы в бок. Не выгорело у подполковника. А ещё он подумал, что если они не удержат гостиницу, то подполковник Маслов будем первым, кто укажет пальцем на Севостьянихина как главную причину гибели, и формально будет прав.

Потом явились ещё двое с тем же самым: майор из Волгограда и капитан из Белгорода, правда, не такие наглые и, как ни странно, абсолютно трезвые. Севостьянихин как раз «сидел на рации». Он выслушал их, как сфинкс, и молча протянул трубку:

– Подтверждаю твои полномочия, майор, командуй группой и держи свой рубеж. А Ермаков сам выйдет на связь. Жив он, жив. И штаб жив. Только потери у него большие. Отобьётся и с тобой свяжется. А пока оттягивай боевиков на себя. Не давай им в городе закрепиться.

– Все слышали? – терпеливо спросил Севостьянихин. – Ну и отлично. Распределяйте людей по этажам. Мебель выкинуть к едрене-фене, а то сгорим, как Жанна д'Арк на ко-

стре. И стреляйте, а не отсиживайтесь, а то, понимаешь ли, привыкли на чужом горбу в рай!

Игорю Габелому было противно смотреть на майора и капитана. От стыда они покрылись красными пятнами. Только теперь до них дошло, что положение серьёзное и что это не шутка со стороны моджахедов, а самая что ни на есть настоящая война, которую за редким исключением большинство видели по телевизору да в кино. Вот они и заволновались, сообразили, что влипли по самое не хочу, и искали выхода. А выхода было два: или драться, или стать дезертиром, можно было ещё сдаться в плен на радость духам, но тогда им грозило остаться без голов в прямом смысле слова, тем более что духи засиделись за «стеной» и жаждали развлечений.

От «диких гусей» никто не явился. Будет полковник Примогенов да ещё начальник второго отдела ГУВД Ростова-на-Дону разговаривать с каким-то майором из спецназа. Много чести, должно быть, считают они. Эти явятся, когда уже совсем припечёт, чтобы потребовать своё, и брать будут глоткой, нахрапом.

– Надо готовить группу прорыва, – сказал Севостьянин. – Возьмёшь Котлярова и оперативников человек десять, и того снайпера с крыши тоже возьми, парень вроде толковый. В общем, будь готов. Я дам команду.

– Есть, быть готовым, – ответил Игорь.

– Ногинский вернулся?

– Нет ещё.

– Что-то он долго, – заволновался Севостьянихин, и нос его тоже заволновался и даже покраснел. – Если его до сих пор нет, значит, ни о каком прорыве и думать не стоит. Боевики тоже не дураки, заблокировали все дороги.

Штаб объединённой группы охраняла усиленная рота ОМОНа, он хорошо был приспособлен к обороне. Это мы здесь люди временные, от смены к смене, а там: три танка и пулемётные гнёзда, построенные капитально в скалах горы Бештау, думал Игорь. Но похоже, что именно туда боевики и нанесли главный удар.

Внезапно наступила тишина. Последняя мина взорвалась во дворе гостиниц, и как обрубило. Ещё в ушах стоял гул обстрела, когда перед гостиницей раздался голос:

– Э-э-эй! Выходи на переговоры!

Из-за сосны выглядывал коренастый рыжий человек с белой тряпкой на палке. Он размахивал ею, как будто семафорил:

– Выходи, поговорим!

– Я схожу, – сказал Игорь, снимая «бронник».

– А почему ты? – ревниво спросил майор Севостьянихин. – Ты мой заместитель.

– Я пойду, Андрей Павлович, – подмигнул ему Игорь. – Погляжу опытным глазом, что да как. Да и время надо потянуть. Вдруг узнаю, что со штабом.

– Так они тебе и скажут.

– Не скажут, так не скажут, а...

– А если это ловушка?! – чуть ли не ткнулся в него своим длинным носом Севостьянихин. – Если они тебя в плен хотят взять? Им же тоже «язык» нужен?

– Если бы да кабы, – ответил Игорь. – Ничего не случится.

– Стращать будут, – ещё пуще забеспокоился Севостьянихин, нос его побледнел и заострился, словно почуяв неладное.

Прямо не нос, а индикатор настроения какой-то, удивился Игорь:

– Пусть стращают, мы же тоже не пальцем деланные.

– Ну да, – охотно согласился Севостьянихин, – с этой точки зрения... не пальцем, согласен... – Он задумался над тем, что и так было очевидно. – Ладно... иди, – сказал он, – «бронник» только надень.

– Ну вот ещё, – ответил Игорь. – В нём я буду выглядеть полным идиотом, да и ты сам знаешь, что от снайперской пули он не спасёт.

Кроме всего, «бронник» лишал ловкости. Это тебе не экспериментальный с «жидкой» бронёй, это наш обычный «бронник» из керамики и стали, полпуда весом.

– Да, действительно, – согласился Севостьянихин, и нос его смешно задёргался. – Я на всякий случай прикажу взять рыжего на прицел. Если что-то почувствуешь, то почешу затылок или падай на землю, а мы тебя прикроем.

– Хорошо, – сказал Игорь, замечая краем глаза Божену.

Она стояла в двери той комнаты, в которой сделали лаза-

рет, и глаза у неё были тревожными. Подходить к ней на виду у всех было сентиментально и глупо, и он только махнул рукой, и, кажется, она поняла. Да и все остальные тоже поняли: роман у них, настоящий, без дураков, с настоящей любовью, а не цапки на дорогах.

Олег Вепрев сказал, кисло морщась, очень серьёзным тоном:

– Я с тобой. Прикрою накоротке. И вообще, может, вместе пойдём?..

Игорь так на него посмотрел, что Вепрев понял – шутка не удалась: несолидно это выходить вдвоём против одного. Да и цель в два раза больше. Глупо. Честно говоря, Олег из-за давней контузии порой был неадекватен. А переговоры надо было провести на высоком уровне, то есть без мордобоя и хамства. Игорь и сам умел махать руками, а устроить по негласным правилам спецназа мог кого хочешь. Выдержка были нужны и хитрость, а ещё самообладание, ну и наглость, разумеется. Без наглости никуда.

– Нет, рыжий один. И я буду один, – ответил он.

– Да! – крикнул вслед Севостьянихин. – И особенно с ним не церемоньтесь. Парламентёр хренов! Видали мы таких парламентёров.

– Есть не церемониться, – радостно отозвался Олег Вепрев и аж подпрыгнул.

Лысина его блестела от пота, глаза были весёлые, ухарские, и только ранняя седая щетина выдавала возраст. Если

у человека нет страха – это целая проблема. Игорь слышал, как о Вепреве говорили за глаза: «Капитан хоть и выглядит моложаво, но прошёл Чичу⁶, он сумасшедший, с ним лучше не связываться». А вечным капитаном он стал, потому что начальства не боится и может сказать правду-матку, только кому теперь эта правда-матка нужна при нынешних обстоятельствах, когда всё пошло вкривь и вкось, и армия рушилась как карточный домик, и один человек погоды не сделает, если даже расстарается ценой собственной жизни.

Они побежали, весело болтая, словно спешили в бар. Привыкли они к войне, к её неожиданностям и понимали, что её надо бояться только в тот момент, когда тебя ранят, а если внезапно убьют, тогда уже всё равно. А раньше времени умирать глупо, и пуля, которая визжит над ухом, не так страшна, как та, которую ты «словишь». В общем, всё было привычно и так, как и должно было быть, что вносило в их жизнь хоть какое-то ощущение стабильности.

– Ты главное, если что, гранату ему под ноги, – посоветовал Олег Вепрев. – Под ноги... А может, я пойду?... – спросил он с надеждой.

Игорь даже не счёл нужным ответить, он и сам продумывал разные варианты. Но ни один не выглядел достойно, а трусость или нерешительность – они заметны, и если он покажет эту самую трусость врагу, а потом ещё и принесёт её назад с собой, то все решат, что дело дрянь, и разбегутся, как

---

⁶ Чича – Чечня (жарг.).

куропатки, или плохо стрелять начнут, беречь себя, или, что хуже, – прятаться. А выигрывает тот, у кого дух сильнее. Это аксиома войны. Устоял в бою, значит, победил. Духи тоже боятся, им тоже жить хочется, у них тоже в жилах кровь течёт. К тому же время играет против них. Как-никак, с одной стороны русские, а с другой – американцы. Не смогут пиндосы вечно делать вид, что ничего не происходит, мир не поймёт. Хотя какой тот мир? С него станется. Рано или поздно начнут реагировать, как при открытии второго фронта. Обещанного, как известно, три года ждут. Всё равно, моджахеды так и так будут торопиться, и на этой торопливости надо сыграть. Не давать им уверенно чувствовать себя в городе.

Ресторан был разгромлен вчистую. В крыше административного корпуса зияли дыры. Бойцы прятались за колоннами и простенками, и поэтому потерь на первом этаже не было, за исключением легкораненых.

Внизу хозяйничал Герман Орлов.

– Ногинского не видел? – спросил Игорь.

– Лёха не появлялся. Я уже сам волнуюсь. Как бы чего не вышло.

– Сплюнь, – посоветовал Игорь.

– Да уже двадцать раз, – отмахнулся Герман Орлов. – А вы куда? – пробасил он. – На переговоры? И я с вами!

Под правым ухом у него запеклась корка крови. Он был перемазан гарью и копотью, но глаза у него сияли, он явно находился в своей стихии.

– Тебе нельзя, – безапелляционно ответил Олег Вепрев.

– Что значит – нельзя?! – возмутился Герман Орлов.

– Я говорю, нельзя!

– Ась? – дурашливо приложил ладонь в уху Герман Орлов. – Плохо слышу.

– Я говорю, тебе нельзя!

– Ёпст! Почему это?! – с вызовом спросил Герман Орлов и воинственно выпятил широченную грудь.

– Потому что ты дюже здоровый, – ответил Игорь. – Рыжий испугается и в штаны наложит.

– Эт-т... точно, – весело согласился Герман Орлов. – Ты только скажи, я выбью ему коленную чашечку! Не доверяю я дагам, – поведал он проникновенно. – Слушай, самое главное, встань так, чтобы тебя прикрывали деревья и кусты. А я пулемётом, как шатром, тебя прикрою. Самолично стрелять буду. Главное, чтобы снайпер из военного госпиталя тебя не видел. Так что не форси. Христом Богом прошу: за деревья не выходи, на поляну перед гостиницей не вздумай высываться. Хитрость в нашем деле самое главное, – наставлял он Габелого.

– Ладно... – снисходительно пообещал Игорь, – встану. – И выпрыгнул в окно.

Не любил он долгие разговоры, как и долгие проводы, ничего они не давали, только душу теребили. Так и с женщинами своими расставался, говорил «Нет» и уходил, потому что душа не принимала лжи.

Странно было видеть двор, который ты только что обстреливал сверху. Однако, кроме гильз, ничего не напоминало о бое. Разве что сбитые ветки сосны, попорченные стволы да кровавый след от того боевика, которого Игорь застрелил давеча. Утащили его свои, а как – никто не видел. Хитрые они. Должно быть, накидали дымовых шашек и вытащили.

– Ты кто?! – нагло спросил рыжий в «пуштунке».

На руке у него была синяя повязка – отличительный знак, чтобы свои узнавали в бою. На Игоря эта повязка, а особенно «пуштунка» действовали, как красная тряпка на быка. «Пуштунка» для него была символом врага, с «пуштункой» бились ещё в Афгане, хотя, конечно, он там не успел повоювать, но, разумеется, слышал много рассказов от бывалых людей.

– Заместитель командира отряда, – ответил Игорь, не выходя, однако, за левое крыло здания.

Рыжему пришлось сделать пару шагов навстречу, и его лицо с неуловимым налётом уголовника сделалось обиженным.

– А звание у тебя какое?

Он ел его своими наглыми глазами, но Игорю было всё равно. Он к таким взглядам давно привык и знал, что за ними ничего нет, кроме моджахедского апломба.

– Капитан.

– Майора прислать не могли?

У него была длинная шея и маленькая голова на ней.

– А зачем тебе майор?

– Я сам майор, – ответил рыжий со странным акцентом.

«Пуштунка» делала его неузнаваемым. Игорь вдруг понял, что он не кавказец, а скорее всего, свой, русский, принявший ислам. Точно, свой, сволочь, подумал Игорь, выгнали ещё при Трофимове, тогда полицию кошмарили. Слышал я о таких, но никогда не видел. А здесь сподобился чести разговаривать.

– А ты кто?

– Я из уральского спецназа, – сказал рыжий. – Алик Мухитдинов.

Не боится, решил Игорь, но учитывает, что за предательство могут спросить, поэтому и нервничает.

– Врёшь, – сказал он. – Я там служил, тебя не видел.

Конечно, ни в каком уральском спецназе он не служил, но спуска Мухитдинову давать не хотел. Он давно уже заметил, что духи большие мастаки на враньё, чтобы казаться значимее. Не было за ними такой силы, как Россия, не на что им было опереться, разве что на гулькин нос размером с Имарат Кавказ, да и тот ещё не устоялся, пни, и он развалится.

Рыжий засмеялся:

– Э-э-э... не веришь?

– Не верю.

Игорь заметил, как из-за здания первого источника, где предположительно находились миномёты, выглядывают духи, а ещё справа три духа воспользовались передышкой и сделали перебежку в сторону двухэтажного здания, которое

стояло за дорогой. Ничего у вас не получится, решил он, спешите вы, а спешка нужна только при ловле блох.

– А придётся, – поведаль рыжий. – Мы сейчас устанавливаем пару безоткатных орудий, и считай, через полчаса развалим вашу гостиницу с помощью Аллаха!

– Что же вы раньше их не притащили?

– Время нужно, – с хитрым прищуром ответил рыжий.

Опять врётся, подумал Игорь. Прошло часа полтора. За это время можно было гаубицу притарабанить. Если бы у вас был такой козырь, вы бы давно его выложили. Не могут моджахеды ждать, нет времени у них. А так, похоже, что наши перекрыли дыру-то, и подкрепления вам не придут. Поэтому вы и засуетились, уговорить решили. Точно, обрадовался он. Заткнули дыру, только молчат наши до поры до времени. Может, не могут сообщить, а может, бои тяжёлые. Вот куда все силы брошены.

– Штаб ваш захватили, – важно сказал рыжий. – Слышишь, как тихо.

Действительно, в наступившей тишине слышно было, как по-весеннему весело шумит вдалеке горная речка Подкумок.

– Ну и что вы хотите? – спросил Игорь, чтобы только не слышать эту подозрительную тишину.

– Сдавайтесь. Безопасность гарантируем, и проход на Будённовск, пока он ещё не захвачен, – рыжий ослабил и попытался скрыть свою неуверенность. Пел он с чужих слов,

а думал по-другому, потому что знал, с кем столкнулся: с бывшими соотечественниками, а эти так просто не уступают, вот и не было в его словах уверенности, и говорил он больше для проформы, пробовал взять на испуг. Нужен был ему этот испуг, очень нужен. Гостиница для них, как кость в горле, понял Игорь, потому что из-за гостиницы они не могут идти дальше.

– О-о-о... – неподдельно удивился Игорь. – Плохи ваши дела? Плохи?! – догадался он. – Обосрались вы. Влезли в говно по уши и не знаете, как ноги унести.

Но рыжий словно не услышал его, а только схватился за кинжал, который торчал у него за поясом, и пальцы его побелели:

– Забирайте личное оружие и уходите! Зачем вам этот город? Он будет нашим. Сами не хотите отдавать, мы заберём силой! А отсюда пойдём на Москву!

А-а-а... вот зачем они пришли, понял Игорь. С собой-то много не утащишь, а в гостинице какой-никакой, а склад имеется. Получилось так, что все командированные оставляли вооружение именно здесь. Вот и скопились приличные запасы стрелкового оружия, только миномётов не было. Все миномёты остались на позициях.

– А «большой договор»? – с любопытством напомнил Игорь. – Вы же сами его подписали.

– Слушай, лично я ничего не подписывал, и мои джигиты – тоже. А то, что вы там надумали с вашей Америкой, – это

ваше личное дело. Мы этот договор не признаём. Нам нужны все земли от Чёрного моря до Каспия и от Ростова-на-Дону до Астрахани.

– Зачем тебе Ростов-на-Дону? – спросил Игорь. – Зубы сломаешь.

– Э-э-э... не понимаешь... – чуть успокоился рыжий, – слушай, это тебе не надо, а мне пригодится. Америка снова поможет. Она хоть большая и глупая, но она наша.

– Ты же её не любишь?

– Почему не люблю? Люблю. Америка – хорошо. Помогла с вами, неверными, справиться. Русский совсем больной стал. Аллах поможет – больше захватим. А «стена» пусть стоит. Она нам не помеха. Мы потом сюда экскурсии будем водить, европейцам показывать, какую они «стену» возвели и какие мы великие прошли сквозь неё. Мира мы не хотим. Мы воевать хотим во имя всевышнего и пострадать за него.

Понял?

– Понял.

– Ну так что?! – спросил рыжий с тайной надеждой, что напугал Игоря Габелого.

– Подумать надо, – ответил Игорь. – Я доложу начальству.

– Э-э-э... Хитрым хочешь стать? Ладно, думайте пятнадцать минут, а потом мы из вас душу будем вынимать, – засмеялся рыжий.

– Смотри, как бы твою не вынули, – ответил Игорь и запрыгнул в окно.

– Что он хотел? – налетел на него громогласный Герман Орлов, а за ним Олег Вепрев и Лёва Аргаткин с возмущенными лицами.

Лёва Аргаткин давно уже оправился и деловито шмыгал разбитым носом.

– Что он может от нас хотеть? – ответил Игорь. – Ну-ка дай!.. – он взял у Германа Орлова огнемёт «шмель-м», которым при сноровке можно было пользоваться в помещении, не опасаясь быть травмированным ударной волной, прицелился в среднее нижнее окно домика, в который перебежали трое боевиков, и одним выстрелом развалил его от фундамента до крыши. – Вот это наш ответ! – сказал он, бросая трубу на пол. – И пошли они все в задницу!

– Правильно! – радостно заорал Герман Орлов. – Гы-гы-гы!!!

Пока Игорь докладывал Севостьянихину о результатах переговоров, пока они судили и рядили над картой, где могут быть установлены те безоткатные орудия, весть об ультиматуме боевиков разнеслась по гостинице, как огонь. Явились сразу все во главе с командиром «диких гусей» полковником Примогеновым, от которого сильно пахло коньяком.

– Ты знаешь, кто я?! – сразу с места в карьер загремел он. – Знаешь? Я тебя засужу, если хотя бы один человек из моей команды будет ранен, если хоть одна царапина...

– Чего ты хочешь, полковник?! – грубо спросил Севостьянихин. – Вы на войне, а не в песочнице играетесь. Надо упе-

реться рогом, и баста!

– Мы намерены уйти в Будённовск! – заявил полковник. – Ты дашь нам один БТР, и мы свалим. А вы воюйте хоть до усрачки!

– И мы тоже уйдём, – вторили ему потный Маслов, майор из Волгограда, и капитан из Белгорода. – Если есть возможность, почему бы не уйти?!

– А кто вас там ждёт? – хитро спросил Севостьянихин. – Дорога наверняка перерезана.

– Не надо нас дурить. Мы пройдем! – кричали они неразумно, как дети, трусливо прислушиваясь к звукам снаружи, словно боевики уже начали обстрел из безоткатных орудий. Боятся, понял Игорь. «Да и я тоже боюсь. Только выходить из-под защиты стен глупо, перебьют в два счёта».

Словно в подтверждение застрочил пулемёт, и пули с визгом ударили в стены. Все невольно пригнулись, а капитан из Белгорода даже юркнул за угол, но быстро вернулся и сделал вид, что это не он обмишурился, а кто-то другой.

– Зачем, зачем тебе, майор, неприятности на седалищный нерв? Нас восемьдесят пять человек. С такой силой можно никого не бояться.

– Думаешь, с вами все пойдут? – с любопытством спросил Севостьянихин.

Ему было интересно, насколько глубоко падёт полковник Примогенов в своём стремлении пасть ещё глубже. Водились за Примогеновым грешки: пытался он за спиной Севостья-

нихина вести договорную политику с моджахедами. Поймал его один раз Севостьянихин на том, что он брал с контрабандистов откупные, доложил куда следует. Но даже это не помогло. Видно, хорошо сидел в Москве полковник Примогенов, кормился кто-то с его потных ручек. Не убрали Примогенова, только хуже сделали: вывели из-под команды Севостьянихина. И тот, конечно, разошёлся на всю катушку.

Примогенов ничего не ответил, он только болезненно поморщился. Видно было, что его мало волнуют доводы майора, главное, вырваться, а там трава не расти.

– Ни один дурак с вами не пойдёт! – выпалил Герман Орлов.

– Ты, слышишь, прапорщик, пошёл ты на хер! – распалился полковник Примогенов. – Почему в отряде дисциплины нет?! – заорал он на Севостьянихина.

– А кто будет защищать город?! – точно так же, на повышенных тонах спросил Севостьянихин. – Кто?!

– Чихать нам на город! – кричал, ещё более распаляясь, полковник Примогенов. – Лично я сюда не воевать приехал.

– За наградами! – выкрикнул Герман Орлов, но его уже оттеснили подальше в угол. – Такие, как ты, за тыщонку Родину продали! – кричал он. – Думаешь, я ваше «болото» забыл. Продались американцам, ёпст, вашу мать за ногу! Ёпст! Армию размазали, страну развалили! Ёпст! Теперь свалить хочешь, ёпст! Крыса тыловая! Я таких, ёпст, каблуком давил!

– Что?! Кто?! – теряя лицо, багровел Примогенов.

Но на него никто не обращал внимания, хотя с обеих сторон подвалило народа. Правда, Игорь заметил, что рядовые бойцы за спинами своих начальников выглядят не так самоуверенно, а разглагольствование о городе, на который начхать, им вообще не понравилось. В общем, нормальные в полиции были ребята, свои в доску, не обученные, не умеющие воевать, но честные ребята, славяне, одним словом. Некоторые из них отошли прочь, предоставив начальству самостоятельно вымазываться в дерьме.

– И что будем делать? – ехидно спросил Севостьянихин, и его гениальный нос возмущённо раздул ноздри.

– Наше дело «стену» охранять! – кричал полковник Примогенов. – А умирать из-за ваших дурацких принципов мы не желаем!

Все те начальники, которые стояли за его широкой спиной, загудели, одобряя поведение своего начальника.

– Я уже давно заметил, полковник, – сказал Севостьянихин, – что все твои разговоры сводятся к пенсии, покеру и к домику в деревне. Думаешь, я не знаю, что ты на меня доносы строчил в штаб? Только покомандовать тебе не дали.

– Ты меня на понт не бери! – ещё больше побагровел полковник Примогенов. – Видал я таких!

– Ёпст! – снова возмущённо заорал Герман Орлов, вырываясь из объятий, как угорь из сети, и попёр, и попёр, словно крейсер на мирных испытаниях. – Едрить тебя в маковку!

Коленную чашечку выбью, сука кабацкая!

– Тихо! – оборвал всех Севостьянихин, которому быстро надоел разговор. – БТР вы не получите! Это первое, а второе – тот, кто выйдет за пределы здания, схлопочет пулю в затылок. Все слышали?!

– Ну ты за это ответишь! – кричал полковник Примогенов, хватаясь за автомат.

Но его обезоружили быстрее, чем он успел произнести: «Ой, мамочки!» И всех остальных тоже уложили мордами в пыль, в грязь и пригрозили тут же шлепнуть.

– Да жалко руки марать! – сказал Игорь.

А Герман Орлов одобрительно прогудел:

– Правильно, командир, правильно. Я бы такое начальство в проруби топил, да всё равно вонять будет. А сговариваться да пропускать боевиков бессмысленно – они теперь в другой стране живут, они как бы напали вероломно, как фашисты, так что должны получить за свои шалости. Гы-гы-гы!!!

Игорь был странно удивлён его умными речами, никогда ещё Герман Орлов не рассуждал так здраво, а главное – с таким смыслом, что все безоговорочно с ним согласились. Умным оказался Герман Орлов, очень умным.

Глава 2

Командировка

Вначале телефон гудел, как трансформатор, потом заиграла «Гудбай, Америка», и только потом, когда уже последние звуки таяли в воздухе, он протянул руку и щёлкнул крышкой телефона, в спешке даже не взглянув, кто звонит. Кто ещё, кроме Лёхи Котова, среди ночи?! – решил он с досады. Только Лёха имеет такие дурные привычки трезвонить ни свет ни заря, только он невоспитан до отвращения к самому себе, только он может начать разговор с фразы: «Прости меня, полного, неизлечимого, хронического идиота! Но именно он сейчас хочет поговорить с тобой!» И долго, и радостно ржать в трубку, как пятнадцатилетний инфантил или как верный Санчо Панса. Однако на этот раз Феликс ошибся. «Спокойно, Бонифаций, спокойно» – погладил себя он по груди, ибо был удивлён.

– Спишь, Родионов? – Узнал он голос Александра Павловича Соломки, главного редактора, своего непосредственного начальника и пренеприятнейшего типа: высокого, сухого, как стручок, белёсого вплоть до ресниц и вдобавок ещё и обладателя глухого, сиплого тенора, который, чтобы расслышать, надо было неизменно напрягаться. Но как говорится, начальство не выбирают. Оно, как родина – или есть, или

нет. Александр Павлович всегда говорил монотонно, как допотопный фонограф, без пауз и восклицаний, словно нарочно, прикрывая рот рукой. Понимай его, как хочешь. В общем, что-то у него было от синдрома Альцгеймера, повёрнутого ко всему прочему не на тот градус. Но тот, кто ошибался на этот счёт, через некоторое время понимал, что палец в рот Александру Павловичу не клади и не зевай на поворотах, ибо Александр Павлович был склонен к провокациям и мелким пакостям по службе, как то: сталкивание сотрудников лбами, тонкое издевательство над подчинёнными и доносительство начальству. В общем, полный букет Абхазии, соцветие Сухуми и фимиамы Гагры.

Феликс вспомнил, что, когда только начинал карьеру в газете, Александр Павлович Соломка всячески подстрекал его на то, чтобы он подсиживал Борьку Смирнова – начальника отдела новостей, который, кстати сказать, потом стал приятелем Феликса, и теперь они часто пили пиво и на Ильинке, и на Полянке, и на Тверской, и на Якиманке, и ещё бог знает где. Была в Александре Павловиче такая подленькая черта, за которую в приличном обществе морду бьют, и бьют сильно. Но, видно, в детстве и юности его мало учили во дворе: «Эй, шнурок, принеси мяч!» А ещё Феликс не любил в нём вечные нотации. Вот и сейчас Александр Павлович безмятежно, словно рассевшийся Шолохов на Гоголевском бульваре, продолжил:

– А между прочим, в мире происходят события государ-

ственного масштаба, и наш долг донести их до общественности, а то, понимаешь, всё на кризис списывают... а о работе не думают.

Он так и сказал почти помпезно: «События государственного масштаба». А на что он намекал – Феликс не знал и знать не хотел, это было личным делом Александра Павловича, его фантазиями, ибо фантазии главного чаще всего были необузданными и дикими, как всё в этой стране, пропахшей нафталином и серой. С недавнего прошлого Феликс вообще перестал обращать внимание на игру слов главного и уже не искал в них потаённого смысла. Не было там никакого смысла – одно фанфаронство и звенящая пустота. Витал Александр Павлович Соломка в облаках, а не твёрдо порепортёрски ходил по земле, хотя и не пересекал черту, за которой начинается откровенное сумасшествие, но всё шло к этому. Его монотонные сентенции Феликс выслушивал по двадцать раз в день, и они у него уже в зубах завязли, потому что Александр Павлович Соломка хотя кровью и потом и выбился из первой волны посткризисных журналистов, но так и не научился красиво жить и радоваться жизни и свободе. Как известно, мировой кризис имеет особенность возвращаться и проделывал это не единожды. Последнее десятилетие – особенно часто и особенно почему-то в России. Так что все пребывали в состоянии перманентного ожидания развала карточного домика. Женщины Александра Павловича не интересовали, по барам теперь свободно не находишься, а

на что-то большее он просто не был способен. Страсти не хватало. И вообще внутри у Александра Павловича Соломки залита холодная оконная замазка, а не человеческие чувства. Пропустить своё время – это тоже надо уметь. Но зато в редакции он ощущал себя на коне, этот Александр Павлович – нытик, безбожник и импотент. Про себя Феликс называл его Рыбой. Впрочем, если бы не «новая свобода» после трофимовского феодализма и заржавевшего поколения, то сгинул бы Александр Павлович в пучине времени, как до него сгинули многие. А «новая свобода» на то она и «новая», чтобы дать ему шанс, и он им великолепно воспользовался. Рулил теперь «Единогласием», как ему заблагорассудится, тем более на зарубежные деньги, и в ус не дул. Разумеется, он много не хапал, но кое-что, несомненно, прилипало к его потным лапкам. Впрочем, меня это мало касается, думал Феликс, каждому своё, но до поры до времени, разумеется.

– Я вас слушаю, Александр Павлович, – ледяным тоном произнёс он, чтобы только перевести разговор в деловое русло.

Мало того, что разбудил меня среди ночи, подумал Феликс с раздражением, так ещё отчитывает без повода, как мальчишку. Единственное, чего мне хочется в эту ночь – так это забраться в холодильник, где стоит бутылка «Невского», припасённая на утро. Вчера мы с Лёхой в ресторане «Над Москвой-рекой» перебрали: джина, водки и шампанского, но зато было весело. И девушки тоже были весёлые, только я

не знаю, какие и куда они потом делись, с трудом припомнил Феликс. Просто в какой-то момент они пропали, и всё, а может, я отключился? Нехорошо отключаться в твоём возрасте, думал он, плохо. Надо контролировать себя. Год пить не буду, дал он себе слово, нет, два года. Да, два года, твёрдо решил он, этого вполне достаточно.

– Вот я и хочу тебе сообщить, что наш долг... – завёл старую пластинку главный.

– Александр Павлович, о долге вы уже сообщали, – перебил его Феликс. – Говорите, куда ехать и что делать, – сдался он, хотя имел полное моральное право отказаться под любым благовидным предлогом, ибо было раннее утро воскресенья и жизнь катилась совершенно в другую сторону.

– Ну да... разумеется... куда бы вы без меня делись... – все тем же бесстрастным голосом посетовал Александр Павлович. – В общем, так, записывай: в Минеральных Водах тебя ждёт машина, стоит в стойле нашего филиала, заправленная под завязку.

– Зачем мне машина?... – удивился Феликс, ещё плохо соображая, что главный просто так не звонит с полночи.

– Ты что, телевизор не смотришь?

– Сейчас ночь, – мрачно напомнил Феликс и красноречия ради шмыгнул носом.

– Не ночь, а пять часов утра, – менторским тоном уточнил Александр Павлович.

– Знаю, – ответил Феликс, садясь в постели и потягиваясь

до звона в мышцах. – На часы гляжу.

– Если бы ты посмотрел новости, то не задавал бы дурацких вопросов. На Кавказе созревает заварушка. Моджахеды жаждут освободить Россию.

– Когда? – наконец сообразил Феликс.

Освободить, это хорошо, подумал он. Это прекрасно! Полная абсолютная свобода! Будет, о чём написать.

– Через три дня, в ночь на двадцать пятое.

Ого, какая точность, удивился Феликс и деликатно напомнил, чтобы начальство не расслаблялось:

– Это не телефонный разговор.

– Не волнуйся, теперь никого ничего не волнует.

Феликс понял, что Александр Павлович намекает на полную лояльность сил безопасности, которую перетрясли десятый раз, как мешок с отрубями. Выкинули оттуда всех паршивцев и поставили кого нужно. Даже если нас подслушивают, то это никого не волнует, понял Феликс. Продолжается большая игра. Кому надо, знают, что армию сливают любой ценой – этот дряхлеющий оплот трофимовщины. Зачем нам армия, если мы делаем ставку на Америку? Пусть ЦРУ старается и Шестой флот США. Однако даже самый последний журналист понимает, что в открытую нельзя – народ не поймёт, получится «болотная» наоборот, не дай бог, конечно. Нельзя взять и развалить армию вне логики, а только с умом. К народу надо прислушиваться – это азы политологии. Всего-то требуется отрубить последнюю голову, как Лерней-

ской гидре. Вот и надо сделать так, чтобы армия оплошала по всем статьям, тогда и наступит абсолютная «новая свобода», тогда я получу место начальника «военного отдела» и буду гонять по всему свету, с тихим восхищением думал Феликс, ох, и жизнь начнётся, предался он мечтам: девочки, вечеринки, большие люди, но пока придётся вкалывать до седьмого пота на родной ниве. Место начальника «военного отдела» ему было обещано давным-давно, практически как только он попал в газету, он считал его своим и сросся с ним позвоночником. Ясно, что решение принимается не местным руководством, а за океаном. «Везде должны быть наши люди», – говорил мистер Билл Чишолм, куратор и наставник Феликса. Умнее человека Феликс не встречал. Мистер Билл Чишолм умел так всё разложить по полочкам, что жизнь представлялась ясной и простой до умопомрачения. Легко было работать с мистером Биллом Чишолмом, так легко, что Феликс испытывал к нему сыновние чувства. К родному отцу не испытывал таких чувств, разве что только в глубоком детстве, а здесь словно прорвало. И выпить мог мистер Билл Чишолм, и поболтать на разные темы, и даже мягко наставить на путь истинный, весьма в скромных рамках, разумеется, не говоря уже, что вводил Феликса в самые различные журналистские круги Нью-Йорка и Вашингтона. Очень умный мужик, думал Феликс с благодарностью, очень даже умный, за исключением одного недостатка. Феликс один раз видел, как мистер Билл Чишолм своими руками, поросшими коротки-

ми рыжими волосами, едва не задушил человека, задавшего ему нелюбезный вопрос. Так вот, в тот момент у мистера Билла Чишолма были ужасные, даже не просто ужасные, а смертельно ужасные глаза – буравящие, яростные и неукротимые, как у одержимого. Если бы не Феликс, мистер Билл Чишолм убил бы того несчастного репортёра. С тех пор Феликс в глубине души побаивался мистера Билла Чишолма. Пытался он забыть его глаза, но не мог, то было выше его и засело, как заноза, в подкорке, пытался он выдернуть ту занозу, да не мог. Не по силам ему было, и ему часто казалось, что волосатые руки мистера Билла Чишолма смыкаются на его шее. Крайне неприятное ощущение.

– Согласен, но предосторожности ради... – сказал Феликс, отбрасывая неприятные воспоминания, как использованную салфетку.

Всё-таки гордость у меня есть, думал он, считая, что «старички», как ни странно, и мистер Билл Чишолм в том числе, в своём стремлении к «новой свободе» действуют слишком прямолинейно и очень даже могут перегнуть палку. Хитрее надо и осторожнее, а то палка сломается. Ясно, что им не терпится закрепить успех на веки вечные. Хорошо, что в обществе сейчас эйфория от этой самой «новой свободы». А потом? «А потом – суп с котом», – говорил он сам себе. Ещё одна революция? В России слишком много революций. Такая страна, ничего не поделаешь. А это плохо. Пожалуй, надо остановиться и подумать. Он понимал, что мысли его более

чем крамольные для мистера Билла Чишолма и абсолютно не в духе времени. Получалось: ты своего достиг, а остальные – как получится. Недемократично, зато в русле времени.

Разумеется, он ни с кем не делился подобными мыслями, разве что с Лёхой. Но Лёха был в доску своим и абсолютно аполитичным, что было весьма и весьма редким явлением, но ценилось «старшим братом». Поэтому Лёха Котов и служил в газете «Единогласие», не будучи ни под чьим колпаком. То, что колпак существует, Феликс даже не сомневался. Кто же пустит на самотёк такую отлаженную машину, как пресса. Даже в советские времена никто не позволял себе такой вольности. Поэтому все эти разговоры о демократии Феликс считал не более чем лицемерием по отношению к наивной публике. И эту наивность в ней надо подпитывать, думал он, дуракам закон не писан, а то моё светлое будущее не состоится.

– Ты что, меня учить будешь? – чуть изменил голос Александр Павлович.

– Нет, – уступил Феликс, полагая, что на этот раз начальство умнее его.

– Поезжай. Ты прекрасно знаешь, что нужно сделать.

– Знаю, – ответил Феликс. – Как обычно, гвоздь программы.

Незаметно для самого себя он принялся грызть сгиб большого пальца. Он всегда так делал, когда попадал в затруднительное положение. Конкретно, сейчас это затруднитель-

ное положение выразалось в больной голове и слабости во всём теле. Хотелось завалиться в постель поспать ещё минут шестьсот.

– Ну и ладушки, – обрадовался Александр Павлович. – Инструкции я тебе сбросил по почте. Это как раз по твоей части.

– А почему так рано, – удивился Феликс, – целых три дня?

– Целесообразней, – туманно пояснил Александр Павлович.

Странно, удивился Феликс, грызя костяшку пальца, такой спешки ещё не бывало. Неужели Соломка что-то заподозрил и провоцирует меня, подумал он вдруг и заволновался, чего за собой никогда не наблюдал. Нет, не может быть, ведь это же игра. Во-первых, я ни разу нигде не прокололся, а во-вторых, веду себя, как целомудренная девица, в-третьих, не возбуждаю ничьей зависти. Просто я нервничаю, решил он, и, отбросив эту мысль, как прах с ног, поинтересовался:

– Заварушка, от которой вздрогнет мир?.. – бодро сказал он в телефон.

– Что-то вроде этого, – согласился Александр Павлович. – Хорошая фраза для передовицы. Я всегда знал, что ты профессионал даже в три часа ночи. Далек пойдёшь!

– Спасибо... – сказал польщенный Феликс. Всё-таки умеет начальник когда и где надо поджечь порох. Неплохой мужик Александр Павлович. Совсем даже неплохой, стану начальником отдела, буду с ним на равных виски пить, тогда

он не посмеет будить меня ни свет ни заря и учить жизни.

В спальню падал тусклый свет фонарей, колыхалась штора, и сквозь открытое окно был слышим вечный шум вечного города. Кризис кризисом, а машины мчатся по-прежнему и по-прежнему не дают уснуть. Интересно, где все берут бензин? Мне положено по долгу службы, тихо радовался он, за меня платит фирма, а остальным? Неужели жгут свои клапана «самопалом». Самопальным бензином называли всю ту муть, которую продавали умельцы по обочинам дорог и которой можно заправлять разве что тракторы или ездить до тех пор, пока не застучит движок. И тогда прости-прощай, любимая техника. А по нынешним временам – это дорогое удовольствие, не для простого смертного.

Рядом под одеялом кто-то шевельнулся, обозначая голое плечо и золотистые локоны. Феликс вытаращил глаза. «Спокойно, Бонифаций, спокойно», – прошептал он, заикаясь.

Если фразу, почерпнутую из какой-то проходящей статьи, он запомнил и даже повторял раз десять на дню, то где подобрал девицу, хоть убей, не знал. Вот, бя, неприязненно по отношению к самому себе подумал он, видать, вчера я был хорош. Вообще-то девиц из баров и ресторанов я не цепляю, не в моих правилах. Последнее время он стал снобом, чуть-чуть брезгливым и чурался случайных знакомств, предпочитая старых приятельниц, надёжных и безотказных, как советские броневики. Но эта девица не из моего стойла, присмотрелся он. Точно, не из моего. Я её не знаю.

– Вот именно, заварушка на весь мир, – мерно, как асфальтовый каток, продолжал Александр Павлович. – Неплохая находка. Где взял?

«Где-где? – мимоходом думал Феликс, выскакивая из постели, как из проруби. – В Караганде». Но, разумеется, не произнёс вслух. К чему дразнить гусей, хотя с некоторого времени его так и подмывало ответить грубостью на грубость. Он вообще удивлялся, как долго терпит Александра Павловича и как тот так долго сидит в главных. Видать, онпил водку с кем-то повыше меня, рассуждал Феликс, и хотя задирали сотрудников в своей иезуитской манере и всем порядочно надоел, его не выгоняли и даже ко всеобщему огорчению не понижали, ему даже не ставили на вид за его фокусы, и он, разумеется, не знал удержу. Бывает же такое счастье – человек не знает своего горя. А всё потому, что лижет зад очень высокому начальству. Хотя мне-то что? Это же он лижет, а не я.

– Как насчет сверхурочных?.. – спросил Феликс, обходя необъятную, как поле, кровать и не отрывая восторженного взгляда от девицы.

Пятки у неё были похожи на пороссячьи пяточки – розовые, крепкие и задиристые. «Вот это да-а-а...» – подумал он, и девица вроде ничего, судя по курносому носику, даже симпатичная. Но он зря отвлёкся, потому что за всё надо расплачиваться, и за удовольствие – тоже.

– Опять ты за старое? – услышал он противный голос Со-

ломки. – Сколько раз можно говорить...

– Ну а как же?.. – перебил он его, надеясь, что начальство всегда должно быть умнее подчинённых. – Вы, Александр Павлович, извиняюсь, вытаскиваете меня из постели в три часа ночи...

– Не в три, а в пять, – уточнил Александр Павлович безапелляционным тоном.

Похоже, ему было глубоко наплевать на это обстоятельство.

– У нас что, отменили трудовое законодательство, – зло полюбопытствовал Феликс, – или профсоюзы?.. Сегодня, между прочим, воскресенье.

– Нет, конечно... – признался Александр Павлович так, словно во всём был виноват исключительно один Феликс. – Но...

Хотя за окнами кризис был в полном разгаре, законов ещё не отрицали – их тихо игнорировали, кто хотел и как хотел. Выгнать с работы Феликса никто не мог, даже если бы очень и очень возжелал, потому что он был из касты неприкасаемых. Его работу курировали, он только догадывался, кто именно – учредители из Лэнгли⁷ и лично мистер Билл Чишолм. Пока я делаю всё правильно, меня не дёргают, думал он, а правильно я делаю всегда по определению. Таков «принцип благополучия». Чтобы его соблюсти, надо совсем немного: надо правильно ориентироваться в «новой свобо-

---

⁷ Лэнгли – штаб-квартира ЦРУ.

де». Для этого достаточно Александра Павловича, а уж это я как-нибудь обедаю вокруг пальца.

Предположим, думал Феликс, учредители снимут Соломку, пришлют нового, возможно, ещё более худшего дурака, хотя куда уже хуже. Будет лезть из кожи вон, соваться во все дырки, бизнес мой испортит. Пока сработаемся, пока то да сё. Ещё неизвестно, как новая метла пометёт. А Соломку, если озверееет, можно прижать и другими способами, например в подъезде собственного дома. Но это запасной вариант, о котором лучше не думать, а спрятать в самый дальний уголок памяти. С другой стороны, стукачество в компании не поощрялось, хотя тот же самый Соломка имел подобный контингент, например Глеба Исакова. Впрочем, стучать можно только на тех, кто ниже уровня главного редактора. А так как Соломка демагог и любил красоваться, то и набор фраз у него, как у граммофонной пластинки, строго регламентирован. Мало того, он любит выражаться штампами. Как только кто-то из сотрудников газеты, а особенно Глеб Исаков, начинал говорить голосом Александра Павловича Соломки, становилось ясно, что этот человек из его команды. В обойме Александра Павловича были как женщины, так и мужчины, и судьба их складывалась по-разному: кому-то очень везло, и он, как в масле сыр катался, кому-то – нет, и он перебивался мелкими репортажами, мучаясь на безденежье. Но Феликса это волновало меньше всего. Он находился как бы над битвой, даже над тем же самым Александром

Павловичем, и подозревал, что в корпорации ещё есть такие же люди. Всё началось, когда Феликс Родионов учился и стажировался в Англии в тех же самых таблоидах: к нему приглядывались, должно быть, люди из политической разведки. Всех карт ему, конечно, не открывали, но он и сам догадывался. Ненавязчиво, в ресторане или на корпоративной вечеринке. Две-три фразы там, здесь, например, как я, например, отношусь к книге Джина Шарпа⁸, почившего недавно в бозе, или к патриарху американской политологии Збигневу Бжезинскому, тоже готовился отойти в мир иной. Хорошо отношусь. Улыбка красавицы, подаренная авансом. Но уже тогда Феликс понимал, что к чему, и наёмные красавицы его не интересовали. Сейчас это не компромат, а лет через пятнадцать, когда я стану большим и толстым боссом, ко мне придут с этими самыми фотографиями. Надо быть дураком, чтобы лезть в ловушку, даже если она никогда не сработает, но чем чёрт не шутит. Человек, который хочет сделать журналистскую карьеру, должен быть чертовски умён и сверхосторожен. Стандартных двухходовок он избежал, поэтому его стали прощупывать насчёт принципов. В основном этих людей интересовали его взгляды на общественно-политический строй России. А так как Феликс Родионов родился и вырос в те времена, когда критиковать правительство и президента было весьма и весьма модным, инет ещё не утратил

---

⁸ Джин Шарп – американский общественный деятель, автор книги «От диктатуры к демократии» и пропагандист цветных революций.

своей новизны, а блогеры моментально становились кумирами толпы, то Феликс имел соответствующие взгляды: всё сломать и возродить заново, на почве «новой свободы». Он долго упивался «революцией». Возводил её в высший ранг благочестия. Презирал всех тех, которые ничего не поняли, за копошение и тупость. У него появился «принцип благополучия», чтобы его соблюсти, надо было делать всё, как положено. Его порой удивляло, что его мысли совпадают с мнением мистера Билла Чишолма, всё-таки мистер Билл Чишолм был большим человеком, годящимся ему в отцы. Должно быть, Феликс выглядел по-юношески максималистом, иногда глуповатым, иногда наивным, зато искренним. Это ощущение шло у него изнутри, но объяснить его он не мог, поэтому речи Нагульного его даже не волновали, а возбуждали. Он восхищался его напором и целеустремленностью, замешенными на сумасшествии. Русский Че! Позже ему цинично объяснили, что Нагульный – это всего лишь фигура времени, психопат, но нужный психопат, наш психопат, достойный психопат, исключительно ценный психопат, однако побочный продукт времени. Такие нервные люди в политике не приживаются, слишком много врагов они наживают. Когда Нагульный своё отработал и надобность в нём отпала, его заменили доброхотами, которым даже деньги платить не надо. «Ау! Нагульный и тебе подобные, где вы?» На смену пришла армия борзописцев. Разумеется, они были встроены в систему, а как же иначе. Отныне погоду делают совсем дру-

гие люди в средствах массовой информации – тихие и незаметные властители умов, и Феликс Родионов причислял себя к их числу, можно сказать, избранных, осененных дланью свыше. Такова была мода на обустройство общества. мода, которую нежно взращивали и корректировали. Целая наука. А о том, что за всем этим стоят США, ЦРУ и другие мира сильного сего, Феликс старался не думать и не верил, хотя бы приличия ради и ради суверенитета страны, в которой жил. Какая-то гордость должна у нас остаться, порой думал он. Не полные же мы идиоты. Когда мы станем абсолютно своими в западном мире, все эти шероховатости исчезнут сами собой, утешал он себя, и не надо будет ни о чём ломать голову и испытывать комплекс неполноценности. Волшебные слова «новая свобода» до сих пор пьянили его. Ну а когда отменили закон «об иностранных агентах» и таким образом ликвидировали все препоны и разрешили работать зарубежным СМИ, общественным организациям, различным фондам, ассоциациям и союзам, существующим на зарубежные деньги, то дела вообще пошли на ура. Такие корпорации, как «Единогласие», получили неограниченные возможности влиять на души читателей. И Феликс Родионов понял, что пришёл его звёздный час.

С некоторых времён он чувствовал себя незаменимым. Что бы там ни говорили, а ему льстило, что Соломка звонит посреди ночи не кому-нибудь, не подхалиму Глебу Исакову, своему любимчику и жополизу, а именно ему – жесткому и

прагматичному Феликсу Родионову, несомненно, имеющему репортерскую хватку. Хотя и следовало его послать сразу же, как только я раскусил его гнилую сущность, но успеется, потерплю еще, думал Феликс, правда, последнее время меня так и подмывает огрызнуться, но с главного станется, он и мертвого заговорит до смерти. Посему неизвестно, где найдёшь, а где потеряешь. Спасибо за науку. А подсижу я не кого-нибудь, а именно тебя, дорогой Александр Павлович, а как, пока ещё не знаю.

Глеб Исаков – его извечный оппонент и враг. Человек, который переплюнул его во всех отношениях, человек без принципов, чести и совести, вот на кого я не хотел бы походить, с содроганием думал Феликс. Он уже давно догадывался, что учредители специально подбирали пару: плохой – хороший журналист, подхалим – трудяга, а потом их меняли местами, чтобы они не забывали, из чьих рук кормятся, чтобы конкурировали и боялись друг друга. Но я никому не дам ни единого шанса, думал он, они просто не получают его, потому что я чертовски, архичертовски умён и всегда и везде действую по принципу: «работа-должность-мнение начальства». А мой маленький, невинный бизнес – это всего лишь «на вино и девочек», иначе зачем ещё жить?

Феликс наклонился и посмотрел внимательней. Девушка была явно незнакома, но симпатичная до умопомрачения. Как раз в моем вкусе, решил он, с черными бровями и пунцовым ртом. Докатился, с долей гордости подумал он, вы-

прямяясь, не знаешь, с кем спишь, и пошлепал, как был в трусах, на кухню за пивом, рассуждая о том, что никакую другую не подцепил бы, а именно такую, которая подспудно нравится. Значит, инстинкты во мне действуют безошибочно даже в пьяном состоянии, и я хорош, хорош, возгордился он и кинул в свою копилку тщеславия ещё один бонус. А копилка та была уже тяжеловата, как кошелек старьевщика, а ведь её приходится тащить по всевозможным житейским ухабам. Главное, чтобы она никогда не скудела. Вот в чём смысл жизни!

Между делом по пути он отмечал такие забавные детали, как разбросанное женское ажурное бельё чёрного цвета. Очень сексуально, очень... думал он, и опять в моём вкусе. Значит, мы разоблачались, двигаясь от входной двери к постели, и компас у меня работал, как надо. Эта страсть, очень похожая на мою страсть. Странная девица, положительно странная, но это ещё ничего не значит – не значит, что я действовал безрассудно. Может, она шлюха из бара? А с ними я по старой привычке дело до постели стараюсь не доводить, думал он о себе, как о бывалом, опытном и всепонимающем журналисте, познавшем жизнь до самых её основ. Чаще всего я их использую для сбора мелкой информации о клиентах и о их привычках, этим и ограничиваюсь, памятуя о том, что эти женщины особого класса. По нашим временам можно было влипнуть в любую историю. А в истории влипнуть Феликс не хотел. У него уже был печальный

опыт по этой части. Из той «маленькой криминальной истории» его вытащил не кто иной, как Рашид Темиргалаев, владелец ресторанов и кабаре. Обошлось это Феликсу в десять тысяч долларов. Для Рашида Темиргалаева – пустячок, а мне хлеб с маслом, думал Феликс. Теперь он стал осторожным, как канатоходец над Манхэттеном. Ты идёшь над пропастью, внизу суетятся люди и машины, но ты идёшь, тебе начхать, они не имеют к тебе никакого отношения, и ты к ним тоже не имеешь никакого отношения, пока не оступишься. Вот так и в жизни: падение же может быть очень и очень жестоким, и многим стоять карьеры, если не жизни. Такую философию он исповедовал по этому поводу: путь одинок, труден и небезопасен, но это твой путь, ты сам его выбрал. Если ты не дурак, то ты дойдёшь до своих восьмидесяти или девяноста с хвостиком, а может, до всех ста – как повезёт, значит, ты всё правильно рассчитал. Такова стратегия успеха. Своим мелким бизнесом он был вынужден заняться по двум причинам: чтобы отдать долг и чтобы продолжать вести тот образ жизни, к которому привык. О бизнесе мало кто знал, кроме Лёхи Котова, разумеется. Даже сердобольный Рашид Темиргалаев мог только догадываться, откуда Феликс берёт деньги. Но он в его дела не лез, слишком мелок для него Феликс Родионов.

– Если что-то раскопаешь, что-то особенное, например о зверствах армии, будут тебе сверхурочные... – выдавил из себя Александр Павлович обещание, как затвердевшую зуб-

ную пасту из тюбика, и отключился.

Но Феликс на собственном опыте знал, что выбить эти сверхурочные будет крайне сложно, ибо, как выражался Александр Павлович, кризис и форс-мажорные обстоятельства накладывают на нашу столичную жизнь существенные ограничения. Может, там действительно что-то интересное? – подумал он, кроме рядового выступления моджахедов. Я не знаю. А ещё Рыба склонен к забыванию того, чего обещал. И порой Феликс мечтал найти себе место в иной газете. Один раз он уже шанс упустил, когда оказался «рукопожатым». А шанс был, ох, как хорош. Для нашего брата журналиста наступили не самые лучшие времена, и поэтому я, думал он, терплю Александра Павловича по кличке Рыба. Кстати, насчёт клички, я никому ещё не говорил, кроме Лёхи, разумеется. Это был мой последний козырь и мой последний редут на случай открытой войны, которую я проиграю в два счёта.

– Мне оставь... – услышал он за спиной и поперхнулся.

Пока он откашливался, она переминалась на прохладном полу, и на ней были только крохотные трусики чёрного цвета и его голубая рубашка. А ещё у неё были маленькие, аккуратные ступни. Он сделал вид, что каждую ночь видит у себя в квартире таких шикарных девиц.

– На... – он протянул бутылку с пивом, не скрывая своего восхищённого взгляда.

Он сразу её оценил. Пахло от неё очень даже приятно. А

ещё у неё была обалденная кожа, и сложена она была с тем изяществом, которое ему тоже нравилось в женщинах, и он знал, что такие женщины встречаются очень и очень редко и все наперечёт. По крайней мере, в его картотеке таких не было. Редкая птичка, решил он, по-ро-дис-тая. Как она залетела в мою клетку? Но вспомнить, хоть убей, ничего не мог. Память как будто напрочь отшибло.

Пока она пила, задрав в потолок острый подбородок, он с жадностью разглядывал её. У неё была шея с призывными, голодными ложбинками и выпирающие из-под рубашки ключицы, за которые при желании можно было крепко уцепиться или налить по глотку воды. Ну и ложбинка между ними тоже притягивала взгляд, и Феликс проследил жадным взглядом, во что она переходит плавно и нежно – в то, что порой мелькало в разрезе рубашки. Надо ж, затащить такую в постель! Он даже мог собой гордиться по этой части, но не знал, стоит ли, потому что абсолютно не помнил момента близости, стало быть, для него всё впереди.

– Чего смеёшься? – спросила она, опорожнив бутылку и возвращая её таким жестом, словно делала ему одолжение.

– Да так... – смутился он, отводя глаза от её груди и чувствуя, что возбуждается.

– Ого! – лукаво заметила девица, не без интереса обнаружив этот факт.

Впору снова было бежать в постель, но перед ним всё ещё маячило белёсое лицо главного редактора. Он вопроситель-

но посмотрел на неё, она – на него, и всего-то надо было молча сделать один шаг и обнять её. Но он задал глупый вопрос и этим всё испортил:

– Как тебя зовут?

Может быть, если бы он не задал этот вопрос, а они бы вернулись в спальню, ничего последующего, что произошло, не случилось бы. Окунулись бы в страсть. Потом он бы вызывал такси, и девица укатила бы на все четыре стороны, так и не сообщив своего имени. Но Феликс, как всегда, свалил дурака. Была у него такая неискоренимая черта, с которой он безуспешно боролся, плохая реакция при виде красивых женщин, некий внутренний стопор, ожидание знака большой любви, о которой он и мечтать перестал. Вот он и мучился, вот он и искал её, но не находил и все чаще застывал вот так, как восковая фигура в музее мадам Тюссо.

– Лора... – произнесла она таким контрально, что глаза у него полезли на лоб второй раз – её имя как раз ложилось в звуковой ряд: «Л-о-р-а...» Чудесно! Необычно! Божественно-о-о-о!!! У него перехватило дыхание. Сердце свалилось куда-то в мошонку. Колени подогнулись.

Нет, подумал он, так не бывает, это сказка, мне чудится, я ещё сплю, и с огромным любопытством посмотрел на неё. А ещё у неё была умопомрачительная привычка дуть себе на густую чёлку, отчего она казалась живой и шевелилась сама по себе. Боже мой! – подумал он, я сейчас умру! Это сказка, чудо из чудес! Но он всего лишь произнёс банальное:

– Ого... – и подумал, что сейчас она попросит закурить.

Но Лора сказала, блеснув прекрасными глазами:

– У тебя пожрать есть?

– В холодильнике, – ответил он немного оторопело и подался от греха подальше в ванную не только для того, чтобы почистить зубы, но и чтобы собраться с мыслями.

То это или не то? – со слабой надеждой думал он. Большая любовь или не любовь, а просто собачья страсть? Нет, мучился он сомнениями, не может быть. Так просто и буднично в моей квартире. Почему же не звонят колокола и не бьют в литавры? Почему? Почему не поют ангелы и шестикрылые серафимы не посылают мне божественный знак? Почему? Почему моя скромная квартира не освещена хрустальным светом, а с потолка не льётся елей? Спокойно, Бонифаций, спокойно. И тут же спустился с небес на землю. Ах, да, забыл ещё небольшую деталь, думал он. Грудь у неё тоже очень даже красивая. Крепкая, острая, как вершина Джомолунгма. И у меня такое ощущение, что я уже пробовал её на вкус, и с удовольствием попробовал бы ещё раз. Но момент был упущен. Кстати, цинично подумал он, если она проститутка, то должна потребовать деньги. Что-то на эту тему он даже стал припоминать, но весьма смутно, как будто они оговаривали этот вопрос, но не пришли к единому мнению.

– Слушай... – сказал он, вынимая зубную щетку изо рта и выглядывая из ванной, – кажется, мы где-то встречались?..

Она стояла возле стола, как цапля, на одной ноге и стре-

нительно пожирала его холодные котлеты, которые приготовила ему мама. Надо ли упоминать, что по нынешним временам всё было в страшном дефиците, даже в столице Родины.

– А ты, Феля... – сказала она ехидно, облизываясь, как голодная собака, – снишься мне каждую ночь... – При этом она сочно причмокнула, изобразила что-то подобие страсти, и её пышные волосы шевельнулись, словно от ветра.

Феликс едва не подавился зубной щеткой и долго кашлял, оставившись в раковину. Ничего себе заявочки, думал он, глядя на себя в зеркало. Откуда она знает моё имя? Должно быть, вчера по пьянке сболтнул, видишь, морда перекошена, как от кислого. Странный осадок в душе никуда не делся, словно он, Феликс, вчера совершил оплошность, за которую должен расплатиться в самое ближайшее время. Нет, так мы не договаривались, решил он, это не по правилам. Правила всегда устанавливаю я, а здесь какой-то кавардак, игра, непонятно, в какие ворота. Сейчас дам денег и пусть проваливается, решил он.

Когда он вышел из ванной, все его благие намерения улетучились, как утренний туман. Она уже была одета в потёртые джинсы-стрейч моряцкого покроя, в тёмно-синюю блузку с длинными рукавами и в какой-то легкомысленный шарфик на шее. В одежде она смотрелась не менее потрясающе, чем обнаженной. Бывают же такие девицы, в любом виде выглядят сексапильно на все пять с плюсом. Предчувствуя собственную погибель, он отметил этот факт и поста-

вил ей большой жирный плюс, а в свою копилку тщеславия кинул ещё один бонус: затащить такую девицу в постель – подобно подвигу Геракла. Впрочем, в его гроссбухе напротив её строки уже стояла пара маленьких плюсиков, и Феликс готов был поставить ещё пару покрупнее, если она ещё чем-нибудь его удивит, что, собственно, она не преминула сделать, когда они уже вышли из подъезда и сели в его старенький «Опель» серебристого цвета, под капотом которого на заводской табличке было написано: «Adam Opel A.G. Rüsselsheim am Main». Это означало, что автомобиль сделан в январе две тысячи пятнадцатого года акционерным обществом «Адам Опель» в городе Рюссельсхайме на Майне, крохотном немецком городке, расположенном в земле Гессен, в живописной холмистой местности недалеко от того места, где сливаются реки Майн и Рейн. К сожалению, ни завода «Адам Опель», ни городка Рюссельсхайм в настоящее время не существует. Что там вообще осталось после «великой европейской катастрофы», никто не знает. А командировку Феликсу туда не выписывали за дальностью и дороговизной, и он, как и все, довольствовался слухами. А слухи были не самыми радужными. Плохо было то, что Германия, как страна, едва ли дышала на ладан в своём привычном статусе колыбели Европы. Там теперь колобродят левые, правые, турки, арабы всех мастей, как, к сожалению, и в других странах, например во Франции, где арабы в эйфории сбрасывали местный люд с Эйфелевой башни и побивали всех жела-

ющих камнями. Впрочем, какое нам дело до Европы, думал он, они сами нарвались, зато у нас «новая свобода». И опять мы впереди планеты всей.

– Куда тебя отвезти? – спросил он, стараясь не смотреть на её призывно улыбающийся рот. Что-то такое она хотела ему сказать, отчего он должен был умереть, однако промолчала, отделавшись многообещающей улыбкой.

Дело в том, что он мог и не устоять, а это не входило в его планы на сегодняшнее утро. Хватит с меня страданий, решил он, стискивая зубы и заворачивая себя в тугую клубок воли. Его ждали аэропорт и длинная дорога. И вообще он не любил, когда им управляли, хотя бы исподволь, с тонким изяществом красивой лгуни и оболстительницы. Правда, это не значило, что он считал себя жертвой, но и лицемерить тоже не хотел.

– Ты, Фея... – сказала она с величием, достойным королевы, подкрашивая губы и поправляя копну волос цвета спелой ржи, – мне должен...

– Сколько?.. – разочарованно хмыкнул Феликс, поспешно дернувшись от ключа, который вставлял в зажигание, к карману, где лежал бумажник.

Всё встало на свои места. Он даже вздохнул с облегчением, хотя и обманулся в своих лучших чувствах: нет в мире бескорыстия, нет и не было, как, впрочем, и большой любви. Миф всё это. Сказки для дураков. Ба-сен-ки!!! Разочарованию его не было предела: мир давно и безнадежно по-

гряз в лицемерии, мало того, он плескался в этом лицемерии, возводил его в ранг высшей доблести и поклонялся ему, как идолу. Таковы были нравы, таковы были правила игры. Это ли не пример, подтверждающий прописные истины. Он покосился на рыжую чёлку, под которой искрились карие глаза, но почему-то не желал разочаровываться, и сердце его тревожно билось, как не билось никогда в жизни. Мало того, он готов был впиться в этот алый рот, и страсть бунтовала в нём.

– Ха! – воскликнула она презрительно, усмотрев в его жесте уничижение. – Феличка... дорогой... – она говорила так, словно была мудрее и опытнее его, – неужели ты не понял, что это было по любви... ты не находишь?.. – она дунула на свою чёлку, которая взлетела, как пушистое облако, и опустилась на место.

Сердце его ёкнуло ещё слаще. Как долго, оказывается, он ждал именно такого мгновения – всю жизнь, не меньше, и, должно быть, дождался, потому что через мгновение обнаружил себя страшно изумлённым да ещё и с открытым ртом. Лора засмеялась, заставила-таки его покраснеть, и он растерялся и не знал, то ли ставить ей ещё один плюсик, то ли кидать бонус в свою копилку тщеславия. Ах, как давно с ним не случалась эта самая любовь! Она осталась где-то там: на первом или втором курсе универа, в школе, а еще раньше – в песочнице, где он играл во дворе, и на радостях за такие речи Феликс готов был страстно расцеловать её, лишь бы только она подтвердила исключение из правил, но она вдруг доба-

вила абсолютно трезвым голосом:

– Я еду с тобой! – и всё испортила.

– Зачем?.. – не понял он. – Куда?.. – он вообще забыл, что должен делать, и медленно дефилировал в сторону реальности.

Ба! Рассудок взял верх. Феликс вдруг покраснел ещё гуще: это был финал комедии. Мы знакомы, вспомнил он. Это было на корпоративной вечеринке полгода назад. Тогда она блистала в обществе учредителей, издателей, генеральных и главных. Каким-то образом она очутилась рядом с ним в баре. Да, я помню, что вёл себя, как высокомерный болван. Мы чокнулись, выпили коктейль и обменялись ничего не значащими колкостями, потому что страшно понравились друг другу, но не хотели в этом признаться, потому что находились на разных полюсах большой, сложной машины под названием «журналистская конкуренция». Я даже не помню, припоминал он, чем же она меня тогда удивила? Нашла, что называется, коса на камень. И вообще работа в конкурирующих фирмах накладывала на сотрудников обязательства. Я служу в «Единогласии», она – в «Свободном мире». Нельзя сказать, что мы явные враги, но стоим по разные стороны баррикады: «Единогласие» за «новую свободу», а «Свободный мир» – за патриархальную Россию, но с новым укладом, поэтому мы и не праздновали друг друга. Вот откуда я её помню, её чёрные, как маслины, глаза и рыжеватую пушистую чёлку, которую она имела привычку раздвигать, как

павлин хвост, к месту и не к месту. А шикарные ноги, как у лучших фотомоделей? За одни только ноги можно было отдать богу душу. Звали же её на самом деле не Лора, а Лариса Максимильяновна Гринёва – восходящая звезда «Свободного мира» и «секс-символ» этой же газеты. Так, по крайней мере, утверждалось на глянцевых обложках гламурных журналов и на вестниках самых модных тусовок. Так вот кого я нежданно-негаданно подцепил вчера, понял он и невольно застонал, словно от зубной боли, потому что это была даже не большая, а сверхбольшая ошибка и очень непростительная ошибка, подобная «Титанику». Точнее, ошибок было две: первая – всё это неспроста, а заговор (Феликс не любил историй с неясной концовкой), вторая – Гринёва ему понравилась, настолько понравилась, что он даже целую неделю думал о ней, и это при той ситуации, что девушек вокруг пруд пруди, стоит только поманить пальцем. Теперь надо держать ухо остро, ведь не из-за любви же она прыгнула в мою постель? Конечно, нет. Я знаю, что она цинична и спит с их главным. И я ни на секунду не обольщаюсь на свой счёт. Зачем ей какой-то журналист, пусть даже он и хорош собой: с твердым взглядом и внешностью киногероя? При этой мысли ему пришлось выкинуть из копилки тщеславия сразу десять бонусов. Но легче от этого не стало. Значит, и здесь тонкий расчет с дальним прицелом. Ведь я тоже считаю самым перспективным и модным, перед которым открываются самые что ни на есть крепко запертые двери. Неуже-

ли она думает раскрутить меня на какой-нибудь ерунде типа любовь? Не выйдет! Он вздохнул, как перед прыжком с парашютом. Циничность, которой он был заражён не меньше любого столичного журналиста, снова поднялась в нём тёмной, мрачной волной.

– Всё! Вылазь! – потребовал он, останавливаясь там, где было запрещено. – Приехали!

Она посмотрела на него с удивлением, как на полного идиота, сбежавшего из Кащенко:

– Фелюшенька, ты что? Хочешь оставить меня одну на улице в три часа ночи?

Они находились на Смоленском бульваре. Бледная луна висела над городом. Редкие прохожие выгуливали собак. Вот-вот должен был загореться зелёный цвет, и сзади уже нервно сигналили.

– Ну, во-первых, уже не ночь, – напомнил он и посмотрел наружу: серые весенние сумерки наполняли его старый, знакомый район Пречистенки, в котором он провёл детство, юность и отроческие годы. С восходом солнца начнётся жара, которую он, как северный человек, плохо переносил. – До метро здесь пара шагов. А во-вторых, не называй меня Фелюшенькой! – заволновался он.

– Феля, ты забыл, что метро ещё не работает? – капризно напомнила она и скрестила свои шикарные ноги, которые даже в джинсах не вызывали никаких благородных чувств, кроме вожделения.

Он не стал возражать – глупо, если женщина не хочет выходить из машины, не вытаскивать же её силой. Народ сбегится. Советы будет давать.

– Я тебя очень прошу, – сказал он, передумав ставить ей очередной жирный плюс в своём гроссбухе, – не называй меня Фелюшенькой, Фелом, как угодно, но только не Фелюшенькой.

– Почему же, Фелюшенька? – издевательски удивилась она. – Мне нравится.

Он чуть не зарычал от бешенства и не укусил руль. Насколько он не любил телячьи нежности, настолько же не хотел вспоминать своё детство, потому что его воспитывали в казарменных условиях жизни военного: лагеря, походы, лыжи, бег, гимнастика, и когда наконец он вырвался из-под родительской опеки, то быстренько наверстал всё то, что упустил в детстве и в ранней юности, – свободу, пьянящую, бескрайнюю свободу, поэтому из принципа не пошёл по стопам отца, а занялся тем, что ему казалось интересней всего, – журналистикой. Всё это промелькнуло в голове у Феликса, и он с испугом покосился на Гринёву, не угадало ли это чудовище его мысли: в её чудесных глазах, глубоких, как бездонный колодец, плавал и искрился смех. Она была очень уверена в себе, словно заранее знала результат своих ухищрений.

– Потому что меня всю жизнь называли так в детстве, и мне это ужас как надоело, – неожиданно для самого себя

признался он и покрылся холодным потом. Ещё никому из девиц не удавалось низвести его до подобных откровений, потому что в его понимании они не должны были знать его слабости.

– Хорошо, Фелюшенька, – беспечно согласилась она и дунула на свою шикарную чёлку, – поехали!

– Куда? – мрачно буркнул он, хватаясь за руль двумя руками, словно за соломинку.

Сердце бешено колотилось, ноги стали, как ледышка, на лбу выступил холодный пот. Гринёва несомненно была ведьмой, но такой, от которой во рту становилось сухо, а голова шла кругом. Что случилось, лихорадочно думал он. Что? Вертит мной, как хочет.

– Так, куда тебя вызвали? – произнесла она беспечно. – На твоё задание. Ты ведь не просто так был готов оставить меня в постели одну в три часа ночи?

– Нет, – упёрся он, хотя ему было очень жаль расставаться с ней, – просто скажи, где ты живёшь, я тебя подкину, – пошёл он на компромисс.

– Или... – произнесла она загадочно, – ты меня берёшь с собой, или... – поведала она с милой непосредственностью шантажистки и кокетливо закусила губу.

– Или что?.. – промямлил он, совсем не ожидая такого поворота событий.

Незаметно для себя он сунул в рот сгиб большого пальца и грыз его, грыз, грыз, грыз.

– Или я сейчас позвоню начальству и узнаю, что назревает за «стеной». Ведь ты же об этом говорил со своим шефом?

– Хорошо, хорошо, – согласился он, прибавляя газ, – только это задание находится совсем не в городе.

Господи, что я болтаю, подумал он, это же военная тайна, Соломка меня убьёт.

– А где? – удивилась она и подула на свою чёлку. – Дай догадаюсь. Что-то случилось со «стеной»?..

– Ну да... – сглотнул он слюну, замороженный её голосом, воздушным движением чёлки и блестящими глазами, которые сулили вечное блаженство.

– Да, точно! – решительно произнесла она. – Ты говорил о заварушке. Значит, что?..

Она издевалась с хитростью обольстительности, и Феликс чувствовал, что ещё чуть-чуть, и он ляпнет что-то вроде того: «Я тебя люблю» или «Прости меня, идиота, я полный болван, я был слеп и глуп, я безоговорочно сдаюсь на милость победительнице, и делай со мной, что хочешь». Он бы так и вякнул, но чувство самосохранения останавливало его. Надо было держать оборону любыми способами, однако силы были явно на исходе.

– Моджахеды должны прорваться, – выдал он тайну и едва не откусил себе язык, который, казалось, действовал по своей воле.

Господи, чего я несу, подумал он, холодея всеми частями тела. Такую информацию можно было подарить любой дру-

гой девице, чтобы произвести впечатление, но только не Ларисе Гринёвой. Это всё равно, что бросить спичку в бочку с бензином. Что делать?!

– Ах, вот в чем дело! – обрадовалась она и подула на свою шикарную чёлку. – Тогда тебе действительно лучше высадить меня у ближайшего метро.

– Я могу довезти тебя до дома.

Его покорило, что Гринёва моментально стала прагматичной, как все другие девицы из его стойла.

– Не надо, опоздаешь на самолёт, – сказала она абсолютно трезвым голосом и принялась собираться, проверила сумочку, достала телефон, но звонить передумала: – Куда мы, собственно, едем?

Даже голос её неузнаваемо изменился и потерял тот волнующий тембр, который воздействовал на Феликса не хуже волшебной палочки мастера Олливандера. В своё время Феликс зачитывался романами «Хоббит», «Властелин колец» и в душе, оказывается, остался вечным романтиком.

– На Киевский, – промямлил он, грызя костяшку пальца. Всё было кончено. Очарование ночи растаяло как дым. – Там Лёха Котов живёт... – добавил он постным голосом.

Лёха Котов действительно жил на Можайском Валу. Иногда они заседали у него в берлоге, заполненной пустыми бутылками и кино-видео-фотоаппаратами всех моделей и систем, ибо Лёха Котов был фанатом своего дела и безумцем, когда речь заходила о фотографии.

– Вот там меня и выбросишь! – заявила она и подула на свою забавную чёлку, но это было уже данью всего лишь привычке, а не очередной попыткой сбить с панталыку Феликса Родионова, хотя эта её привычка действовала на него, как заклинание факира на кобру. Каждый раз, как только её шикарная чёлка взлетала, Феликс терял дар речи, а если Гринёва ещё бралась за своё контральто, то он вообще таял, как мороженое на асфальте в августе где-нибудь в Крыму.

– Только я тебя очень прошу, – попросил он, объезжая выбоины на дороге, – не выдавай меня, а то ведь сожрут и не подавятся.

Господи, что я делаю, что я делаю? – вопрошал он сам себя и не находил ответа.

– Не бойся, Фелюшенька, – очаровательно пообещала она, глядя на него своими искристыми, карими глазами, брызжущими темпераментом. – Я скажу, что мне позвонили из Европы.

– Кто?.. – упавшим голосом спросил он, потому что в подобную ложь могли поверить разве что весьма наивные люди, а таких в редакциях не держат. В редакциях держат пронырливых и дотошных людей с железной хваткой волка. Ягнята там не водятся.

– Ну, например... знакомый из Турции. Мало ли у меня знакомых на той стороне.

Всё, понял Феликс, я пропал. Это ж надо так вляпаться. Кто поверит в такое совпадение: знакомый звонит из дру-

гой страны, чтобы предупредить журналистку о готовящемся выступлении моджахедов.

– Почему ты мне не доверяешь? – спросила она, заметив его кислый вид.

– Потому что на кону моя работа и жизнь.

И пять он поймал себя на том, что никогда не говорит с таким пафосом. Не свойственен ему пафос от рождения.

– Ты проживёшь сто лет, – пообещала она, – а с твоей работой ничего не произойдёт. Я сделаю всё так, что комар носа не подточит.

Обвела-таки, обвела вокруг пальца, подумал он, холодея от дурных предчувствий, обвела, не задумываясь о последствиях, а мне расхлёбывать.

Гринёва снова подула на свою шикарную чёлку, потом посмотрела на него так, что его бедное, измученное сердце бесильно ёкнуло, и он сдался на милость победителя: ещё одно её слово, и он признается в любви, в беспомощности, в беспредельной покорности и растечётся у её ног подобно луже патоки и будет там лежать и исторгать фимиам.

– Не бойся, я тебя не сдам, – ещё раз заверила она его, абсолютно ничего не замечая.

Всё равно через пару дней их газета кого-то пришлёт, утешил он себя, и всё равно они будут писать о прорыве. Однако от этих мыслей легче не стало, опростоволосился он дальше некуда, а на кону «военный отдел».

– Ладно... – слезно попросил он, вспомнив с некоторым

облегчением, что Соломка прокололся, обсуждая такие вещи по телефону. Пусть сам и расхлебывает, решил он. – Только, чур, меня не подводить и имя моё не светить, а то меня начальство сожрёт с потрохами и не подавится.

Она засмеялась своим чудесным смехом, с тем низким контральто, которое ему так нравилось и которое делало его безвольным, потом потянулась и поцеловала его с милой непосредственностью в щеку. Он ощутил запах её волос, помады и понял, что когда тебя так целуют, ты не способен к рассудочной деятельности, и все его благие намерения полететь на Кубань и честно отработать свой хлеб рассыпались прахом. Нет, конечно, я поеду, думал он, и всё сделаю, как положено, но это будет уже работа из-под палки, потому что, кажется, у меня появилась другая, более волнующая проблема, чем прорыв несчастных моджахедов. И проблема эта, надо сказать, весьма и весьма соблазнительна. Признаюсь, за эти несколько минут я уже забыл, как эта проблема выглядит в постели, и я снова готов отправиться туда и решить эту проблему сызнова. К тому же, чего греха таить, Лора, думал он, мне чертовски нравилась ещё до того, как мы поцапались на корпоративной вечеринке. Я даже думал о ней некоторое время, потом, правда, забыл настолько хорошо, что ей удался фокус с прыжком в мою постель. Но теперь, надеюсь, всё изменится. Он немного успокоился, и они ещё быстрее понеслись навстречу судьбе.

Лёху Котова они подобрали на Лущёвке. Без него Феликс

никак не мог. Во-первых, Лёха должен был всё профессионально заснять, а во-вторых, он давно был живым талисманом их тандема. Расследования, проведённые в компании с ним, получались легко и изящно, на одном дыхании. А самое главное, они дружили давно, лет пятнадцать, ещё со школы, и водки перепили немерено. На Лёху можно было положиться. Местами Лёха был парень-кремень.

Разумеется, Феликс рисковал, представив ему Гринёву, потому что по своей природе Лёха Котов был неисправимым бабником, в этом вопросе он перещеголял даже Феликса, и женщины вились вокруг него, как осы над вареньем. Чем же ты их берёшь? – часто задавал вопрос Феликс. Но Лёха Котов хранил глубокомысленное молчание, даже в подпитии не выдавая свою тайну, а объяснял феномен всего лишь природным обаянием. Феликс ему не верил. Какое может быть обаяние, если бог не наделил Лёху ни ростом, ни приличной физиономией, ни богатырскими плечами, разве что – лёгким характером. Но поди разгляди этот характер первые семь с половиной минут? Но именно в это время, не больше и не меньше, Лёха укладывался блестяще, как профессиональный ловелас.

– Фу-у-у... – произнес Лёха, вваливаясь с вещами на заднее сиденье и на первых парах вовсе не замечая Гринёвой. – Приве-е-ет... – пропел он таким тоном, когда хотел сообщить, что у него всё в полном порядке и что он тоже не доволен ранними сборами. Именно таким Феликс и восприни-

мал Лёху – бодрым, неунывающим живчиком, с животиком и короткими ножками, готовым к любым подвигам, лишь бы куда-нибудь нестись, разрезая фарами ночной туман.

– Привет... – ответила Гринёва, глянув на него в зеркало заднего обзора.

И тут он, конечно же, её увидал. Сказать, что Лёха впал в ступор, значит, ничего не сказать. Естественно, он вытаращил глаза, и несколько мгновений его глотка рождала нечленораздельные звуки, какие может рождать только младенец. Только эти звуки были ещё и восторженными. Казалось, такой шикарной пшеничной чёлки, чёрных-чёрных бровей и алых губ он в жизни не видел. Впрочем, это у него было всегда: при каждой новой юбке он словно заново рождался и вначале, как пойнтер, делал стойку. Феликс только зверски завидовал: так естественно даже он не умел маскировать свои намерения.

– Ёх!!! – только через целую секунду у Лёхи прорезался голос. – Это твоя знакомая?! Фел, это твоя знакомая?! – произнёс он на высокой ноте и полез между передними сиденьями, и если бы мог, то упал бы на колени Гринёвой, но зацепился, естественно, животом и захихикал глупо, как гиппопотам в болоте: – Господи! – орал он. – Но почему мне так не везёт? Почему я такой несчастный? Почему я такой маленький, плюгавый и никчёмный? Почему я всегда опаздываю, а все красавицы достаются этому охламону?

– Э-э-э... – добродушно сказал Феликс. – Осторожней на

поворотах и сядь на место, ты мне мешаешь.

Лёха захихикал ещё глупее, угнездился позади, однако сунул свою ряшку вперёд и бесцеремонно принялся разглядывать Гринёву:

– Везёт же людям! Везёт же!.. Эх... Девушка, а девушка, а который час?..

Естественно, у него случился словесный понос, и он исторгнул на Лору Гринёву такой поток комплиментов и так дёргался и прыгал на заднем сиденье, что пару раз треснулся головой о потолок салона, прикусив язык, но и это не охладило его пыла. Впрочем, кажется, Гринёва сама была в диком восхищении. Остаться равнодушной и не поддаться обаянию Котова мог разве что манекен. Гринёва тоже стала глупо хихикать и поддакивать на той же самой идиотской ноте, что, мол, только и слышала о Лёхе как о человеке и профессионале только самые превосходные комплименты. И через пару минут Феликс понял, не просто ревнует к Лёхе, а дико ревнует, да ещё и с огромным желанием заехать ему в морду. С чего бы Лёхе иметь такой успех, с его-то внешностью. Однако с кем бы Феликс ни разговаривал, с кем бы ни общался, все, как один, утверждали, что Лёха Котов – это высокий, гибкий, как тростник, брюнет с ястребиным проникновенным взглядом или, наоборот, блондин со стальными мышцами и громоподобным голосом. Не знаю, неприязненно думал Феликс, ведя машину по набережной, как по морю, по-моему, глаза у Лёхи водянистые и блеклые, а сам он маленький

и толстенький с битой-перебитой мордой, потому что вечно лезет не в свои дела, в общем и целом вылитый Санчо Панса, только без осла. Осёл у него где-то в сумках спрятан.

Но тем не менее, он запоминался именно таким – высоким, непобедимым брюнетом с талантом обаять. Таким вот талантом обладал его друг Лёха Котов, и с этим явлением ничего нельзя было поделаться, а надо было принять как должное и смириться.

– Скажите! Скажите! – никак не мог успокоиться Лёха. – Где я вас видел?! Ну где?! – он подпрыгнул от избытка чувств и ещё раз ударился макушкой о потолок, и ещё раз прикусил себе язык.

Гринёва засмеялась своим грудным смехом и отвечала так, словно была королевой, а он её пажом:

– А вот и не скажу... а вот и не скажу...

В общем, Феликс сразу понял, что заигрывать она умеет и делает это весьма искусно. Но Лёху так просто провести было нельзя. Он был стреляным воробьём и знатоком по женской части.

– Всё, вспомнил! Ёх... – хлопнул он в ладоши, и морда его засияла, как начищенный пятак. – Фотосессия в Сокольниках!

И Феликс понял, что, кроме их газеты, Лёха подрабатывает в столичных журналах. Это была тайна Полишинеля, о которой Лёха ничего не рассказывал, потому что стоял на позиции: «Немного хитрости никогда не помешает». Впро-

чем, он был свободным художником, и подобные фотосессии были его личным делом. А ещё у него была очень хорошая черта характера – на него всегда и во всем можно было положиться, в этом плане он был надёжным, как «Опель» Феликса. Стоит ли упоминать, что родом Лёха Котов был из Санкт-Петербурга, но с тех пор, как перебрался в столицу, хотя и не находил, что она лучше его родного города, и, кажется даже, тосковал по нему, но это никоим образом не отражалось на их дружбе. Впрочем, адаптировался он так же быстро, как Феликс, например, успевал вымыть руки перед обедом. В этом отношении он был человеком мира.

– Слушай! – заорал он, переключая своё внимание на Феликса. – Ёх... Что там Рыба твердил о «стене»? Я ничего не понял!

Феликс так на него глянул, что Лёха понял, что обмишурился, смешно прикрыл рот ладонью и произнёс:

– Всё... понял... о работе ни слова. Брат, прости, сваял дуру. Но всё равно, – он с обожанием взглянул на Гринёву, – она узнает! Правда ведь? – Он заглянул ещё дальше, туда, где мягкая ложбинка терялась под верхней пуговицей блузки.

– Правда, – ответила Лора, ничуть не стесняясь. – Я уже знаю.

– Вот как?! – вопросительно посмотрел Лёха на Феликса, словно поймал его на воровстве.

– Дама нас покидает, – безапелляционно произнёс Феликс, останавливаясь возле метро.

– Хм!.. – Лора Гринёва бросила на него взгляд победительницы и выпорхнула наружу, оставив на память слабый запах тонких духов.

«Цок-цок-цок» – она удалилась подобно королеве, не оглянувшись ни разу, – лёгкая, воздушная, божественная и бесподобная. И ноги обалденно, и попочка при том при всём в одном едином и неповторимом порыве мелькнули в толпе и пропали. Надеюсь, я её больше не увижу, с неприязнью подумал Феликс и, как всегда, ошибся. Лёха, высунувшись в окно и чуть не сломав шею, проводил взглядом Гринёву:

– Кто она?.. Кто?! Ну ты, брат, даёшь!.. – уставился он на Феликса.

– Фея, – с облегчением вздохнул Феликс, грызя костяшку пальца, – коварная и соблазнительная...

– Ёх... Везёт же идиотам! – в который раз высказался Лёха, с завистью нахохлившись на заднем сиденье среди своего барахла. – А мне такая ни разу не попадалась.

– Сплюнь, – посоветовал Феликс.

– А что, надо? – оживился Лёха.

– Надо, надо, – многозначительно признался Феликс.

Лёха Котов опустил стекло и харкнул так, что от его плевок «БМВ» в соседнем ряду возмущённо просигналил три раза.

– Ты что, дурак? – спросил Феликс.

– А то! – гордо ответил Лёха и опустил стекло. – Ёх...

Феликс водрузил на крышу «маячок», и они понеслись в

Домодедово, потому что уже опаздывали.

Глава 3

Бой местного значения

Эфир потихоньку замолкал. Теперь связь казалась далёкой-далёкой. Герман Орлов и на этот счёт прошёлся с вполне серьёзным лицом:

– Как в Брестской крепости...

– Да ладно... – не поверил Лёва Аргаткин и внимательно посмотрел на него, чтобы проверить, шутит или нет, потому что от таких шуток охватывала дрожь.

– Я тебе серьёзно говорю, – заверил его Герман Орлов. – Началась большая Кавказская война.

Но ему никто не поверил. Все знали, что Герман Орлов большой фантазёр. А Олег Вепрев осуждающе заметил:

– Хватит разводить панику!

На всякий случай Севостьянихин приказал убрать лишних людей с крыши. Оставил на верхних этажах лишь двух снайперов да двух пулемётчиков, которые держали фланги.

Игорь спустился в подвал и обнаружил там командиров «диких гусей» в полном составе. Они играли в карты и пили. По их лицам было видно, что они страшно недовольны жизнью и заливают её коньяком, чтобы она не дала ещё одну трещину.

– Капитан, передай майору, что мы после обстрела уй-

дём! – заявил полковник Примогенов.

Был он лыс, толст и здоров, как буйвол. Под майкой бугрились жирные мышцы. Ощущение было такое, что человек сам себя загнал в ловушку и потерял совесть. Если попрёт, подумал Игорь, не остановишь, лёгок я стал, не справлюсь.

– Всенепременно! – фальцетом выкрикнул майор Доценко из Москвы.

Этот майор был начальником одного из РОВД и ему для продвижения по службе срочно нужна была «боевая» награда, которой можно было кичиться. Однажды Игорь собственными ушами слышал, как майор Доценко спорил до хрипоты, что лучше – «орден Мужества», или медаль ордена «За заслуги перед Отечеством», или медаль «Жукова», или же, на худой конец, медаль «Суворова». Оказывается, майора волновало, за какую из наград пожизненно платят деньги. «За Героя России, – объясняли ему, – а за всё остальное – собственной кровью». Такая постановка вопроса Доценко явно не устраивала, и он ответил: «Я теперь пальцем не пошевелю, нашли дурака». И разумеется, валял ваньку при первой возможности. Севостьянихин вообще и давным-давно «забил» на «диких гусей», и они существовали сами по себе, никто ими не командовал, никому они не подчинялись, считались командированными, повышающими боевой опыт. Спасибо, хоть не мешали «стену» охранять.

Под низким потолком горела лампа, плавал сигаретный дым, в соседнем помещении тархтел движок. На полу сиде-

ли те, кто не хотел воевать, некоторые были в прострации – подходи режь, не шелохнётся. Их, как и «диких гусей», было немного: шоферы, следаки и десятка два из ДПС. Все они глядели в рот своему начальству и власть Севостьянихина не признавали. Бывалые вояки говорили, что такого не было ни в первую, ни во вторую чеченские войны. Люди тогда совесть имели, а если договаривались с боевиками, то «со смыслом», «по малому вреду» – никто ведь не хотел умирать, да и страна одна была. Попробуй при Владимире Трофимове посамовольничай, подумал Игорь, сразу вылетишь на гражданку и попадёшь под суд, а теперь всё дозволено, «новая свобода», мать её за ногу, демократия во всей её красе. Не армия, а цыганский табор.

– Чего молчишь, капитан, воды в рот набрал?! – спросил полковник Примогенов.

– А у нашего спецназовца поджилки трясутся, – поддакнул майор Доценко.

– Сам поднимешь задницу и сам доложишь, – огрызнулся Игорь, и прежде чем кто-то из «диких гусей» среагировал, смотался из подвала от греха подальше.

– Никуда они не денутся, – уверенно сказал майор Севостьянихин. – А уйдут, чёрт с ними. Баба с возу, кобыле легче. Ты вот что, усиль охрану гаража.

– Я туда Бургазова пошлю и парочку бойцов посообразительней.

– Пошли, пошли, – согласился Севостьянихин. – Да не па-

рочку, а больше, потому что их попытаются взять на хапок.

– Так точно, – ответил Игорь, ожидая начала обстрела, если рыжий, конечно, не обманул.

В бинокль хорошо было видно, что горит район главпочтамта. Дым стлался по низинам, вдоль Теплосерной и по бульвару Гагарина, заволакивая подножие Машука, не давая боевикам вести прицельный огонь. Да и, похоже, боевой пыл у них угас. Наскоком взять не получилось, какую-нибудь гадость замыслили. Скорее всего, орудия установят на горе Казачка. Больше нигде, только там склоны с обратным углом. Можно ещё, правда, на крышах общекурортного санатория. Но затащить на крышу – целая история, хотя с боевиков станется. Хитрые они. А если всё же на Казачке, то не эффективно: во-первых, далеко, а во-вторых, огонь придётся в торец гостиницы. Ну немного побегаем, легкомысленно решил Игорь, делов-то. Вот если танки приползут, тогда дело дрянь, потому что с автоматом против танка не повоюешь. Но танков, похоже, у моджахедов нет.

Он пошёл искать своих и нашёл их на пятом этаже в номере люкс. Сел под окном с таким расчётом, чтобы пуля ненароком не залетела в рот, и закрыл глаза.

Старлей Юра Драганов, который из принципа не носил шлем, а повязывал голову зелёной косынкой, чём-то неуловимо походил на актёра Краско. Даже щетина такая же и усы воинственные. Ну и голос, и манеры – медлительные, со значением. Если уж что-то скажет, то смысл тебе становил-

ся ясен через пару минут и отвечать поздно будет, потому что тема разговора уже сменилась. Так и ходишь с открытым ртом полдня, соображая, что хотел сказать Юра Драганов. «Тебе бы артистом стать, – говорили многие, – а не с автоматом за басмачами бегать». «А что, возьму и стану, – отвечал он всё так же со значением в голосе, которое всем нравилось. – Вот только навоююсь досыта. Какие наши годы?!»

Юра Драганов спал ничком. У него на шее была нанесена татуировка в виде штрих-кода, в котором значился личный номер, номер дома, квартиры и телефон. Он был фаталистом и верил, что после спецназа станет работать на «Мосфильме»: «Ну, если не артистом, то консультантом, они ж, поди, и в оружии, и в звёздочках не разбираются». Он открыл глаза, увидел пробирающегося Габелого и сказал назидательно – так, как умел только он один:

– Грязь не носи... – словно почивал на белоснежных простынях, а не валялся в грязном углу, подложив под себя подушки из кресел.

Мы всем нравимся, пока нас не узнают получше, решил Игорь. Одному Герману Орлову всё было нипочём: он храпел посреди комнаты на шикарной постели, положив рядом с собой автомат и раскинув руки и ноги. Его грязные ботинки покоились прямо на атласном покрывале, которое, правда, из розового давно превратилось в серое.

Игорь, казалось, только прислонил к стене голову и тут же уснул. Вернее, уснула только одна часть мозга, а другая

слушала, что происходит вокруг и была настроена на тембр голоса командира, ждала его приказов. Приснилось ему, что пахнет молодой картошкой и солёными помидорами с укропом, как раз такими, какими угощала его Божена. Ему так захотелось есть, что он проснулся от голода. В желудке поселилась пустота, но голова была ясной, и можно было снова бежать воевать.

– Слышь... – приподнял голову Герман Орлов, – лезгинку танцуют.

Лезгинку Игорь не сразу услышал. Доносилась она издалека, как шелест ветра. Сама по себе лезгинка была всего лишь мелодией, но моджахеды давно сделали её неофициальным символом исламского государства Имарат Кавказ, что для русского уха было оскорбительно, потому что всё пришло оттуда – из одной большущей страны, и лезгинка по ту сторону «стены» воспринималась предательством.

– Ну, сейчас полезут, – лениво отреагировал Лёва Аргаткин, который сидел в кресле, вытянув ноги в рваных носках. – Ура тараканам!

Эта поговорка прицепилась к нему с месяц назад, и он к месту и не к месту применял её. На него даже косились, как на сумасшедшего. Но Лёва чувствовал себя вполне адекватным и на грубые шутки в свой адрес не обращал внимания, потому что знал, что у каждого в голове сидят свои тараканы, только не каждый об этом заявляет, смелости не хватает, наверное, а я смелый, думал он, и в бою был безрассуден.

Здоровенные армейские ботинки аккуратно стояли рядом. Лёва Аргаткин тёр раненый глаз. Его автомат, «бронник» и «разгрузка» валялись на полу в хлопьях тополиного пуха.

– Ага... – иронично прокомментировал Юра, – полезут, встретим. – И хмыкнул так, как только он один умел хмыкать – со значением, которое придавало ему уверенности в жизни. После его хмыканья почему-то хотелось думать, что всё обойдётся, как обходилось до сих пор.

За одно это можно было любить Юру Драганова, хотя некоторые и считали его чуть-чуть баламутом, как бродячего пса, чуть-чуть несерьёзным, в смысле большим пофигистом, а не будущим актером, в меру добродушным, не злым, но и не добрым, как Германа Орлова, который и человека-то ни за что ни про что ударить не мог, вот если его только разозлить. Но злить Германа Орлова почему-то никто не решался.

Юра Драганов просто спасался таким образом от мира. Жены у него было две, и обе богатые, и обе в Москве, но друг о друге, разумеется, даже не подозревали. Так что здесь, на Кавказе, он мог себе позволить расслабиться «по жизни». Когда у него спрашивали насчёт жен, он с ухмылкой отвечал: «Уметь надо...» – но особенно на эту тему не распространялся. А когда спрашивали, зачем воюет, если есть деньги, то говорил так: «Никто, кроме нас, даже за деньги. А в Москве что?..» Все знали, но всё равно ждали, что он скажет: «В Москве-то дюже скучно». И в этой игре слов были

своя правда и своя логика, и презрение к сытой и чистой столице: чуть-чуть высокопарная, чуть-чуть наивная, но логика от народа, которому всё страшно надоело, но деваться некуда, как с подводной лодки, а надо упереться рогом и стоять, а если надо, помереть. «А что ещё делать? – с непонятным значением добавлял Юра Драганов. – Водку, что ли, жрать, так это дело нехитрое, у нас в стране каждый четвёртый это регулярно делает».

На этой стороне «стены» лезгинка, которая звучала в каждом втором доме, ассоциировалась с боролатыми немытыми рожами моджахедов, а там, где эта музыка – там обязательно крики, стрельба и поножовщина. Кавказские традиции гостеприимства давно канули в Лету. Те местные, у которых были деньги, разбежались кто куда, а те, кто остался из-за нищеты или каким-либо другим причинам, так или иначе были связаны с моджахедами. Да и пропаганда из-за «стены» возымела свои результаты. «Мы живём лучше, чем вы! – взывали оттуда. – Боритесь за новое исламское государство, и вы будете жить точно так же!» Так что Игорь давно не питал иллюзий в отношении местного населения, которое давно перестало быть «своим». Русских же на Кавказе вырезали ещё в первую чеченскую войну, поэтому властям опереться было не на кого и они проигрывали во всех отношениях.

Затем действительно ударила артиллерия, только не настоящая, которую все ожидали, а всего-навсего СПГ-9⁹, и

---

⁹ СПГ-9 – станковый противотанковый гранатомёт.

можно было спокойно спать дальше, потому что это были почти такие же гранаты, которые использовались в РПГ-7. Боевики выпустили десятка два из них. Единственно, чего добились – подожгли верхние этажи с торца. Гостиница, которая была построена ещё в СССР, не то чтобы выстояла, она даже не шелохнулась. Затем начался уже привычный обстрел из стрелкового оружия. Но и он потихоньку сошёл на нет, спорадически разгораясь то на одном фланге, то на другом, словно боевики поняли бесперспективность своих усилий. Но, разумеется, это только так казалось. По опыту Игорь знал, что просто так они не уйдут, что рано или поздно их придётся выкуривать из каждой щели. Хотя, разумеется, группа из опытных бойцов могла потрепать нервы: планомерно обстрелять из гранатомётов первые два этажа, приблизиться, забросать гранатами и ворваться внутрь. Но делать это, по всей вероятности, моджахеды не умели, а может, не хотели умирать и шли, чтобы только пограбить, побузить. А может, впереди была Москва? Кто его знает?

– Как ты думаешь, сколько мы их уложили? – громче обычного спросил Герман Орлов.

– Сотни две точно, – уверенно сказал Лёва Аргаткин, шнуруя ботинки.

– Ха! – иронично воскликнул Юра Драганов и снова уснул.

Игорь подумал, что он лично убил троих. Это те, которые упали и не поднялись. Первого завалил в самом начале боя,

когда боевики пёрли дуrom прямо через площадь Козлова. Бежавшего впереди всех, здорового, с бородой до пупа, он снял с шестого этажа и потом ради интереса, даже когда уже бегал вверх-вниз, нет-нет да и поглядывал в окна – боевика никто не уташил, потому что площадь простреливалась с нескольких точек; второго – того, который был обкуренный и внаглую вымелся прямо перед гостиницей; третьего же – абсолютно случайно, когда духи пошли в атаку и уже закидывали гранатами подвал, а Игорь как раз сидел в нём, и боевики оказались точно на линии флангового огня, так что в самого крайнего он приложился весьма конкретно, почти в упор. И хотя боевик был в бронежилете, от него во все стороны полетели ключья – вот что значит тяжёлая пуля калибра семь целых и шестьдесят две сотых миллиметра. Может, Игорь зацепил ещё кого-то, но не был в этом уверен, потому что атака захлебнулась и боевиков как корова языком слизнула. Сидеть в подвале, когда тебя обнаружили, было глупо, поэтому Игорь сменил позицию. Потом на этом месте убили старшего сержанта из Вологды, выстрелили туда из гранатомёта – видать, специально караулили.

– Выдохлись?! – крикнул Герман Орлов, которого контузило ещё утром, и поэтому он разговаривал громче обычного.

– Ага... – лениво прокомментировал Юра Драганов.

– Похоже, – согласился Игорь, выглядывая из окна.

Рядом тотчас щелкнула пуля, и он присел. На крыше те-

лестудии и универмага валялось с десятков трупов боевиков. Утром они борзо лезли, а потом, когда их перебили, как котят, ушли за верхний рынок и где-то там среди многочисленных палаток установили крупнокалиберный пулемёт, который здорово надоедал, и хотя огонь его был не очень эффективен из-за неверной позиции, при перемещении внутри гостиницы и выборе точки обстрела его приходилось учитывать, чтобы случайно не попасть под его очередь.

«Должно быть, сообразили, что нас на хапок не взять», – думал Игорь. Он стрелял из ПКМа¹⁰ и после каждой второй-третьей ленты менял позицию. За ним уже начали охотиться: пули шелкали всё ближе и ближе, и он понимал, что надо прекращать это занятие, что рано или поздно подстрелят, но им овладел азарт, и он чувствовал, что у него получается. Получается вовремя перебежать к другому окну и подловить духов на движении, и если не убить и не ранить, то напугать. А потом, когда в него всё же попали, рухнул на колени и сказал сам себе: «Всё, хватит воевать!» Ранение было пустяковое, и он даже не стал перевязываться, только промокнул кровь бинтом несколько раз и услышал, как Герман Орлов ругается на третьем или четвертом этаже.

– Старый же, как говно мамонта, а туда же! Командир!

И пошёл посмотреть, что происходит. Рана на щеке принялась зверски печь, словно к лицу приложили раскалённый прут.

---

¹⁰ ПКМ – пулемёт Калашникова модернизированный.

– Чего-о-о?.. – отозвался Севостьянихин.

– Андрей Павлович! – вопил Герман Орлов где-то на лестнице. – Ёпст!

– Ну-у-у?.. – майор Севостьянихин высунулся в коридор. Связи не было, и Севостьянихин тоже бегал по этажам и стрелял. – Капитан, тебя ранило, – сказал он Игорю.

– Пустяки, – ответил Игорь.

– Вот, получай! – Герман Орлов втокнул в дверь мужика. Мужик был из местных – старый, весь поросший шерстью, но бойкий, хотя и не моджахед: не было на нём ни зелёного, ни чёрного, ни «пуштунки», пожалуй, только старый пиджак с колодкой непонятно за какие подвиги и какие войны, потому что половина из них была незнакомой формы и цвета.

– Чего тебе? – насмешливо спросил Севостьянихин, глядя на это чудо.

– Это-о-о... – гордо отозвался мужик, выпячивая щуплую грудь. – Велели передать, если не уйдёте, то заживо сожгут.

– Но-но! – со значением сказал Герман Орлов и легонько толкнул чудо в спину.

Не любил он, когда кто-то в его присутствии хамил любимому майору.

– А они огнемёты притащили, – произнёс мужик таким тоном, словно не хотел, но выдал военную тайну.

– Ну и что? – пренебрежительно сказал Герман Орлов и посмотрел на Севостьянихина так, чтобы он не вздумал поверить мужику и чтобы, не дай бог, не принял неправильно-

го решения, например дать дёру. Нравилось Герману Орлову воевать в гостинице.

Но майор Севостьянихин, поглядев на мужика, ещё больше нахмурился.

– Идите к себе в Россию, – ободрённый его молчанием произнёс мужик. – Домой. К себе, за Урал. А мы здесь власть будем новую устанавливать. Так сказали они мне.

Последнее он добавил, должно быть, от себя с большим удовольствием. Не уважали местные российскую власть. Кто же её уважать будет, если её нет, если она ослабла до того, что отдала свою исконную территорию, зло подумал Игорь, а ещё его удивило то, что мужик абсолютно не боялся, хотя должен был понимать, что за такие речи можно было не только по шее схлопотать.

– Слышь... отец... – сказал Севостьянихин, цедя слова, как забияка перед дракой, – ты-то сам-то те огнёмёты видел?

– Видел, – уверенно ответил мужик и даже позволил себе гордо хмыкнуть, мол, неужто мы не понимаем в военном деле?

– Ну и какие они?

– Да вот такие, как у вас, – мужик показал на РПГ-7.

– Понятно, – весело среагировал Севостьянихин и потерял к мужику всякий интерес, а его знаменитый нос презрительно фыркнул, выразив всеобщее презрение к Имарату Кавказ.

– Ты погоди! Погоди! – возмутился мужик, сообразив, что

дал маху. – Я тебе ещё не всё сказал!

– Ты своим передай, – перебил его Севостьянихин, – что они хоть атомную бомбу притащат, а мы здесь стоим и стоять будем. Понял?!

– Понял, – скис мужик.

Быстро он сообразил, что его больше никто слушать не будет. Хорошо хоть живым отпустят.

– Правильно, командир, – сказал Герман Орлов. – Ходят здесь всякие, – он дёрнул мужика за рукав, – ты мне больше на глаза не попадайся, а то коленную чашечку выбью. Ёпст!

– Да я что?.. – наконец испугался мужик. – Мне сказали, я передал. Сказали: «Иди, а то дом сожжём».

– А где ты живёшь? – поинтересовался Игорь. – На какой улице?

Вот теперь мужик не то чтобы испугался, а перетрусил на всю катушку:

– Гм-м-м.. на этой... как её...

– Ну?..

Мужик замялся.

– Ёпст! – возмутился Герман Орлов.

– Забыл улицу? – спросил Игорь, вовсе не радуясь этому факту, не нравилось ему, когда взрослые люди попадали впросак.

– А чего вы меня проверяете?! – возмутился мужик. – Что не свой? У меня, кстати, в паспорте штамп стоит.

– Вот как ты запел?! – удивился Герман Орлов. – Когда

жареным запахло, вспомнил о России. Шлепнуть тебя надо! – задумчиво добавил он и почесал небритый подбородок.

– Это почему?! – присел мужик.

– А потому что пропаганду ведёшь?! – Герман Орлов снова дёрнул его за рукав.

– Так ведь хватит вашей власти, – нашёлся мужик, – давай нашу!

– Это какую?

– Народную.

– Нет такой власти, – сказал Севостьянихин. – Вернее, была семьдесят лет и кончилась, хорошая власть была, только вся вышла.

– Соединенные Штаты отдали нам все эти земли, а вы не уходите, – обиженно сказал мужик.

– Это кто тебя научил? – удивился Герман Орлов и выпучил глаза.

– В газетах пишут, – ответил мужик таким голосом, как будто получалась, что его подлю обманули и виноваты русские, которые не хотят уходить.

Герман Орлов с неподдельным удивлением уставился на мужика и сказал в странной задумчивости:

– Нет, всё-таки надо тебя шлепнуть!

– Не надо, – вообще сел на зад мужик.

– А чего пропаганду ведёшь? – спросил Игорь, которому тоже не понравился мужик, хотя было ясно, с чьих слов он поёт – с моджахедских, кто ещё мог внушить такие мысли.

– А может, ты лазутчик? – засмеялся Герман Орлов так, как только один он мог смеяться: дюже заразительно и саркастически одновременно. – Может, ты нас всех пересчитал? – он подмигнул Игорю, который подыграл ему:

– Мы здесь одного уже сбросили с пятнадцатого этажа. А тебе и шестого хватит.

– Какой я лазутчик?! – заголосил мужик. – Мне лозу надо подвязывать!

– Ну иди к себе и подвязывай, – сказал Игорь, чтобы избавить всех от тягостного выяснения отношений.

– Орлов, – велел Севостьянихин, которому тоже надоел спектакль, – выведи и отпусти его. – Чего с ним возиться. Пойдём, Игорь, дело есть.

– Есть отпустить, – обрадовался Герман Орлов. – Потопали, отец. Ты, видать, не своим делом занялся, тебе бы виноградники выращивать. Здесь дяди серьёзные воюют, а ты ходишь, ненароком зашибут на старости лет. Родные-то у тебя есть?

– Да... Я, господин, прапорщик, дело так понимаю, раз обещали...

Они удалялись по коридору, но Игорь слышал каждое слово.

– Ну во-первых, какой я тебе господин? – удивился Герман Орлов, и даже по его спине было видно, что он огорчился до невозможности. – Господа за «стеной» и за океаном, а у нас все товарищи. А во-вторых, меньше верь тем, кто си-

дит за «стеной».

– Да отвык я как-то... ведь трезвонят с утра до ночи, – посетовал мужик. – Как здесь не сбиться с правильного курса.

– А ты не отвыкай... – гудел большой Герман Орлов. – Мы, может, снова земли свои отобьём. Президента сменим и отобьём.

– А что, нынешний плохой?

– Дюже плохой. Говно, а не президент. Видишь, и ты страдаешь, и я. Все страдают. Вся большущая страна. Ничего, будет и на нашей улице праздник, – пообещал Орлов

Олег Вепрев, который потерял шлем и был перемазан сажёй и копотью с головы до ног, сказал:

– Андрей Павлович, самое время разведку делать.

Севостьянихин с ним согласился:

– Вот и пойдёте вдвоём. Людей возьмите, больше пяти не надо – заметят. Значит, надо найти Лёшу Ногинского. Чую я, он рядом притаился. А на связь боится выйти. Слушают нас боевики. Техника у них заморская.

– Это точно, – согласился Олег Вепрев, однако кисло поморщившись. – Поди, сканеры и все наши радиочастоты есть.

Они даже не стали эту тему обсуждать не только потому, что давно и многократно её обсудили, обсосали и сделали соответствующие выводы, а потому, что она всем до чёртиков надоела: сидят в штабах жучки, тыловые крысы, прихлебатели славы всех мастей и сливают боевикам информацию,

естественно, за деньги да за привилегии. Как так можно воевать? Только на злости да на русской смекалке.

Под ногами крошились стекло и штукатурка, в стене зияла дыра от гранаты, пол был залит кровью. Боевики изредка постреливали, пули с щелчком залетали на шестой этаж, как град во время грозы.

– Пощупать по окрестностям, найдите слабину у боевиков, туда и ударим, а потом развернёмся и с обеих сторон, ну, как обычно.

– А штаб? – спросил Олег Вепрев, которого, как и всех, тревожила эта мысль.

– Чёрт знает, что там происходит. Сунемся в ловушку. Нет, надо ударить там, где нас не ждут, – сказал в задумчивости майор Севостьянихин. – Ты рану-то свою обработай, а то кровищи.

Игорь не заметил, как кровь накапала ему на грудь. Со стороны верхнего рынка раздались выстрелы.

– Ёпст! Что такое?! – Севостьянихин кинулся к окну.

Но ему уже докладывали по «локалке»¹¹:

– «Дикие гуси» ушли!

Севостьянихин впервые за день выругался от души, не потому что «дикие гуси» ушли, а потому что оказались дураками. Кто бежит в открытую по городу, когда бой идёт. Сквозь дома нужно. Сквозь дома, взрывая стены! И то нарвёшься на засаду. В общем, в таком деле нужны нюх и верный расчёт.

---

¹¹ «Локалка» – локальная связь внутри группы.

А у начальников полиции расчёта нет, а только одно-единственное желание: сбежать подальше от войны, и трибунал их не волнует, и совести у людей нет, не говоря уже о славянской гордости. «Оборзели полицейские, – подумал Севостьянихин, – вообще ничего не боятся».

– Называется, под шумок, – сказал он и поморщился так, что непонятно было, одобряет его нос поступок «диких гусей» или нет, ближе своя рубашка к телу или долг превышает всего?

– Чёрт с ними, – сказал Лёва Аргаткин, который прибежал за патронами. – Они даже за БТРами не сунулись. Понимали, что не обломится.

– Ну да, там же Паша Бургазов, – сказал Севостьянихин и этим всё объяснил.

– Пожрать надо, – сказал Олег Вепрев, – а то у меня желудок к позвоночнику прирос.

И они пошли искать еду. Слышно было, как стрельба достигла своего апогея. Ясно было, что кладут боевики «диких гусей», кладут от всей души, как в тире. Но идти и выручать тех, кто тебя презирает и поносит страну, никакого желания не было.

– Я знаю, где, – сказал Игорь.

Они поднялись наверх, ведомые запахом еды. Ветер, разгоняя дым, гулял по этажам. Оказалось, что их уже опередили: Герман Орлов сидел в углу в гордом одиночестве, громко и с аппетитом чавкая, пожирал молодую картошку с тушён-

кой, зелёным луком и чесноком. А ещё запивал крепчайшим чаем из огромной чашки, объёмом не меньше полутора литров. И чай тот был, настоящий на молодой крапиве, – первое средство для восстановления сил и духа.

– Наш пострел везде поспел, – одобрительно заметил Олег Вепрев и скользнул плотоядным взглядом по Божене, по всем её женским прелестям, и по лицу, и по рукам тоже.

– За вами разве угонишься, – ответил Герман Орлов с набитым ртом. – Ой, сладко! Ой, вкусно! Хорошая у тебя хозяйка, – похвалил Герман Орлов. – Мне б такую, на руках носил бы.

Однажды Герман Орлов отличился тем, что сварил рассольник из свежих огурцов. С тех пор его к кухне не допускали на пушечный выстрел. В его безалаберной личной жизни превалировали буфетчицы или кухарки, на большее он не тянул, не хватало воображения. Естественно, готовить его они не учили.

– Но-но... – предупредил Игорь.

– А я что? – простодушно удивился Герман Орлов. – Я ничего, сижу, чай попиваю, вот. Ха-ха-ха! Гы-гы-гы!!!

Божена взглянула на Игоря, ничего не сказала, а открыла сумку с медикаментами. Игорь сел рядом с ней и тихо спросил:

– Ты где картошку взяла?

– Домой сбегала... – ответила она, блеснув, как мышь, глазами.

Нравилась ему эта её привычка делаться в некоторые моменты жизни девчонкой. Ей бы пацаном родиться, подумал он с восхищением. И она уловила это восхищение, и ей сделалось приятно оттого, что её понимают и ею любят.

– Сумасшедшая, – сказал он тихо, морщась оттого, что жгла рана.

– Шрам на роже, шрам на роже для мужчин всего дороже, – нравоучительно поведал Герман Орлов. – Ты ему ещё наркоза дай, а то он без меры рискует.

– Вот ты гад, Герка, – сказал Игорь больше из-за того, что не хотел лишний раз пугать Божиену, – ты забудешь эту шутку, а она помнить будет.

– Гы-гы-гы!!! – засмеялся довольный Орлов. – А-а-а... Игорёха, мы ещё на твоей свадьбе погуляем, – и обхватил его своими лапами. – Правда, Божена?

– Правда, – Божена покраснела и ещё пуще, ни на кого не глядя, занялась раной Игоря всерьёз, словно хотела его залечить до смерти.

– Так свадьба не за горами? – Олег Вепрев многозначительно потыкал Орлова в бок, мол, любовь, она и есть любовь хоть на Марсе, хоть на Земле, но ничего не добавил под грозным взглядом Германа Орлова – вот кто не признавал поползновений в сторону чужих женщин, не из-за того, что могла вспыхнуть ссора, а потому что в его понимании это было непорядочно. Олег Вепрев был не таким: нравились ему женщины, особенно смуглые и красивые, с мушкой на

верхней губе, поэтому он ничего с собой поделывать не мог. А в отношении Божены он любовался, как картинкой, по мужской привычке ожидая ответных знаков внимания, словно штурмовал крепость, которая ему не по зубам. Только он забывал, что выглядит слишком наивным и что судьба его на фоне войны давным-давно предрешена.

– Ну чего пристали? Чего? – спас от дальнейших выяснений Севостьянихин.

Андрей Павлович тоже был «правильным», понимал, что к чему, знал, что нет ничего хуже посеять в коллективе раздор и недоверие друг к другу, поэтому в его отряде женщин не было. В штабе пытались прикомандировать медработников женского пола. Андрей Павлович категорически отказался. Однако раз она появилась, в смысле, женщина, то надо неукоснительно соблюдать правила: не твоё, не тяни руки и держи язык за зубами, а не нравится, так иди воюй, гаси своё либидо в бою с врагом, пожалуйста, хоть в рукопашной, хоть языком, если получится.

А Игорь как-то вдруг стеснительно сказал, обращаясь больше к Божене, чем к кому-либо другому:

– Мы это ещё не обсуждали. У нас ещё всё впереди.

– Не обсуждали, – согласилась Божена и в назидание что-то сделала ваткой так, что ему снова стало больно.

– А зачем рисковала?

– Взяла бойцов и сбегала, – снова блеснула она глазами так, что он понял, что лучше не спрашивай, всё равно из-за

вредности не ответит.

– Слышь... Олег, – сообразил Игорь, – похоже, нижний рынок пуст.

Понял он всё: для него, собственно, и старалась, а ещё его товарищам угодить хотела, только цена такого поступка могла быть очень и очень высокой. Овчинка выделки не стоила. Но раз сбегала, значит, сбегала, молодец.

– Вот через него и пойдём, – обрадовался Вепрев, хотя по привычке кисло поморщился.

– А я?! – воскликнул Герман Орлов. – Я тоже хочу. Товарищ майор? – из героя он моментально сделался нытиком – большим, огромным, с плаксивым лицом, потому что понимал, что это самый короткий путь к сердцу командира.

– Да я-то что?.. – пожал плечами Севостьянихин, и его нос согласился с ним, покраснев, как помидор. – Иди воюй, если хочешь. Дело молодое. Только позицию сдай Аргаткину.

– Вот спасибошки! – обрадовался Герман Орлов и от радости прочистил горло: – Гы-гы-гы!!!

– Того снайпера с крыши возьмите, – сказал Севостьянихин. – Как его фамилия?

– Сержант Ржешевский, – подсказал Игорь.

Он ел картошку, и под укоризненным взглядом Божены по привычке вытирая руку о левое предплечье. Не приучила она его ещё к аккуратности, времени не было за суетой и спешкой.

– Во-во... Ржешевский, – кивнул Севостьянихин. – Тогда

давайте обсудим конкретно, – сказал он, доставая из планшета карту.

Игорь мысленно уже наметил пути разведки. Недаром он лазил по этажам с биноклем. Первым делом надо было понять, где боевиков меньше всего. Судя по плотности огня – за площадью Козлова, как раз за тем самым двухэтажным домиком, который Игорь развалил утром, и за крытым рынком, который горел. Однако, разумеется, соваться туда очертя голову никто не собирался. Требовалась доразведка.

– Они всё время перемещаются, – сказала Божена. – Мы туда прошли без проблем, а обратно обходили.

На неё посмотрели, как на сумасшедшую, но ничего не сказали. Должно быть, решили: или по непониманию, или врачаха, ну, очень смелая женщина. А Олег Вепрев подумал, что его другу повезло: не каждый день встречаешь такую решительную подружку офицера.

– Больше так не делайте, – назидательно сказал майор Севостьянихин. – Без моего ведома гостиницу не покидать, – и его смешной нос согласно кивнул.

– Есть не покидать, – смутилась Божена и покраснела.

– Так как вы шли? – спросил Севостьянихин, давая тем самым понять, что здесь все люди взрослые и понимают меру ответственности. – Можете показать?

Божена наклонилась над картой, и Игорь почувствовал запах её волос. «Чёрт! – подумал он, – похоже, я схожу с ума; чтобы прийти в себя, он встряхнул головой. Не мог он оста-

ваться спокойным рядом с ней, не мог.

– Вот здесь шли, здесь под мост нырнули, – показала она на карте.

– А куда из гостиницы сразу вышли?

– Через общежитие. Там никого не было.

Севостьянихин многозначительно посмотрел на Игоря Габелого, мол, видишь, что мы проворонили. Общежитие Пятигорской фармацевтической академии примыкало к гостинице. Их отделяла улица с двумя рядами сосен.

– А когда назад шли, где столкнулись с ними?

– Сразу за рекой.

– Ага... – многозначительно сказал Севостьянихин и задумался.

– У них людей не хватает, – уверенно сказал Олег Вепрев, – поэтому они перемещаются. Пользуются тем, что мы пассивны.

– А зачем тогда рынок жечь? – по-детски удивился Герман Орлов.

– А это не они зажгли, – уверенно сказал Севостьянихин.

– А кто? – удивился Герман Орлов, и его лицо, как у большого ребёнка, сделалось изумлённым.

– Наши, – уверенно сказал Севостьянихин. – Думаю, Ногинский. Больше некому. Заметил, что ветер в нашу сторону, и поджёг.

Севостьянихину всегда хотелось, чтобы Алексей Ногинский совершал сплошные подвиги, потому что они были в

отряде с самого начала его формирования, остальные или погибли, или лежали в госпиталях, или написали рапорт о переводе в более спокойные места.

– Мудрёно... – недоверчиво почесал затылок Герман Орлов. – Я бы не додумался. – Ну да, – сказал он, – здесь же роза ветров, неделями дует в одну сторону.

* * *

Первым шёл Игорь. Худой и ловкий, он как нельзя лучше подходил для этой цели. Они специально выбрали момент, когда дым стал особенно густым и маршрут не просматривался с Машука, да и сосны закрывали общежитие Пятигорской фармацевтической академии. Если долго не светиться, то имелись все шансы проскочить незамеченными.

Игорь прыгнул в окно, кувыркнулся на полу и приготовился к неожиданностям, но всё было тихо, никто не кричал «Аллах акбар!» и не кидался гранатами.

Комната оказалась разгромлена, и на полу были хорошо заметны потёки крови. Видно было, что волокли или раненого, или убитого. Игорь высунулся в коридор, нашёл, что здание, по крайней мере на первом этаже, пустое, вернулся к окну и махнул рукой. Голова у него была ясная и работала чётко, как хорошо отлаженный механизм. Каким-то шестым чувством он понял, что в общежитии боевиков нет, что убитого сволокли в подвал и что за ним обязательно вернуться.

Через мгновение все пятеро были в здании и разбежались по комнатам.

– Пусто!

– Пусто!

– Пусто!

Пятым с ними пошёл боец из Волгоградского РОВД – старший лейтенант Виктор Максимов. Он предпочитал пулемёт, а два пулемёта в группе – это уже сила.

И опять им повезло: гостиница «Пятигорск» тоже оказалась пустой. Боевики убрались из неё буквально минут за пять до их появления: на полу валялись остатки «зелёного» армейского пайка, а в углу чадил таганок.

– Чего это братья-американцы их ничем новым не снабдили, – пренебрежительно сказал Герман Орлов, пнув остатки «зелёного» пайка. – Нашим, собаки, пользуются.

А Игорь подумал, что Божене с бойцами чертовски повезло: проскользнули они, как мылом смазанные. Пока Герман Орлов разбирался с экипировкой боевиков, Ржешевский через оптический прицел вёл разведку прилегающих к общежитию улиц.

Игорь и Олег Вепрев, подумав об одном и том же, сунулись в подвал и нашли того духа. Сняли у него с руки синюю повязку, а уходя, подложили гранату с выдернутой чекой.

– Командир, вижу чеха, – сообщил Ржешевский, когда они вернулись.

– Не стреляй! – сказал Игорь, тоже выглядывая в окно и

замечая, как три или четыре боевика мелькнули за углом дома. – Пусть уходят.

Боевики скрылись в сторону улицы Мира. На лице Ржевского промелькнуло разочарование, он с сожалением убрал палец с курка. Логика боя подсказывала, что надо бить боевиков при любом удобном случае. Но случай сейчас был не тот.

– Слушай, – сказал Герман Орлов, – мне кажется, они стягиваются к одному месту. А если мы двинем за ними, прикинемся боевиками и до моста дотопаем?

– Ну что, давай попробуем, – пробасил Герман Орлов. – Где наша не пропадала!

Особо раздумывать было некогда.

– Ладно... – решил Игорь, – вперёд!

Риск, конечно, был, но невелик – риск, что их раскусят, и риск нарваться на засаду. Последнее было, конечно, хуже всего. Однако судя по тому, как беспечно ведут себя боевики, уверенные в своей безнаказанности, засада была из области страхов – обычное дело на войне. Наверняка боевики ушли по команде, а значит, несколько минут можно перемещаться под шумок: издали мало кто разберёт, а вблизи – мы сами с усами. И опять он выпрыгнул первым, и они побежали так, как бегают боевики – цепочкой, уверенно, не оглядываясь, потому что чего оглядываться, если вокруг свои. А гостиница, которая нависала слева, дымилась, как Всемирный торговый центр в Америке одиннадцатого сентября, но

источала почему-то не поражение, а уверенность и стоицизм.

Через пару минут они увидели хвост уходящих боевиков, которые трусили вдоль проспекта Калинина вальяжно, чуть ли не вразвалочку. Последним удалялся боевик с двумя гранатами и РПГ-7 за плечами.

– Дать бы по нему... – с сожалением высказался Герман Орлов, у которого всегда чесались руки не только при виде боевиков, но и «друзей»-пиндосов.

* * *

Игорь, который за полгода изучил район, где жила Боже-на, примечал все те места, куда можно было нырнуть в случае отстрела или засады. Была у него такая неискоренимая привычка, которая не раз спасала ему жизнь. Все канавы он классифицировал по трём признакам: глубине, протяжённости и виду грунта. Лучше всего, конечно, были канавы, вырытые в земле. Пули в них не рикошетили. Но такие канавы в Пятигорске были чаще всего слишком мелкими для крупного мужчины. Одна такая тянулась вдоль левой стороны проспекта, рядом с пятиэтажками, и была вырыта, должно быть, под кабель, который не успели проложить. А теперь этот никому не нужный кабель валялся бухтами, покромсанный охотниками за цветным металлом. Хороши были также окна подвалов без стёкол и решёток, каменные или железобетонные заборы, отдельные строения типа магазинчиков,

но лучше всего и безопаснее всего Игорь признавал, конечно же, капитальные дома с проходными дворами. Таких дворов на пути у них было целых пять – через магазины или кафе. Везение заключалось в том, что эти дома равномерно располагались по всему проспекту Калинина. Удачный был маршрут, очень удачный. Такой удачный, что любому разведчику, выбравшему его, можно было заочно поставить твёрдую пятёрку с жирным плюсом. Может быть, им потому и повезло, что всё произошло спонтанно. Однако Игорь также прекрасно понимал, что боевики тоже не дураки и тоже проводили рекогносцировку местности и наверняка посадили снайперов в высотки с правой стороны дороги за мостом. Поэтому они под этот самый мост не сунулись, хотя вначале планировали использовать его для скрытного выдвижения в тыл крытого рынка, а свернули влево под защиту хрущёвок.

«Когда снимаешь часового, не надо смотреть ему в затылок, только – на спину или на руки, только не в затылок, чтобы не почувствовал взгляда», – говорил капитан Чибисов, инструктор по рукопашному бою. Игорь запомнил это так же хорошо, как «Отче наш», который никогда не учил, но слышал в церкви. Однако на этот раз он оплошал на долю мгновения и почему-то заговорил с боевиком, который сидел под вывеской ресторана «Эрмитаж» и отчаянно скучал. Должно быть, его сюда поставили охранять тыл, и он уже сидел так долго, что устал спать и считать камни на дороге. А тут они – считай, в глубоком тылу, где русским делать-то нечего. Есте-

ственно, погоны свои они спрятали давным-давно и подальше. Да и зачем те погоны, если все друг друга знают в лицо – лишняя зацепка для снайпера.

– Маршалла хуьлда!¹² – поздоровался Игорь. – Кхуза иола!¹³

– Маршалла хуьлда... – нехотя приблизился часовой.

Был он молод и глуп. Такого даже убивать не хотелось. На верхней губе у него едва пробивался пушок. Свяжем, решил Игорь. Пусть живёт. Молод ещё. В плен попадёт, перевоспитаем. Разберётся, что к чему. Внукам будет рассказывать, как воевал.

– Хьуна, оьрсийн мотт хаьий?¹⁴

– ХIаь. Ехьа!¹⁵. А кто вы такие?

Непонятно, почему он нас не разоблачил, подумал Игорь, особенно славянскую физиономию Германа Орлова, который на голову возвышался над всеми. Впрочем, его с таким же успехом можно было принять за американского инструктора. Инструкторов-то у моджахедов хватает. Кому, как не американцам, устроить прорыв?

– Хьан гIуллакх дац!¹⁶ Где рыжий Алик?

– Какой?

---

¹² Здравствуй (чеч.).

¹³ Подойди! (чеч.)

¹⁴ По-русски говоришь? (чеч.)

¹⁵ Да. Плохо (чеч.).

¹⁶ Не твоё дело! (чеч.)

– Мухитдинов.

– По кличке Жираф?

– Да.

Его сбила с толку синяя повязка на рукаве у Игоря.

– Ца хаъа...¹⁷

– Хъа лергаш¹⁸, – сказал Игорь. – Нам нужно срочно его найти. Ахъ бакъала бох?¹⁹

– ХІаъ!

– Хъан мара гома бу²⁰, – выступил вперёд Олег Вепрев, очень кисло поморщившись.

Это была единственная фраза по-чеченски, которую он знал, вкладывая в слово «нос» совсем другое значение.

Часовой схватился за нос, а потом за то, что ниже пояса:

– Ватааа!²¹ – неподдельно испугался он.

Поди, только начал по девкам бегать. Его ещё собственная внешность волнует, невольно подумал Игорь.

– Мы пошутили, – хищно оскалился Олег Вепрев.

Он начал заводиться, и ничего хорошего это не сулило. Странная внутри у него была пластинка – даже для своих, никто ведь не трепался о долге и вере, а Вепрев запросто мог выложить открытым текстом, мол, мы здесь за Россию

---

¹⁷ Не знаю (чеч.).

¹⁸ Не ври! (чеч.)

¹⁹ Ты говоришь правду? (чеч.)

²⁰ У тебя кривой нос (чеч.).

²¹ Ужас! (чеч.)

горбимся; все избегали национального вопроса, а он всегда говорил, что чеченцы и ингуши – это волки, смотрящие в лес, и в результате оказался прав – ведь построили «стену», правда, с помощью США, но тем не менее, и кто лицемернее в данной ситуации, трудно сказать. А мы, русские, оказались в дураках, подумал Игорь, как детей, обвели вокруг пальца.

– Хьа да валла хьаккхийца!²² – выпалил юный часовой.

– Ма забарш ю хьа...²³ – примирительно сказал Игорь.

– Совсем не шутки! – перехватил автомат часовой.

– Дасаца!²⁴ – предупредил Игорь, потому что знал, что Олег Вепрев быстр, как пуля, и долго думать не станет. Он с испугом покосился на Олега – глаза у него налились кровью и лысина страшно покраснела. Даже уши стали пунцовыми.

– Декъала хуълда Нохчийчоб!²⁵ – выкрикнул часовой.

Эту фразу Олегу Вепреву переводить было не надо, конечно же, понял он её от начала до конца, потому что часто слышал на КПП «Кавказ».

– Ах ты, засранец! – произнёс он и ударил как-то так странно, что даже Игорь удивился – словно просто черкнул кулаком по подбородку – без подготовки, без размаха, неожиданно, можно сказать, подло, только подлость эта на войне называется хитростью. А когда часовой упал, схватив-

---

²² Чтобы твоего отца похоронили вместе со свиньёй! (чеч.)

²³ Ну и шутки у тебя... (чеч.)

²⁴ Замолчи! (чеч.)

²⁵ Да здравствует свободная Чечня! (чеч.)

шпись за горло, придавил его коленом, как котёнка.

– Бача хук!²⁶ Хаар коз!²⁷ – бормотал он, орудуя ножом в три движения так ловко, словно свеживал барана.

Он ещё успел повоевать рядом с теми, кто прихватил Афганистан, и, естественно, нахватался тех выражений, которыми можно было оскорбить мусульманина.

– Зачем?.. – удивился Игорь, который не видел в часовом реального противника, пацан он и есть пацан – чеченский или русский.

– Он меня обозвал?! – выпрямился Олег. – Обозвал! – потребовал он подтверждения.

– Но ты же с ним рассчитался?.. – в свою очередь, уточнил Игорь, которому уже надоела вся эта возня.

– Нет, я хочу знать! – окончательно рассвирепел Олег, и в этом была его натура, из-за которой он порой терял голову и становился похожим на зверя.

– Зачем тебе знать, – ответил Игорь, – спать плохо будешь.

– Нет! Говори! – потребовал Олег Вепрев, и губы его побелели.

Совсем рехнулся, понял Игорь, крыша съехала.

– Ладно... – произнёс он и, наклонившись, прошептал ему в ухо всё то, что сказал часовой.

Теперь его точно не удержишь, подумал он, теперь Вепрев будет сам не свой – и хорошо бы из-за своей контузии, а то

---

²⁶ Сын свиньи! (дари)

²⁷ Хаар коз – непереводаемая игра слов (дари).

ведь по глупости заводится.

– Ах, скотина! – Олег Вепрев оскалился, как волк, и пнул мёртвое тело, кровь из-под которого текла вниз по наклонной улице и напротив подъезда собиралась в лужу. На её поверхности плавал мусор: какие-то веточки и тополиный пух.

Прятать тело было бессмысленно. Но Олег Вепрев настоял, и они перекинули его за забор, под цветущую сирень.

– Пусть поищут, – мстительно сказал Вепрев, и глаза у него стали мутными-мутными, как после недельного запоя.

– Ну и правильно, – рассудительно согласился Герман Орлов, вытирая руки о штаны. – Чёрт с ним, со щенком. Я таких навидался. Пацан пацаном, а у самого пистолет в кармане. Мне их любить не за чем. Они Кавказ отхапали и на Кубань рот раззявили. Чего мне с ними цацкаться?!

Порой Герман Орлов был способен примирять людей в отряде, и все понимали, что Герман Орлов всегда прав, и правда эта выстрадана кровью и жизнями, и жалеть пацана нечего, но Игорю почему-то всё-таки было его жалко. Убивать молодых всегда жалко, даже если они твои враги.

* * *

На крытом рынке горели склады. Сизый дым выбивался из-под черепичных крыш, его прибивало к земле и несло широкой полосой в сторону Машука. Зачинались дымить торговые ряды под яркой голубой крышей. Ясно было, что если

боевики где и сидят, то только в центральном помещении, откуда гостиница как на ладони, а стрелять из больших арочных окон одно удовольствие.

Смущало только высотное здание из синего стекла – оно, как айсберг, возвышалось над кварталом. Посади туда снайпера и горя не знай, иначе можно было считать духов большими дураками – ну не в самом же деле, думал Игорь, разглядывая перекрёсток и прилегающие улицы в бинокль. Прямо торчало это самое здание из стекла и бетона, которое так беспокоило Игоря, справа виднелся розовый угол почты, а с левой стороны находился крытый рынок. Обычно шумный и суетливый район был пуст, как равнины Марса. Тёплый ветер гнал тополиный пух, и если на секунду отвлечься, то казалось, что идёт снег, и приятно было представлять, что ты дома, в Санкт-Петербурге, готовишься к первой лыжне. Если обойдётся, подумал он, то уедем с Боженой, и прости-прощай этот чёртов Кавказ, который мне опротивел до печёнок, и больше сюда ни ногой, ни за какие коврижки, даже на самый модный курорт. Он не стал больше рассуждать на эту тему, потому что обнаружил себя шибко бегущим зигзагами поперёк улицы – высоким, худым и сутулым, чуть нелепо сжимающим автомат длинными жилистыми руками – крайне удобная цель для снайпера. Очень удобная, прямо как в тире. Но в него никто не выстрелил.

Он упал под стену рынка, больно ткнувшись коленом в подбородок, и тотчас высунул автомат из-за угла и прикрыл

остальных, взяв под прицел улицы Крайнего и Октябрьская, уже и не думал о высотке из синего стекла, потому что думать бессмысленно: есть снайпер или нет, бой покажет. А обшаривать такое здание сил нет. И опять им повезло: то ли боевики проспали, то ли их здесь вовсе не было. Никто до сих пор не стрелял и не кричал: «Ерси!!!»²⁸ Было бы вообще здорово, суеверно скрестил пальцы Игорь, если бы они, имея в виду боевиков, ушли и отсюда к чёртовой бабушке за свою любимую «стену» и заткнулись со своими заунывными муэдзинами и пропагандой для дебилов, потому что... потому что... просто сил нет. Рядом, как бочка с пивом, плюхнулся Герман Орлов и зашептал в обычной своей возбуждённой манере:

– Я чего говорю, надо обойти справа и слева и закидать гранатами.

– Шума будет много, – сказал Игорь, выглядывая из-за угла: можно было, конечно, и закидать вслепую, безадресно, гранат бы не хватило, – здание большое, пока добежишь до конца, боевики очухаются.

Улица была пуста до самого поворота, а что там за поворотом, там, где был кинотеатр «Космос», одному богу известно.

– Шума и так будет много, – возразил Герман Орлов и недовольно покрутил мордой.

Игорь в ответ только помотал головой. Он ещё не решил,

---

²⁸ Ерси – русские (чеч.).

что надо делать, но шуметь почему-то ему не хотелось. Кидать гранаты вслепую было не самым лучшим вариантом. Виктор Максимов уже выбрал в качестве сектора обстрела верхнюю часть улицы Крайнего. Олег Вепрев прикрывал тылы.

– Чего дальше? – спросил он нервно.

Ему словно иглу в зад вставили, вертелся он и в таком состоянии был импульсивен до безрассудства. Убьют его сегодня, подумал Игорь, как пить дать, убьют.

– Значит, так, – сказал Игорь. – Мы с Германом входим первыми. Вы страхуете площадь и улицы. Если через минуту всё тихо, входите следом. Илья, ты определился? – спросил он у Ржешевского.

– Я сяду в том крыле, – он показал на двухэтажную пристройку, дальняя часть крыши которой уже занялась пламенем.

– Всё, мы пошли, – поднялся Игорь, полагая, что они предусмотрели всё, что можно предусмотреть в их положении.

Олега Вепрева он не взял с собой по одной-единственной причине – Олегу надо было прийти в себя и перестать злиться. Хотя, конечно, он будет таким до конца операции, и ничего с этим поделать было нельзя.

Дверь в рынок оказалась тяжёлой и скрипучей. У Игоря аж мороз по коже пробежал, когда она с таким же скрипом захлопнулась за ними. Секунд десять они стояли в тёмном

тамбуре, привыкая к освещению. Прямо за второй дверью до стены второй секции тянулись мясные ряды. А справа и слева на второй этаж поднимались истёртые мраморные лестницы. Они с Боженой часто здесь бывали, и Игорь хорошо знал помещение. Приятно гулять, когда в тебя никто не стреляет, подумал он и толкнул следующую дверь.

Прямо перед ними на полу лежал пьяный в доску боевик. Он спал мертвецким сном.

– Не стреляй, – прошептал Игорь.

– А если очнётся? – сделал изумленную морду Герман Орлов.

На эту морду можно было молиться в тёмном углу – настолько она была искренней и добродушной. Хорошо, когда для твоего товарища война – это развлечение, если помрёт, то весело, без волнений. Игорь только поморщился, поднимая с пола автомат и отстёгивая от него рожок, а потом показал пальцем наверх, где наверняка кто-то сидел. Автомат пьяного боевика он засунул между ящиками, когда они уже с Орловым поднимались наверх. Только тогда он вспомнил, что в рынке был ликероводочный магазин, а ещё он вспомнил, что в Имарате Кавказ объявлен сухой закон, и стало быть, есть надежда, что моджахеды на радостях перепились. Только надежда эта была с гулькин нос, не такие же они дураки. Но оказалось, что он их идеализирует.

По левой лестнице грациозно, как гепард, прошмыгнул Олег Вепрев, за ним с пулемётом в руках едва поспевал Вик-

тор Максимов. Значит, минута прошла, автоматически отметил Игорь и тут же переключился на боевиков. Всего их было человек пять, и только один из них возился с ПКМом, устанавливая его на подоконнике, чтобы стрелять по гостинице. Герман Орлов подошёл, не таясь, и выстрелил ему в голову из пистолета ПСС²⁹. Потом так же деловито застрелил каждого из боевиков, которые в лёжку валялись между рядами среди пустых бутылок. Один только что-то сообразил и взмахнул руками, но Герман Орлов только криво ухмыльнулся.

Может, обойдётся, решил Игорь, может, они все пьяные, и в этот момент по другую сторону террасы заработал пулемёт Максимова.

– Ёпст! – закричал Герман Орлов, ударом ботинка выбивая дверь, которая вела в следующий сектор.

Он схватился за «шмель-м». Игорь только успел отскочить в сторону. Орлов выстрелил и, взявшись за пулемёт со словами: «А теперь мы повоюем!» – бросился вперёд.

Ещё не рассеялись дым и пыль, а они, поливая все углы и закоулки огнём, проскочили второй сектор рынка и ворвались в третий. И только здесь им оказали хоть какое-то сопротивление: по углам и откуда-то снизу под мат и славянские выкрики ударили автоматы, но очень недружно и тут же захлебнулись, потому что не выстояли против плотного огня и мгновения. Тех же, кто стрелял снизу, забросали гра-

---

²⁹ ПСС – пистолет самозарядный специальный (бесшумный).

натами. И наступила тишина. Слава богу, с облегчением подумал Игорь, даже никого не ранило, только Виктора Максимова слегка контузило «шмелём-м», хотя, казалось, опытный Герман Орлов стрелял аккуратно, но бой есть бой, в нём всего не учёшь и не предвидишь.

– Неужто всё?.. – радостно спросил Герман Орлов, не веря самому себе, и морда его излучала неподдельную радость. – Так быстро?!

– Братья-славяне дурной пример показали! – крикнул Игорь, пнув бутылку из-под дешёвого ликера.

– Налакались на радостях, – согласился Герман Орлов, нюхая бутылку местного коньяка и с сожалением отбрасывая её в сторону: пить такую отраву было нельзя даже спецназу.

А ведь мы сегодня даже не опохмелялись, вспомнил Игорь, очевидное – невероятное. Они быстренько пробежали понизу, добывая тех, кто был ещё жив. А потом за матами и радостными криками Германа Орлова и Олега Вепрева вдруг услышали, как их зовут: тоже с матом и фигуристыми причитаниями, да такими весёлыми, что впору было принять за своих.

– Ёпст! – воскликнул Герман Орлов. – Так это ж Ролик! Ёпст! А я гранату хотел кинуть! Гы-гы-гы!

– Точно! – радостно закричал Олег Вепрев, оттаивая на мгновение, но потом волчий оскал снова вернулся на его лицо.

И они бросились их искать и в самом дальнем углу рынка

наткнулись на отхожее место. Вопли и маты неслись оттуда.

– Не может быть, – твердил Олег Вепрев, кисло морщась. – Не может быть... Ха-ха...

– Лёха, ты что ли?! – наклонился над очком Герман Орлов и узнал его по изувеченным ушам и железным зубам.

– Да я, я! – нетерпеливо откликнулся Алексей Ногинский. – Кто ещё? Руку дай!

– Ага! – насмешливо возразил Герман Орлов, отступая на шаг.

– Кто там, кто там?... – сунул свою татарскую морду Олег Вепрев и засмеялся, довольный, как слон: – Чего ты там делаешь, сукин сын?

– Ванны принимаю, – ответил Алексей Ногинский. – Давай руку.

Руку ему, конечно, не дали, а верёвку кинули. И вытянули, да не одного, а троих. Все основательно были вымазаны по пояс.

– Только не подходи ко мне, – воскликнул Герман Орлов. – Ой, ёпст, вонища. Два шага назад, товарищ старший прапорщик!

– Радуемся, что живы, и уходим, – сказал Игорь, нервничая.

Ему всё казалось, что моджахеды вот-вот опомнятся и тогда всем придётся лезть в клоаку. И точно!

– Командир, чехи! – доложил Илья Ржешевский по «локалке».

Недаром его оставили прикрывать тылы. Всё-таки чутьё меня не обмануло, с удовлетворением подумал Игорь:

– Сколько? – он прижал микрофон к уху, чтобы не слышать зубоскальства Германа Орлова и Олега Вепрева, остальные из вежливости помалкивали в тряпочку, хотя и были, конечно, рады, что Ногинский жив и здоров.

– Пока трое со стороны реки, и снайпер появился в высотке.

– Так, – приказал Игорь, – хватит ржать. Собрались и уходим.

– Куда?.. – иронично осведомился Олег Вепрев, который только-только вошёл во вкус и готов был воевать хоть до вечера.

На его лице бродила всё та же жуткая улыбка. Он уже выбил окно на втором этаже первой секции и перетаскивал мешки с песком, обустривая себе амбразуру с тем, чтобы держать под огнём улицу Крайнего вплоть до самой речки. Для этого как ни кстати пригодился тяжёлый пулемёт «корд» моджахедов. Затем он стал переворачивать мёртвых духов в поисках боеприпасов.

– Прямиком на базу под прикрытием дыма, – сказал Игорь.

– А чего, командир... – предложил Герман Орлов, озираясь и ища себе такую же цацку, как у Олега Вепрева. – Повоюем?

Ему пришлось довольствоваться своим «печенегом»³⁰, осталось только обложиться коробками с патронами.

Игорь махнул рукой:

– Ладно... Тебе бы только стрелять, – проворчал он, уступая.

Никаких объективных причин оставлять удобную позицию, конечно же, не было. Однако у него сразу возникло плохое предчувствие: уходить надо – срочно и безоглядно. А с другой стороны, позиция идеальная: духи ещё не очухались, потери у них большие – человек двадцать. Закрепить успех – первое дело. Об этом он тут же доложил Севостьянихину и о Ногинском, разумеется, и о его бойцах тоже, опустив, правда, подробности, как то: выгребные ямы и прочие прелести, сопутствующие этому. Договорённость у них была: в случае положительного исхода дела можно было себя и рассекретить, но, разумеется, не прямым текстом, а с использованием кодированных фраз.

– А мы?.. – с обидой в голосе спросил Алексей Ногинский. – Нам бы отмыться...

Бойцы за его спиной тоже смотрели на Игоря не очень добрыми глазами – вонища от них шла несусветная, а одежда уже покрылась коркой.

– Ребята, да вы что?! – добродушно пробасил Герман Орлов. – Да мы о такой позиции всю жизнь мечтали. Сейчас как вломим туземцам. Война-то уже настоящая, как в сорок

---

³⁰ Ручной пулемёт ПКП «Печенег».

первом, это же не со своими воевать, а считай, с пришлыми, америкосами.

На его лице было написано: «Я тебя, Ногинский, конечно, уважаю. Не всякий полезет в отхожее место, но дело прежде всего».

Игорь, разумеется, хотел возразить насчёт америкосов, но потом подумал, что действительно за всей этой вылазкой наверняка стоит американская разведка. Хотя вроде как с Америкой задружились, но я им не верю и на такую дружбу копейки не поставлю. Подлая нация испокон веков, англосаксы, одним словом, ещё в царской России стратегическим врагом определялась Англия, теперь – Америка. Что лучше, непонятно.

– Вы можете уходить, – разрешил он. – Своё дело вы уже сделали. Большое вам спасибо. Доложите Севостьянихину, что бьёмся, пока патроны есть, а потом уходим, пусть он нас поддержит огнём и манёвром.

Манёвром, конечно, вряд ли, потому что БТРы берегут, как зеницу ока, а огнём даже очень могут, подумал Игорь.

– Пожалуйста, – недовольным тоном ответил Алексей Ногинский, а остальные потупились и принялись изучать пол под ногами. – Только... только мы тоже хотим дагам свечку вставить за наши мучения. Правильно, ребята?

– Правильно, – вздохнули его бойцы без особого энтузиазма, отмыться им, конечно, было бы надо да отдохнуть после такой нервотрёпки.

– Пошли, ребята!

И они обиженно поплелись в третью секцию, чтобы держать левый фланг, который выходил к кинотеатру «Космос».

Повоюем с полчасика, решил Игорь, а потом видно будет.

Хорошая получилась позиция: длинная и одновременно компактная, охватывающая сразу три улицы, а главное – прикрытая с тыла своими. И оружия навалом – воюй не хочу, и бойцы, как никогда, воодушевлены, и всё-таки Игорю что-то было не по душе. Боялся он за Олега Вепрева, за его необузданный нрав, за бешенство. Глупость может Олег совершить. А ещё не любил он, когда всё гладко, как по накатанной дороге. Судьбу ведь не обманешь – слишком долго они все воевали и знали, что просто так всё не получается, за лёгкость и удачу придётся заплатить, только чем и как, пока ещё никто не знал, в общих чертах разве что: ранят кого-нибудь или убьют, не хотелось умирать, когда только жить начинаешь.

Игорь тоже нашёл себе ручной пулемёт и залез с ним в торец здания, под козырёк, выбил окошко и сунул дуло. Место, конечно, не очень удобное – сектор узкий, подслеповатый, но зато можно держать под обстрелом угол Октябрьской и Крайнего, которые прикрывал только Ржешевский, а с одной СВУ³¹ не много навоюешь. Подстрелят, как пить дать. Снайперу в любом случае по всем правилам нужна поддержка. Это только в сказках один в поле воин, а на самом деле

---

³¹ Снайперская винтовка укороченная.

всё не так. Всё жёстче и опаснее в сто крат. Поэтому вдвоём они сила: снайпер указывает цели, а пулемётчик подавляет огнём. Идеальная схема до тех пор, пока не столкнёшься с таким же противником. Ну а тогда кто кого раньше заметит и приголубит. А вот об этом лучше не думать, потому что от подобных мыслей рука дрожит и воюешь с оглядкой. Хотя воевать надо при любых условиях. Здесь уж как повезёт.

Всё-таки моджахеды оказались хорошими бойцами. Не пошли на рожон, правда, сгоряча выскочили из-за речки, но Олег Вепрев тотчас загнал их назад из своего «корда», и они, конечно же, стали искать обходы и не показывались минут пятнадцать, только мелькнули вдалеке, не достанешь, заходя со стороны Университетской. Вот когда Игорь пожалел, что там нет наших огневых точек – врубили бы по полной, да сил не было. Севостьянихин за это время связь оборвал: доложи ему, что да как, да дай полную картину дислокации – ну, понятно, чтобы, если что, своих не накрыть.

Игорь доложил подробно, что трое воевать долго не смогут, что боеприпасов часа на два боя, что можно присылать людей.

– А в остальном без изменений, – добавил он.

Но Севостьянихин людей не прислал и даже не объяснил, почему. Может, некогда было, а может, не решился открытым-то текстом. Боевики тоже не дураки – кинутся на штурм гостиницы, и поминай как звали. А лишиться базы – смерти подобно. Да и нет у Севостьянихина обстрелянных людей.

Откуда им взяться? Разве что Драганов или Котляров. Но это последний резерв.

– Ты, если что, – приказал Севостьянихин, – не геройствуй. Сразу уходи, мы тебе поможем.

Ага, с иронией подумал, Игорь, будете огнём прикрывать, если боевики дадут, они ж тоже не дураки. Кинутся со стороны Машука и оттянут на себя силы. А здесь мы ещё болтаемся, как не знаю что в проруби.

– Вы, главное, не давайте в тыл к нам зайти, – напомнил он.

Уж очень беспокоил его тыл. Тыл был слабым местом. За надёжный тыл люди жизнью расплачивались, а здесь подарок, можно сказать, задарма, думал Игорь, поглядывая вдоль улицы через прицел. Боевики мелькали, как разбегающиеся тараканы, убивать себя не давали.

– Будь спокоен, – заверил его Севостьянихин, – не дадим.

Ага, снова подумал Игорь, буду я спокоен, жди. Дым отечества, который помогал нам, теперь помогает духам. Теперь они в фаворе. За этим дымом и проскользнут, и отрежут, и чёрт-те что ещё сделают, беспокоился он, хотя и переложил всё на собственную мнительность. С другой стороны, кто знает, где мнительность, а где дурное предчувствие. Не угадаешь. Так мы сделаны.

Потом одновременно заработал пулемёт Алексея Ногинского, где-то во втором секторе радостно завопил Герман Орлов: «А-а-а!!!»; «Бум-бум-бум...» – начал лупить из

«корда» Олег Вепрев, и тут же ударил пулемёт старшего лейтенанта Виктора Максимова, но всех перекрывал, разумеется, Олег Вепрев: «Бум-бум-бум... бум-бум-бум... бум-бум-бум...» Словно всаживал костыли в землю. От одного звука духи шарахались, как черти от ладана.

Боевик с гранатомётом выскочил на перекрёсток, и Игорю пришлось менять сектор обстрела, потому что он ждал духов совсем не в этом месте, а правее, потому что здесь было удобное место для укрытия: брошенные машины и множество окон, в любом из которых мог появиться гранатомётчик. Дух этот здорово рисковал, потому что перекрёсток простреливался из гостиницы. Но свои почему-то молчали, и Игорь, чертыхаясь, повернул ствол вправо и, не целясь, дал очередь, чтобы только испугать, не дать духу выстрелить и одновременно прикрыть Ржешевского, которому тот, считай, целился в спину. Дух послушно уронил гранатомёт и клюнул носом вперёд. Но это можно было отнести и на счёт меткого выстрела из гостиницы, потому что Игорь не мог сразу под таким острым углом попасть в боевика, разве что только рикошетом. Как бы там ни было, но атака справа была отбита. Свои увидели угрозу, которая проистекала со стороны Университетской, и врезали в проулок со всей мочи, так что духи, должно быть, несолоно хлебавши пошли искать другую дорогу. А вдогонку им ударили сразу два «шмеля-м». Развалили угол пятиэтажки чуть ли не до фундамента. И правый фланг можно было считать безопасным. Игорь только вздох-

нул с облегчением, как увидел что гостиница, возвышающаяся над кварталом, окуталась пылью – боевики всё-таки синхронно ударили со стороны Машука. Попёрли и здесь, да по всем правилам: пару человек по улицам с перебежками, а остальные через дома, есть такой приём незаметного движения. И Герман Орлов сразу же истратил последнего «шмеля», развалил угол дома на Октябрьской, потому что там, по его мнению, скопились боевики. А самому Игорю пришлось держать под плотным огнём пятиэтажку напротив. Но основной удар духи нанесли именно со стороны кинотеатра «Космос». Потому как замолк пулемёт Германа Орлова, а потом снова заработал, но уже в другом месте, Игорь понял, что Орлов вовремя сообразил помочь Алексею Ногинскому. Получалось так, что Олег Вепрев, который стрелял из «корда», один вполне успешно сдерживал моджахедов вдоль улицы Крайнего. А он, в свою очередь, вместе с Ржешевским держали правый фланг. В грохоте выстрелов то и дело слышался короткий звук СВУ: «Пум!» «Пум!» «Пум!» Да и Игорь корректировал цели, Ржешевский подсказывал ему, где накапливаются боевики, и свой фланг они держали под плотным огнём.

Потом вдруг за грохотом боя Ржешевский замолк, и Игорь не сразу обратил внимание, что не слышит привычного шелканья СВУ.

– Сержант! – позвал Игорь. – Слышишь? Ответь! Илья!
Он подождал ещё немного, решив, что Илья Ржешевский

меняет позицию, и снова позвал его.

– Олег, – сказал он, – я пошёл к Ржешевскому.

– Давай, командир, я прикрою, – среагировал Олег Вепрев, кисло поморщившись, и его пулемёт выплюнул очередь: бум-бум-бум... и улицу затянуло пылью.

А Игорь скатился на первый этаж, выскочил из здания рынка, в одно мгновение пересёк расстояние до крыльца и в три прыжка оказался в соседнем здании.

Ржешевского ранило в спину. Он лежал ничком, и, ещё не перевернув его, Игорь первым делом определил, откуда стреляли. Получалось, что за Ильёй Ржешевским охотились, потому что выстрелили из здания, стоящего метров за двести. Чтобы попасть в это здание, надо было миновать открытое пространство между крытым рынком и гостиницей, а значит, в гостинице прозевали.

– Герман! Олег! – позвал Игорь. – Уходим! Забирайте всех и уходим.

– Почему? – удивился Герман Орлов, впрочем, не прекращая стрельбы.

– Сержанта ранили.

Он уже делал ему противошоковый укол в ногу прямо сквозь брюки, а когда снял с Ильи Ржешевского «бронник», на пол выкатилась пуля, согнутая пополам.

– Ёпст! – воскликнул появившийся Герман Орлов. – Это надо с какой силой врезало!

– Пригнись, не маячь, – сказал Игорь.

– Понял, не дурак, – нагнулся Герман Орлов.

Ему было достаточно одного взгляда, чтобы оценить обстановку. Вдвоём они быстро наложили на входное и выходное отверстия раны индивидуальные пакеты и принялись бинтовать. Ржешевский был без сознания и дышал прерывисто.

Потом со своими прибежал Алексей Ногинский:

– Давай, командир, я прикрою, – и водрузил пулемёт на лестничные перила.

Тр-р-рум-м... тр-р-рум-м... тр-р-рум-м... – заговорил его пулемёт, и уже никто не воротил нос от запахов выгребной ямы, не до того было.

– Максимов, за мной! – скомандовал Игорь.

– Ну-ка... – Герман Орлов взвалил Ржешевского на спину легко, как пшеничный сноп, и поволок в глубь здания под защиту стен.

Потом снова одновременно заработали пулемёты Алексея Ногинского и Олега Вепрева: тр-р-рум-м... тр-р-рум-м... тр-р-рум-м... и бум-бум-бум... Но всего Игорь и Виктор Максимов уже не видели, потому что по всем правилам побежали к тому зданию, которое стояло между гостиницей и крытым рынком. Одна надежда была на то, что или снайпер ушёл, потому что явно был без прикрытий, или если с прикрытием, то ждут их совсем не там, где они бежали. А бежали они к зданию тоже хитро: не в лоб, разумеется, а с таким расчётом, чтобы снайперу и прикрытию, если оно там,

конечно, пришлось бы стрелять под острым углом, а это резко уменьшало их шансы попасть в кого-то из двоих. Хотя пойдя вычисли тот угол. Тоже игра случая. Здесь уж как повезёт. Я бы на месте духов давно бы сделал ноги, подумал Игорь, заскакивая на первый этаж через окно. Он попал в детскую, и пока выбирался из царящего в ней бедлама, понял, что Максимов опередил его и шарил уже где-то наверху – ругался он матом так, что было слышно внизу.

Конечно, все квартиры они не собирались обыскивать, только те, в которых с наибольшей вероятностью могли находиться боевики. Да и времени у них, собственно, не было – всего лишь пока Вепрев и Ногинский сдерживали духов и пока те не сообразили, что к чему.

– Бил снайпер! – доложил Максимов по «локалке». – Гильзу свежую нашёл.

Игорь как раз поднимался на второй этаж и каким-то шестым чувством почувствовал, что отвечать не требуется, а почему, сам не понял, просто следовало вести себя тихо, как мышь. Поэтому он замер, приподняв ствол автомата и держа лестницу на мушке. Неожиданно в эту мушку всплыла фигура снайпера, который, должно быть, стоял на лестничной площадке и решал: спускаться ему или выпрыгнуть со второго этажа. Прыгать было рискованно, но не рискованней, чем выйти через подъезд, и он наконец решился: двинул вниз, прислушиваясь к тому, как неосторожный Максимов шурует по квартирам. Собственно, у снайпера был ещё один вари-

ант: вначале убить Максимова, а потом уже уйти, но это тоже был лишний риск. Поторопились боевики, понял Игорь, уж очень им мешал Ржешевский. Пошёл снайпер, и пошёл один, без прикрытия и, наверное, думал, что и в этот раз обхитрил судьбу, понадеялся на своего мусульманского ангела-хранителя, а наткнулся на Игоря Габелого. У него ещё был шанс, если бы он был левшой и направлял винтовку не влево, а вправо, хотя по правилам следовало держать лестницу под прицелом. Но он, как и Игорь, был правой, и бог оказался на стороне христианина. К тому же снайпера отвлекал Максимов, который, похоже, вошёл в раж и матерился во всю ивановскую. Что уж он там нашёл, Игорь так и не понял, зато в тот же момент сообразил, что для снайпера его появление полная неожиданность. На одно-единственное мгновение они встретились взглядом. Это был высокий, сильный мужчина с короткой бородой и пронзительным взглядом. Игорь увидел, как у снайпера от неожиданности расширились зрачки, и глаза, без того чёрные, стали ещё чернее, и он сделал то единственное, что могло его спасти, чисто инстинктивно отшатнулся назад, хотя, конечно, это было глупо, и одновременно стал поворачивать ствол СВД – целое «весло», а не винтовка, неудобное для передвижения в помещениях. И тогда Игорь дал короткую очередь. Опустил ствол ниже, потому что снайпер упал, и дал ещё одну очередь. И пули, рикошета, летели во все стороны, но ни одна не задела его.

Игорь в два прыжка взлетел на лестничную площадку и разрядил в снайпера остаток магазина, потому что знал, что не убил снайпера, а только тяжело ранил, а на войне это не считается, человек в первые мгновения не чувствует боли, потому что действует адреналин. Он сделал два шага вперёд и увидел всё те же пронзительные глаза. С пятого этажа, всю матерясь, уже нёсся Виктор Максимов.

– Аса хотя деха...³² – прошептал снайпер, силясь подняться.

– Что? – наклонился Игорь.

– Гаски, мух аш ву хо?³³ – едва заметная ухмылка тронула его губы.

– Ди ду³⁴, – немного удивлённо ответил Игорь.

– Хунда?³⁵ – спросил снайпер.

Игорь удивлённо пожал плечами. В этот момент сверху наконец, чуть не сломав себе шею, скатился взволнованный Виктор Максимов:

– Все нормально, – оглянулся Игорь, а когда посмотрел на снайпера, то он уже умер.

– Давай! – дал команду Игорь по «локалке».

Но и без этого Герман Орлов знал своё дело. Выскочил из дыма, как чёрт из преисподней, и понёсся с Ильёй Ржешев-

---

³² Прошу тебя (чеч.).

³³ Русский, как ты поживаешь? (чеч.)

³⁴ Хорошо (чеч.).

³⁵ Почему? (чеч)

ским на плечах к гостинице.

– Молодец! – крикнул Игорь. – От лица командования...

И не успел закончить фразу, позади грохнул взрыв. Это сработала мина МОН-50, которую установил на улице Крайнего неугомонный Олег Вепрев. Он даже умудрился пулемёт притащить, который весил все тридцать килограммов. Больше их никто не преследовал. Они ввалились на первый этаж, где их уже ждал со своими медвежьими объятьями майор Севостьянихин: губы тонкие, ноздри глубоко вырезанные, нервные, как у хищного зверя. Уж он-то больше всех был рад, что старший прапорщик Ногинский жив и здоров. И хотя от Ролика несло так, что рядом невозможно было находиться без противогаза, Севостьянихин полез обниматься, хоть его чувственный нос бурно возражал против этого, и если бы Ролик не отступил на шаг назад и не сказал с достоинством:

– Командир, мне нужно принять душ... – нос Севостьянихина, несомненно, лишился бы чувств.

Ржешевского унесли в медпункт, а Ногинский со своей командой пошли мыться в радоновый источник.

Потом уже, когда все трое, благоухая хлоркой, которая одна только смогла сбить стойкий запах фекалий, чистые, блестящие, как надраенные пятаки, в свежей форме, весёлые и радостные оттого, что живы, сидели на шестом этаже, пили спирт и рассказывали свою эпопею.

Глава 4

Козни судьбы

Рейс отложили на час. Первым делом Феликс подсоединился к инету и просмотрел всемирные новости. К его удивлению, о грядущих событиях в Имарате Кавказ, на которые с пафосом намекал Соломка, не было сказано ни слова, за исключением дежурных статей, разумеется, гораздых на выдумки. Сенсации уже не было, она благополучно скончалась. Добирали остатки. Только ленивый теперь не пишет о победе Америки и демократии, и тему замусолили до невозможности. На что тогда, собственно, намекал Александр Павлович? – удивился Феликс, грызя костяшку пальца, и слепо уставился на Лёху, который, как всегда, по-хозяйски обустроившись на новом месте, что-то жевал, набивая брюхо. Была у Лёхи такая черта характера – придавать пространству вокруг себя частичку домашнего уюта. И в этот раз он тоже не упустил случая: достал кока-колу, бутерброды, аккуратно разложил на чемодане и наслаждался чревоугодием, с интересом поглядывая на особ противоположного пола.

– Будешь? – спросил он, раздувая, как блаухаунд, ноздри и пробуя воздух на вкус.

Была у него и такая привычка. Мало того, он заявлял, что все женщины пахнут по-разному. «Нет двух похожих», – го-

ворил он со знанием дела. И Феликс ему завидовал, потому что не обладал такими ярко выраженными талантами. Но сейчас не до женщин, сейчас надо выкарабкиваться всеми силами души.

– Не буду, – мрачно ответил он.

– А я по утрам есть хочу, – поведал Лёха, воспринимая бездумный взгляд Феликса в качестве укора.

На его физиономии были написаны вселенское спокойствие и безбрежная деловитость, всё шло по плану: командировка, выпивка, девочки, всё, как всегда, и всё, как обычно. Естественно, между делом он провожал каждую юбку, которая оказывалась в поле его зрения, и комментировал:

– Во-во-во... ещё одна пошла. Тощая только... Ёх... А та лучше, только жопа отвислая.

Пассажиров было мало: с десятков военных, столько же гражданских, парочка туристов-экстремалов, какие-то «чёрные» в дорогих костюмах и два американца, которые держались скромнее скромного. Даже чуть-чуть перепуганно.

«Чёрные» сидели в ресторане за стеклянной стеной и пили бренди. Лёха тоже устремился было туда, чтобы «промочить горло», как многозначительно выразился он, но Феликс, сам не зная почему, упёрся и заявил, что ему лучше здесь, среди публики.

– Ты же хотел опохмелиться?.. – Лёха, облизываясь, поглядывал на блондинок в баре, которые угнездились на высоких стульях и призывно покачивали длинными ногами.

– Не хочу, – упёрся Феликс и, сам не зная почему, надулся, как мышь на крупу.

В зале ожидания он чувствовал себя увереннее. Среди «чёрных» были его знакомые. Какого рожна, спрашивается, они висают здесь так рано? Американцы ему тоже страшно не понравились, хотя они прятались за киоском «Союзпечать». Феликс решил, что они следят за ним. На американцев у него было особое чутьё, он их узнавал по неуловимому налету отрешенности. Была у них такая особенность – именно в России отгораживаться от мира сего, словно она им была неприятна на уровне подсознания. «Чёрными» Феликс называл собратьев по перу из Имарата Кавказ, арабов и негров, в общем, всех тех, кто выделялся цветом кожи. На этот раз это были местные «чёрные». Только в Америке он понял, что расист по натуре. В России он этого не ощущал, а в Америке – пожалуйста, словно прорвало канализацию. И ничего с собой поделатать не мог. Не нравились ему люди с чёрным цветом кожи, особенно, когда их было очень много – целая улица или город. Из-за этого он не чувствовал себя в Америке расслабленным, и что бы там ни говорили, страна эта ему не понравилась. Мистер Билл Чишолм с лёгкостью культивировал в нём ту же мысль: «Нельзя давать чёрным высовываться. Нельзя. Иначе они из мести захватят Америку, припомнят нам рабство». Ага, думал Феликс, значит, и вы не святые, а нас учите жить. «На этот счёт у нас есть далеко идущие планы по сегрегации, – откровенничал мистер

Билл Чишолм. – Если что, всех упечём в лагерья месте с краснокожими, япошками и китайцами». Для коренного американца он слишком хорошо говорил на русском языке. Разве что иногда неверно делал ударение. Видно, хорошо его готовили, порой с неприязнью думал Феликс. Уж слишком рязанская морда была у рыжего мистера Чишолма. Такого, если одеть попроще, в телогрейку или твидовый пиджак, в толпе не различишь. Но теперь-то совсем другие времена, успокаивал себя он. Теперь мы братья, как писали китайцы, навек. И всё равно в глубине души ему было неприятно: с одной стороны, он чувствовал сыновнюю потребность в общении, а с другой – не лежало у него сердце до конца к мистеру Биллу Чишолму, не то чтобы он ему не доверял, а скорее, ещё не понял своих ощущений и поэтому остерегался, но так, чтобы мистер Билл Чишолм ничего не заподозрил. Нужен был ему мистер Билл Чишолм, очень нужен – для светлого будущего и обеспеченной старости.

Лёха не выдержал молчания Феликса, подался в бар и прицепился к блондинкам с вялыми лицами. Он угощал их водкой и вопросительно заглядывал в глаза. Чего он там искал, было огромной тайной, но на женщин его приёмы действовали обезоруживающе. Они теряли своё главное достоинство – недоступность, и Лёха Котов, разумеется, этим пользовался в своих корыстных целях.

Феликсу почему-то стало противно, он отвернулся и принялся разглядывать лётное поле. Оно было в клочьях тумана.

на, и должно быть, рейс откладывался именно из-за этого. Не хотелось думать, что Минеральные Воды уже захвачены моджахедами. С одной стороны, армия обязательно должна обоссаться по полной. С другой стороны, население Имарата Кавказ – это символ «новой свободы», дикие сыны Востока. Первая статья почти готова. Преддверие ада. Заварушка, от которой вздрогнет мир, вспомнил он названия, которые придумывал. Затем последуют сам ад и постад. И всё равно задумки не нравились ему. Неправильно это было, хотя и в русле исторического процесса. А исторический процесс, как известно, повернуть вспять невозможно. Диалектика, однако, которую всеми фибрами души поддерживала передовая и могучая Америка.

– Иди сюда! – крикнул Лёха, призывно махая руками.

Но Феликсу вдруг стало не по себе: чего-то он пропустил, а чего, не понял. Что-то ускользнуло от его внимания, что-то важное, отчего зависело будущее. У него аж мороз по коже пробежал. Захотелось тут же плюнуть на всё, развернуться, поехать домой и завалиться спать. Конечно, его не поняли бы – прежде всего главный. Не объяснишь же, что тебя посетило дурное предчувствие, которое пробрало до печёнок, и страшно, как в детстве. Не было в лексиконе Соломки таких слов, как «я тебя понимаю», «жалею», «отпуск за счёт газеты», зато были: «женские капризы» и «менопауза», а также «паразит» и «членовредительство». Обязательно куратору заложит. А там решат по-своему: мол, нена-

дѣжный ты, господин-товарищ Феликс Сергеевич Родионов, не оправдал наших надежд, не доверим мы вам командовать «военным отделом», молоды-зелены ес-чѣ, ненадѣжны и своенравны, помотайтесь-ка пока по нашей стране-матушке, пока она ещё не развалилась; и назначат Глеба Исакова, которого хлебом не корми, дай покомандовать да руками помахать. Схлестнулись они как-то в баре. Ничья у них вышла. Так что всё было впереди. А если Глеб Исаков, то это конец карьеры. Незачем тогда и живот надрывать. Значит, о том, чтобы на всё плюнуть-растереть, и думать забудь. Переломи себя, и вперѣд! Об этом и мать всё время твердила: «Сынок, будь серьёзней, будь целеустремленнее, в большие люди выбиваешься». Отец же, заместитель командира бригады ВДВ по боевой части, вообще ничего не говорил, потому что не мог простить Феликсу того, что он пошёл не по его стопам, а в какую-то «продажную» журналистику. Не понимал он политического и исторического момента. Не того он роду-племени, жил прошлым и защищал тех, кто построил феодалное общество. Времена теперь другие, «новая свобода» и всё, что связано с ней: новые правила, новая жизнь, новые ощущения, ну и, конечно, девушки тоже новые – длинные, стройные, с захватывающими дух гладкими, чистыми лицами. Кто этого не понимает, остался за бортом. Честно говоря, с превосходством, от которого кружилась голова, думал Феликс, мне на всё наплевать. Уж я-то своего не упущу. Буду, как денди, ездить по всему белому свету, а женюсь лет в

пятьдесят, когда уже стоять не будет, а там хоть трава не расти. О прекрасной, рыжеволосой Гринёвой он почему-то в тот момент напрочь забыл, словно её и не существовало, хотя в её присутствии терял способность к рассуждению. Подумал три раза: вот кто бы мог быть лучшей женой. Но жениться в планы Феликса, конечно же, не входило. Молод ес-чё... Для этого ещё что-то должно было произойти, а что конкретно, Феликс не знал. Спокойно, Бонифаций, спокойно, думал он. Всею своё время. Таким он был философом.

Лёха вернулся, облизываясь, как кот, испробовавший сметаны:

– Телефон дала... Вероникой зовут... ёх... – хвастался он, – а ноги у неё... как дорога в преисподнюю. Видел?

– Видел... – буркнул Феликс, незаметно для себя грызя костяшку пальца.

При других обстоятельствах он обязательно добавил бы что-нибудь мудрёное насчёт этих самых ног и этой самой преисподней, до которой сам был весьма охоч. Но сейчас ему хохмить не хотелось. Устал он почему-то хохмить, душа не лежала, да и, честно говоря, Лёха поднадоел, как заезженная пластинка, со своими блондинками, бутербродами, сальностями и жирной колбасой.

Однако блондинки были чуть ли не единственной слабостью Лёхи – любые: крашеные, натуральные или в париках, с бритыми подмышками и без оных. Он их всех обожал с одинаковой страстью с головы до ног. И с каждой у него

был бурный роман, из которых он выходил потрёпанный, как корабль после шторма. В этом отношении Лёхе везло даже больше, чем Феликсу. Дар был у Лёхи. А без дара, как известно, в такие дела соваться бессмысленно. Поэтому Феликс действовал по-другому: влюблялся на время и поэтому терял меньше.

Блондинки в былые времена тоже вызывали у Феликса приступ сексуальности. В свободное же время ему в основном нравились брюнетки и рыженькие. При мысли о Гринёвой на душе у него потеплело. Он вспомнил её грудь и ощущение колкости сосков. Оказывается, он любит огненных женщин, о которых можно зажигать спички. Кто бы подумал, соображал он, ошарашенный этим открытием. Старался запомнить для будущего романа – была у него такая мечта написать роман, которую пока он не реализовывал, некогда было за делами и заботами. Для романа надо было всё забросить, уехать на год в деревню и поселиться в какой-нибудь халупе.

– Знаешь, что... – неожиданно даже для самого себя сказал Феликс, поднимаясь и одновременно вытаскивая палец изо рта, – поеду-ка я, пожалуй... поеду-ка я, пожалуй... домой!

Он даже страшно поморщился, словно проглотил ложку рыбьего жира, но решение было принято, и оно было единственно верным. После такого решения хотелось жить, и даже Лора Гринёва одобрила бы его. Возникло оно у него где-

то в животе и перекатывалось там комком страха. Надо жить чувствами, а не долгом, сообразил он.

– Да ты что?! – Лёха обиженно заморгал, как судак на воздухе. – А я?.. – удивился он. – А Рыба?.. А блондинки?.. – Он даже оглянулся, словно для того, чтобы проверить, на месте они или нет. – Ёх! Ну ты даёшь!

От удивления он разинул рот, как лунатик, который ходил-ходил по крыше, а потом вдруг очнулся на коньке. Хотелось сказать злое: «Закрой, муха залетит». Раздражал Феликса порой Лёха Котов. Очень раздражал, но другого друга у него не было.

– А что Рыба?.. – нервно спросил он, снова инстинктивно грызя сгиб пальца. – Переживёт!

– Пережить-то он, конечно, переживёт, ёх... – согласился Лёха Котов и покрутил мордой, – но я не понимаю... Ёх... – жалобно добавил он.

– А чего здесь понимать?! – взвился Феликс.

Он и сам себя не понимал, он был в панике. Такая паника у него была только в глубоком детстве из-за ночных кошмаров, когда он болел ангиной, и ему казалось, что в самом тёмном углу комнаты притаилось чёрное, лохматое чудовище.

– Это ж срыв задания?! Ёх... – напомнил Лёха, хотя в его голосе не было надежды, слишком хорошо он знал Феликса.

– Пошлёт кого-нибудь другого, – зло ответил Феликс, подхватывая дорожную сумку.

– Ну да... пошлёт... – оторопело согласился Лёха. – Только?.. – Он недоумённо пожал бабскими плечами и с надеждой уставился на Феликса – вдруг передумает.

Феликс почувствовал, как у него задёргалась щека. «Я и сам не знаю, что мне делать, – испугался он. Но однозначно – ехать ни в какую Чичу я не желаю. Чего мне там делать? Не несут меня туда ноги, и всё! Смерть там моя и гибель», – сообразил он, и в животе у него снова возникла пустота, словно его уже клали в лаковый гроб и оркестр наяривал «Похоронный марш» Шопена.

– А ты поезжай, – выдавил он из себя. – Поезжай, может, я к тебе подскачу, но позже.

– Ну да... – не поверил Лёха и снова покосился на блондинок, нравились они ему.

Блондинки с вялыми лицами сидели лениво, как тюленихи, призывно покачивая красивыми ногами. Но Феликсу почему-то было всё равно. Хоть сто тысяч поставь блондинок, а мне всё равно. Он даже оторопел – такого с ним сроду не бывало. Не вызывали они в нём прежнего вожделения, что было весьма странно и подозрительно. Что бы это значило? – удивился он, но, естественно, разобраться не успел.

– Приеду, – бездумно пообещал Феликс, грызя сгиб пальца. – Обязательно приеду.

Сейчас в ванную с холодной водой, потом двести граммов коньяка и в постель, мечтал он, а там видно будет. Может, действительно придётся поехать в деревню писать романы?

Да, телефоны надо отключить, все до единого. Плевать я хотел на Рыбу!

Феликс уже сделал шаг по направлению к лестнице, игнорируя тоскливый, как у голодной собаки, взгляд Лёхи, который не знал, что ему делать: то ли докладывать главному, то ли действительно лететь в Имарат Кавказ и ждать там непонятно чего. Феликс мысленно уже был дома, где даже стены помогали дышать, где было уютно и надёжно, как в бронне-крепости, как в тот же самый момент, абсолютно некстати, зазвонил телефон.

– Да? – спросил Феликс, спускаясь на первый этаж.

– Здравствуй, дорогой, – услышал он и, конечно же, узнал голос Рашида Темиргалаева. – Как здоровье, дорогой, как поживаешь?

– Хорошо, – ехидно ответил Феликс, всё ещё находясь в векторе движения, весь устремленный туда, к выходу из аэропорта, где стоял его серебристый «Опель», где надежда обрести новую жизнь была вполне реальной, только после такой выходки его наверняка попрут из газеты. И правильно сделают, равнодушно думал он, представляя изумленное лицо Рыбы, то бишь Александра Павловича Соломки, и его бесцветные глаза, и его белёсые, как у альбиноса, брови.

Лучше бы ему в это утро никто не попадался, даже друзья лучших друзей. А Рашид Темиргалаев как раз был из их числа. Познакомил их, между прочим, Лёха в ресторане «Над Москвой-рекой» по поводу «маленькой криминальной исто-

рии». Выручил его тогда Рашид Темиргалаев. Здорово выручил. Денег дал и позвонил, куда надо, договорился с нужными людьми. Феликс откупился, и его оставили в покое. А потом он провернул первую операцию. Помнится, что они гудели там три дня подряд, пропивая первые шальные деньги. И конечно же, у них возникла крамольная мысль, как можно дольше продлить это удовольствие. Ровно через неделю Феликса снова «бросили» на Кавказ, и он снова с лёгкостью заработал шестьдесят тысяч «зелёных». Лёха не взял себе ни копейки, а всего лишь мудро заметил, что дружба кончается там, где начинаются меркантильные интересы. Феликс очень удивился, потом подумал и согласился с ним. Раза три он подъезжал к Лёхе с предложением пересмотреть взгляды на такое положение вещей и крутиться вместе, но Лёха был непреклонен, как скалы Гибралтара. «Нет!» И всё! Поэтому Феликс, как мог, компенсировал ему нервные затраты алкоголем, деликатесами и легкодоступными женщинами. Как раз деликатесы они и потребляли в ресторанах Рашида Темиргалаева, ну и, конечно, коньяк по две с половиной тысячи долларов бутылка. Шикарная началась жизнь: днём на работе, вечером – в ресторане у хлебосольного Рашида Темиргалаева. Но казалось, что его друга – Лёху Котова – абсолютно не волнует, откуда берутся деньги, главное, чтобы в жизни были красивые девушки и видео-кино-фотоаппаратура. Вот что на самом деле волновало Лёху Котова. Таким и должен быть настоящий друг!

– Рад за тебя, дорогой, рад, – сказал Рашид Темиргалаев. – Ты только не забыл о долге?

– О каком долге?.. – словно очнулся Феликс. – Ах, да... извини. Конечно, не забыл.

Он удивился тому, что Рашид Темиргалаев тревожился из-за каких-то несчастных шести тысяч долларов. У него на карманные расходы в день уходило в два раза больше. А здесь какие-то шесть тысяч. Вернее, не шесть, конечно, а пятнадцать, потому что уговор таков: беру шесть, возвращаю пятнадцать. «Но Рашид никогда не спрашивал о деньгах, а я никогда не забывал отдавать», – с неприязнью подумал Феликс. Так в чём же дело?

– Отлично, дорогой, отлично! – вроде бы обрадовался Рашид Темиргалаев и огорошил: – Отдашь через два дня.

– Рашид, да ты что? – удивился Феликс, опуская сумку на пол и с тоской поглядывая на выход из аэропорта, до которого он так и не дошёл. – Я же всегда пунктуален. И в этот раз отдам, но попозже немного.

– Извини, друг, форс-мажорные обстоятельства. Деньги срочно нужны, – в голосе Рашида Темиргалаева проскочили металлические нотки.

Феликс был на мели, с собой у него было только десять тысяч: как раз на сделку и на скромное житьё-бытьё. Возвращать было нечего. Разве что с квартирой расстаться. Но этот вариант, естественно, он не рассматривал, даже когда влип в «маленькую криминальную историю», не только потому, что

квартира была «родительской», но и потому, что она находилась в очень удобном месте: не в центре и не на окраине, а как раз там, где нужно. О таком жилье можно было только мечтать, и потерять её было глупо.

– А если через недели две, Рашид? – ещё раз попросил Феликс. – У меня проблемы...

Просить было совестно, просить было стыдно после того, как ты с шиком гулял у него в ресторане и вёл, оказывается, себя, как полный идиот. Феликс чуть ли не до крови погрыз костяшку многострадального пальца.

– Нельзя дорогой, нельзя. Счетчик могу включить. А мне не хотелось бы тебя нагибать. Обстоятельства, понимаешь. Срочно нужны деньги. Так что постарайся. Перехвати у кого-нибудь, но через два дня привези, очень прошу.

– А если через три или четыре? – с тоской в голосе спросил Феликс. – Я могу не успеть.

Он прикинул: день туда, день назад. Всё равно не успею. Спокойно, Бонифаций, спокойно, ещё не всё потеряно.

– Ты заставляешь меня напрягаться, – уже совсем другим тоном ответил Рашид Темиргалаев. – Только ради нашей старой дружбы, хорошо, привезёшь через пять дней, а иначе, сам понимаешь, дорогой. Понимаешь?!

– Понимаю... – тяжело вздохнул Феликс. – Через пять дней.

– Я тебе верю, поэтому и звоню собственноручно.

– Спасибо, – мрачным голосом ответил Феликс. – Я не

забуду.

Рашид Темиргалаев мог прислать своих людей без предупреждения. Это было в его стиле, но Феликсу почему-то казалось, что его лично это никогда не коснётся, что он попал в касту неприкасаемых. Сколько раз он был свидетелем, как Рашид Темиргалаев отдавал команду наказать должника, и всякий раз был горд, что принадлежит к элите, к друзьям Рашида Темиргалаева. Это заводило, это было кайфово – чувствовать себя небожителем. Он даже заметил, как изменилось отношение к нему в редакции, когда однажды в ресторан приволокли Петра Морозова. Пётр задолжал какие-то крохи, но не отдавал вовремя. Феликс великодушно «выкупил» сотоварища и «забыл» о долге. После этого и стали коситься и шептаться за спиной. Это было приятно и одновременно страшило: оказалось, что он любит власть! Власть – это хорошо, думал он, власть – это здорово! Но копилочка закрылась, понял он, придётся зарабатывать честным трудом. Плохие времена настали: люди скурвились, хорошего не помнят. Можно было, конечно, взять кредит и раскрутиться, но официальные деньги легко отследить, а оставлять следов нельзя, это было бы ошибкой на будущее. Получалось, что нелегальному бизнесу пришёл конец, как, впрочем, и беспечной жизни. Одно к одному, мрачней, думал Феликс: с утра Рыба и Гринёва, теперь – Темиргалаев, пёс смердящий. Сидел бы у себя в Таджикистане, сопли на кулак мотал бы от голода, а здесь поднялся, криминал разводит, добра не

помнит, совести не знает. Беспредел полный. А сколько раз Феликс ему помогал – сводил с нужными людьми, гарантии давал в порядочности. Ни копейки, между прочим, не взял. Ценил его Рашид Темиргалаев, очень ценил. Братом называл, а оказался Иудой.

– Ну и ладушки, – сказал Рашид Темиргалаев и отключился.

Феликс застыл, как истукан острова Пасхи. Выход был только один – тащиться в командировку, как на Голгофу. Пришлось возвращаться с тяжёлым сердцем, волочить за собой сумку, как сизифов камень. На душе скребли кошки, ноги казались свинцовыми колодками, во рту пересохло, как в пустыне Сахара, и страшно, до умопомрачения, захотелось пить.

– Что?.. – Лёха понял, что что-то произошло, и даже очередная юбка в прозрачной блузке, под которой ничего не было, не привлекла его внимание. – Что случилось?

– Ничего... – неопределённо ответил Феликс, не веря самому себе: всё, что он с таким трудом выстраивал, рухнуло в одночасье. Жизнь казалась ему самым отвратительным занятием.

Он взял у Лёхи банку кока-колы и влил в себя. В животе полегчало.

– Ёх! – воскликнул Лёха. – Нет, я же вижу, ты передумал! Давай выкладывай! – потребовал он.

– Посадку объявили, – кисло сказал Феликс, суя в рот сгиб

большого палец. – Двигаем, потом расскажу.

– Ёх! – обрадованно согласился Лёха, подхватывая чемодан на колёсиках и фоторюкзак с аппаратурой. – А я уже думал, ты смотался. Хорошо, что вернулся. Александр Павлович шуток не понимает.

– Эт-т... точно, – согласился Феликс, абсолютно не испытывая и десятой доли того восторга, который испытывал его друг Лёха Котов.

И они пошли на посадку.

* * *

К вящему разочарованию Феликса, американцы оказались журналистами, и «чёрные» – тоже. Первые – из еженедельника «В Новом Свете», вторые – из мелких региональных газетёнок, название которых Феликс, естественно, не помнил. Даже длинноногие блондинки были из каких-то СМИ, о которых никто слышать не слыхивал, – то ли из Анадыря, то ли из другой тьмутаракани.

Неужели пронюхали? – забеспокоился он, когда они все, к его великому ужасу, оказались в одном самолёте. Впрочем, на Кавказ сейчас летали многие из их брата, потому что Кавказ стал горячей точкой, очень даже горячей, и там аккредитованы журналисты со всего мира. Всем не терпелось узнать, чем же всё это закончится: апокалипсисом или Третьей мировой. Феликса, и то покорило: слетаются, как жу-

ки на мертвечину, думал он с раздражением. Впрочем, о чём это я? Надо быть честным перед самим собой: чего хотели, то и получили. Так что не надо казаться лучше того, чем мы есть на самом деле: отдали Кавказ, расхлёбываем по полной. А в Третью мировую я не верю. Эта тема из разряда страшилок для обывателей. Не допустят американцы войны, не в их интересах. Разве что если совсем прижмёт. Но это тоже из области страшилок. Доллар непоколебим, Европа в развалинах, Восток утращён. Чего ещё желать? Выиграет тот, кто будет на стороне победителя. Мы вовремя подсуетились, нам повезло. У Спиридонова зверский нюх, он всё рассчитал правильно, обзавёлся «большим братом», который держит шарик на цепи. Это всё равно что в районном масштабе принадлежать компании Рашида Темиргалаева. Феликсу показалось, что история с этим таджиком ещё будет иметь продолжение, но в каком виде, трудно представить. Наверняка он захочет доить меня дальше. Деньги-то я, конечно, отдам вовремя, подумал он. Впрочем, эта угроза была из разряда удаленной, и пока что её можно было игнорировать и задвинуть в самый глубокий угол памяти. На Рашида Темиргалаева у коренного москвича всегда найдётся противоядие, не такой уж он всесильный, этот таджик.

Феликс был «рукопожатым». В своё время его подвели к Спиридонову и представили в качестве «самого перспективного журналиста современности».

– О! – воскликнул Михаил Спиридонов, глядя на Феликса

сверху вниз абсолютно не в фигуральном смысле слова, а из-за своего роста. – Мне такие люди нужны. Я, брат, делаю газету. Пойдешь ко мне работать?

С места в карьер! Великолепный результат! Однако главный заранее предупредил Феликса, чтобы он не рыпался и ни на какие предложения подобного рода не соглашался, иначе: «Потеряешь протекцию мистера Билла Чишолма», то бишь Лэнгли, и всех тех, кто за ним стоит, сообразил Феликс. «Понял меня? – уточнил главный. – Слишком много в тебя вложено. Америка не любит предателей». «Какой же я предатель?» – удивился Феликс. «Фигурально говоря», – уклонился главный. Значит, они думают именно так, приуныл он. Вечная двуличная Америка, ищущая своего шанса. Но другой Америки не было, и приходилось мириться с той, что была. Пока она на твоей стороне, ты король, поэтому приходилось жертвовать «мелочами». «Пятое» лобби в сенате США сделало своё дело и торжествовало. Наконец-то во главе России поставлен «сознательный» человек. Однако мистер Билл Чишолм как-то огорошил Феликса: «Ты чистокровный русак. Мы проверяли. В твоей стране это много значит, пятая статья сидит в подсознании, как заноза. Не делай ошибок, и всё будет нормально». Ах, вот в чём дело, понял Феликс. Михаил Прохоров и Ленин близнецы-братья, и ставка на таких людей в России призрачна. Но зачем тогда я им, неужели они хотят поднять меня до уровня президента? От подобного предположения у Феликса захватывало дух. А почему, соб-

ственно, и нет? Умён, симпатичен, не запятнан и перспективен. Феликс на некоторое время очень и очень возгордился собой.

– Я подумаю, – скромно пообещал он тогда Спиридонову.

– Подумай, – сказал Михаил Спиридонов, – и чем раньше, тем лучше.

Естественно, при такой постановке вопроса Феликс не стремился попасть в президентскую обойму и сделать чисто «русскую» карьеру. Зато писал книгу о новом президенте. Ещё неизвестно, где лучше, думал он, заканчивая очередную главу. Но в любом случае – Спиридонов временщик, а Америка – вечная, теперь она будет менять президентов в России, как перчатки, и не каждому глянешься. Конечно, в книге он такие выводы не делал, иначе бы её не напечатали. Так что сиди, Феликс Родионов, там, где тебя посадили, авось что-то и высидишь, благоразумно решил он. В крайнем случае переметнусь к Березовскому, который создал медиакорпорацию «Боря и Ко» и развил бурную деятельность, но в Россию перебираться не спешил, потому что между ним и Михаилом Спиридоновым пробежала чёрная кошка в виде старых грехов за старую алчность. Чего-то они там не поделили, но это была отдельная тема для исследования. Не второстепенная, но и не главная. За суетой и делами у Феликса до неё руки не доходили. А тема хороша, часто смаковал он, надо ею заняться, много чего непотребного в ней можно нарыть.

Некоторое время Феликса Родионова можно было часто видеть в компании Михаила Спиридонова. Он таскал его с собой, как салонную собачку: Феликс Родионов на открытии очередного банка, Феликс Родионов на корпоративной вечеринке, но не просто корпоративной, а для топ-менеджеров газовых компаний, или «никеля», или «пароходов», или ещё чего-нибудь, в чём Феликс, честно говоря, стал уже путаться; Феликс Родионов на пресс-конференции в первых рядах; Феликс Родионов на лыжах в Куршевеле; Феликс Родионов на борту личного самолета претендента и т.д., и т.д. и тому подобное. Он написал около двух сотен статей о претенденте на пост президента Российской Федерации. Он язык отбил, доказывая в «Эхо Москвы», насколько перспективен для России Михаил Спиридонов. Некоторые из его недругов, в частности Глеб Исаков, считали, что Феликс вот-вот покинет родные пенаты и переметнется в лагерь Спиридонова. Но Феликс не ушёл, потому что обладал точным политическим расчётом: времена царей в России безвозвратно канули в Лету, и надо быть круглым идиотом, чтобы ставить на одного-единственного человека, тем более с подмоченной родословной. В России такие долго не держатся, таких используют в своих целях – в данном случае до корней изменить Россию и выхолостить из неё державный дух. А это значило – развалить её как картонный домик. Однако даже проамериканский Михаил Спиридонов был против этого.

За всей этой суетой и политическими играми все как-то

забыли о России. А ведь вся гениальность Михаила Спиридонова заключалась именно в том, что он первым понял необходимость в тотальных переменах и как нельзя лучше вписался в американские планы. Недаром на него сделали ставку.

Американцы беспечно уснули, а «чёрные» ещё долго колобродили, затребовав виски, шампанского, джин-тоника и прочей баночной дряни. Теперь они будут пить до самого КПП «Кавказ» – такова традиция, напиваться перед тем, как вернуться на родину, где сухой закон, где шариат заменил обычные правила светской жизни, где тебя могут прилюдно выпороть в назидание остальным. Даром, что ли, на таких рейсах бортпроводники – мужчины, чтобы горячие кавказские парни в подпитии не хватали за ноги. Мурзабек Ямадаев из газеты «Свободный Кавказ» узнал Феликса и заорал, как стопроцентный москвич:

– Родионов!.. Друг!.. И ты здесь! Давай к нам подгребай, гостем будешь.

Но после вчерашнего Феликс, даже если бы захотел, и капли спиртного не влил бы в себя. В желудке ворочался кирпич, а голова была словно зажата в тиски. Какая уж здесь выпивка. Поэтому он вежливо отказался, сославшись на эту самую головную боль. Лёха же не упустил шанса, поменялся местами, и рядом с Феликсом оказался Мурзабек Ямадаев.

– А я тебя давно приметил, – сказал он, пожимая руку Феликсу и выдыхая на него свежие алкогольные пары.

– Я вчера перебрал. Голова болит, – буркнул Феликс, сдерживаясь, чтобы демонстративно не зажать нос и не соорудить презрительную гримасу.

Не любил он панибратства «чёрных». Ранг у них был другой, не такой, как у столичных журналистов, не говоря уже об американской братии. Там, в Америке, Феликс по отношению к себе тоже чувствовал тонкое, едва заметное, пренебрежение победителя к побежденному. И никуда от него невозможно было деться, потому что оно было частью исторического процесса, а с историей, как известно, не поспоришь. «Мудр ты, Феликс, не по годам, – однажды заметил его друг Лёха Котов, – до добра это не доведёт». Он так и не выяснил, что имел в виду Лёха. Дюже умным тоже быть плохо. Дюже умных выбивают раньше времени.

– В Грузии гораздо хуже, – ничего не замечая или делая вид, что не замечает, сказал Мурзабек Ямадаев. – Я там был на прошлой неделе у друзей в Тбилиси. Ты знаешь, что они сказали?

– Не знаю, – ответил Феликс, поймав себя на том, что ему очень хочется засунуть в рот костяшку пальца и сосредоточиться именно на нём, а не на Мурзабеке Ямадаеве.

Побаивался он его. Здоров и крепок был Мурзабек Ямадаев, как каменный крест на горе. Под его тяжёлым взглядом Феликс терял бодрость духа и порой не знал, как себя вести, поэтому старался не попадать в его компанию. Однако, как назло, Мурзабек Ямадаев был прилипчив, как банный лист:

то ему расскажи, что думают американцы по тому или иному вопросу, то оцени последнее заявление президента Венесуэлы или Бразилии, то дай взаймы денег. Конечно, приятно, что в журналистской среде тебя считают богатым, думал Феликс, но на всех денег не напасёшься, тем более, что половина должников долгов не отдаёт.

– Живут голодом, живут ради детей. Мечтают, чтобы они воплотили их мечты, – сказал Мурзабек Ямадаев таким голосом, словно учил Феликса жить. – Только интересно, какие?

– Ну и что? – назло равнодушно спросил Феликс.

Разумеется, он не поддавался или делал вид, что не поддаётся влиянию Мурзабека Ямадаева, но каждый раз, когда его тяжёлый, неподвижный взгляд останавливался на нём, внутри у него всё сжималось, как рессора в автомобиле. Чёрт его знает, что у него на уме, гадал Феликс. Возьмёт и пришибёт, абрек несчастный, у них это просто, как таракана раздавить, и никакая заграница не поможет.

Мурзабек Ямадаев, который, по всей вероятности, считал его другом, ничего не замечая, продолжал:

– А то, что не надо было разваливать Союз! – неожиданно заявил он.

– Кто бы говорил?! – изумился Феликс и на какой-то момент даже забыл о своих страхах. – Впрочем, я в этом не разбираюсь. Это было до меня.

Конечно, так говорить было нельзя. Это было непрофес-

сионально, но Феликс ничего с собой поделывать не мог. Им владело странное чувство, что он не доживёт до следующего утра.

– Ну да, продажный Горбачёв и его команда... – насмешливо сказал Мурзабек Ямадаев, весело глядя на Феликса своими влажными, восточными глазами.

– Они все продажные были, – легко согласился Феликс.

Всё, что было до его рождения, ему казалось ненастоящим. И всё, что говорилось об этом, казалось большой выдумкой больших дядей, половина из которых уже почил в бозе. Смысл имели только настоящее и будущее. Прошлое было тупым и глупым, не требующим к себе особого внимания, разве что в качестве назидания в заказной статье, но это была больше игра, чем настоящая жизнь. Настоящая жизнь только начиналась, и она была прекрасна, она была волнующая, как Гринёва в постели.

– Даже сейчас? – спросил Мурзабек Ямадаев.

– Сейчас нет. Сейчас всё по-другому.

Сейчас мы умные и продвинутые, подумал он и почему-то вспомнил о «болотной», с которой всё и началось, а все тупицы остались в прошлом. Тупицы нам не нужны, тупицы – это мусор, выброшенный историей. Вся сила сейчас в «новой свободе», и кто этого не понимает, тот безнадёжно отстал.

– Откуда ты знаешь? – нагло удивился Мурзабек Ямадаев и пристально посмотрел на него. – Ты ещё пацан, жизни не видел.

– Я не видел жизни, – уязвлённо согласился Феликс. – Но я знаю, – упёрся он, – что было хуже, чем сейчас.

Это был его последний рубеж обороны, за ним начиналась полоса отчаяния. Никто ещё не загонял его туда, даже Гринёва, но с Гринёвой это отчаяние было особого рода, это было сладкое отчаяние и сладкая смерть, которую он готов был принимать хоть сто тысяч раз подряд.

– Что ты, как попка, заладил, «хуже» да «хуже». У тебя собственные мысли есть? – Мурзабек Ямадаев посмотрел на него так, что Феликс окончательно забыл все свои мнимые страхи. Настоящий страх в образе абрека сидел перед ним, и это было куда реальней, чем мнимые боевики, готовящие прорыв.

– Пока была ваша власть и вы платили деньги, все было нормально, потом вы ушли и все начали мстить друг другу. Начальством стали убийцы и «лесники», они никогда не смогут создать государство. Они говорят: «Подождите, следующее поколение будет другим». Но передают власть по наследству да за деньги. Ты понимаешь, что это значит?

– Что? – спросил Феликс и сделал наивное лицо.

– Дурак ты, и кашу свою ты ещё не съел, – презрительно посмотрел на него Мурзабек Ямадаев.

– Мы делаем новую страну. У нас новые идеалы, – промямлил Феликс через силу. На лбу выступил холодный пот, хотя в салоне было прохладно. – Сказано, что СССР – это плохо... – выдавил из себя Феликс.

Душевные силы оставили его. Разговор не клеился. Хотелось залезть под кресло, чтобы его не трогали, и отсидеться там, пока колёса не коснутся земли.

– Интересно, – ядовито спросил Мурзабек Ямадаев, – какие песни ты будешь петь о том, как ты предал родину?

Было странно слышать такие речи от чеченца. В представлении Феликса все поголовно чеченцы должны быть врагами России, а здесь какой-то нетипичный чеченец.

– Я никого не предавал, – промямлил Феликс, страшно тушуясь под тяжёлым взглядом Мурзабека Ямадаева

– Вададай!³⁶ – произнес Мурзабек Ямадаев и потерял к Феликсу всякий интерес.

Он посмотрел в иллюминатор, за которым плыли облака. Феликс тоже посмотрел, однако ничего интересного не обнаружил: всё те же облака и край солнца, которое слепило глаза. К своему облегчению, он вдруг вспомнил, что Мурзабек Ямадаев работает в оппозиционной левой прессе, что Америка по праву сильного заставила чеченцев уважать оппонентов, а не убивать их сразу. Тогда зачем вся эта комедия, ведь Мурзабек Ямадаев, несомненно, знает, где я служу, думал Феликс, знает, но всё равно затеял странный разговор. И вообще у Феликса возникло ощущение, что Мурзабек Ямадаев давно хотел с ним поговорить, только случая не представлялось. Должно быть, выпил и расслабился, с превосходством подумал Феликс. А может, его подослал мистер

---

³⁶ Восклицание при удивлении (чеч.).

Билл Чишолм, чтобы проверить меня? От этой мысли ему физически стало плохо. С них, с этих американцев, станется. Любят они это дело – подсылать провокаторов. Поэтому Феликс больше ничего не добавил, а прикусил язык. Впрочем, он сказал всё правильно – так, как его учили в универе и как говорили американцы в своей Америке. В этом отношении меня не упрекнёшь, подумал он, умный я, дюже умный. Не по зубам всяким «чёрным» типа Мурзабека Ямадаева.

– Знаешь, что я тебе скажу... – произнёс Мурзабек Ямадаев, поглядывая на него сверху вниз, и Феликс понял, что разговор изменился. – Будь осторожен. Ты уже здесь примелькался, а это плохо.

– Почему? – с холодком в душе спросил Феликс.

Страх, который на мгновение оставил его, снова схватил за горло железной хваткой.

– Хм... – усмехнулся Мурзабек Ямадаев и объяснил: – Запомнили тебя. А раз запомнили, значит, ты попался в чью-нибудь разработку. Мало ли у нас придурков.

– Почему? – снова тупо спросил Феликс, стараясь не подавать вида, что он боится.

– Слишком удобная мишень.

– Почему мишень? Какая мишень? – неподдельно удивился Феликс.

У него возникло такое ощущение, что самолёт всё падает и падает в воздушную яму, и нет конца и края тому падению.

– Нет за тобой силы, а Кавказ силу любит, – насмешливо

сказал Мурзабек Ямадаев.

– Что же, всех русских будете убивать? – нашёл в себе силы ехидно спросить Феликс, хотя понимал, что спрашивает совсем не то, что нужно спрашивать, откуда протекла информация, тогда можно было понять, как реагировать.

– Нет, конечно, но слабых будем. А ты слабый.

Его наглые восточные глаза выражали превосходство. Они выражали дух Востока, его превосходство, как у американцев. И в голове у Феликса всплыла одна-единственная, но очень и очень трезвая мысль: «Какие мы дураки!» Эта мысль была против правил, против всего того, чем жил Феликс и чему его учили. Но, тем не менее, мысль была единственно верной, настолько верной, что её можно было без опасения за свои чувства вынести в заголовок передовицы. Но с другой стороны, она была крамольной. А это уже «бомба». Есть такое понятие в журналистике – угадывание нерва общества, его потребностей. Нет, понял Феликс, ни главный, ни тем более мистер Билл Чишолм меня не поймут. Они мне скажут примерно следующее: «Откуда ты взял её, эту чушь собачью, сынок, нюх потерял?!» И поставят во главе «военного отдела» Глеба Исакова, этого тупицу и болвана. А этого допустить нельзя любой ценой.

– Ничего я не слабый, – Феликс обиженно уставился в иллюминатор, в разрывах облаков мелькала земля.

Америка за мной, думал он обиженно. Чего я слабый, не верил он. Вовсе нет! Мистер Билл Чишолм, Рыба, то бишь

Соломка Александр Павлович, генеральный, всякие замы. Нет, просто так меня не отдадут. Сердце билось так, что готово было выпрыгнуть из груди. Мурзабек Ямадаев явно предупреждал, только непонятно, о чём конкретно. Да, русских на Кавказе не любят, но это на уровне исторического инстинкта. Да, их убивают, если они неосторожно суют нос не в свои дела, но Мурзабек Ямадаев не может знать о моём бизнесе. Я же не треплюсь на каждом углу. Я очень осторожен. Я никого не обижаю. Плачу исправно и много. Все довольны. А в остальном мы с чеченами на одной стороне баррикады. Статьи мои никому не нужны, не затрагивают ничьих интересов и направлены исключительно на врагов Имарата Кавказ. Так что с этой стороны я невинен, как младенец. В чём же тогда дело? – ломал голову Феликс.

– Извини, дорогой, – положил ему на плечо тяжёлую руку Мурзабек Ямадаев. – Я только хотел тебя предупредить. А дальше сам решай. – И ушёл.

– Что решать? – вслед ему спросил Феликс, но так ничего и не понял.

Неужели я на крючке, гадал он, а командировка – всего лишь повод, чтобы уличить меня. Но тогда я вообще в большом недоумении. Тогда задействованы силы, которые превосходят силы Имарата Кавказ. А этого не может быть по определению. Кому я нужен? Таких, как я, тысячи. По большому счёту, толку от этой журналистики, как от козла молока. Большая политика делается за океаном, в Белом доме. А я

мелкая сошка. Значит, успокаивал он себя, ничего страшного не происходит. Значит, просто совпадение, пьяный трёп собрата по перу, который таким образом решил приподняться до столичного уровня. Им, должно быть, в Чиче скучно, с превосходством подумал Феликс, успокаиваясь, вот они и впадают в страсти-мордасти. Одна-единственная поездка, и я в шоколаде, решил он, и на этом собственноручно завяжу. Буду жить, как все, на одну зарплату. Бедно, но зато полезно для здоровья. С Гринёвой роман закручу. Красивая тётка. Супер-пупер тётка. Как раз для меня. Нравится она мне. Так он решил и даже чуть-чуть успокоился, но осадок на душе остался, и было по-прежнему страшно, страшнее, чем в аэропорту, когда позвонил Рашид Темиргалаев. По-хорошему, надо плюнуть на этот Кавказ и делать ноги, подумал он, но уже поздно, назад дороги нет. Назад будет только хуже и многократно непредсказуемей.

* * *

В девять тридцать, едва кинув вещи в квартире рядом с корпунктом, Феликс, не снимая обуви и не проходя в комнаты, позвонил нужному человеку. Нервы и так были на пределе, а здесь ещё Лёха, который, напевая арию «Свет былой любви», беспечно, как младенец, плескался в ванной. Он, как всегда, был весьма доволен жизнью: во-первых, выпил с нужными людьми, а во-вторых, как понял Феликс, вечером у

него романтическое свидание с одной из блондинок, от шикарных ног которой можно было сойти с ума. При иных обстоятельствах Феликс, не замедлив, присоединился бы к ним и даже получил бы часть своего удовольствия от подружки блондинки, но сейчас надо было действовать незамедлительно. На любом этапе могли возникнуть непредвиденные обстоятельства, которые надо было преодолевать, поэтому в разговоре с нужным человеком Феликс на всякий случай держал пальцы скрещенными.

Первая проблема заключалась в том, есть ли у нужного человека на данный момент необходимое количество марочного «наркоза», хотя обычно нужный человек никогда не подводил. «Наркозом» Феликс называл местные коньяки. Они были не такого высокого качества, как всемирно признанные бренды, но пить их можно было без опасения оказаться в больничке. Впрочем, там, куда Феликс транспортировал спиртное, в крепких напитках разбирались ещё хуже и поэтому брали всё, что валяло с ног, а Феликс со своим марочным «наркозом» был для них как манна небесная. И если он наваривал тысячу процентов, то чечены – в пять-десять раз больше. Рынок диктовал цены и был просто гигантским, потому что на территории Имарата Кавказ алкогольных напитков не производилось.

К облегчению Феликса, нужный человек сообщил, что партия готова и ждёт не дожждётся его и что вообще:

– Я думал, что ты приедешь неделю назад...

Хоть в этом повезло, с долей облегчения подумал Феликс. В голосе же нужного человека прозвучал упрёк, потому что нужный человек, как и Феликс, боялся и спешил. Однако в его голосе нет надежды, а это плохо, подумал Феликс, это очень плохо и в принципе даже может навредить мне. Теперь каждая мелочь казалась ему знаком беды.

– Не мог, дорогой, не мог. Так получилось, – ответил Феликс.

В разговоре с нужным человеком он пользовался манерами Рашида Темиргалаева. Ему казалась, что именно такая манера отличает столичных деловых людей.

– Я с радостью жду тебя, – сказал нужный человек, и опять Феликсу показалось, что происходит что-то такое, что ему пока неизвестно, о чём все знают, а он, как дурак, в неведении, потому что он не местный, а столичная штучка, которую можно водить за нос.

Вот что значит сесть не в свои сани, подумал он, но деваться некуда: или на вилы к Рашиду Темиргалаеву, или в лапы к американцам. Неизвестно, где лучше. Диалектика страха, а она, как известно, порождает извращенную фантазию.

– Через полчаса, дорогой, – ответил он всё в той же манере Рашида Темиргалаева, – через полчаса.

Но в полчаса он не вложился. Вначале его задержал Лёха, который приоткрыл дверь и попросил бросить ему полотенце. Пришлось распаковывать Лёхин чемодан и рыться в его белье. Неплохо было бы сменить рубашку или принять ван-

ну, но времени было в обрез. Феликс только ослабил узел на галстук. К тому же позвонил Рыба и осведомился, как они долетели и долетели ли вообще. Он так и спрашивал, ядовито брызгая слюной в трубку: «Ну что, долетели?..» Как будто самолёт обязательно должен был упасть, но, к сожалению, не упал. У Феликса от этих слов по коже неизменно пробежал мороз. Мало того, что он боялся высоты, так ещё этот Рыба-придурок со своими плоскими шутками. Феликс избавился от него, сообщив, что они с Лёхой одной ногой уже за порогом – бегут, чтобы успеть раньше всех в Имарат Кавказ и первыми настроичить разоблачительную статейку о гадской Российской армии, мешающей новоиспечённому народу Имарата Кавказ строить новую светлую жизнь. Он произнёс всё это, испытывая к самому себе самые мерзкие чувства.

Затем оказалось, что «Land cruiser» не заправлен под завязку, как обещал Рыба. К тому же кто-то выставил из багажника все канистры. Пришлось проверять, не возил ли кто-то в них бензин. Этим кем-то мог быть только местный деятель, ровесник Феликса – двадцатичетырёхлетний бездельник и мот, Айхар Гайдабуров, который один имел доступ в корпус. А когда Феликс обнаружил, что кожа на заднем сиденье залита красным вином и измазана ещё чем-то, что отдаленно напоминало высохшую слюду, что стекло на спидометре поцарапано, что в магнитоле застрял сломанный диск, что на ковриках – засохшая рвота, – всё стало ясно: девиц

возил, развлекался. Плевать, холодно подумал Феликс, сейчас не до этого. В результате на улице Змейская он опоздал минут на двадцать, хотя страшно не любил быть непунктуальным.

– Извини, дорогой, – деловито сказал он нужному человеку. – Спешил, но не успел.

– Ничего, ничего, – ответил нужный человек и из вежливости спросил: – Как долетел?

– Спасибо, твоими молитвами.

Нужный человек слегка нервничал, а ещё он понял, что Феликс спешит, и тоже сделался суетливым:

– У меня всё готово – при этом нужный человек неприятно поёжился, будто ему за шиворот упала гусеница. Боялся он чего-то, а чего, не ясно.

Они спустились в подвалы. Должно быть, когда-то, понял Феликс, хозяин замахнулся на большое производство в надежде на туристов и времена благоденствия, да обмишурился – в тридцати километрах появилась «стена», и поток отдыхающих иссяк, как ручей в пустыне. Длинные подвалы были заставлены бочками, содержимое которых теперь никому не было нужно. Вывезти всё это в центральные районы России не было никакой возможности – перевозчики заламывали такие цены, что коньяк становился золотым. «Буду сидеть караулить, – как-то признался нужный человек. – А что делать? Не бросать же добро? В крайнем случае вылью прямо здесь». «Не забудь меня пригласить», – пошутил тогда Фе-

ликс, но, разумеется, даже в дурном сне не предполагал, что всё это может оказаться реальностью.

– Этот десятилетней выдержки, – сказал нужный человек, похлопав по бочке, – а там старше, – показал на бочки, которые темнели в два ряда по обе стороны туннеля. – Отдаю самое дорогое.

Феликс был здесь примерно месяц назад, с тех пор ничего не изменилось. Видно, бизнес действительно шёл хуже некуда. А возить «наркоз» в Чичу никто не догадался, не потому что не понимали своей выгоды, а потому что граница охраняется так, что комар не пролетит без разрешения ООН и новых хозяев Имарата Кавказ. Но даже это было не главным, а главным было то, что по законам шариата за спиртное полагалась смертная казнь. Как в сталинские тридцать седьмые, решения лихо выносились шариатскими «тройками», а приговор исполняла шариатская стража. Разговор самый короткий: раз-два – и голова с плеч. Так что если находились смельчаки, готовые рискнуть ею, то их были единицы, и о них никто ничего не знал, потому что они таскали свой товар по подземным туннелям, а это уже было большущей тайной. Да и много ли натаскаешь на пупке – по обе стороны «стены» действовали летучие отряды охраны, и моджахеды взяток не брали, предпочитая мачете и шею, тем более что за каждую голову правительство платило тысячу моджахедских долларов. Стимул, как говорится, более чем серьёзный.

– Мне, как обычно, – сказал он, – триста литров.

– Вот это все как раз для тебя, – обрадовался нужный человек. – Восемь тысяч...

Вот чего он боялся, понял Феликс, конфликта и разрыва деловых отношений.

– Почему восемь, дорогой? Ты же всегда брал шесть?

– Ситуация меняется, – страшно нервничая, ответил нужный человек. – Бежать придётся.

– Куда? – удивился Феликс, хотя понял: как куда – в глубь России, больше некуда, беспредельна страна, а отступить некуда.

– А ты что, ничего не знаешь?

– Откуда, дорогой, – притворился Феликс.

– В городе люди появились, говорят, чечены придут.

Это было полуправдой, и Феликс почувствовал это. Просто нужный человек таким образом пытался оправдаться.

– Да ну? – Феликс сделал вид, что удивился.

– Что там у вас в столице ничего не слышно? – проникновенно спросил нужный человек.

– Ничего, – соврал Феликс, – абсолютно ничего.

Не мог он выдать тайну, хотя нужный человек ему очень нравился. Был он степенен и трудолюбив, как может быть трудолюбив только человек от земли, поставивший на ноги своё хозяйство.

– Совсем ничегошеньки?

– Ничегошеньки, – насмешливо подтвердил Феликс, чтобы сбить цену, – живи спокойно.

– Может, оно и так, – не поверил нужный человек, – но бережёного бог бережёт.

– Это точно, – согласился Феликс. – А вдруг через пару-тройку дней это, – Феликс оглянулся на коридор, убегающий за поворот, – ничего не будет стоять?

– Тем более, тем более, – не уступил нужный человек, и в глазах его промелькнул огонёк отчаяния.

Сообразил он, что Феликс его предупреждает, но расспрашивать не стал. Не принято на Кавказе суетиться в таких вопросах. Кто же тебе правду скажет? Спасибо, хоть намекнул. А такой намёк дорогого стоит, как минимум жизни.

– А ты пару раз смотайся туда-сюда, всё отобьёшь, – предложил нужный человек. – И я не останусь в накладе, и ты заработаешь.

Он посмотрел на Феликса, как на покойника, словно у Феликса на лбу была написана дата его смерти. Вероятно, у него на языке крутилась пара десятков вопросов. Но на Кавказе так себя не ведут. Кавказ любит степенных людей, и Феликсу нравилось пребывать в состоянии наблюдателя, который знает все ответы на все вопросы, и он сделал глубокомысленный вид.

Лицо у нужного человека сделалось просящим. И то правда, подумал Феликс, не может он участвовать в заговоре против меня, это всё мои страхи. Но тайну своего бизнеса не выдал, хотя, должно быть, нужный человек сам догадывался, какой навар имел Феликс с каждой поездки.

– Вашими бы устами да мёд пить, – нервно сказал Феликс и вздрогнул, словно уже приближался к этому самому КПП «Кавказ».

От одной этой мысли в ногах появлялась слабость. На этой самой границе с людьми происходили всякие гадости. Многие пропадали, не доехав до Грозного. Других находили раздетыми, сырыми и босыми, с руками, перевязанными колючей проволокой, третьи валялись на обочине с отрубленными головами. Феликс сам однажды видел такого покойника на въезде в Гудермес. Ясно было, что из-за древних традиций жить за чужой счёт бизнес в Чиче не развивался вообще. К тому же каждый тейп вдобавок к государственным законам прибавлял свои. Например, налог за проезд по территории. Каждый тейп имел свою банду, которая в зависимости от нужды могла совершать налёты на соседние тейпы или ограбить того же самого путешественника. Естественно, центральные власти боролись к этим явлениям, но пока безуспешно. И Феликсу пару раз приходилось откупаться двумя-тремя сотнями долларов. Это было в порядке вещей, и жалобы на подобные насилия ни к чему не приводили.

– Моё дело предложить, – развёл руками нужный человек. – Надумаешь, я здесь ещё три дня буду небо коптить.

– Ладно, – быстро сказал Феликс, чтобы не выдать свои планы, – беру триста пятьдесят за восемь.

– По рукам! – обрадовался нужный человек, не задумываясь.

Можно было взять, конечно, и больше, но Феликс не хотел, чтобы машина выглядела перегруженной. Чёрт его знает, что там произойдёт. Грузеная машина издалека приметна. Опытный глаз сразу скажет, сколько ты везёшь. А на границе не дураки, их специально учат, и таких умников, как я, они ловят враз.

Понадобилось часа полтора, чтобы залить все канистры, вытащить наверх и загрузить в багажник. К началу двенадцатого часа Феликс был выжат, как лимон. Сказались пьянка, бессонная ночь, Соломка и всё остальное, включая Гринёву, Рашида Темиргалаева и Мурзабека Ямадаева со своим глупым предупреждением.

При мысли о Гринёвой на сердце стало теплее, но ненадолго. Феликс отъехал от района кладбища и остановился на обочине. Солнце палило немилосердно, хотя лето ещё и не началось. Каждый раз Феликс адаптировался к югу несколько дней. Это тебе не московская влажная весна, это жаркий Кавказ во всех смыслах. Для того чтобы прийти в себя, у него был старый испытанный «зверский» способ: четыре пакетика «nescafe» высыпались прямо в рот и запивались двумя-тремя глотками воды. Главное при этом дышать через нос, а не через рот. А то однажды Лёху в этот момент что-то рассмешило, в результате он целый месяц выкашливал из лёгких коричневую жижу, чем приводил в изумление своих подружек. К «зверскому» способу можно было прибегать не больше двух раз подряд, а «зверским» он был потому, что

потом, после окончания действия кофе, спать хотелось во сто крат сильнее и можно было легко кувыркнуться в кювет. Одной «зарядки» хватало часа на два. Вполне достаточно, чтобы доехать до Назрани.

Как Феликс и ожидал, Лёха намеревался остаться в корпункте на ночь. Он сказал бодро, как конь, подскакивая на месте и пробуя, как сидят копыта:

– Куда спешить-то?..

Несомненно, что в его ответе крылась какая-то философия. Но Феликс не стал разбираться, не до того, хотя какая философия? Девочки и вино, то бишь местный коньяк, вот и весь сказ, ах да, ещё кинофотооборудование.

– Ну да, – согласился он, который во всём видел смысл провидения. – А как доедешь? – спросил он, мельком взглянув на себя в зеркало, из которого в ответ на него глядело лицо крайне измученного жизнью человека, и глаза этого человека говорили о том, что он, по крайней мере, потерял веру в человечество, в любовь и справедливость заодно. А Лёха меня держит про запас, подумал этот человек. Обычный «про запас», когда не хотят расставаться со старой вещью. Требовать от Лёхи верности всё равно, что требовать верности от муравья, с раздражением думал человек. Его прошибла мысль, что все эти годы Лёха Котов с ним не дружил, а имитировал дружбу, что когда ему не хотелось общаться, он отстранялся от Феликса, а когда ему было нужно, он призывал его под свои знамена. Хитрый, бестия, решил Феликс,

но я хитрее.

Однажды у Феликса была «большая» любовь с Кларой Саварской из отдела новостей. Потом – бум! Она из любопытства переключилась на его друга Лёху Котова. Феликс обиделся. Лёха предложил триолизм. Но для Феликса это было уже слишком, он был брезглив и чисто плотен. Целый год они не разговаривали. Однажды Лёха появился на пороге его квартиры с бутылкой водки и с фразой: «Она меня бросила». «Давно?» – спросил Феликс. «Три месяца назад». – «Где же ты болтался?» – «Стыдно было». На этом история была забыта, и больше они к ней не возвращались. Но с тех пор на всякий случай они не знакомили друг друга со своими пассиями. Гринёва оказалась исключением. Гринёва сама напросилась. Теперь надо было держать ухо востро. Феликс всё ещё надеялся, что встреча с ней – это всего лишь прелюдия к чему-то большему, но ему не хватало воображения, и он ограничивался сексуальными фантазиями.

– Обо мне не беспокойся, – бодро ответил Лёха. – Найду способ. Помогут люди добрые.

Должно быть, он намекал на своих новых приятельниц или на «чёрных», что было не так уж плохо. Только они ждать не будут. Вряд ли ещё кто-то остался в городе на ночь, кроме любвеобильного Лёхи. Ну да ладно, Лёха Котов дело знает на твёрдую пятёрку. Чем больше приключений, тем лучше. Спросите, чем он живёт, и Лёха ответит: «Женщинами, «кенонами», «пентаксами» и выпивкой», но, разумеет-

ся, только не старым испытанным другом, с которым прошёл Крым, рым, дым и медные трубы.

– Ну смотри... – предупредил Феликс больше из вежливости, чем для пользы дела. – А то поехали... – в последний раз предложил он.

Можно было, конечно, захватить новую Лёхину пассию и даже её подружку, но багажник забит до отказа, и в случае непредвиденной ситуации лишние свидетели ни к чему, разве что для суда. А может, и суда никакого не будет, снова мрачней, думал Феликс, вспомнив шариатские «тройки», мачете и отрубленные головы. Страх накатывал волнами, вслед за глухой надеждой приходило отчаяние. Раньше такого не было. Раньше были игра и безрассудство. Молодость уходит, обречённо подумал он, старею, начинаю трезво смотреть на жизнь, даже позволил себе влюбиться. Гринёва действовала на него хуже пургена.

– Всё будет нормально, друг, – заверил его Лёха, прихорашиваясь, как девица, перед зеркалом.

Феликса едва не вырвало: во-первых, от его уверенности в завтрашнем дне, а во-вторых, пахло от Лёхи каким-то совершенно диким одеколоном, «а-ля клоун». А на его круглой, как блин, физиономии было написано: «Уйди, ты мне надоел!» Тут только Феликс заметил, что стол накрыт на две персоны с той небрежной изысканностью, на которую был способен только Лёха Котов: какой-то ресторанный салат, чебуреки и местный коньяк домашнего разлива – аж целый литр

– тонкий намёк на толстые обстоятельства.

Ох, Лёха, Лёха, подумал Феликс, не долго тебе ходить в холостяках.

– Ладно, – сказал он с лёгкой душой, насколько она могла быть лёгкой в данной ситуации, – буду ждать тебя на той стороне, – и вышел вон, прихватив сумку.

Припекало совсем не по-московски, и чёрная крыша «Land cruiser» казалась раскалённой, как поверхность солнца. Внутри, однако, было вполне комфортно из-за работающего кондиционера, и вообще «Land cruiser» был той машиной, которая больше походила на танк, чем на изящный «Опель» Феликса. Но выбирать не приходилось. Что родина дала, тем и пользуемся, с ехидцей по отношению к этой самой родине решил Феликс. «Привыкай смолоду брать то, что тебе даётся легко», – вспомнил он слова мистера Билла Чисолма. Великолепное руководство к действию, только трудноисполнимое в нашей стране. Вот и приходится, думал Феликс, выворачиваться. А как ещё жить? На одну зарплату?

В районе Красного Пахаря он выскочил на международную трассу М29. Дорога была знакомой: по краю бесконечных незасеянных полей и мимо густо стоящих поселков, в большинстве своём пустых и брошенных. На поворотах «Land cruiser» вёл себя тяжеловато, сказывалась парусность высокого корпуса, совсем не так, как у юркого «Опеля», к которому привык Феликс. Зато на первом же прямом отрезке, сам не замечая того, он набрал такую скорость, что ве-

тер начал посвистывать в корпусе, а тополиный пух мелькал, как снег в бурю. Феликс очнулся в тот момент, когда стрелка спидометра уверенно приблизилась к цифре сто пятьдесят километров в час и легко поползла дальше. Ощущалось, как в багажнике колышется масса в четыреста килограммов. Если кувыркнушь, суеверно думал Феликс, то меня раздавит, как таракана. Зато редкие «легковесы», тоже спешащие в сторону границы, поспешно уступали дорогу – сигналить не надо, и Феликс чувствовал себя слоном в посудной лавке, от которого все с перепугу шарахаются в разные стороны.

Через двадцать минут такой езды позади остался Пятигорск, а ещё через десять на горизонте среди остроконечных гор, на фоне Эльбруса возникла девятиметровая «стена», построенная американцами в рекордно короткий срок – тысяча триста километров за четыре месяца. Русских даже не подпустили, хотя строили на их же деньги. «Лениво работают», – писали в печати. «Воруют, и руки не из того места растут». Подрядились арабы, ингуши, чеченцы и все остальные народы, которым захотелось жить в клетке. Уж они-то постарались, чтобы возвести её для себя, и, естественно, остались недовольными. Считали, что «новая свобода» их не коснулась, что до «новой истинной свободы» им, как до Киева раком, потому что они не получили в полной мере то, чего хотели. А хотели они многого, даже на Казань поглядывали. Фигушки, злорадно думал Феликс, Казань – истинно русский город. Кстати, от Грузии Америка их тоже

на всякий случай отгородила. Не любили почему-то на Кавказе проамериканскую Грузию. Ну, да бог с ними, это теперь уже не наши проблемы, это их проблемы. Об этом как-то воскликнул Михаил Спиридонов: «Наконец-то избавились от балласта!» И то, что перенаселенность, и то, что безработица и бандитизм, и то, что инфляция зашкаливает до небес, и многие другие разные беды. Так кто же просился отделяться? Переходный возраст? Что-то не додумали? А теперь вы, ребята, сами по себе, а мы сами по себе, и спроса с нас никакого, кроме зловредности и ехидства.

Чем ближе подъезжал Феликс, тем величественнее казалась ему «стена», каждый раз он восторгался в глубине души и ему хотелось петь старые советские песни типа: «На пыльных тропинках далёких планет останутся наши следы...» или «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Более того, он воспринимал её как символ прогресса и «новой свободы». Об этом и мистер Билл Чишолм твердил, мол, отпустите Кавказ в свободное плавание, и больше к вам никаких претензий. Всё встало на свои места, думал Феликс, испытывая душевный подъём. Мы честные люди, мы отдали то, что не принадлежало нам никогда, все эти бесконечные кавказские войны, весь этот сепаратизм и перманентная партизанщина, вся эта либеральная возня и заигрывание с кланами, откупы из госбюджета, большие деньги, газ и нефть, ракеты и армия. Теперь проблема решена раз и навсегда, во веки вечные. Пусть Кавказ сам покажет, жизнеспособен он

или нет. Если всё сделано по уму, то мы получим братскую страну, в которую будем ездить отдыхать лет так эдак через сто, когда улягутся страсти-мордасти.

Однако обитатели Имарата Кавказ не понимали своей выгоды, роптали, стреляли, делали подкопы и туннели, устраивали демонстрации и, с точки зрения цивилизованного человека, вели себя совершенно неразумно. Поэтому «стену» обвивала колючая проволока, а через каждые двести метров поставили вышки с прожекторами и пулемётами. Говорят, что это только вначале, вспомнил Феликс. Потом же армию уберут, а вышки демонтируют и вообще, может, даже и стену разберут на сувениры, как Берлинскую. Не может быть, чтобы Михаил Спиридонов ошибся. Ведь, собственно, он и был автором выражения «новая свобода». Однако, если разобраться, то «новая свобода» – это копия с американского выражения «freedom from injustice», которое весьма часто применяется в госдепе и которое переводится как «свобода от несправедливости». Для русского уха – это несуразица, чистая белиберда, вот и перевели просто как «новая свобода», которая вместила в себя все несправедливости скопом: трофимовщина, честные выборы, казнокрады, олигархи, власть, свобода слова, печати и собраний и прочее, прочее, прочее, о чем госдеп не имел ни малейшего понятия и никогда об этом не заикался.

Непонятно только, как моджахеды собирались осуществить прорыв, не взрывать же на самом деле это великолеп-

ное творение рук человеческих? Однако взорвут, я их знаю.

* * *

«Своих» Феликс не боялся, как можно не бояться столичную полицию, если ты живёшь в столице и пользуешься такой привилегией, как «маячок». «Свои» пропустят, стоит им увидеть его машину. Весь фокус заключался в том, что на «Land cruiser» стояли красные дипломатические номера. А это означало, что водитель и пассажиры, находящиеся в нём, не подлежат досмотру. Впрочем, у Феликса имелся ещё и соответствующий документ с красной гербовой печатью с двуглавым орлом и устрашающей надписью: «Согласно договоренности между РФ и Имаратом Кавказ обладатель сего документа на пограничных заставах, пунктах перехода и пр. не подлежит личному досмотру, в равной степени не подлежит досмотру автомобильное средство, снабженное дипломатическими номерами». Надпись дублировалась на трёх языках: русском, английском и чеченском. Для особо тупых внизу была ещё сноска и на арабском. Однако это была чистой воды подстраховка – арабы в Имарат Кавказ не совались, здесь возникла местная элита, которая была крайне спесива и не признавала ничьего влияния.

«Свои» же боялись всех и вся. Затуркали их со всех сторон: сюда не ходи, там не смотри и рот не разевай лишний раз, конечно, потому как армия должна знать своё место

и не высовываться. В таком смысле кричала вся пресса. И правильно делает, радовался Феликс. Сковырнём армию, последний оплот трофимовщины, и заживём припеваючи.

Феликс презирал армию и в целом называл её «совковой». Вставлял он пару раз это словечко в свои статьи. Главное нравилось, и, похоже, нравилось мистеру Биллу Чишолму, потому что он однажды даже позвонил из-за океана и от имени руководства департамента пропаганды Лэнгли выразил удовлетворение работой Феликса Родионова. После этого Соломка по кличке Рыба целую неделю не приставал к Феликсу, был ниже воды, тише травы, а, завидев его, даже делал весьма задумчивый вид. Может, боялся, что я его заложу, думал Феликс. Но естественно, не заложил. Рано, понимал он, и мелко. Если закладывать, то по-крупному, так чтобы отвертеться не мог. Собирал он на него материал и хранил дома. Об этом знал только верный Лёха, да и то Феликс ему всех карт не раскрывал. Поостерёгся он чисто интуитивно, потому что, как говорится, то, что знают двое, знает и свинья. Да и зачем Лёху подставлять – славного Санчо Пансу, Лёха нужен для других дел, поважнее, чем подсиживать начальство, как то: пьянство, девочки и разные другие удовольствия.

У КПП «Кавказ» он притормозил, не соизволив из презрения к воякам даже заглушить двигатель. Пусть знают наших. «Стена» возвышалась, как средневековая крепость. «Колочка» серебрилась на стенах. Вокруг грозные знаки:

«Мины!» «Стой!!! Огонь открывается без предупреждения!» И не менее грозное: «Заглушить двигатель!!!»

– Ну отпирай, отпирай! – проворчал Феликс подходящему капитану Габелому, естественно, так, чтобы тот не слышал. Незачем раньше времени дразнить гусей.

По краям дороги росла чахлая трава и валялись пустые бутылки. За бетонными плитами слонялись вялые солдаты. Да они ни на что не годились, таких голыми руками можно взять, решил Феликс. На красно-полосатом шлагбауме висели мешочки с песком. Через пятьдесят метров ничейной полосы, на другой стороне границы, начинался Имарат Кавказ. Там двигались совсем другие люди, с другими взглядами на жизнь и смерть, и честно говоря, в глубине души Феликсу совсем не хотелось туда ехать, хотя, несомненно, там легче дышалось и легче ходилось в прямом смысле слова. Так, по крайней мере, вначале казалось Феликсу, теперь он в этом не был уверен, теперь он усомнился в собственной безопасности.

– Опустите, пожалуйста, стекло, – попросил капитан.

А номера?.. – лениво подумал Феликс. А моя морда?.. Знал его капитан в лицо. Знал хорошо, но хотел удостовериться ещё раз.

Капитан выглядел усталым. Пожалуй, он один вызывал у Феликса симпатию, потому что на лице у капитана читалась хоть какая-то мысль и интеллигентность. А вот у его товарища, кажется, прапорщика Орлова, лицо выражало тупость и

армейскую косность в том понимании, как представлял себе её Феликс. Вот против чего мы боремся, подумал он машинально, против серости и русской тупости. Сковырнём таких, и баста, наступит полное и необратимое процветание, и ростки «болотной» станут вековыми деревьями. А что, подумал он, хорошая фраза, вставлю в ближайшую статью, то-то Рыба будет рад. Они, как дети, ей-богу, что Соломка, что мистер Билл Чишолм. А правда жизни – вот она, здесь, на этих просторах, за стеной! На мгновение он забыл о цели своей поездки.

Прапорщик Орлов всегда глядел на Феликса с презрением, и Феликс отвечал ему взаимностью. Вот и сейчас он оставил свой блокпост, слева у дороги, и ленивой походкой направился в сторону Феликса, почему-то приседая и заглядывая под корпус «Land cruiser».

Феликс цыкнул сквозь зубы и опустил затемнённое стекло. Жара лизнула щеку, и кондиционер заработал сильнее. Хорошая машина, подумал Феликс, чуткая, с кучей датчиков и релюшек, только обрыганная. Он уже приготовился сунуть под нос капитану документы, удостоверяющие, что такой-то, такой-то имеет отношение к дипломатическому департаменту, а точнее, к отделу СМИ, и приготовился даже сказать что-нибудь презрительное типа: «Свои же... свои...» Был такой приём сыграть на чувстве патриотизма. Однако капитан его опередил:

– А-а-а... это вы... – сказал он, заглядывая в салон, не об-

ращая внимания на документ. – Признаться, я ошибся. Думал, вдруг машину угнали. У нас таких случаев много. Здесь воруют, туда угоняют. Ищи потом ветра в поле.

– Ничего, бывает, – миролюбиво согласился Феликс, но презрительные нотки в голосе оставил, пусть знают, с кем имеют дело.

За полгода они привыкли друг к другу и даже чувствовали взаимную симпатию. Был капитан как бы не от мира сего, пупок не рвал, не придирался, и у Феликса всё всегда получалось. Просто со «своими» не могло не получаться, напуганные они были, закон уважали, а любая бумажка с гербовой печатью действовала на них, как пропуск в рай.

– Счастливого пути, – козырнул капитан.

– А ты глянь, как у него рессоры сидят, – сказал, подходя, Герман Орлов.

– Точно, перегрузка, рессоры сели, смерть тараканам, – подтвердил лейтенант Аргаткин, заходя с другой стороны и чуть ли не подлезая под машину, чтобы увидеть те несчастные рессоры.

Капитан тоже, как показалось Феликсу, вначале глубоко-мысленно посмотрел на лейтенанта Аргаткина, потом – на «Land cruiser», но ничего не ответил. Лицо у него осталось таким же неопределённо-грустным, словно капитан был занят иными проблемами. Занятый капитан, между прочим, подумал Феликс. Надо будет у него интервью взять, подловить на какой-нибудь нелепости и выставить в глупом све-

те. Есть такой коварный приём – передёргивания сказанного. Ну, да ладно, овчинка выделки не стоит, не генерал, поди. Напишу-ка я лучше о чём-нибудь более глобальном, например об откупных в армии, а не о каком-то доморощенном капитане, который тянет лямку за гроши да за веру.

– Что везём, дядя? – спросил прапорщик Орлов, а когда поднял глаза и увидел, кто находится в машине, то присвистнул: – Ого! Ёшкин кот!

У лейтенанта Аргаткина тоже вытянулась физиономия, сообразил он кое-что, например, что его сверстники на гражданке живут гораздо лучше. Любил Феликс такие моменты в жизни: не всякий пацан будет сидеть за рулём такой крутой тачки, а у прапорщика, поди, даже прав нет, не то что какой-нибудь жалкой «девятки». В принципе, Феликс, не будь у него в багажнике контрабандный груз, мог позвонить куда надо, устроить скандал и этим ещё раз унижить армию, но ситуация могла выйти из-под контроля, и бог его знает, возьмут и полезут в багажник. Можно откупиться парой каннистр, но, с другой стороны, ведь следят за каждым движением русских. Ему ли, Феликсу, не знать, что делается на той стороне: говорят не самое лестное о России, делают не самое приятное по отношению к ней с тем кавказским цинизмом и откровением, которые почему-то с постройкой «стены» не затихают, а наоборот, только расцвели буйными зарослями чертополоха. Дикий народ, решил однажды Феликс и с тех пор не изменил своего мнения, хотя, в общем, Имарат Кав-

каз ему нравился, чувствовал он там себя свободнее, но в рамках гостя, разумеется. Для иностранцев сделано великое исключение: выпивка в баре, выносить с собой запрещалось. А так хоть залейся. Даже в номер доставят и вежливо уложат спать, правда, можно лишиться кошелька, но это уже детали, издержки профессии.

– Спецоборудование для посольства, – буркнул Феликс.

Двигатель машины работал, и было плохо слышно, что говорят военные, но Феликс его не выключал из принципа, намекая тем самым, что пора и честь знать.

– Спецоборудование?.. – удивился Герман Орлов. – Ёпст! Было бы неплохо на него взглянуть. Правда, товарищ капитан?

– Нет, не правда, – устало, как показалось Феликсу, ответил капитан Габельый.

– Кондиционер везу для посольства, – на всякий случай сказал Феликс.

Лёва Аргаткин недоверчиво присвистнул и снова полез смотреть под машину.

– Так вот же! – возмутился он. – Смерть тараканам!

– Езжайте, – как-то странно среагировал капитан и посмотрел в сторону границы. – Олег, подними шлагбаум.

– Ещё чего... – среагировал прапорщик Орлов. – Эй, Михеев, чего спишь? Поднимай!

Подбежал сонный рядовой, и Феликс не без внутреннего торжества поехал. Однако как только он пригляделся к тем,

кто стоял у следующего шлагбаума, то его насмешливое настроение сменилось беспокойством, а потом – страхом. Следующие пятьдесят метров под нависающей машиной «стены» ему показались такими длинными, словно он ехал с Красной площади на Лубянку через МКАД. Сердце затаилось, как птица в силках. Хотя казалось, свои в доску: американцы. Никогда с ним такого не бывало, границу он всегда пересекал весело и нагло, особенно не задумываясь, что он вообще делает и как поступает, а здесь оплошал. В крайнем случае, можно позвонить мистеру Биллу Чишолму. Однако лучше этого не делать. Феликс на мгновение закрыл глаза, а когда открыл – ничего не изменилось: по-прежнему всё те же наглые, бандитские рожи.

Чем ближе он подъезжал к чеченскому посту, тем тише ехал, а к шлагбауму приблизился практически на скорости черепахи и заглушил двигатель перед щитом с надписью «Stop!» К его огромному удивлению, вместо американцев в их форме песочного цвета на этой стороне границы стояли какие-то бородатые незнакомые люди со зверскими лицами. А где же «наши», имея в виду американцев, холодея во всех членах, подумал Феликс, где майор Ильвер Стоун или старший лейтенант Джек Паттерсон? Где они все? Куда они делись? И вдруг понял намёк капитана Габелого, мол, разберутся с ним бородатые чехи, если они, конечно, не лопухи. Иуда, не мог предупредить! Но дёргаться было поздно. Дёргаться было опасно.

Всё дальнейшее происходило для Феликса в какой-то странной заторможенности. Он словно пропустил первую серию и обнаружил, что услужливо протягивает чернокожему сержанту документы. Как и когда подошёл к нему этот сержант, он не заметил.

– Please, sir.

– Where to go?³⁷

– Грозный...

– The purpose of the visit?³⁸

– The press. I'm a journalist³⁹.

– What's in the trunk?⁴⁰

У Феликса запершило в горле:

– Оборудование, – он едва не выдал себя, ему показалось, что кондиционер не работает, что он сломался, а в машине стоит чудовищная жара.

– That?⁴¹ – удивился сержант.

– Oboroduvanie for the embassy⁴², – выдавил из себя Феликс.

– Yes, sir, – сказал сержант, но почему-то не отдавал команду поднять шлагбаум, а вопросительно уставился на Фе-

---

³⁷ Куда едете? (англ.)

³⁸ Цель визита? (англ.)

³⁹ Пресса. Я журналист (англ.).

⁴⁰ А что в багажнике? (англ.)

⁴¹ Что? (англ.)

⁴² Оборудование для посольства (англ.).

ликса.

Феликс сообразил: полез в карман и достал смятые и потные пятьдесят долларов:

– No more⁴³, – соврал он.

– That's enough, sir⁴⁴, – обрадовался сержант. – Raise gate⁴⁵! – крикнул он.

Как Феликс отъехал, он не помнил, а очнулся, когда оказался среди чумазой орущей детворы, которая, как саранча, облепила машину. Сообразительные чечены возвели в полукилometре от границы примитивный «караван-сарай» – хлипкие постройки из картона и реек – и всякими способами продавали иностранцам местную дрянь из ближайшего супермаркета, как то: сладкую воду, сигареты и зажигалки. Если не купишь хотя бы пачку, может, отделаешься не только царапинами на корпусе, но и разбитыми фарами.

При виде этой толпы, орущей: «Марша вогийла хо! Марша вогийла хо!»⁴⁶ – ему стало физически плохо. Воздух казался густым, как сироп, а пейзаж вокруг – не земным, а лунным: к обочине лепились домишки с плоскими крышами. Ещё никогда так тяжело он не пересекал границу. Должно быть, действительно в воздухе пахнет войной, думал он, раз американцы берут взятки, а чеченцы, как с цепи сорвались.

---

⁴³ Больше нет (англ.).

⁴⁴ Этого достаточно, сэр (англ.).

⁴⁵ Поднимай шлагбаум (англ.).

⁴⁶ С миром приход твой! (чеч.)

В принципе, я им никогда не доверял, и Кавказ мы зря отдали. Теперь мы здесь чужие. Впервые он подумал о Михаиле Спиридонове нелюбезно: ублажил Запад, а мне расхлёбывать. Иуда.

За стеклом дёргались чумазные лица: «Марша вогийла хо! Марша вогийла хо!» Уже полезли на капот и крышу. А уж стекла оказались, как нарочно, залапаннными дальше некуда. Специально ведь, гадёныши, мажут руки какой-то липкой дрянью, сообразил он, а на выезде из Баскана, за поворотом – примитивная мойка из шланга за бешеные деньги. «Марша вогийла хо! Марша вогийла хо!» – надрывалась, приплясывая и корча рожи, чеченская детвора. Самое страшное заключалось в том, что взрослые, которые наблюдали из своих хибарок, командовали, на какие машины нападать, а какие не трогать. Атаковали исключительно российские номера.

Феликс приоткрыл окно как раз на ту ширину, чтобы просунуть десять бумажек по одному доллару. И пока чеченские дети собирали их, потихоньку улизнул. Это была обычная такса. Если с детьми задраться, то поперёк дороги могли протянуть «колючку». Тогда надо было обращаться за помощью на КПП – за отдельную плату, разумеется. На сиденье упала копеечная пачка азербайджанских сигарет. Такие только солдаты курят. За поворотом Феликс выбросил её, уверенный в том, что она тут же окажется в руках малолетних шантажистов.

«Неужели это всё?» – настороженно подумал он и огля-

нулся: дорога позади была пуста, охрана КПП «Кавказ» была занята следующей жертвой, а чеченские дети притаились вдоль дороги. И вдруг Феликс понял, что это уже не игра, что всё очень и очень серьёзно, что если бы он попался, то его могли и расстрелять, например, решением религиозной тройки, потому что он, во-первых, подданный Российской Федерации, а во-вторых, им наверняка нужен показательный процесс, чтобы другим неповадно было. Как назло, на днях показывали, как шариатская стража порола самогонщика. Сто ударов казацкой плетью. Всё, решил Феликс, прокручиваю дело, и конец. Да и, похоже, возить больше будет некому, если действительно произойдёт этот самый прорыв моджахедов. Неймётся им. Построили им страну, кстати, на средства моей родины, чтобы не мучились дурию, а они снова за старое.

Глава 5

Второй день боёв

К вечеру бой стих. Вдогонку сумеркам ещё щелкали снайперы, и от реки напал туман. Сил не было не то что шевелиться, даже поесть.

– Помнится, был у меня в роте Бабенко... – сказал Олег Вепрев тем голосом, когда предаются приятным воспоминаниям.

– А-а-а... ну да... – вспомнил Герман Орлов. – Гектор.

– Гектор, точно, – с удовольствием согласился Олег Вепрев. – Поздоровей тебя будет, – уточнил он.

Герман Орлов понимающе развёл руками: в смысле, что на каждого здоровяка всегда находится здоровее.

– Ну и что? – спросил Лёва Аргаткин, который не был в курсе молодых лет капитана. Поздно он пришёл в отряд, не знал многих вещей и традиций.

– Да ничего. Считал себя Гектор Бабенко непобедимым и несокрушимым. Геракл, одним словом.

– Так и было, – ревниво согласился Герман Орлов, хотя в глубине души не мог согласиться с подобным суждением: мериться-то им силами не довелось.

– Однажды пошёл Гектор Бабенко на свидание с Марой.

– С Марой? – удивился кто-то.

– Всех своих девушек он называл Марами.

– Понятно, – деловито отозвался кто-то, тем самым давая понять, что каждый из них со своими причудами, поэтому удивляться нечему.

– А навстречу ему два шкета – метр с кепкой: «Дядя, дай закурить». «Курить вредно, и вам не советую», – ответил Бабенко. «Дядя, наклонись, что-то скажу». Тот сдуру и наклонился. Шкет ему в висок как дал свинчаткой. Очнулся Гектор Бабенко на земле. Мара над ним хлопочет, слезами обливается.

– Это ты к чему? – настороженно спросил Герман Орлов.

– К тому, что здоровякам тоже попадает по первое число.

– Это точно, – охотно согласился Герман Орлов, имея в виду, что в каждом деле важен опыт, но такие азбучные истины вслух не произносятся.

Наступила тишина. Слышно было, как на дереве поёт цикада да скрипит, раскачиваясь, арматура.

– А вот я, дурак, работал в посольстве. Нет, снялся, погнался за счастьем, – сказал Бургазов Паша, прикорнув в углу и дымя сигаретой. – Сидел бы сейчас дома, пивко тянул бы.

– Не тереби душу, – предупредил Герман Орлов, который всё ещё не отошёл от боя и был чёрен, как трубочист. – Я таких разговоров не люблю. Раз начали воевать, то до упора. А жалеть себя – последнее дело.

Он, разумеется, не добавил, что так войны не выигрывают.

ются, что дух так же важен, как и оружие.

– Да я не жалею, – поправился Бургазов, потому что Герман Орлов был совестью и честью подразделения, все его слова звучали без газетного пафоса, и только один он умел так ввернуть, что к нему прислушивались. – Так, к слову, – уточнил Бургазов.

У капитана была заячья губа, косой, не зарастающий усам шрам, а ещё он любил насвистывать мелодии к месту и не месту, и ему часто делали замечание, мол, демаскируешь, гад, беду кличешь и заткнись, пожалуйста.

– Ты ж, наверное, этих самых америкосов и охранял? – ехидно спросил Герман Орлов.

– Не-а... не поверишь – чехов. Чешское посольство.

– Один чёрт, американские жополизы.

Кто-то произнёс с обидой в голосе:

– Если что, в инкассаторы пойду.

Пётр Нестеров сказал с характерным волжским говорком:

– Спиридонову хорошо... нах...

– Чего это?.. – удивился Герман Орлов и даже повернул голову в сторону говорящего, хотя даже говорить было лень.

– Во время мирового потопа все утонут, а у него голова, как буёк, над водой будет болтаться.

Все радостно засмеялись, будто Нестеров сказал дюже умную вещь.

– А хотите, я расскажу, как мы в первую командировку ездили? – предложил Пётр Нестеров.

– Хотим, – отчаянно зевнул Лёва Аргаткин. – Я так есть хочу, что котята в животе пищат.

– Так спустишься на пятый этаж в кладовку, пожри, – предложили ему.

– Лень... кто со мной?.. Смерть тараканам!

Никто даже не пошевелился. Приятно было сидеть в темноте, ничего не делать и испытывать усталость, потом придёт сон, а потом уже можно будет поесть содержимое «зелёного» пайка, который всем уже надоел до чёртиков.

– Расскажи, Пётр, расскажи, – попросил Юра Драганов, который так и не снял свою зелёную косынку с головы.

Он отличился ещё утром, подбив один из БТРов, а другой поспешно уполз в неизвестном направлении. Говорили, что его подорвали у железнодорожного вокзала, но ни подтвердить, ни опровергнуть это никто не мог, зафиксировали только взрыв и вспышку. Должно быть, на мину наехал. Только кто ту мину ставил?

– Ха! – воскликнул Пётр Нестеров. – Четверо нас ехало из Нижнего, нах... – и замолчал, словно язык проглотил.

– Ну?.. – сказал кто-то, судя по тону, опять же Герман Орлов.

Не любил он, когда всеобщее внимание было приковано к кому-то другому, а не к нему, но терпел, кряхтел и терпел, выражая всем своим видом скрытую обиду.

– Да подожди ты! – сказал Пётр Нестеров. – Дай вспомнить. Так устал нах... мысли путаются.

– Ладно, жду... – покорно согласился Орлов и поерзал на месте, вытаскивая из-под задницы камушек и устраиваясь поудобнее.

– Слушайте, нах... – сказал Пётр Нестеров хриплым голосом, который сорвал, когда выбивал чехов из центрального военного санатория. Атака та вышла очень даже удачной: положили пятерых чехов и ушли к себе, оставив гостинцев, на которых, судя по крикам, кто-то подорвался.

– Тихо! – призвал к тишине Герман Орлов.

И хотя все знали его историю, им было приятно послушать ещё раз, потому что она хорошо кончалась и потому что она связывала с домом и надеждой вернуться живым и здоровым.

– Приходит приказ конкретно в наш РОВД таким-то тогда-то ехать «стену» сторожить, нах...

– Ну да... – сонно согласился Бургазов Паша, и всё равно его нахальная и одновременно изумлённая морда с коротким школьным чубчиком изобразила недоумение. Он один не слышал историю Нестерова, поэтому у него сразу возникла куча вопросов: почему именно Нестерова, а не Ваню Питерского, например? Откуда в управлении вообще знают о существовании какого-то лейтенанта?

– А почему это?..

– Да подожди ты, – оборвали его, – соль – впереди. Ха-ха... – смеялись заранее.

– Приходит приказ, нах... – снова начал Пётр Нестеров. –

Поедешь ты, ты, ты и ты. Ты, значит, то есть я, старший. Ладно, раз родине нужно, мы всегда рады. Мы Присягу давали, мы как бы пупки рвать по Уставу должны.

– Эт-т... точно, – согласился кто-то из дальнего угла.

– Ты не отвлекайся, а по сути, – ехидно заметил Герман Орлов, потому что все эти высокие материи о Присяге и долге не имели в данный момент никакого значения.

– Ага, – усмехнулся Пётр Нестеров. – Мать мне набила сумку, такую здоровую, мечта оккупанта называется. Пятнадцать трусов, пятнадцать маек, пятнадцать полотенец. Баул получился. Выдали нам личное оружие, нах... Я говорю, чего я там буду делать с пистолетом-то? Им даже кошку не застрелишь с пятидесяти метров. Давай автоматы, нах... Обойдёшься, отвечают, не положено по штату. «Это же пукалка, нах... только застрелиться». – «Ты же опер, там достанешь». Я им говорю: «В задницу вашу мать! В бою, что ли?» – «А то! – отвечают. – Сообразишь!» Полдня орали, судили-рядили. Упёрлись: «Без автоматов не едем!» И баста!

– Ну и что? – спросил Бургазов Паша, которому было очень даже интересно, как обходятся с их братом в других РОВД.

– А приказ-то никуда не денешь, нах... Начальство в Москве доклада ждёт, а мы в забастовку.

– Правильно... – одобрительно сказал кто-то сонным голосом.

А Бургазов Паша, который не слышал рассказа, снова

спросил:

– А сборы были?

– Да подожди ты! – снова оборвали его. – Соль впереди.

– Ну и что? – спросил Герман Орлов. – Выдали?

– Куда они денутся? Только вначале дали укороченный АК, нах... «Да вы что, ребята! Это же хуже пистолетов. Прицельная дальность какая?» Опять кричали полдня. «Давай, – говорят, – выметайтесь из отделения». Мы вещи бросили в караулке и сидим. До вечера сидели. Пришёл наш полковник Субботин. Выругался, схватился за голову и убежал. На следующее утро нормальные автоматы нашлись, АК-74М, и по четыре рожка каждому. Спрашивает: «Как ехать?» Полковник Субботин: «Поездом, поездом?! А кто вам персональный состав даст?» Мы ж то думали, что нас к какому-нибудь эшелону прицепят. Нет, своим пердячим паром с вещами и баулами через полстраны.

– Поездом на войну?! – не поверил Бургазов Паша и выпучил и без того изумлённые глаза, только в темноте этого никто не заметил, ну разве что Игорь Габелый, но ему было всё равно, кто как реагирует.

– А то... – гордо сказал кто-то.

– Так не бывает, – возразил кто-то, он не Лёва Аргаткин, который уже знал, как отправляют в России на войну.

– Ещё как бывает, – веско сказал Алексей Ногинский. – Игорь не сколько увидел, сколько дорисовал в воображении его нервное лицо с локонами, выбивающимися из-под кепи.

Ногинский не стригся из принципа, чтобы быстрее уехать домой. – Мы тоже один раз целой ротой ехали. Полвокзала в Астрахани занимали. И все пьяные. Представляешь?! Пьяные и вооруженные до зубов. С гранатами, подсумками. Полиция нас стороной обходила. У Министерства обороны денег нет даже на теплушки.

– Продали в Корею! – Алексей Ногинский оскалился в радостном смехе.

Передние зубы у него были железные, потому что он любил драться и настоящие зубы ему выбили ещё в учебке. Как ни странно, он был самоучкой по части компьютеров. После бокса это было его вторым увлечением. Любил он поговорить на тему «окон», мог запросто просветить насчёт недостатков и достоинств той или иной версии операционной системы и дать дельный совет, так что дилетанты обращались именно к нему.

– Ну а чего... ёпст, не बारे, – высказался Герман Орлов. – Я тоже всё время так езжу... к тётке на дачу... И ружьё у меня с собой, правда, разобранный, в багажнике.

Все засмеялись: «Гы-гы-гы!!! Ха-ха-ха!!! Охо-хо-хо!!!» Приятно было вспомнить мирную жизнь и тетушку Германа Орлова, которая жила в Выксе. Занятная у Германа Орлова была тетушка, писательница сказок. Много он о ней рассказывал странных историй, то она с колдуньей знакомилась, то болотную кикимору видела, то на метле летала. Ведьма, а не бабушка. «Между прочим, третий раз замужем», – гова-

ривал Герман Орлов таким тоном, будто это было исключительно его личной заслугой. «Не фига себе?! – удивлялись все почтительно. – Вот это бабка! Везёт тебе, Гера». «А то!» – гордо задирает нос Герман Орлов. Не у каждого родственник писатель.

– Я не знаю, как ты едешь, я не привык. В гражданском поезде с боевым оружием... – недоумённо сказал Пётр Нестеров, давая понять, что ситуация сама по себе нереалистичная, но, мол, начальству виднее, оно за всё в ответе, на то оно и начальство.

– И ничего, не такое видали... – согласился Юра Драганов.

Густые выгоревшие усы степенно лежали у него на верхней губе, и вообще он своим обликом напоминал молодого Краско. Был такой артист, умер от водки и простуд.

– Ну да, ну да... – насмешливо закивал Пётр Нестеров. – Ну что, рассказывать или нет, нах?..

– Рассказывай, – разрешили хором, потому что всё хорошо заканчивалось.

– Короче, в Москву приехали без приключений. По литру раздавили – чего там, семь часов электричка от Нижнего. На Курском говорят, поезд номер такой-то, сядете и вперёд, нах... А у нас с собой в общем количестве по пять литров на брата. Мы так прикинули, ехать-то долго. Приняли на грудь и тихо, мирно легли спать. Вдруг ночью мужик военный из соседнего купе припёрся. Я его спросонья едва не шлёпнул.

Талдычит одно: «Мужики, оружие прячьте!» Что за ерунда? Поезд стоит, по вагону ходят пограничники с этими самими... вилами на фуражках! Отродясь такой мерзости не видал, нах...

Все засмеялись, словно только и ждали этого момента, а Бургазов Паша, простая душа, от изумления открыл рот:

– Что за фигня?..

– Вот это и есть соль, – объяснили ему.

– Не поверите, оказалось, мы в Украину заехали. А те обалдели. Четверо мужиков в камуфляже да ещё и с полным боекомплектом. Как так получилось, сам не пойму. Но бог с ними. Вначале решили, что мы террористы. А мы им командировочные. Документы, мол, направляемся на защиту «стены» и родины, нах...

«Какая стена, нах?.. Какой родины, нах?.. Окстись! Вы в Украине!» Мы за головы схватились. Скандал международного значения. Писец всему, нах!.. Круглая абстракция, нах!.. Ещё с похмелья, плохо соображаем. Иван Салачинов в баулы полез за боеприпасами: мы хоть пьяные, но понимали, что по городу с пристегнутыми магазинами ходить как бы не к лицу, поэтому всё попрятали в сумки.

– А почему? – наивно спросил Бургазов Паша, который раньше не слышал рассказа и от удивления только и делал, что выпучивал глаза.

– Да потому что меру нахальства надо знать, – объяснили ему.

– Ага, – согласился Бургазов Паша. – Дальше что?!

– Дальше?.. Пошёл я с ними как старший в купе к проводнику, который нас сдал. Сука хохлацкая!

– Да... они теперь такие... – со знанием дела высказался Лёва Аргаткин. – Зажрались... Смерть тараканам!

– Самостийные...

– Ну?.. – подтолкнул кто-то рассказ, кажется, Виктор Максимов, который из-за скромности и из-за того, что был из Волгоградского РОВД, не вступал в разговоры, а ещё из-за того, что лучше понимал украинцев – заложников того самого разделения великой страны. Но разве об этом говорят в приличном обществе? Об этом помнят где-то в подсознании и крестятся на тёмный угол, чтобы больше ничего подобного не повторилось.

– С этими самыми, с вилами на шапках. Писец всему! Я им говорю: «Мужики, мы же командированные, воевать едем». – «Ни хера, вы террористы!» Я им снова: «Мы свои, едем на войну». А у самого такая мысль в голове о неестественности происходящего. А эти хохлы из принципа слушать не хотят. Протокол принялись строчить. Снова в купе попёрлись. Этих самых... террористов поймали, представляешь?! Медаль, наверное, кому-то светит? Уже дырку вертят. А в купе наши уже автоматы зарядили, затворы передергивают. Пограничников как ветром сдуло. Я своим говорю: «Патронов мало, долго не продержимся, сдаваться надо». Ну и началось: прибежали с пистолетами в руках. Мы уже за гра-

наты взялись. Те кричат: «ОМОН вызываем!» – «Не надо ОМОН! Постреляют, нах... в этой сраной Украине, до «стенны» не доедем. Сдаёмся, нах!..»

– Хорошо хоть так! – с облегчением вздохнул Бургазов Паша и вытер вспотевший лоб.

– А что ты думал, в тюрьму нас посадили? Тогда бы я здесь с вами не разговаривал, нах... Вылезли мы из вагона, обвешанные вещами и оружием, но автоматы не отдаём. Они эти автоматы притырят, ищи потом ветра в поле, нах... Международный скандал! Хоть в ООН обращайся. Привели в отделение. Мы уже перепуганные и протрезвевшие. Дело шьют. Пятнадцатью годами пахнет, нах...

– Не может быть, – не поверил Бургазов Паша, простая душа.

– Может, – лениво сказал Герман Орлов. – Я этих козлов знаю. До сих пор наш газ сосут. Волки позорные.

– Не без этого, – добродушно согласился Лёва Аргаткин, давая понять, что простому народу от этого не холодно и не жарко, простой народ свой хлебушек в тяжких трудах добывает да лбом рискует и в большую политику не суется, не до того ему.

– Ну а дальше что?

– Короче. Хорошо, в отделении ночью начальства нет, а у нас водка осталась на доньшке, чтобы утром опохмелиться. Мы эту водку с хохлами приговорили. Хорошие ребята оказались. Свои, славяне. Песни пели про бронепоезд, про

Катюшу. В общем, оттянулись по полной. Кое-кто под столом уже валялся. А нам хоть бы хны. Не поверишь, адреналин так ударил, что наркоз не брал. К утру договорились, что мы братья по крови, что все эти правительства нах... и вообще надо объединяться белорусам, украинцам и нам, русским. Так мы сильнее будем. А то Америка нас по одному и обламывает.

– Правильно... – сказал кто-то и тяжело вздохнул, словно вспомнив о чём-то нехорошем.

– Уже обломала... – авторитетно заметил Герман Орлов.

– Да... – согласился Юра Драганов, – власть отдали, теперь не заберёшь.

– Дураки... – сказал кто-то.

– Ох-х-х... дураки...

– Таких дураков ещё поискать надо...

– Эт-т... точно, – согласился кто-то из дальнего угла.

– С народом даже не посоветовались.

– А дальше что? – кто-то в темноте вспомнил, что сказчик молчит.

– Слышь, Пётр, а дальше что? – спросил Юра Драганов и снял наконец свою косынку, чтобы вытереть грязь на лице.

– Дальше... – очнулся Пётр Нестеров, и все поняли, что он успел задремать. – Утром... – произнёс он, зевая, – посадили нас на поезд до Белгорода, а там – на вертолёт, так мы очутились здесь.

– Ёпст! – сказал Герман Орлов. – Вот это приключения!

А здесь сидим, скучаем.

Все лениво засмеялись. А Лёва Аргаткин потёр свой левый травмированный глаз, который у него иногда болел к месту и не месту.

– Повезло вам... – высказался Юра Драганов.

– Эт-т... точно, – согласился кто-то, но не Пётр Нестеров.

Игорь оглянулся – Пётр Нестеров уже спал, прислонив голову к автомату. В темноте белел чуб, да губа оттопырилась. Хороший парень, подумал Игорь, только много болтает, и поднялся. Надо было обойти посты, хотя неугомонные Вепрев и Орлов наверняка уже все сделали: и мины поставили, и сигналок понатыкали. Но всё равно – надо проверить, и Игорь вышел в коридор.

* * *

– Ты спишь? – спросил он, пробираясь, как лев, в логово.

– Нет, – ответила она, – я тебя жду.

Пол был завален штукатуркой, и при каждом шаге она скрипела под ногами.

– Извини, – сказал он, словно был виноват за долгое отсутствие.

На деле надо было извиниться раньше: за то, что влюбился, за то, что не предусмотрел опасность и не отправил вместе с дочкой и с её матерью в Краснодар, в общем, за головотяпство, хотел, чтобы была поближе, чтобы бегать на сви-

дание, – эгоист, в общем.

Кровать закрипела, и он увидел совсем рядом её глаза. Они блеснули в лунном свете. В выбитое окно струился ночной воздух, но было ещё тепло.

– Что это? – спросил он, опускаясь рядом

– Твой пистолет.

– А-а-а...

Он сообразил, что она боится и, должно быть, давно сидела в темноте с этим чёртовым пистолетом. Война не для женщин, война вообще ни для кого, только для таких сумасшедших, как я, подумал он.

– Есть будешь? Есть картошка.

– Чудесно, – сказал он, целуя её в губы и словно возвращаясь к давно забытым воспоминаниям.

– Пахнешь дымом, – сказала она, потянувшись к нему, словно преодолевая своё же сопротивление.

Её голос много значил в этот момент. Он был залогом того неповторимого, прекрасного будущего, которое звало жить, и от этого будущего чуть-чуть кружилась голова. Это будущее зависело только от них самих и поэтому было хрупким и ненадёжным, не в смысле того, что могут убить, а в смысле чувств и надежд.

– Наверное, не только дымом, – сказал он, вспомнив Алексея Ногинского.

Но рассказывать не было сил. Хватит на сегодня войны, решил он, надо отдохнуть.

– Куда ты? – спросил он, отпуская её руку.

– Сейчас принесу.

Она скользнула в темноте грациозно, как пантера. Под её ногами не скрипнула ни одна песчинка. На мгновение он залюбовался ею и подумал, что они давно одно целое и что он её хочет всегда и при любых обстоятельствах. Жило в нём это чувство, проснулось и жило отдельно от сознания. Поздно же я тебя встретил, подумал он, лет бы на десяток раньше, и у нас была бы длинная-длинная жизнь с кучей воспоминаний, и я бы эти воспоминания берёг, как скряга. Но и сейчас мы наверстаем и будем любить друг друга долго-долго, сколько времени хватит. Странно было то, что он никогда так не думал о своих женщинах, воспринимая их как временное явление в жизни, а здесь взял и подумал совсем по-другому. Хорошо подумал, тепло подумал. Должно быть, что-то изменилось в нём, но он ещё не понимал, что именно.

– Я вот что подумала... – сказала она, возникнув рядом, как привидение.

Оказывается, он на мгновение задремал.

– Что? – спросил он, открывая крышку на кастрюле.

В ноздри ударил ароматный запах чеснока, укропа и тушёнки.

– Ложку возьми, – сказала она, устраиваясь между спинкой кровати и стеной, и с любопытством, как показалось ему, смотрит, как он ест. Он ещё не привык к таким взглядам. Никто из женщин не смотрел на него так, даже те, которые

любили его. С каждой по-разному, но совсем не так. С Боженой было лучше всего, потому что с ней всегда оставалась тайна, которую он старался разгадать, и от этого ревновал её ко всему белому свету и ещё бог знает к чему.

Ноги она поджала под себя и замерла, превратившись в тень. Он пожалел, что на ней джинсы, а не юбка, но тут же погасил в себе эту мысль, осталось одно желание, которое тлело в нём, как вечная искра.

– Что ты подумала? – спросил он, орудуя ложкой.

Он постарался сделать лицо добрым, потому что поймал себя на мысли, что всё ещё убивает того снайпера, который удивился, что русский живёт хорошо. Редко видишь глаза человека, которого ты убил, и ищешь во всём этом какую-то метафизику, которой там нет. А потом привыкаешь, плохо, конечно, и тебя редко удаётся чем-то удивить в жизни, а это тоже плохо: старым становишься, душа рано умирает. А она должна всегда удивляться. Вот меня снайпер и удивил, подумал он.

– Я думаю, – сказала она, – что отсюда придётся уехать.

И опять он удивился, почему она здесь, в глухомани. Впрочем, он давно уже знал, почему именно. Ей бы актрисой быть, а она здесь прячет свою красоту. И вообще, она ему напоминала хорошо обточенный волнами корень дерева без всего лишнего или, наоборот, с избытком самых главных деталей, например фигуры и мушки на верхней губе. Повезло мне, в который раз подумал он. Редко кому так везёт. А воя-

кам тем более. Он так и думал о себе: «Я вояка, этим и живу, а больше ничего не умею. Любить вот умею и быть верным умею».

– Однозначно, – согласился он. – Мы-то их сейчас упакуем. Но они снова в любой момент могут прорваться. Так что здесь, скорее всего, сделают пограничную зону.

– Я больших городов не люблю, – сказала она.

– Дом купим в пригороде, – сказал он. – Там чище. Плохо в больших городах.

Голос его дрогнул: он не был уверен в том, что говорит. Война приучила его не заглядывать далеко, чтобы потом не остаться в дураках.

– Я знаю, что ты боишься, – сказала она.

– Я не боюсь, – не понял он её.

– Нет, ты боишься, – сказала она и помолчала, а потом сказала: – Мы всего лишь женщина и мужчина, оказавшиеся здесь и сейчас.

У него мороз пробежал по спине. Если ты чего-то не понимаешь, доверься ощущениям. Ни с кем ему не было так хорошо, как с ней. И вдруг она заговорила о том, о чём он тоже думал, но не делился ни с Олегом Вепревым, ни с Германом Орловым. Время – оно словно открылось перед ними, и они плыли в нём, как будто в большой лодке и не могли пристать к берегам, потому что они были крутыми и скалистыми.

Она была родом с Урала, из Перми, и жила в Пятигорске

всего-то два года. Здесь у неё был похоронен муж, командир тридцать второй заставы. Вот почему она такая приспособленная к армейской жизни и ничему не удивляется, часто думал Игорь. «Мне кажется, если бы я тогда была с ним, он не погиб бы», – сказала она однажды и привела его к могиле у подножия Машука. Вся тридцать вторая застава, павшая ещё до того, как Спиридонов захватил власть. Шаталась уже страна, и, конечно же, погибшие оказались заложниками этого шатания, а духи воспользовались ситуацией, опять же англосаксы мutilовали воду, американцы им поддакивали, а турки скалились, воодушевленно потирая руки: у всех сбылись их вековые мечты, отхватили Кавказ, проучили Россию.

Он так и уснул с ложкой и кастрюлей в руках. Снилось ему какая-то фантазмагория, не имеющая никакого отношения к реальности. А проснулся от свежего воздуха. Энергия боя, которая жила в нём в течение дня, ушла, и ему сделалось зябко. Божена спала рядом, поджав под себя ноги и обхватив себя руками. Где-то внизу раздались странные звуки, словно кто-то крался и наступил на консервную банку.

Ничего, подумал Игорь, там Орлов, он своё дело знает. Но всё равно осторожно поднялся, пошёл и посмотрел.

По пути он заглянул к Севостьянихину, который сидел в углу между двумя окнами. Рядом с ним лежали радиостанция и автомат.

– Командир, спишь? – шёпотом спросил Игорь, вглядываясь в тёмную фигуру.

Но Севостьянихин не ответил. Игорю надо было поговорить с ним, впрочем, это можно было сделать позже, под утро. Однако стоило было Габелому повернуться, чтобы уйти, как Севостьянихин сказал:

– Повезло нам, кадровые силы боевиков ушли в Россию, а с нами воюют, можно сказать, новобранцы.

Игорь молча стоял перед ним. Ему было всё равно с кем воевать.

– Завтра атакуем в направлении Бештау.

– Приказ пришёл? – с облегчением спросил Игорь.

Любой приказ означал, что они не одни, что о них помнят. А это большое дело в армии, когда о тебе помнят, потому что армия – это мощь, это сила.

– Не было приказа, просто ждать дальше бессмысленно. Утром пойдёшь в разведку.

– Есть пойти в разведку, – сказал Игорь и присел перед Севостьянихиным, чтобы обсудить подробности.

Лица у Севостьянихина не было видно. Белел лишь кончик знаменитого носа, который казался вялым и безынициативным. Потом Севостьянихин пошевелился, и Игорь различил его глаза. Вот глаза у командира оказались вовсе не сонными, а даже очень ясными и конкретными, должно быть, он думал о чём-нибудь приятном, сидя в темноте, а тут пришёл Габелый и испортил обедню.

– Думаешь, они нас не ждут?

– Да нет, может, и ждут. Кто его знает. Дело не в этом.

– А в чём?

– Что-то происходит, понимаешь?..

– В смысле?.. – удивился Игорь и положил автомат на колени.

– Сам подумай, Будённовск молчит, как рыбы об лёд.

– Ну?.. Может, обложили?

– Такую базу не обложишь, – заметил Севостьянихин.

– Ну да, – чуть ошарашенно согласился Игорь. – Действительно... хм... я не подумал.

– Значит, что?.. – многозначительно спросил Севостьянихин и хитро вместе с гениальным носом посмотрел на него.

– Что?.. – удивился Игорь.

На ум, как назло, ничего не приходило. Спал ум – там, рядом с Боженой, и вообще уму ничего не хотелось думать, уму хотелось тихо мечтать о счастье.

– Значит, им приказали молчать и не высовываться, – веско сказал Севостьянихин.

– Не-е-ет... не может быть... – удивился Игорь и окончательно проснулся.

Да такого командира подчинённые на куски порвут, подумал он. Свои не предают. Закон спецназа.

– Всё может быть, сынок, всё может, – вздохнул Севостьянихин.

Сынком Севостьянихин называл кого-либо крайне редко, разве что в минуту душевного волнения. Значит, такая минута настала.

– Что же делать? – спросил Игорь, всё ещё не в силах переварить услышанное.

– Вот вы с Вепревым и прикиньте, что делать. Потом мне доложите. Обмозгуем вместе. Сбор у меня в полпятого.

Расслабленное лицо Севостьянихина снова стало насмешливым, таким, каким Игорь привык его видеть двадцать четыре часа в сутки. Такого не раскусишь и на мякине не проведёшь. Опытным был Севостьянихин, много повидал и понимал одну мудрость: мы никогда не знаем, где ошибаемся. А именно в этом и таился залог успеха или неуспеха – не делать ничего такого, что привело бы к ошибкам, потому что ошибки – это человеческие жизни. С другой стороны, если бы это была какая-нибудь стратегическая операция, где важен успех на каком-либо фронте. А у нас? У нас локальные бои, мелкие стычки, ничего не решающие в принципе. Возможно, успех кроется как раз не в вылазках, а в надёжной обороне. Сковываем мы моджахедов, не даём им уйти дальше, в глубь России. Но и сидеть на месте тоже нельзя.

– Есть полпятого, – ответил Игорь, поднимаясь, и вышел в коридор.

У него сразу возникло множество вопросов. Да и само предположение Севостьянихина показалось диким: получалось, что армия их бросила по чьему-то приказу. Такой приказ мог отдать только главнокомандующий. Вывод напрашивался сам собой: не по приказу ли Америки моджахеды рванули «стену»? И чем больше он думал об этом, тем быстрее

приходил к мнению, что командир прав, что их слили, оставили один на один с Чичей. Только зачем, сообразить было трудно, для этого надо сидеть в Кремле и руководить оттуда, чтобы видеть картину всецело.

Одно он понял точно: получилось у них первый раз, вот майор и решил, что получится и второй раз. Дай бог-то, дай бог, подумал он суеверно, пробираясь на первый этаж в административный корпус. Бойцы спали там, где их застала темнота. Многие даже не сняли бронежилеты, а сидели, как большие, застывшие куклы.

Олег Вепрев, впрочем, бдел, как весенний заяц, цедя крепкий чай. Многие любили такой чай, который придавал силы и бодрость. Однако Олег Вепрев был ещё и эстетом, потому что пил чай с лимоном и коньяком. Где он достал лимон, естественно, являлось вселенской тайной. Были у Олега Вепрева свои тайные каналы, которыми он пользовался в критических ситуациях.

– Будешь? – спросил он, показывая на чайник, из носика которого шёл пар.

У Игоря отлегло с души – раз капитан не спит, значит, всё нормально, значит, никто из духов даже не смеет приблизиться к гостинице, потому что Олег Вепрев всё предусмотрел. Герман Орлов тоже ручки приложил, с удовлетворением подумал Игорь. Любит он это дело – ловушки устраивать.

– Да нет, спасибо, – сказал он, присаживаясь рядом. – Выспаться надо.

На столе тлел таганок, роняя вокруг себя неровный свет, к стенке было придвинут раскрытый «зелёный» паёк.

– А это?.. – Олег Вепрев потянулся и бросил на стол ещё один «зелёный» паёк.

– Я уже поел, – ответил Игорь.

Ресторан был разгромлен вчистую. Но в темноте по-прежнему казался шикарным – таким, каким они его увидели впервые ещё года три назад, когда их стали посылать на Кавказ. Просто выключили свет, и мы сидим, как прежде, и всё хорошо и приятно и нет этой чёртовой войны. Сейчас Вепрев скажет: «Ну что, мужики, ещё по одной?» И побежит в буфет, чтобы побыстрее и без официанта.

– Ах, ну да... ну да... – не без тайного смысла сказал Олег Вепрев и, как только один он умел, многозначительно шмыгнул носом. Только шмыг этот у него был не уничижительным, а воинственным.

Игорь сделал вид, что его не волнует замечание Вепрева. Если бы я бросался на каждую его шутку, подумал он, от Вепрева мокрого места не осталось бы. Но ничего не поделаешь, Вепрев такой, каков есть. У него шило в одном месте, а без этого шила Олег Вепрев не был бы Олегом Вепревым. И это его счастье.

В слабом свете таганка резкие черты лица Вепрева смягчились. От дневного психоза не осталось и следа. Теперь с ним можно поговорить по душам, хотя, конечно, разве можно доверять человеку, которому нечего терять, невольно по-

думал Игорь. С таким хорошо в разведке. Не бросит и не предаст, а в случае чего, в лепёшку разобьётся, но вытянет.

Игорь в двух словах передал ему разговор с Севостьянихиным.

– Ого! – удивился Олег Вепрев и поднял на Игоря нахальные глаза. – Ну и где твоя любимая Америка? Где?

– Пошёл ты, – беззлобно ответил Игорь.

Рана на щеке, которая покрылась твёрдой корочкой, от возмущения начала печь.

– А я всегда говорил, – Олег Вепрев нагнулся так, что его наглая татарская рожа вплыла в круг света, – нечего Кавказ цирикам отдавать, нечего!

– Как отдали, так и возьмём! – на этот раз зло ответил Игорь, потому что Олег Вепрев наступил на большую мозоль.

– Ха! – веско произнёс Олег Вепрев, и они замолчали, переваривая разговор и невольно прислушиваясь к тишине, царившей вокруг: духи спали, свои спали, спал весь мир, бодрствовали только они вдвоём и плыли в этой тишине, как в Мировом океане.

– Кто гремел-то? – через некоторое время спросил Игорь.

– Да всё нормально, – отмахнулся Вепрев, кисло поморщившись, – я Ногинского и ещё двоих послал в фармацевтическое общежитие усилить пост.

– А-а-а... – с облегчением среагировал Игорь. – А где Орлов?

– Спит твой Орлов, – опять кисло усмехнулся Вепрев.

Почему он усмехнулся? – невольно подумал Игорь, завидует, что ли? Многие, должно быть, завидуют, я их понимаю – не каждому в жизни встретится такая женщина.

– Вон там, за стойкой бара.

Игорь оглянулся туда, куда показал Олег Вепрев. То, что он принял за фон мироздания, оказалось мирным храпом старшего прапорщика.

Фу ты, с облегчением понял Игорь, лучше уж это. Значит, я всё ещё слышу шум боя. Так бывает: бой прекратился много часов назад, а ты его всё ещё слышишь и слышишь и готов реагировать, если этот фон, не дай бог, изменится. Организм приспосабливается к условиям существования, только раньше я этого не замечал, подумал он, знай себе бегал и стрелял. А может, меня контузило, испугался он, а я не заметил? Нет, так не бывает, если уж контузит, то контузит.

– Ладно, – сказал он, – пойду спать.

Казалось, гул в голове поселился навечно, но к утру он обычно пропадал.

– Тебя разбудить? – спросил Олег Вепрев.

Игорь обернулся, чтобы проверить выражение его лица. Оно было грустным и вдумчивым. Значит, он ни на что не намекает, просто заботится о завтрашней операции.

– Не надо, – ответил он. – Сам приду в четыре двадцать. Жди.

– Спокойной ночи, – сказал Олег Вепрев.

– Спокойной ночи, – ответил Игорь, поднимаясь по лест-

нице.

– Женись на ней, – вдруг сказал Олег Вепрев.

– Что? – ему показалось, что он ослышался.

– Женись, говорю, – добавил Олег Вепрев. – О таких женщинах пишут романы.

Лицо его выражало самые романтические чувства. Наверное, он вспомнил жену и детей.

– Спасибо, я учту.

Олег Вепрев махнул ему, ладно, мол, иди, не трави душу.

– Спокойной ночи, – ещё раз сказал Игорь.

Женюсь и сделаю вдовой дважды. Вот почему я боюсь даже думать об этом, понял он. Хотя, если убьют, она так и так будет страдать, никуда не денешься.

А где раненые? Где Илья Ржешевский? Я совсем забыл о нём. Надо найти его, подумал он и тут же забыл о нём. Он ещё не знал, что есть мир воспоминаний, что он только прикоснулся к нему, и этот мир его ещё не мучил, потому что погибшие друзья не приходили к нему во сне или наяву, и он ещё не вспоминал их слова и жесты, разговоры и прибаутки. Это всё ещё было впереди.

Бойцы спали прямо на лестничных клетках. Просто прилонились к стене и уснули. Некоторые с едой в руках, некоторые с котелками. Почему здесь? – подумал Игорь и тут же нашёл ответ. Потому что здесь нет окон и стены вдвое, если не втрое толще. В общем, дополнительная защита от случайной гранаты.

По пути в одном из номеров он нашёл одеяло, накрыл Божену и улёгся рядом. Надо было бы ботинки расшнуровать, подумал он, но так и уснул с этой мыслью. В этот раз ему ничего не снилось. Он спал сном младенца, чтобы по старой курсантской привычке проснуться ровно в четыре пятнадцать.

За окном светало. Белый рассвет заполнял небо. Игорь осторожно поднялся, посмотрел на Божену, которая спала безмятежно, как богиня, укрыл её одеялом и пошёл в соседнюю комнату, чтобы почистить зубы и ополоснуть лицо. На войне самое главное две вещи: помыться и поесть, а стрельба дело десятое, это дело как бы само собой разумеющееся, если ты, конечно, от него не отлыниваешь.

* * *

На рассвете со стороны железнодорожного вокзала приполз танк. Лейтенант Лёва Аргаткин с криком «Наши!» радостно пробежался по шестому этажу, а ещё он выкрикивал свою коронную фразу: «Смерть тараканам!»

– Не спеши поперёд батьки в пекло! – веско заметил майор Севостьянихин, высовывая свой гениальный нос из номера, где спал.

И все поняли: хорошо то, что хорошо кончается, а с танком ещё ничего не кончилось, только началось. Лёва Аргаткин спорить не стал, но по его лицу было видно, что от сво-

его мнения он не отказывается. Танк елозил где-то в районе пятой школы и вот-вот должен был показаться на площади Козлова.

– Андрей Павлович, точно наши, – сказал за него Игорь, который, не дочистив зубы, скатился с седьмого этажа, прихватив автомат, в спешке не надев «бронник».

– Охотно верю, но вначале проверь, – хмуро приказал Севостьянихин, – а потом радуйся! Вот, ей-богу, как малые дети, – развёл он возмущенно руками.

Собственно, он укорял их не за ошибку с танком, а за то, что они испытывают возбуждение от боя, то есть за то, чего майор уже был лишен в силу привычки к опасности. С одной стороны, это было плохо – быстро убить могли, а с другой – на войне только так и можно было не сойти с ума и продолжать воевать изо дня в день, из года в год и терпеть, терпеть, терпеть. Кто такого опыта не получил, тот не поймёт ветерана, тот будет считать его высокомерным и замкнутым. А на самом деле – это всего лишь спасительная форма существования. Чем меньше эмоций, тем больше шансов выжить, иначе психики не хватит. Сгорит психика. Останется одна оболочка. А ведь ещё надо жить, жизнь войной не заканчивается.

– Так точно же наши! – воскликнул Лёва Аргаткин. – Кто ещё?..

Выглядел он чуть оторопело, видно, очень хотелось, чтобы кто-то пришёл на помощь и кончилась эта неопределён-

ность на фоне ещё большей неопределённости со всей страной.

– Проверить надо! – веско сказал Севостьянихин и как в воду глядел.

– Есть проверить! Пошли, – сказал Игорь, полагаясь на чутьё командира.

Лёва Аргаткин, который всё ещё находился в эйфорическом состоянии, беспелляционно заявил, догоняя его на лестнице:

– Коню ясно, что это наши! – он осуждающе покосился наверх, где остался Севостьянихин, который осторожничал и, по мнению Лёвы Аргаткина, был староват для войны. Война для молодых, думал он с возбуждением, а Андрей Павлович, как всегда, перестраховывается. А дух где? Где азарт?

Он совсем забыл свой вчерашний страх и так старался и лез в самые опасные места, что Олег Вепрев, как самый старший после Севостьянихина, порой ему выговаривал: «Спешка нужна при ловле блох. Понял меня?» – «Понял». – «Хочешь вернуться в свой Мурманск?» – «Хочу». – «Ну так войой осторожней». Лёва Аргаткин, конечно, всё понимал, но удержать себя не мог. Он даже обиделся на Севостьянихина за то, что тот не дал ему поучаствовать в вылазке на крытый рынок, но зато отличился в центральном военном санатории и самолично подбил один из бронетранспортёров, хотя подвиг и приписали Юре Драганову. Просто в хаосе боя трудно было понять, кто же всё-таки отличился. А так как Лёва

Аргаткин имел меньше авторитета, чем Юра Драганов, то он благоразумно помалкивал, торжествуя разве что в глубине души и полагая, что на его век ещё хватит и БТРов, и танков, и прочей военной техники. В том же бою, целью которого были безоткатные орудия, были уничтожены миномёты и мины к ним, что значительно уменьшило огневую мощь моджахедов.

– Сейчас увидим, – охладил его пыл Игорь.

Он уже давно понял, что Севостьянихин не зря так долго воюет, что война стала для него шестым чувством. Ему тоже показалось странным, что танк всего-навсего один. Если б наши, то колонной, подумал он, на позывные вышли бы, хотя чем чёрт не шутит. Может, один прорвался, может, он покалеченный донельзя. Но ведь стрельбу мы не слышали! А по идее, духи должны палить по нему со всех сторон, или я ничего не понимаю. Может, они ночью ушли, а мы проморгали. Нет, с духами так не бывает. Духи народ тёртый, от своего просто так не отступятся, вера им не позволяет.

Они вбежали на первый этаж как раз вовремя. Олег в бинокль рассматривал площадь, откуда доносился этот непонятный рёв. Покромсанные осколками тополя казались сюрреалистическими существами, застывшими вдоль дороги. Искорёженные остовы машин – следами великанов, а выбитые окна домов – сотами неизвестно каких пчёл.

Моджахеды ещё не стреляли: молились своему богу. Было неестественно тихо, если бы не звуки танка. Гул в голове

у Игоря, как ни странно, прошёл сам по себе. Точно контузило, подумал он.

– Давай свой чай, – потребовал он, вспомнив, что не напился ночью.

Утром ресторан выглядел полностью разгромленным: дорогая мебель превратилась в обломки, а материал, которым были задрапированы стены, свисал клочьями. В потолке светились дыры от мин.

– В котелке, – ответил Олег Вепрев, не повернув головы.

Откуда-то сбоку раздались странные звуки, возник Герман Орлов с зубной щёткой во рту:

– Привет! – пробурчал он, и снова раздались эти звуки: Герман Орлов прочищал себе горло. Затем он появился, напяливая на свою большую голову кепи:

– Где-то здесь... – он полез за барную стойку, – «клюк-ва»⁴⁷ спрятана. Игорёха, бросай чаёвничать, держи, – сунул ему РПГ-7, – побежали. Занимай крайнюю позицию справа, а я налево.

Игорь поперхнулся. Ему почему-то передалось радостное настроение Лёвы Аргаткина да и чайку с лимоном захотелось выпить, но возражать не стал: воевать, так воевать, схватил оружие и переместился в кабинет главного врача, окна из которого выходили на площадь Козлова. Германа Орлова он понял с полуслова: следовало приголубить танк с двух сторон, если он, конечно, окажется чеченским. Но позиция ему

---

⁴⁷ «Клюк-ва» – ручная противотанковая граната ПРГ-28.

не нравилась. Два угловых окна не оставляли никакой защиты, хотя обзор отсюда был хороший, можно сказать, идеальный, но до тех пор, пока тебя не обнаружили. Он покосился на правое окно, которое выходило на общежитие фармацевтической академии, и вспомнил, что в ней сидят свои и, дай бог, тоже с гранатомётами. Но легче ему от этого не стало. Ворчание танка все нарастало и нарастало, казалось, он так и не появится, а уползёт дальше, оставив после себя одну большую загадку. Ну и слава богу, подумал Игорь, ну и хорошо. Ему вдруг захотелось, чтобы этот чёртов танк так и не показался из-за угла, чтобы он растворился, пропал в этом добром весеннем утре. И не будет никакой войны, суеверно решил он, и всё будет хорошо, и они с Боженной уедут в Санкт-Петербург и купят дом в пригороде с видом на Вуоксу.

Лёва Аргаткин занял крайнее левое окно, которое, как и все окна в гостинице, давно лишилось стёкол, поставил на мешки с песком пулемёт и деловито передёрнул затвор. Игорь возражать не стал. Может, и стрелять не придётся, подумал он. А если придётся, то Лёва сам виноват, что таскается следом.

Звук танка стал громче. Игоря начала бить нервная дрожь, он снял предохранитель, взвёл курок и положил палец на спусковой крючок. Наконец из-за пятиэтажки появился ствол с ресивером. И произошло то, чего Игорь больше всего боялся: во-первых, танк оказался чеченским, потому

что над башней колыхалась зелёная тряпка, изображающая флаг, а во-вторых, танк, как и положено в условиях боя в городе, не вылез полностью из-за дома, а высунулся едва ли на треть и стал поднимать орудие. Сейчас выстрелит и отскочит, подумал Игорь, наводя сеточку прицела. Пришлось чуть ли не высунуться в окно, показывать всему свету свою башку.

Стрелять было крайне неудобно: или под башню, обложенную активной бронёй, или между первым и вторым катками – там, где эта броня отсутствовала, но в обоих случаях это не гарантировало успеха. Танк есть танк, танк – это крайне удобная штука, если ею уметь пользоваться и правильно применять. Пока Игорь решал эту задачу, танк выстрелил, целясь куда-то выше первого этажа, должно быть, в склад боеприпасов, но тут правая сторона башни, там где был прожектор, окуталась чёрным дымом. Орлов сработал, вздрогнул Игорь, у него заложило уши, и прежде чем танк спрятался за дом, снова поймал в сеточку прицела просвет между катками и нажал на спусковой крючок. Ему показалось, что граната летит крайне медленно, что чеченский танк уползёт прежде, чем она ударит его, и самого взрыва не видел, потому что моргнул, а потом, схватив автомат, для проформы дал пару очередей в сторону крытого рынка и выбежал вон из кабинета главного врача. Больше здесь делать было нечего, потому что выстрел из РПГ демаскировал позицию, и моджахеды, которые шли за танком, будут последними идиота-

ми, если не обстреляют её при первой же возможности. Позади разочарованно вопрошая: «Куда же ты?» – как банный лист прицепился Лёва Аргаткин.

«Когда ж ты научишься воевать? – с раздражением думал Игорь, прячась за колонну. – Когда?» Ясно же, что пулемётчику надо выбирать позицию в другом месте: правее или левее, сверху или ниже, но в другой комнате, а не рядом с гранатомётчиком, иначе он сразу подвергнется обстрелу, и смысл всех его усилий сводился на нет. Огонь пулемёта всегда должен быть неожиданным, как удар клинка, позицию надо менять чаще. Нет, Лёва Аргаткин, как подросток, таскается следом, и хотя копирует все мои приёмы, от этого мало чему учится, разве что преданно глядеть в глаза. Игорь вспомнил слова майора Колентьева Алексея Сергеевича, инструктора по тактике боя в населенном пункте: «Выбор огневых точек это кошмар! – возмутился он. – Поднимите руку, кто из вас хочет погибнуть?!» Погибать никто не хотел. «Учитесь, салаги, учитесь! – кричал он. – Сколько кирпичей пробивает пуля пять сорок пять? Ни одного! А семь шестьдесят два? Поэтому в городе, в лесу и на большом расстоянии эффективнее «тяжёлая» пуля, а не ваши шпильки». «Шпильками» он называл пулю калибра пять целых и сорок пять сотых миллиметра. Несерьёзная была пуля, но если уж попадала в человека, то калечила всерьёз.

Минут десять духи в отместку поливали гостиницу огнём. Иногда пули рикошетом залетали в ресторан. Рвануло

несколько гранат, и наступила тишина. Сверху на подмогу прибежали с десятков бойцов – из тех, чьи командиры сбегали в компании «диких гусей». Не ушли, не испугались, а упёрлись рогом. Молодцы, равнодушно думал Игорь. Для большинства это были первые университеты, потому что мало кто из них был в реальном бою. Они-то, собственно, и рассказали, что танк одним-единственным выстрелом попал в бильярдную, убил троих бойцов и ранил ещё двоих. Что они там делали впятером, было непонятно, хотя судить их глупость было трудно. Случайность, решили все. А арсенал был в соседней комнате. Значит, духи знали о нём. Правда, накануне майор Севостьянихин приказал растащить его по разным местам, чтобы не хранить яйца в одной корзине.

Прибежал, как всегда, одухотворённый боем Герман Орлов и заорал в самое ухо:

– Здорово мы его приложили! Ёпст!

– Ты что, контужен?

– Ага, – признался Герман Орлов, мотая, как пьяница, головой, – своей же гранатой. Комната маленькая оказалась. Ёпст! Говорил себе, не лезь, дядя, в туалеты, не лезь! Гы-гы-гы!!!

У Германа Орлова было так много здоровья, что он его не копил, как скряга, а тратил безмерно и не жалея усилий.

– Я, честно говоря, не понял, я или ты? – спросил Игорь. – У меня не было никаких шансов, а ты первый стрелял.

– А я тоже не понял, кто из нас, – радостно излагал свои

мысли Герман Орлов.

– Скорее всего оба, – подытожил Олег Вепрев таким тоном, что обоим стало ясно: не ко времени они затеяли радостный спор, абсолютно не ко времени. Ну, подбили, ну, хорошо, одним танком больше, одним меньше, какая, по сути, разница. – Вопрос в том, где духи танк взяли?

– Если в Будённовске, то дело дрянь, – высказался Герман Орлов и добавил многозначительно: – Ёпст!

Ясно было, что одно накладывается на другое, что если уж армию тормознули, то на это есть очень веские причины. Только никто этих причин не понимает. Не укладывалось в голове, как её ни чеши, не было такого раньше в русской армии, чтобы свои не пришли на помощь.

– Тогда нам этой помощи не дожидаться, – тоскливо заметил Лёва Аргаткин, высказывая тем самым за всех если не страхи, то, по крайней мере, здравые опасения, – смерть тараканам...

– Я вот что думаю, – сказал Олег Вепрев, кисло морщась, – сейчас атаку отобьём и разведку будем делать.

– Нельзя разведку, – серьёзно напомнил Лёва Аргаткин.

– Это почему? – с вызовом спросил Олег Вепрев.

Он не то чтобы презирал Лёву Аргаткина, он за него боялся, порой подстраховывал, поэтому мнение Лёвы Аргаткина для него не существовало. Не сделался ещё Лёва Аргаткин боевым офицером. Допускал просчёты и мелкие ошибки. Учиться ему ещё и учиться. Правда, он старается, из ко-

жи лезет. Только это его и прощало.

– Правильно, – согласился Игорь. – Боевики сейчас подошли к нам в надежде на танк, а если мы попрём, то наверняка столкнёмся с ними.

– Ладно, – неожиданно согласился Олег Вепрев, – подождать, так подождать. Меня интересует вопрос, сколько ждать? – насмешливо спросил он у Лёвы Аргаткина.

– Хотя бы с час, но надо наблюдение вести.

Ясно было, что Лёва Аргаткин хорошо вызубрил учебник по тактике боя в городах.

– Молодец! – кисло похвалил его Олег Вепрев. – Вот ты, таракан, и будешь вести. Определишь направление движения.

– Есть определить, – ответил Лёва Аргаткин, плохо скрывая радость, а то, что его называли тараканом, его нисколько не покорило.

Опять полетел тополиный пух, похожий на снег в Питере. Моджахеды сгоряча попытались было подойти со стороны Машука, но потеряли как минимум пятерых и отползли на склоны горы зализывать раны. Без поддержки миномётов они были беспомощны. А ворваться на первый этаж под шумок атаки не умели. Для этого надо было иметь специальные штурмовые группы, которые создают лавину огня на ограниченном участке и подавляют сопротивление, а потом в ход идут гранаты. Со стороны же крытого рынка никто не стрелял, со стороны крытого рынка набегал дым, и ничего

не было видно. Под его прикрытием пара гранатомётчиков приблизилась к гостинице, он их положил прежде, чем они успели выстрелить.

– Психуют, – сказал по «локалке» Герман Орлов, разглядывая в бинокль танк.

Игорю тоже интересно стало. Он вернулся в кабинет главного врача и рассмотрел дело рук своих. Защитный кожух гусениц вывернуло, как бумагу, и между катками виднелось аккуратное отверстие. Неплохо, подумал он, выходит, что я попал со стороны водителя, но вначале Герман ударил в башню. Чего гадать-то, думал он, какое попадание оказалось смертельным? Может быть, оба. Всё равно нам ордена не полагаются, разве что один на двоих.

Танк горел. Видно, кто-то из экипажа успел открыть люк, и дым чёрным столбом, как свечка, поднимался в небо.

Затем их с Орловым вызвал Севостьянихин, который спустился со своего наблюдательного шестого этажа, чтобы скоординировать действия. Вместо себя он оставил Юру Драганова и Котлярова Семёна.

Уселись так, чтобы следить за обстановкой на площади Козлова, но одновременно были защищены кухонными простенками, весьма тонкими и ненадёжными.

– Что-то происходит, – озабоченно сказал Севостьянихин.

Игорь покрылся холодным потом: с него было достаточно одной новости, вторую он сегодня не переварит. Вторая из области страхов, но заподозрить в панике майора было труд-

но, легче было луну с неба достать.

– А что конкретно? – спросил он, поглядывая через окно на площадь Козлова.

Чехи огорчились и больше не лезли, предпочитая вяло постреливать издали. «Пум!» – коротко били СВД. «Трук-трук-трук», – трещали АКМы, но вразнобой, от отчаяния, что ли. Не было в стрельбе единого порыва.

– Какая-то разногласица в эфире, – сказал Севостьянихин, не обращая внимания на стрельбу. – Вроде как в армии что-то происходит.

Его гениальный нос кивнул в знак согласия, но ясности в дело не внёс. Разве что огорчился сверх меры.

– А что там может происходить? – удивился Герман Орлов.

Он привык, что армия – это стабильность и мощь, что в ней всё продумано от «а» до «я» и нет силы, способной изменить этот порядок.

– Чего спрашивать! – кисло поморщился Олег Вепрев. – И так ясно, что если бы была команда, то из Будённовска сюда час, ну, от силы два часа хода, даже если надо сбивать по заслону на каждом километре. Пару танков, и все дела.

Он был прав, потому что на открытой местности танки – это сила, в отличие от города, где их легко жгут.

– Ёпст! – выругался Герман Орлов. – Предательство!

– Ещё какое! – согласился Севостьянихин так, словно речь шла о ливерных пирожках. – Наши же и глушат.

– Недаром мне сегодня сон приснился, – сказал Герман Орлов, – что меня отправили домой в мешке для трупов.

– Типун тебе на язык! – зло сказал Олег Вепрев, недослушав сон Германа Орлова, и снова кисло поморщился, будто закусил коньяк лимонной долькой, что ни при каких обстоятельствах делать нельзя, ибо лимон перебивает букет. Дурная эта привычка пришла от царя Николашки, который по-другому не умел пить коньяк, потому что не любил его до отвращения.

– Такое ощущение, что переворот, – осторожно произнёс Севостьянихин.

На этот раз его нос тоже был осторожен в смысле высказывания. Сообщишь подчинённым что-то не то, а они примут как руководство к действию. Ну а с другой стороны, молчать тоже нельзя – оперативность снижается, боевой дух падает из-за неопределённости, уж лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

– Давно пора! – обрадовался Лёва Аргаткин и аж подпрыгнул, не смея, однако, в присутствии майора произнести свою коронную присказку «Смерть тараканам!».

Но на него никто не обратил внимания – есть дела поважнее, чем мнение зелёного лейтенанта.

– Но это ещё не всё, – сказал Севостьянихин.

– Ёпст! – снова выругался Герман Орлов, и все обратились в слух.

– Похоже, и в Генеральном шатание, – сказал Севостья-

нихин и сам себе не поверил.

Страшные это были слова. Нехорошие были слова. Попаховало от них большими бедами. А какими – никто ещё не представлял себе, так, в общих чертах, со времён Гражданской восемнадцатого года, а значит, никто этих бед не помнил. Но тогда обстановку раскачали до такого крена, что никто никого не слушал, что брат пошёл на брата. А сейчас? Сейчас никто не пойдёт, понимали все, скинем предательское начальство, дадим чичам под зад коленкой, а Америка сама отвалится, как пиявка.

– Ёпст! – выругался Герман Орлов. – Довели страну!

– Так, может, и президента?..

– Чего «президента»? – ядовито спросил Олег Вепрев, потому что ожидал от Лёвы Аргаткина очередной глупости.

– Ну того... – не стушевался Лёва Аргаткин.

– А чего? – обрадовался Герман Орлов. – Было бы неплохо. Трофимова вернём. Он армию любит.

Все давно чувствовали, что страна балансирует на грани переворота – чего в России отродясь после декабристов не бывало. Армию быстренько приструнили, отдав министра обороны и три десятка генералов Генерального штаба под суд. Тех же, кто остался в округах, наклонили так, что они, бедные, имя собственное забыли и сидели тише воды, ниже травы, словно шёлковые, боясь слово пикнуть. На кону стояли выслуга, чины и льготы. Терять было нечего только младшим офицерам, которым при нынешнем безденежье ниче-

го не светило: ни клятвенно обещанные новым президентом квартиры, ни звания, ни повышение денежного довольствия. Хорошо бы нынешнее сохранить и долги забрать. Так кто же тебе их вернёт? Найдут предлог, чтобы заныкать и обвести вокруг пальца.

– Всё это, конечно, хорошо, – сказал Севостьянихин. – Только вы не забывайте, что крови много прольётся.

– Чьей? Генеральской? – с ухмылкой спросил Герман Орлов.

– Среди генералов тоже хорошие люди есть, – веско заметил Севостьянихин.

Все подумали о командире бригады – генерал-полковнике Косматове Борисе Павловиче, который сидел в Будённовске. От него теперь всё зависело, ну и не в меньшей степени от полковника Ермакова из штаба объединённой группы. Только последний молчал, непонятно почему.

– Ну всё, ребята, попали, как кур в ощиц, – задумчиво сказал Игорь, не слушая спора.

Ему вдруг открылась вся картина происходящего. Пока они здесь воевали, там где-то, в столице, в округах и бригадах, происходило что-то значительное, судьбоносное для страны, и борются там две силы: исконно русская, былинная, древняя, подлинно народная, и легкомысленная, поверхностная, пришедшая из-за бугра, как мода на туфли, – как приходили поляки или шведы, а теперь пиндосы во всей своей красе и наглости. И пока они друг друга не поборют,

никто о Кавказе и думать не будет, потому что Кавказ – это далеко, и он может подождать. Значит, придётся выпутываться самим. Эта мысль укрепила его в том, что они делают всё верно: не дают чичам передохнуть и уйти дальше в Россию.

– Не перевелись в России герои, – уверенно сказал Олег Вепрев, и физиономия у него сделалась, как у былинного героя, в смысле одухотворенности.

– Что значит «не перевелись»? – наивно спросил Лёва Аргаткин, и его травмированный глаз стал непроизвольно дёргаться.

– А то, что, похоже, переворот происходит, – сказал Олег Вепрев за всех, – или уже произошёл.

– Не-е-е... не может быть, – Игорь вопросительно уставился на Севостьянихина, словно хотел получить у него ответ, – не похоже...

– Очень даже похоже, – кивнул Севостьянихин, – естественно, напрямую ничего не говорят, поэтому и связь глушат, чтобы никто на помощь не пришёл.

Нос Севостьянихина был спокоен и умиротворён, как «синяк» с похмелья, то есть не выражал никаких эмоций, кроме сиюминутной реакции на разговоры о перевороте. Но это было не в счёт, словно его обладатель руководил не боем, а изготовлением, например, гранитных плит, и надо было просто-напросто смотаться на другой конец города во имя производственной необходимости и уладить кое-какие ме-

лочи, как то: дать, например, по шапке какому-то разгильдяю-кладовщику и забрать эти самые плиты.

– Ну да... – подумав, согласился Олег Вепрев, – кто же об этом сообщает. Но почему о нас забыли?

– Так ясно же, – воскликнул Лёва Аргаткин, – идёт война с собственной армией, а моджахеды вроде пятой колонны.

– Ёпст! Докатились! – в сердцах воскликнул Герман Орлов и даже заскрипел зубами. – Плакала моя квартира в Питере!

– Не ссы, – сказал Олег Вепрев, – прорвёмся. Трофимова на власть поставим.

– Ага... – иронично согласился Герман Орлов, потому что свергать или разрушать легче, а вернуть на прежнее место всегда труднее.

Лейтенант Лёва Аргаткин ничего не сказал. Он был счастлив тем, что его впервые восприняли серьёзно.

– А что Кисловодск?

– Кисловодск молчит.

– Ёпст! – ещё более трагично произнёс Герман Орлов.

– Так, мужики, а теперь слушайте меня внимательно, – сказал Севостьянихин, открывая планшет с картой города. – Обмозгуем план в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, как бы сказал прокурор. – И его знаменитый нос заострился и стал похожим на стилет.

Срочно призвали Алексея Ногинского по кличке Ролик. Герман Орлов сделал уморительную физиономию. Игорь тоже настороженно потянул воздух. Олег Вепрев натянул маску безразличия. Что уж там Лёва Аргаткин подумал, никого не интересовало. Но от Ролика пахло порохом, а ещё дымом, гарью и тушёнкой, ну и потом, разумеется. Без пота на войне не обходится. Отмылся Ролик хлоркой и дегтярным мылом. Так хорошо отмылся, что если не знать, что он полдня просидел в отхожем месте, то и не догадаешься.

– Вот здесь есть проход по канализации, – показал Алексей Ногинский, сверкая железным зубом, как долотом.

Лёва Аргаткин сделал круглые глаза, хотел схохмить в том смысле, что Алексею Ногинскому теперь не привыкать лезть по отхожим местам, но вовремя прикусил язык не только потому, что можно было заработать на орехи от самого Ногинского, но и потому, что Олег Вепрев так посмотрел на него, что шутка завязла в горле. Уж подобный фокус ему точно не спустили бы, потому что в глазах и Севостьянихина, и Игоря Габелого, да и всех остальных Алексей Ногинский по кличке Ролик был героем, который не дал убить себя и спас своих людей. А уж каким способом – это солдатская смекалка, а она всегда хороша, если в живых остаёшься. На том стояли и стоять будем, мимолётно подумал Игорь и отвлёкся.

– Покажи точнее, – приказал Севостьянихин.

– Да на карте этой линии нет. Она начинается в подвале и выходит как раз под банком «Аваль» на улицу Мира.

Карта у Севостьянихина была хитрой. Он её сам дорисовывал ещё год назад в штабе бригады, как знал, что в Пятигорске воевать придётся. Вот теперь его смекалистость и пригодилась. Только почему-то именно эту линейку канализаций не нарисовал. И это его смущало. Но не верить Ролику было нельзя. Раз говорит, значит, так и есть.

– А дальше? – хитро спросил Севостьянихин, имея на лице самое серьёзное выражение и делая вид, что не замечает шумок, прокатившийся среди подчинённых.

– А дальше я не ходил, – признался Алексей Ногинский и покраснел.

Честным был Алексей Ногинский, и ему всегда казалось, что он не всё хорошее совершил в этой жизни.

Я бы так не смог, подумал Игорь: из полымя да в огонь, мне бы духу не хватило. Он поймал себя на мысли, что «оглядывается». До этого никогда не «оглядывался», а теперь «оглядывается» и стал вести себя осторожнее, потому что у него появилась Божена, и он, получается, за неё в ответе. Это, конечно, ещё не означало трусость, но надо было держать нос по ветру и осознанно не поддаваться всяким слабостям.

– А почему не доложил?

– Виноват, не успел, – ещё пуще покраснел Алексей Но-

гинский, и хотя ему было не привыкать к невзгодам судьбы, под пристальным взглядом майора Севостьянихина он окончательно стушевался.

Ясно было, что такого рода информация крайне важна, и извинить старшего прапорщика мог только его предыдущий подвиг. Бывает так, человек пережил смертельную опасность и всё ещё живёт в ней, думает о ней и поэтому заторможен. Такого человека можно простить, но не больше одного раза, потому что надо делать дело, а не переживать по всяким пустякам, пусть и смертельно опасным.

– Впредь... – сказал Севостьянихин, кивая своим гениальным носом и сверля Алексея Ногинского пристальным взглядом.

– Так точно, товарищ майор, – заверил его Алексей Ногинский, – впредь не повторится.

– Смотри мне... – погрозил Севостьянихин, – люблю я тебя, чертяку, но голову самолично оторву.

– Есть «самолично», – согласился Алексей Ногинский, вздыхая радостно, как школьник, которого простили за мелкую провинность.

– Ну что ж... – сказал Севостьянихин, – раз ты разведал, то покажешь дорогу. Понял? – спросил Севостьянихин у Игоря.

– Так точно, понял, – кивнул Игорь.

Одно только ему не нравилось: улица Мира была центральной, и стало быть, боевиков там наверняка немерено,

но возражать не стал, сообразил, что перспектива незаметно миновать открытое пространство от гостиницы «Пятигорск» почти до железнодорожного вокзала перевесила все остальные доводы. А как известно из первоисточников, железнодорожная станция и телеграф, то есть связь, – это классика захвата власти в отдельно взятом городе. А с другой стороны, без разведанных Алексея Ногинского шли бы вслепую. Так что в любом случае палка о двух концах.

– Дальше по обстоятельствам. Продвигайтесь вот по этому кварталу. Там «китайская стена» почти что до планетария. Взрывчатки побольше возьмите. Общее направление – штаб.

– Хорошо бы там чехов не было, – высказал надежду Герман Орлов, но ему никто не поверил.

Вообще Герман Орлов имел свойство высказываться о проблемах, которые волновали исключительно всех. Неопределённость с боевиками смущала.

– Думаю, что там их нет, – сказал Севостьянихин.

– Согласен, – кивнул Олег Вепрев, – они же к нам прижались. А мы у них в тылу окажемся.

– Хорошо бы так, – согласился Игорь, поддержав тем самым позицию Германа Орлова.

Но это были уже детали.

– Ну а теперь наметим пути отступления, – сказал Севостьянихин и раскрыл разворот карты.

Войсковые куртки решили снять, а «бронники», наоборот, оставить. Многие духи бегали в «бронниках». Вместо касок и кепи головы повязали зелёными косынками. Один Игорь, руководствуясь каким-то странным чувством, куртку оставил. Мало ли что, подумал он, вдруг к вечеру не вернёмся, спать тепло будет.

– Да, – вдруг вспомнил Севостьянихин и достал из кармана кусок синей ткани. – Сделайте повязки.

Игорь хотел было на секунду улизнуть, чтобы повидаться с Боженой, но прибежал, как всегда, взволнованный Лёва Аргаткин и, запинаясь от волнения, сообщил, что с запада слышна стрельба и что боевики уходят в ту сторону.

– Слава богу, – сказал Севостьянихин, но по его тону всем стало ясно, не верит он, что пришла помощь, потому что Будённовск находится совсем в другом месте, разве что из Майкопа или Краснодара ударили, но тогда бы духи бежали без оглядки, только пятки сверкали.

– Да, согласен, – сказал Игорь, – здесь что-то не то.

И, конечно же, не простился с Боженой, хотя, возможно, это было и к лучшему: если убьют, то она запомнит его веселым, без того душевного надрыва, когда люди прощаются навсегда.

Раньше он жил одним днём, а теперь думал о будущем, но

ещё не понял, хорошо это или плохо. Для исхода дела это не имело никакого значения.

– Ставим дымы и идём, – безапелляционно заявил Олег Вепрев.

– Давай, – помедлив, согласился Севостьянихин и почему-то пристально посмотрел на Игоря, но ничего не сказал.

И Игорь понял: если бы приказал остаться, то я бы, конечно, не остался, подумал он. Взвесил Севостьянихин «за» и «против», о Божене подумал в первую очередь, о том, что будет завтра, какая кому судьба выпадет, и приказать не посмел. Нельзя приказывать в таких делах. Это дело сугубо личное, хотя в армии ты не принадлежишь самому себе, в армии ты принадлежишь армии, но умираешь в одиночестве. Противоречие, однако, подумал Игорь и больше не стал забивать себе голову всякими умозаключениями, которые в реальности не играли никакой роли.

– Чего улыбаешься? – спросил Севостьянихин, поглядывая на часы.

Как всегда перед разведкой, время тянулось как резина.

– Да так, – ответил Игорь и пожал плечами в знак того, что ничего серьёзного.

– Ладно, будет вам весело, – предупредил Севостьянихин, но больше ничего не добавил.

Глупо было что-либо добавлять, а сентиментальностей никто не любил.

– Да мы всё понимаем, – встрял, как всегда, ни к селу ни

к городу Лёва Аргаткин.

На него никто не обратил внимания. Мало того, Олег Вепрев хмыкнул в кулак и занялся дымовой гранатой.

– Вот что, – сказал, поднимаясь, Севостьянихин, – дам-ка я вам ещё двоих.

– Хватит нам людей, – сварливо сказал Олег Вепрев, который расценил предложение командира как неверие в их силы.

– Не хватит, – оборвал его Севостьянихин, и его гениальный нос возмущённо раздул ноздри. – Без огневой мощи пропадёте, а если кого-то вытаскивать придётся?

– Тьфу-тьфу-тьфу... – поплевал через левое плечо Олег Вепрев, ввинчивая запал в гранату.

– Правильно, братишки, – пробасил Герман Орлов. – Возьмём. Кого дашь, командир?

– Драганова и Котлярова: – Севостьянихин взялся за связь.

Игорь по достоинству оценил жест командира: отдавал он последний резерв, пускал в дело всю группу спецназа. А это значило, что ставка была чрезвычайно высока.

– Вот это дело! – обрадовался Герман Орлов. – Гы-гы-гы!!! Ёпст!

Он уже обвесился с головы до ног своими любимыми гранатомётами и «шмелями», даже сунул парочку Игорю и Лёве Аргаткину. Последний почему-то обиделся.

– Я бы и сам взял, – сказал он и потёр травмированный

глаз.

Ясно было, что Лёва Аргаткин планировал идти в авангарде, а не тащиться позади. Он полагал, что ещё одно усилие, ну, может быть, потом ещё одно, и он обязательно поедет домой, чтобы в середине лета смотаться на полуостров Рыбачий, где в Мотовском заливе ловятся огромные крабы и тьма рыбы. «Отведу душу, – мечтал он, – Машку возьму». Машка у него была трехгодовалым эрделем, умницей-разумницей и вообще любимицей семьи.

– Бери, что дают, хуже не будет, – добродушно заверил его Герман Орлов и похлопал его своей лапищей, давая тем самым понять, что и без него найдётся кому рисковать, например Алексею Ногинскому, и ничего, что он сидел в выгребной яме. Это ещё ничего не значит, главное, что он находчив и что у него работает смекалка. А на войне это главное. Если думаешь, выстрелить всегда успеешь.

Олег Вепрев же незаметно покривился, словно проглотил ложку соляной кислоты. Скулы у него затвердели, а глаза сделались неподвижными. И вообще он стал походить на живой монумент.

Опять начал психовать ещё до операции, опять из него дурь попёрла, решил Игорь, но ничего не сказал. Нет смысла выяснять отношения накануне вылазки. Ну не любит он Лёву с ног до головы, ну и бог с ним, с Лёвой, авось обойдётся, подумал он, не первый и не последний раз.

Прибежали взмыленные, но счастливые Юра Драганов и

Семён Котляров. Семён – белая кость спецназа – со своей СВУ. Ему лишняя ноша не полагается, он и так перегружен боеприпасами. Юра же Драганов со своей физиономией киногероя готов был лезть, куда угодно и за чем угодно, и его женщины ему были не указ, потому что остались там, в другой жизни, да ещё и в Москве. Сказал он как-то, когда его уже достали расспросами: «Убьют, им же легче будет». «Это чем?» – поинтересовался Олег Вепрев, который не понимал, как это можно жить с двумя женщинами одновременно. С одной бы справиться. «Молодых найдут, необстрелянных». На том и порешили, что в мирной жизни воякам труднее всего.

Олег Вепрев кинул гранату, и когда дым из переулка пополз в окна, они побежали. Игорь напоследок оглянулся: в дверном проёме стояла Божена, а Севостьянихин незаметно их перекрестил.

Глава 6

Президентская тайна

До Назрани Феликс пролетел на одном дыхании. Страха как не бывало, страх накатывался волнами, и Феликс, несомненно, большую часть времени находился во впадинах между ними, то есть, как висельник, испытывал полное безразличие к собственной судьбе.

Прямо на центральной площади, в виду центрального рынка, у него кончился «заряд». Ему ещё хватило здравого смысла надавить на тормоза, хотя так и тянуло приткнуться лбом и уснуть, не отрываясь от руля, и пропади оно всё пропадом.

Лицезрела бы меня Гринёва или Рыба, тупо думал он, вылезая из машины на одном автопилоте. В тот момент, когда левая нога коснулась раскаленного, как сковорода, асфальта, он совершил кульбит, и Феликс едва не упал, вцепившись в дверцу. Несколько мгновений крыши домов и минарет с тонким золотистым полумесяцем качались, как при землетрясении. Потом они успокоились, и он двинул картонной походкой наркомана, пялясь на поребрик, чтобы он, не дай бог, не кувыркнулся снова. Когда поребрик кончился, Феликс ориентировался на щербатые ступени и уже в последний момент ухватился обеими руками за столб, поддерживающий козы-

рѣк, затем решил идти в магазин, но не тут-то было. Со стороны, должно быть, это выглядело комично: пьяный в дупель русский борется с тугой дверной пружиной. Промелькнули дикие бородатые лица. Какие-то тѣтки с разъяренными лицами, агрессивно жестикулируя, едва не задели его носом, но он ничего не слышал, он даже не помнил, как оказался у прилавка и стоял ли в очереди. Все кричали, все чего-то от него хотели. Его любимого «nescafe» в одноразовых пачках почему-то не было. Он взял стеклянную банку, пять толстых натуральных шоколадок и огромную бутылку минеральной воды. Продавщица запросила с него такие деньги, что он удивился, но не в силах был пересчитать «чечешки» – чеченские доллары – в рубли. Сумма показалась ему астрономической, но спорить не стал, а молча расплатился.

– А ложка?.. Ложка есть, – услышал он свой бесцветный голос.

– Какая тебе ложка, нарик?! – возмутилась продавщица. – Может тебе ещё и «баян» дать?

Феликс хотел объяснить, что он просто смертельно устал, что он хочет спать, что он, несмотря на безалаберную жизнь, ни разу не пробовал никаких наркотиков, даже не курил безобидную анашу, может быть, потому что его друг Лѣха тоже не курил – даже табак, но в очереди снова раздались голоса:

– Понаехали здесь! Воздух портят! Говнососы!

– Мало мы вас терпели, неверные!

– Гони его в шею!

Ему хватило ума не вступить в перебранку, он только бормотал: «Бекх на била»⁴⁸ и все той же картонной походкой доковылял до машины и бухнулся на сиденье. Он свернул крышку на банке, разорвал золотистую фольгу и всыпал в рот такое количество кофе, что язык застрял колом, и пил, и пил минеральную воду до тех пор, пока в животе не стало булькать. Затем всё так же замедленно, как во сне, подставил лицо под холодную струю воздуха из кондиционера и съел ещё три шоколадки, перепачкавшись, как младенец. Но чтобы достать платок и вытереться, соображения не хватило, словно уже ничего не имело никакого смысла. После всего этого он, кажется, провалился в сон на целую вечность, а очнулся оттого, что рядом с машиной стали тереться подозрительные личности со всё теми же зверскими бородатыми лицами. Оказалось, что он спал всего-то полчаса, но этого хватило, чтобы прийти в себя.

– Брысь! – пробормотал он, заводя мотор и распугивая местную шпану.

Ещё через пять минут осторожной езды, и он окончательно восстановился. Не-ет, так жить нельзя, невесело думал он. Так жить глупо, вредно, а главное – бесперспективно, и переключил на седьмую передачу, чтобы выдавший виды «Nissan», который показался ему подозрительным, отцепился километров через двадцать, как раз там, где Феликс свернул с шоссе номер двадцать девять, которое теперь называ-

---

⁴⁸ Извините, простите (чеч.).

лось «Вададай», на второстепенную дорогу, ведущую в Алхасты. Промелькнула станица Тихья-Марта, бывшая Нестеровская. После этого он двигался в очень гордом одиночестве и пришёл к выводу, что Соломка, как никогда, прав: в балках, поросших лесом, прятались палатки, рядом, чуть ли не толпами, бродили всё те же бородатые люди со зверскими лицами. «И это наши освободители, арьергард Америки? – думал он, не испытывая никаких эмоций, кроме безразличности. Хотя всё даже очень может быть. Даже я со своим здравым смыслом плохо понимаю, что происходит и зачем происходит, в этом мире всё так перепутано, что порой не отличишь, где друг, а где враг».

Справа промелькнул указатель с надписью «Алхасты», которая была старательно перечеркнута, а сверху значилось: «Буммат». В отдалении возникли серые крыши на фоне отрогов Большого Кавказа, где-то там текла горная река и начинались свободолюбивые земли, которые никогда не покорялись России.

Феликс как пуля промчался через центр, где высилась игла мечети с уже привычным полумесяцем, и потащил за собой пыль вниз по улице, которая когда-то, естественно, называлась Ленина, а теперь носила такое заковыристое название на арабском, что язык сломаешь. Перед полосатым шлагбаумом свернул налево, въехал на горку и дал по тормозам как раз напротив дома под номером девятнадцать. Всё – основная часть пути была закончена. Теперь всё зависело от

малости – заплатят или не заплатят, или убьют прямо здесь, а машину продадут в Турцию.

Просигналить он не успел. Из дома выскочил Бирсу Акиев собственной персоной, высокий, худой, жилистый, неопределённого возраста – где-то между пятьюдесятью и семьюдесятью пяти, в неизменной папаче и в сапогах, сноровисто распахнул ворота и нервно махнул рукой, мол, заезжай, заезжай, не мозоль глаза.

Феликс о нём почти ничего не знал, кроме того, что Бирсу Акиев при российской власти имел транспортную фирму, а с возникновением Имарата Кавказ вынужден был отдать её за бесценок кому-то из Грозного, кому она приглянулась, о чём, похоже, теперь абсолютно не жалел, потому что торговые пути были разорваны и возить грузы по стране, которая вмиг стала размером с копейку, стало нерентабельно. И вообще Имарат Кавказ до сих пор раздирали противоречия уголовно-экономического плана: шёл передел собственности, и власть склонялась то к одному тейпу в зависимости от того, кто приходил в Высший шариатский суд, то к другому, то к третьему, то к четвертому и сменялась так часто, что уследить было невозможно. Феликс в этом не разбирался и разбираться не хотел, хотя писал раз в две недели передовицы и тут же забывал все имена и должности, благо под рукой всегда был Интернет. Главная идея всех статей, которая, естественно, спускалась свыше, – как хорошо отныне живётся в новоиспечённой республике Имарат Кавказ и как

плохо было под гнётом России. Кто платит, тот и заказывает музыку, злорадно думал он, презирая всех тех, кто проиграл в политической борьбе с Михаилом Спиридоновым. А как вы хотели? Недаром Рыба твердил: «Основная ваша задача приучать население к мысли о неизбежности экономических потерь в борьбе за «новую свободу». Феликсу, разумеется, это не нравилось, хотя, с другой стороны, за что боролись, на то и напоролись – и чичи тоже, только, похоже, им во сто крат хуже, потому что им на голову ещё и упал догматический шариат, но зато на фоне полной и неотвратимой свободы. Ну и флаг им в руки, то бишь полумесяц.

– Заходи, дорогой! – воскликнул Бирсу Акиев, распахивая дверь в огромный, как дворец, дом. – Все глаза выглядел! Почему не приезжал?! Сто лет прошло! Бизнес стоит! Деньги пролетают мимо!

Двор был завит виноградом, и высокие кипарисы, высившиеся над плоскими крышами, источали нежный смолистый запах юга. Пахло ещё сиренью и ещё каким-то вкусным домашним печевом.

– Зачем тебе деньги, дорогой Бирсу? – спросил Феликс, стараясь не подавать вида, что ему не по себе. – У тебя богатый дом, много детей и внуков.

Он всё ждал, что именно здесь, в конечной точке бизнеса, его убьют. Приехал человек в Имарат Кавказ и пропал, кто его будет искать в этом клоповнике? Свои не доберутся – руки коротки. Рыба даже не почешется, а мистер Билл Чишолм

скажет: «Аминь», и отдаст «военный отдел» Глебу Исакову. «А как ты хотел? – подумал он о себе в третьем лице. – Чем ты занимаешься? Кон-тра-бан-дой!!! Пожадничает ингуш, и взятки гладки, кинут в реку, и рыбы съедят».

– Только ради внуков и стараюсь, – признался Бирсу, усаживая Феликса в кресло рядом с фонтаном, в котором среди густо разросшихся растений плавали золотые вуалехвосты. – Выпьешь?

Хорошо было сидеть в гостиной в прохладном, дезинфицированном воздухе, где пылинки были на вес золота. На хрустальном столике вазы ломились от разнообразных фруктов. Бар в стене заставлен бутылками с цветастыми наклейками, хотя сухой закон в Имарате Кавказ никто не отменял. Но это для простых смертных, а Бирсу Акиев, должно быть, имеет свою маленькую армию и преданных людей в администрации Алхасты, то бишь Буммат. Главное, что здесь тихо и сонно, как на шикарном курорте, подумал Феликс, чего ещё человеку надо в старости?

– Давай вначале о деле, – выдавил он из себя.

У него ныли зубы и сводило низ живота. Обычная реакция на опасность. Если в доме кто-то есть, то всё равно не услышу, думал он. Сам Бирсу Акиев убивать не станет – стар и немощен. Нет, такой позовёт слугу с топором. Хотя топор не годится: дорогуший ковёр и мебель из карельской берёзы, значит, опоят и задушат, решил Феликс и дал себе слово ничего не пить и не есть.

– Как скажешь, дорогой. Сколько ты привёз? – спросил Бирсу Акиев, присаживаясь напротив и вопросительно глядя на Феликса.

Его начищенные офицерские сапоги из прошлого века, его папаха и его большие загорелые руки с толстыми синими венами никак не вязались с супер-пупер домом в четыре этажа, бассейном и огромным гаражом на десяток машин. Зачем ему деньги? – подумал Феликс. Он же стар. Копит на могилу?

– Как обычно, плюс пятьдесят литров.

О том, что коньяк десятилетней выдержки, Феликс упоминать не стал. Какая, по сути, разница. Всё равно Бирсу Акиев больше, чем договорено, не заплатит, а решит, что Феликс суетится и набивает цену. А суетиться на Кавказе не принято. Суетливых презирают, с ними никто не имеет дела, их убивают первыми и бросают на съедение собакам.

– Отлично! – обрадовался Бирсу. – Я с твоего разрешения схожу за деньгами. А ты угощайся. Будь как дома.

Как же, подумал Феликс, явишься сейчас с большим пистолетом. Мысль о том, что его в преддверии войны запросто могут кинуть в ближайшее болото, не давала ему покоя. Он чувствовал себя как пёс, попавший в ловушку.

Бирсу явился через пару минут с деньгами в руках. Должно быть, сейф у него в соседней комнате, решил Феликс.

– Пересчитывать будешь? – спросил Бирсу Акиев, глядя на Феликса своими тёмными восточными глазами, которые

ничего не выражали, кроме великого терпения горца.

– Я тебе верю, – ответил Феликс, прикидывая на глаз: шесть пачек сотнями по десять тысяч и ещё чуть-чуть. Уж в чём в чём, а в денежных пачках он разбирался.

И хотя в доме работали кондиционеры, Феликс почувствовал, как по спине бежит пот. Ему стоило огромных усилий сохранить такое же невозмутимое выражение на лице, как и у Бирсу Акиева. Трудно было понять его восточную мимику, жесты и всё то, что стояло за ними. Для этого надо прожить здесь полжизни. Но на уровне инстинкта он давно сообразил, что надо быть невозмутимым точно так же, как и кавказец. Это хоть какой-то, но залог спасения.

– Проблем на границе не было? – спросил Бирсу, наблюдая, как он небрежно рассовывает деньги по карманам. – Знаю, наступают тяжёлые времена, но я всегда рад твоему приезду.

Феликс покосился на двери, ведущие в глубь помещений: могут убить в самый последний момент, когда я расслаблюсь. Хотя, если бы хотели, давно убили бы. Но в доме по-прежнему было тихо, только где-то далеко-далеко слышалось осторожное шуршание, словно ветер качал деревья. Видно было, что хозяин любит тишину и всячески её культивирует.

– А почему ты ничего не пил? – засуетился Бирсу.

– Машину ещё надо разгрузить, – напомнил Феликс.

– Не волнуйся, всё уже сделано, давай закрепим нашу

дружбу, – предложил Бирсу Акиев, делая шаг к бару.

Если я сейчас ещё и выпью, подумал Феликс, то точно умру заживо.

– Извини, дорогой, надо ехать, – отказался он, меняя картонное выражение лица на лёгкую учтивость. Он вдруг подумал, что неспроста за ним увязался «Nissan». Если это шариятская стража, то об этом ни в коем случае нельзя говорить. Старик испугается и сдаст меня с потрохами. – Если ты не против, я поеду. Дорога дальняя.

– Жаль! – хлопнул в ладоши Бирсу Акиев, словно давая кому-то знак. – Если привезёшь ещё и завтра, заплачу в полтора раза больше.

– Нет, спасибо, – поспешил ответить Феликс, вздрогнув от хлопка. – Опасно стало. – Он едва не брякнул: «Война на носу», но, видать, Бирсу Акиев и сам был в курсе дела, потому что многозначительно закивал:

– Опасно будет через три дня. Но я на тебя крепко надеюсь. Сейчас на границе никого проверять не будут, чтобы не вызвать подозрения у ваших.

– Нет, нет! – поспешней, чем надо, открестился Феликс.

Он снова сделал своё лицо невозмутимым, как скала. Но это уже не имело никакого значения, словно время маскарада прошло. Сейчас я сяду в машину и уеду, подумал он, и моя контрабанда станет историей, я её забуду через полгода, как дурной сон. Впереди меня ждут Гринёва и «военный отдел».

– Ну смотри, дорогой, если надумаешь, я всегда дома.

– Спасибо, – отозвался Феликс, поднимаясь. – Я пойду?

– Счастливо, дорогой! – разрешил Бирсу Акиев.

Вот тут-то Феликс и вздохнул с облегчением, поверив, что всё обошлось.

Машину действительно разгрузили и даже смахнули с неё дорожную пыль. Впрочем, отпечатки детских рук оставили в знак напоминания, что это за страна.

На прощание Бирсу Акиев сказал:

– Обратнo этой же дорогой не езжай, езжай вдоль реки, она выведет тебя на трассу.

– Спасибо, – ответил Феликс и мысленно перекрестился.

Похоже, что на этот раз ему действительно повезло.

* * *

До Грозного, то бишь Жовхара, он добрался без приключений. Клонило, правда, ко сну, и он пару раз прикладывался всё к тому же кофе, поддерживая «заряд». Несколько раз ему казалось, что его пасут, тогда он останавливался и делал вид, что оправляется на обочине. Однако всё обошлось, и он окончательно уверовал в успех дела и даже посмеялся над своими страхами. Теперь можно расплатиться с Рашидом Темиргалаевым и забыть его, как дурной сон, хотя Рашид Темиргалаев не тот человек, который упускает свою выгоду. Наверняка придумает какую-нибудь пакость, чтобы

доить меня до самой смерти, но это уже детали. Ничего, ничего, и на него найдётся управа, думал Феликс, подъезжая к гостинице «Спожмай», где были аккредитованы большинство западных журналистов. Это была, конечно, не «Арабская башня» в Дубае, но тоже нечто оригинальное, построенное на волне эйфории, не в виде паруса, в виде лотоса. Вот что нравилось Феликсу в Имарате Кавказ – новизна, бьющая в глаза, и он, подталкивая животом стеклянную дверь, всегда с восхищением думал о «новой свободе». А когда вошёл в холл, то был неприятно поражён: холл был забит журналистской братией под завязку. Слетелись на мертвечину, с неприязнью решил Феликс, потому что всё ещё надеялся, что его репортажи будут своего рода сенсацией, а здесь каждой швали по паре, а то и по три. Все были возбуждены и слегка навеселе. Пахло рестораном, виски, дорогими сигаретами и духами.

К нему тут же подскочил Джон Кебич, с которым они были знакомы ещё по Англии, когда Феликс стажировался в таблоидах и только входил в журналистские пенаты:

– Феликс! И ты здесь?!

Казалось, он рад без меры и говорил всем своим видом: «Вот с кем я сегодня налакаюсь!» Джон Кебич был славен тем, что умел надираться в любых, даже самых невероятных ситуациях. Рассказывали, что он умудрился напиться до поросячьего визга во время штурма Аллепо. И всё бы ничего, если бы он шёл вместе с правительственными войсками,

а ведь он был на стороне повстанцев и рисковал безмерно. Недаром говорят, что пьяницам и дуракам везёт. Как ему удалось унести ноги, одному богу известно, и почему его до сих пор держат в «Дейли Телеграф», оставалось большущей тайной даже для самого Джона Кебича. Должно быть, он умел делать что-то так, чего другим журналистам не удавалось, или у него была своя планида в виде «волосатой руки», которая вела его по ухабам журналистской судьбы. Бог его знает, порой задумывался Феликс, кто его курирует, ведь Джон Кебич работает в «русском отделе», а там дураков не держат и за красивые глазки не любят. Значит, с ним надо быть осторожным, языком не ляпать и не расслабляться. Тем не менее, Джон Кебич свежий, как огурчик, стоял перед ним, держа в правой руке бокал с виски, левую засунул в карман широченных летних брюк за полторы тысячи долларов, расплывался в улыбке и покачивался с носков на пятки.

– А где мне быть? – удивился Феликс и почувствовал, как в лицо ему дышит ехидная усмешка.

Он подумал, что по сравнению с денди Джоном Кебичем вид у него не очень презентабельный, как раз то, что надо для контрабандиста: пиджак мятый, выпачкан в кофе и шоколаде, рубашка, жеванная коровой, галстук похож на удавку, туфли перепачканы чеченской пылью, но, тем не менее, англичанин счёл нужным заявить о своём знакомстве с ним на весь холл. Кое-кто даже на них оглянулся, ожидая от Кебича очередного скандала.

– Ну раз ты здесь, дело точно выгорит! – В знак удачи он приложился к бокалу.

Что бы это значило? – удивился Феликс, хотя в случае с Джоном Кебичем удивляться было нечему: любил Кебич покуражиться, и глаза у него для этого были соответствующие – светлые, почти белые, с серой окантовкой. Они выражали скрытую угрозу и заставляли держаться с Джоном Кебичем настороже.

– Ты о чём? – Феликс прикинулся, что не понимает прямолинейных намёков.

Он был типичным англичанином: с породистой челюстью, высокий, узкоплечий и рыжий, а ещё крайне самоуверенный и нахальный. Феликсу иногда почему-то так и хотелось захватить ему в эту самую челюсть и посмотреть, как Джон Кебич запоёт. Было у него такое метафизическое желание, но, естественно, он его не осуществлял, а заталкивал по Фрейду – в глубь себя. Нельзя было бить союзника, даже если он тебе не нравился. Мало ли кто мне не нравится, успокаивал Феликс себя: «Спокойно, Бонифаций, спокойно, и на твоей улице будет праздник».

– Пойдём выпьем, – предложил Джон Кебич. – Там Виктор Бергамаско из «Эль-Мундо». Помнишь Виктора?

Он говорил на иностранный манер, делая ударение на букву «о», и светлые глаза оставались пустыми, как две лужи на обочине под зимним небом.

– Помню, – соврал Феликс безразличным тоном. – Приму

душ и спущусь к бар, – соврал он ещё раз, потому что никуда не собирался идти, а собирался завалиться в постель минут на шестьсот. Дело было сделано, можно было и отоспаться. Утром он собирался непосредственно поработать на Рыбу, то есть сочинить пару строк под каким-нибудь броским названием, а потом... он почему-то подумал, словно в нём сидел ещё один человек, что можно ещё раз смотаться за «наркомом», когда ещё выпадет такой случай. И этот второй человек провоцировал на неразумные действия. – Познакомишь меня потом со своим Бергамаско, – сказал Феликс Джону Кебичу так, словно делал ему одолжение.

Все его страхи враз поблекли в этом многолюдном холле. Недаром говорят, что на миру и смерть красна. А второй человек внутри него сказал: «Дурак, больше такого случая не представится, а шестьдесят тысяч на дороге не валяются. Опять же Гринёва... На неё потребуется куча денег». И это было сущей правдой. Все красивые и независимые женщины обходились Феликсу в копеечку. Такова была их природа. И Феликсу нравилось потакать их слабостям. «Без денег и Гринёвой не будет», – ехидным голосом заметил второй человек и, как змея, вполз в сознание, чтобы свернуться там кольцом.

– Бергамаско только о тебе и талдычит, – отвлёк его Джон Кебич. – Считает тебя ловкачом.

Он специально не сказал гениальным журналистом. Хорошее знание русского языка давало ему широкое поле для

манёвра на уровне ассоциаций. Но это была ловушка, рассчитанная на тщеславных простаков. Феликс же с его чутьём сразу просчитал варианты: Джон Кебич жаждет напиться именно в его обществе (к чему бы это?), Джон Кебич почему-то хочет познакомить его с Виктором Бергамаско (а зачем?), и Джон Кебич страстно желает выведать у него военную тайну России (а вот здесь у него ничего не получится).

Естественно, он был не тем человеком, перед которым надо было ломать шапку. Феликс заносчивых людей не любил, хотя сам был из их числа. Джон Кебич и в Лондоне вёл себя так, словно только ему одному известны все тайны мироздания, а остальные простофили, не знающие своего счастья, и конечно, он подвалил, потому что прекрасно был осведомлён, где служит Феликс Родионов и кто является его хозяином. Стало быть, это не дружеский шаг, продиктованный искренними чувствами, а голый, холодный расчёт: что такого известно кураторам Феликса Родионова, чего неизвестно мне? А посему Феликс не собирался делиться никакой информацией с Джоном Кебичем пусть даже самого невинного плана. Волка ноги кормят, насмешливо подумал Феликс, то бишь в нашем деле – уши.

Уже когда он подошёл к лифту, в толпе мелькнула и пропала до боли знакомая чёлка рыжего цвета. Ему даже показалось, что он увидел характерный для Гринёвой кивок – как только одна она умела, подув решительно на свои шикарные волосы, оставить в воздухе лёгкое рыжее облачко. Его пора-

зило в самую печёнку, и он застыл, как соляной столб, не в силах пошевелить ни одним членом, но сколько ни пялился в многоликую толпу журналистов и фотографов, так никого и не обнаружил и решил, что ему померещилось. В следующее мгновение его практически захихнули в кабину лифта – и кто бы мог подумать – извечно вежливые японцы из «Джапан пресс» во главе с Микой Ямамотой, обвешанные фотоаппаратурой, как новогодняя ёлка игрушками. Стало быть, и их припекло, раз они забыли о воспитании. Японцы вежливо улыбнулись: «Позалуста». Феликс тоже изобразил на лице что-то подобия снисхождения к маленьким людям. Последнее время мне много чего кажется, решил он, вспомнив ни к селу ни к городу о шариятской страже, которая ему тоже мерещилась полдня, как привидение, – у страха глаза велики. Зато разглядел самодовольную физиономию не кого иного, как Глеба Исакова, который стоял у окна в компании тех самых американцев, которые летели с Феликсом, и французов то ли из «Фигаро», то ли из «Трибун» и с умным видом кивал на их ещё более умные речи. Все воодушевлённо обсуждали предстоящее вторжение моджахедов и «как она, то бишь Россия, будет отдуваться». Несмотря на то что Феликс и сам был в меру циничен, его покорило подобное зрелище. Это же каким надо быть наглецом, думал он о Глебе Исакове, выходя на своём этаже, чтобы в открытую желать зла своей стране. А сам? – устыдился он и покраснел так сильно, будто вспомнил о самом гнусном своём проступке. Хорошо

хоть в этот момент в коридоре никого не было, а то об Феликса можно было зажигать спички. Собственное двуличие его мучило давным-давно, хотя оно, конечно, не в счёт, сам я только против заржавевшего поколения, поправился он, но за целостность и неделимость России. Отдали то, что нам не принадлежит, и баста, больше ничем не поделимся. Теперь как бы все претензии к истории, а история, как известно, наука серьёзная, её на телеге не объедешь. Всё остальное исконно русское, и дальше мы ни шагу. Впрочем, он не был уверен в собственных выводах, потому что ощущал себя маленьким человечком. Захочет Спиридонов и отдаст полстраны за Уралом. Кто его остановит? Земли много, всем хватит. Сдаст в аренду на сорок девять лет, как Аляску, и баста. Вот в этом вопросе Феликс с ним категорически не мог согласиться: если отдать, то потом придётся отбивать с боем.

Он содрал себя пиджак, провонявшую рубашку, затолкал их в шкаф и отправился в ванную. Времени, чтобы подумать о событиях сегодняшнего дня, было более чем достаточно. Конечно, можно было, отоспавшись, сгонять ещё за одной порцией контрабандного «наркоза» и на этом успокоиться. Но пережитый страх был ещё слишком свеж, чтобы его забыть. Пока он отмокал в ванне с прохладной водой, мысли его текли своим чередом, и текли они естественным путём туда, куда должны были течь, а должны они были течь, естественно, в сторону прекрасной, рыжеволосой Гринёвой. Мысль, что в одном из гостиничных баров в компании хищ-

ных самцов со всего света находится его возлюбленная, с которой ему нужно возобновить эти самые любовные отношения, и что ещё кто-то, а не он, думает о том же самом, приводила его в ярость. Сна как не бывало. Мало того, он готов был найти её и заслонить грудь от вожделения журналистской братии, слетевшейся со всего света с одной-единственной целью обольстить и затащить её в постель. Ещё этот пройдоха Джон Кебич, чего ему надо, недоумевал Феликс.

С этими отвратительными чувствами, которые делали из него слепого ревнивца, он спустил воду, сполоснулся под душем и выскочил из ванной, как чёрт из табакерки, с твердым намерением безотлагательно отправиться на поиски Лоры Гринёвой.

Благо, что у него была привычка повязываться полотенцем, потому что он так и застыл на пороге спальни: спиной к нему стояла одна из тех блондинок, которых подцепил Лёха Котов, и беспардонно развешивала в шкафу свои вещи. Его же одежда валялась на полу и попиралась самым бесцеремонным образом. Должно быть, она решила, что номер ещё не освобожден предыдущим постояльцем и решила исправить промашку обслуживающего персонала. В соседней комнате, естественно, раздавался самоуверенный голос Лёхи. Кто ещё мог проникнуть в номер? Только вездесущий Лёха Котов со своими блядьми, подумал Феликс.

Он деликатно кашлянул. Блондинка оглянулась на него, как на пустое место, потом взвизгнула, словно увидела при-

видение, и почему-то швырнула в Феликса своё платье. Феликс, не меняя позы и придерживая одной рукой полотенце на бедрах, поймал платье, как бешеную кошку, и, в свою очередь, отшвырнул его в блондинку. Блондинка с приглушённым визгом вылетела из спальни.

И тут же со словами:

– Ёх! Это ты?! – явился изумлённый Лёха и напялил на морду самое невинное выражение, словно он был здесь ни при чём.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Феликс, роясь в дорожной сумке.

– Слушай... – признался Лёха, – я думал, что ты сегодня не приедешь.

– А я приехал, – уточнил Феликс, заявляя тем самым права на свой номер, если Лёха об этом.

– Ну и как?..

Похоже, Лёха рассуждал так: если Феликс съездил удачно, значит, он в хорошем расположении духа, значит, с ним можно договориться, если не удачно, то в действие наверняка вступал план «б».

Феликс раскусил его в два счёта. Ему ли не знать Лёху Котова – великого бабника и сексуального маньяка, помешанного на развратных блондинках.

– Удачно, – ответил Феликс, но почему-то не успокоил Лёху, и он нервно подпрыгнул, поняв, что переговоры будут трудными.

Пусть сам выпутывается, зло подумал Феликс, абсолютно не желая прийти на помощь другу.

– Понимаешь, им поселиться негде, – проникновенным голосом сообщил Лёха, и его круглая физиономия стал честной-честной и просящей до отвращения.

– А я при чём? – удивился Феликс, одеваясь. – Ты хоть подумал обо мне?

Они давно уже играли в игру под названием «мужская дружба». Иногда она их обременяла, иногда делала весёлыми. Но в их дружбе давно возник изъян, который подтачивал её. И пока ни Феликс, ни Лёха не могли разобраться в этом.

– О тебе? – удивился Лёха. Видно было, что подобная мысль даже не посещала его. Он перешёл в наступление: – Чего ты выделываешься? Девочкам жить негде! А у нас два номера. Ёх...

– Не волнуйся, они найдут, с кем и как, даже без тебя, – заверил его Феликс, намекая на те обстоятельства с двумя сотнями заграничных журналистов, которые и так хорошо были известны Лёхе.

– Да ладно... – миролюбиво сказал Лёха. – Чего тебе, жалко? Мы же на них жениться не собираемся.

– Мне не жалко, – ответил Феликс, влезая в белые парусиновые брюки. Он достал носки и светло-кремовые туфли с длинными носами. – Вот и поселил бы их у себя.

– Понимаешь, – замялся Лёха, – моя, Вероника, будет жить со мной.

– А я где? – насмешливо уставился на него Феликс.

Он понял гениальный план друга: проехаться, как обычно, за чужой счёт, обскакать, так сказать, на кривой ножке, и сделать вид, что так и надо.

– Вот я и думаю, где ты будешь жить? – задумчиво спросил Лёха и почесал затылок.

– Я тебя сейчас убью, – пообещал Феликс.

– А как же наша дружба? – Лёха на всякий случай отступил назад.

– Ну ты и фру-у-укт, – удивился Феликс.

– Это ты фрукт, – заверил его Лёха. – Ёх...

– Я фрукт?! – взвился Феликс. – А ты кто тогда?!

– Не переходи на личности, – оскорбился Лёха, но не очень сильно, чтобы иметь пространство для манёвра.

– Я не только перейду на личности, но и укажу тебе и твоим пассиям на дверь! – заверил его Феликс, с угрозой поглядывая на невысокого, но крепкого Лёху Котова.

Драться с ним было крайне сложно. Обычно Лёха ловко подныривал под противника, взваливал его на широкую, как лопата, спину, ну а потом швырял на выбор то ли со ступеней, то ли в окно. Беспроигрышный приём, стоивший некоторым храбрецам сломанных рёбер, если они предпочитали первый вариант. До окон дело, конечно, не доходило, иначе бы Лёхе давно сидеть в тюрьме, потому что приём со спиной у него был отработан до совершенства, а ступени считали многие из оппонентов и мало кто из них возвращался, чтобы

продолжить спор.

– А как же я?.. – скромно потупившись, тихо, но чётко спросил Лёха.

– Что ты?.. – вмиг остыл Феликс.

– Как моя личная жизнь? – напомнил Лёха о своих сексуальных правах.

– Ты что, влюбился? – догадался Феликс.

– Тпру-ру-у-у... – как лошадь, придержал его Лёха и с испугом оглянулся на дверь. – Понимаешь, я ещё такой не встречал. Ёх...

Старая песня, подумал Феликс. И каждой он говорит, и каждая ему верит. Находятся же дуры.

– Она что, не знает? – догадался он.

– Не знает, – кивнул Лёха, – женщинам это знать не положено, а то нос задирать будут.

– А чего ты от меня хочешь?

– Пусть её подружка у тебя пока поживёт.

– Что значит «пока»? – насторожился Феликс.

– Ну пока здесь всё не уляжется, – уклончиво ответил Лёха.

– Ладно, – согласился Феликс. – Места всё равно много. А она приставать не будет?

Лёха так на него посмотрел, что Феликс понял: лучше бы он этого не спрашивал. Неизвестно, что Лёха наплёл своим новым знакомым, но план у него был гениальный по своей простоте: честно и открыто поделить блондинок. Только со-

гласия Феликса никто не спросил. Если быть честным, то и спрашивать особенно не следовало бы, потому что в былые времена Феликс с удовольствием воспользовался бы предложением. Но времена были другие и обстоятельства тоже. Так что Лёха сильно ошибся и теперь пожинал плоды своей невнимательности.

Однажды они, будучи в командировке на Кубани, в последний день перед отъездом решили расслабиться. Лёха так и сказал: «Давай сходим к экологически чистым дояркам?» «Давай», – не подумав, согласился Феликс, тем более что экологически чистых доярок был аж целый взвод. В результате их командировка продлилась ровно на то количество дней, сколько им понадобилось, чтобы излечиться от гонореи. Больше Феликс никогда не слушал Лёху. Он перестал быть для него авторитетом в вопросах пола.

– Ты что, изменил ориентацию? – испугался Лёха.

– Так быстро это не делается, – парировал Феликс.

– Ну?! – потребовал Лёха, пропуская мимо ушей плоскую шутку.

– Я изменил не только ориентацию, – пошутил Феликс, – но и имя.

– Имя?.. – не понял Лёха и посмотрел на Феликса очень и очень внимательно.

– Слушай, – поменял тему Феликс. – Ты Гринёву не видел?

– Эту рыжую, что ли? – уточнил Лёха, хотя на его морде

было написано, что, разумеется, видел, просто обдумывал, как этот факт использовать с пользой для себя.

– Ну? – нетерпеливо переспросил Феликс.

Ему нужно было знать, ошибся он или нет.

– Видел, а как же, – сказал Лёха, – с этим самым... Глебом.

– Сука! – подскочил Феликс.

– Ага! – безоговорочно согласился Лёха и забыл закрыть рот.

Он и представить не мог, что железный Феликс может влюбиться, и в кого? В какую-то рыжую бестию.

– Да не она, а он!

– А-а-а... Ну да, – закивал Лёха. – Ёх...

Собственно, ему было безразлично, отчего страдает его друг, главное было устроить собственное счастье.

– Ну так что?.. – нетерпеливо спросил он.

– Чего?..

– Насчёт блондинки...

– А... пусть живёт, места всё равно много, – великодушно согласился Феликс.

Номер действительно было огромный, аж из четырёх комнат: двух спален, гостиной и кабинета, не считая ванных при каждой спальне. Америка была щедра по части комфорта для своих сотрудников, тем более что гостиничные номера во вновь испеченной республике были смехотворно дешевы.

– Хорошо, – оценил ситуацию Лёха. – Пусть тогда она займёт ту спальню. А-а-а...

– Пусть занимает, – перебил его Феликс. – А как её хоть зовут?

Одной ногой он уже стоял на пороге комнаты и обдумывал, где ему искать вертихвостку Гринёву Ларису Максимильяновну, а попросту – Лорку.

– Мона.

– Мона? – задержался он от удивления.

Лёха в своём стремлении угодить ему не знал, как и поддакнуть.

– Ну да. В честь одинокой звезды, – шмыгнул он носом.

– Мона так Мона, – согласился Феликс, застёгивая рубашку. – Моны мне ещё не попадались.

Он вдруг обнаружил, что не испытывает привычного интереса к девицам. Неужели после Гринёвой я стал импотентом? – испугался он.

– Это точно! – обрадовался Лёха. – Она, кстати, не прочь с тобой познакомиться. Ёх...

Но Феликс его уже не слышал. Он нёсся на крыльях любви в поисках своей отрады Гринёвой.

* * *

Гринёву он нашёл мгновенно. И рыскать не надо было. Достаточно было сунуть нос в бар на сорок восьмом этаже и услышать её искромётный смех.

Она сидела в компании Глеба Исакова и ещё двух незна-

комых прощелыг от журналистики с прыщами на шее и с липкими, потными ручками и заразительно смеялась точно так же, как с ним – Феликсом Родионовым. Такое, разумеется, не прощается, такое разрывает сердце напрочь. «Боже мой, что со мной? – удивился он, испытывая страшную муку. – Значит, она со всеми такая, похолодел он, как рыба. А я уже было хвост распустил, а я уже понадеялся на вечную, пламенную любовь».

Поэтому он, стиснув зубы, сделал вид, что не заметил её компании, а с каменным лицом и деревянной походкой прошествовал в противоположный угол и для начала заказал себе джин с тоником. Любил он этот напиток, не подделку в банке, а настоящий, сборный, из натуральных ингредиентов. Нравился ему горьковатый вкус и чувство легкого опьянения после десятого глотка. И только тогда, когда ощутил, что его медленно, но верно отпускает, набрался смелости и взглянул туда, где сидела она, но, конечно же, её не разглядел – мешала толпа. Зато услышал задорный, серебристый смех, готовый перейти в чистое контральто. В этот самый момент бар инстинктивно замирал и три десятка самцов прикидывали своим умишком, как бы переспать с Гринёвой, но так, чтобы она не заметила. Этого вынести было невозможно. Это было выше его сил – слушать, как она смеётся и как, настораживаясь, все они её слушают, в том числе старая, испитая Мика Ямамото, как будто она понимала, что происходит. «Спокойно, Бонифаций, спокойно, – сказал он сам себе, – забудь

о ней!» Он глубоко вздохнул, как перед прыжком с парашютом, хотя никогда не прыгал выше, чем с трёх с половиной метров, да и то с закрытыми глазами. Напьюсь, подумал он, дурея от одних мыслей, напьюсь. И тут же голос второго человека произнёс: «Езжай-ка зарабатывай бабло! Нечего сопли распускать. Пользуйся моментом». Однако он ничего не успел возразить. Возражать против очевидного было глупо и даже опасно ввиду острого рецидива влюблённости.

– А вот кто знает всё! – воскликнул кто-то и больно ударил Феликса по плечу.

Сжав челюсти, Феликс развернулся, чтобы заехать наглицу в пах, но это оказался всё тот же самый Джон Кебич с испанцем Виктором Бергамаско. Однако успокоился: на шикарных брюках Джона Кебича за полторы тысячи долларов расплывалось огромное пятно то ли от кофе, то ли от плохого коньяка. «Не того ли, который я вожу?» – с удовлетворением подумал Феликс.

– Сиди, ты нам нужен! – продолжал кричать Джон Кебич так, чтобы все присутствующие в баре слышали. – Знакомься, Виктор!

– А мы знакомы, – буркнул Феликс, плюхаясь на место, и действительно вспомнил, что два года назад в Мадриде они пропивали гонорар фотографа и устроили борьбу на руках прямо в трактире «Ля Куарда» под пиками монастыря Эскориал, и Феликс, к его огромному удивлению, выиграл не только у Джона Кебича, но и у его друга-фотографа, чело-

века-горы, а точнее, Виктора Бергамаско, который на радостях потащил их к себе в мастерскую на Маласана, похожую на лабиринты, и подарил Феликсу свою картину, которая называлась «Поцелуй в подворотне», а на самом деле картину надо было назвать «Жёлтый переулок под красными крышами». С тех пор она висит у него в квартире над телевизором. Пара-тройка его приятелей, из тех, кто воображал, что разбирается в живописи, возжелали её купить и предлагали хорошую цену, но Феликс не уступал. Благо, в картине было нечто свежее, необычное, что не бывает в ширпотребе ни на Пласа-Майор, ни на Трафальгарской площади в Лондоне, не говоря уже о московских бульварах. А одна девица специально проникла под предлогом любовных утех в квартиру к Феликсу, чтобы только стащить шедевр. Естественно, у неё ничего не вышло, потому что Феликс бдел днём и ночью за драгоценностью и застраховал её на всякий случай на крупную сумму. Странно, что после девицы больше никто не покушался на его «испанский переулок», как говорили в узких кругах, близких к журналистике. Впрочем, это уже стало анекдотом «Феликс Родионов и его картина», который целый год муссировался в курилках газет. Даже сейчас его не забыли.

Джон Кебич поставил на стол бутылку водки и сел так, что стул под ним жалобно скрипнул. Виктор Бергамаско тоже сел, и хотя был больше и грузнее, проделал это легко и даже изящно. Силён он был, это чувствовалось в его медве-

жьей фигуре. «Как я у него выиграл? – удивился Феликс. – Наверное, он был страшно пьян, а я ещё пьянее». Он уже собрался было встать и уйти, тем более что в углу снова раздался серебристый смех Гринёвой, но Виктор Бергамаско положил ему на плечо тяжёлую руку и, заглядывая в глаза, задал странный вопрос:

– А как ты относишься к нынешнему президенту?

– Франции?

– России, чужак.

Феликс поморщился: знал он эти журналистские штучки, когда тебя ловят на противоречиях, а потом тонко издеваются. Он и не думал, что этот приём распространён на Западе. Плохо, оказывается, он знал Запад, совсем не знал.

Джон Кебич заметил его реакцию и сказал заплетающимся языком:

– Не трогай его, видишь, он обожает своего президента, – его пьяная морда со светлыми неприятными глазами выражала ехидство, он взмахнул рукой и едва не отправил бутылку на пол – если бы не Феликс, который чисто рефлекторно поймал её на лету.

Хорошая была у Феликса реакция. Это все признавали, особенно женщины в постели.

– Да, люблю, – воинственно ответил он, ставя бутылку на место. – Что здесь плохого?

Однако это не произвело на Виктора Бергамаско никакого впечатления. Смысл начатого разговора заключался в чём-то

другом. Феликс понял, что он, конечно же, совсем не знает Виктора Бергамаско да и не мог узнать за те несколько часов, что они общались в Мадриде. Мистер Билл Чишолм хитро устроил месячный круиз по Европе. Хорошее было время, беззаботное, а главное – Феликс ещё не понимал, кого надо опасаться, а кого нет, например этих двух типов, которые явно что-то затеяли. Интересно, он специально подсунул ему Джона Кебича или это вышло случайно: куда бы он ни приехал, рано или поздно, как привидение, возникал Джон Кебич и начинал просвещать Феликса по части европейского общежития.

– Ладно, – сказал Джон Кебич, – вы здесь выясняйте отношения, а я схожу за стаканами.

– Давай выпьем, – предложил Виктор Бергамаско.

Был он чёрен, как грузин, и небрежная борода подчёркивала его грузность. На шее у него в густой поросли блестела золотая цепь толщиной в палец.

– Что, из горлышка? – удивился Феликс, желая одним махом прекратить непонятный разговор, но у него ничего не вышло.

– Ну да, – Виктор Бергамаско оценивающе посмотрел на Феликса.

Феликс пожалел, что не улизнул раньше, теперь надо было пить водку с этим странным испанцем и слушать, чего умного он скажет.

– Давно я не употреблял из горлышка, – признался Фе-

ликс с тем превосходством, когда русский хочет умыть иностранца по части выпивки. – Разве что во времена туманной юности.

В университете считалось шиком выпить бутылку водки на «камчатке», естественно, из горлышка, естественно, заснять на смартфоны и тут же выложить в инете. Но главное было даже не это, главным было не опьянеть на голодный желудок и досидеть до конца лекции, делая вид, что ты слушаешь. Феликс быстро стал чемпионом курса и продержался до предпоследнего семестра. Перед экзаменами этот титул завоевал его приятель – Жека Гейда, да и то лишь потому, что Гейда не пропускал лекции. Так что Бергамаско ничем не мог Феликса удивить.

– Ну... – многообещающе произнёс Виктор Бергамаско, сворачивая крышку на бутылке, как голову курёнку. – Как говорится, вперёд и с песнями!

Проверить хочет, решил Феликс, чего я стою. А стою я очень дорого.

Естественно, бутылка оказалась с дозатором. Пить водку из неё было сущей пыткой. Но храбрый Виктор Бергамаско показал пример. Он надолго присосался к бутылке. Феликс подумал, что так может пить только алкоголик, у которого горят трубы.

– А я думал, – удивился он, – что водку из горла пьют только русские.

– И мы тоже, – фыркнул Виктор Бергамаско, передавая

ему бутылку с гримасой отвращения на лице.

В довершение ко всему водка оказалась ещё и тёплой. Ну и гадость, подумал Феликс, повторяя фокус с бутылкой и собственным ртом. К его удивлению, водка оказалась не такой уж противной, а даже наоборот – первые три глотка были приятными и отдавали чистым спиртом и чёрным хлебом, а потом – только одним спиртом. Когда он оторвался от бутылки, посчитав, что проглотил свою дозу, Виктор Бергамаско показал ему большой палец и сказал, сияя белозубой улыбкой:

– Молодец!!! Уважаю!!!

Явился Джон Кебич, сказал: «Гады», и налил водку в стаканы.

– За Россию! – он хлопнул Феликса по плечу, который снова вскочил, чтобы уйти. – Сиди! У нас к тебе дело!

– Какое? – Феликс решил сбежать при любых обстоятельствах, тем более что Гринёва смеялась всё громче и призывнее. Интересно, кто её щекочет? Или она дразнит его?

– Сейчас узнаешь, – заверил его Виктор Бергамаско.

– Меня ждут, – сказал Феликс и подумал о блондинке, которая осталась в номере.

Сейчас пойду и завалю её, решил он, назло Гринёвой. Джон Кебич снова хлопнул его по плечу. Феликс стерпел и сел, хотя ему было неприятно.

– За Россию! – сказал Виктор Бергамаско, но как-то странно сказал, с непонятным смыслом.

А Феликс подумал, что привычка не закусывать приводит к дурацким результатам и что он так не пьёт. Но проглотил свою порцию, как воду. Водка по-прежнему была приятной, должно быть, оттого что из противоположного угла всё ещё доносился серебристый смех Гринёвой. Ей, видите ли, было весело. Она развлекалась, а он страдал так, что сводило живот.

– Знаешь, что я тебе скажу, – начал Джон Кебич, размашисто вытирая рот рукой, – вот он со мной спорил, что у вас во главе государства не может быть еврей.

– Какой еврей? – терпеливо уточнил Феликс.

Он уже понял, что они специально его злят.

– Ну как какой? – переспросил Джон Кебич, глядя на него своими неприятными белыми, как простыня, глазами.

Надо было ему в морду всё-таки дать, подумал Феликс. Боялся бы. А так позволяет себе юродствовать, фигляр проклятый.

– Ваш президент, – почти торжествуя, сказал Виктор Бергамаско и цыкнул сквозь зубы.

– Спиридонов, что ли? – с облегчением вздохнул Феликс.

Это была его любимая тема. Он знал о президенте буквально всё. Недаром на каждом углу и в каждом киоске продавалась книга Феликса Родионова «Отец русской демократии». И ему до сих пор за неё не было стыдно, поэтому он мог подписаться под каждым словом, сказанным в ней.

– Ну да, – ухмыляясь, потянулся к бутылке Джон Кебич.

– Это я знаю, – равнодушно ответил Феликс.

Нашли дурака, подумал он. Я вам и не такие байки поведаю.

– Чего ты знаешь?! Чего ты знаешь?! – прервал его Виктор Бергамаско. – Как так получилось, что после такой прививки и снова еврей?

– Какой прививки? – спросил Феликс. – Ах, ну да... – Он вспомнил о том, кто создавал советское государство. – Так это ж было когда? Хотя история склонна повторяться, – добавил он кисло. Поймали они его с синагогой, ничего не скажешь. Маленький плюстик в их копилку.

Разговор стал его забавлять. На какое-то мгновение он даже забыл о Лоре Гринёвой, хотя то и дело слышал её серебристый смех. Что эти два козла могут понимать в нашей русской жизни? Ничего. Ничего они не понимают. Рассуждают штампами и клише. Уроды! Он снова поднялся, чтобы уйти. Серебристый смех Гринёвой заставлял его спасаться бегством.

– Сиди! – хлопнул Джон Кебич его по плечу. – Ты нам нужен!

– Мы хотим, как это по-русски? – сказал Виктор Бергамаско. – Раскрыть тебе глаза.

– Открыть глаза, – с превосходством поправил его Феликс.

– Ага... Ну да, – пьяно кивнул Джон Кебич и, не чокаясь, проглотил свою водку.

Он едва не промахнулся мимо стола, водружая стакан на место.

– Михаил Спиридонов благополучно избежал ежовых объятий государства, – заученным голосом сказал Феликс, – а когда вышел в президенты, то у него было два козыря.

По сути, он цитировал свою книгу, которую помнил наизусть.

– А пятая графа? – спросили они хором, не слушая его.

В этом и заключалась, должно быть, их ловушка, но она не сработала.

– Пятой графы давно уже нет.

– А у народа? – спросили они, торжествуя.

Знали, сволочи, психологию масс.

– А народ купили! – выдал им Феликс чуть-чуть цинично то, что так любят американцы. Они называют это попаданием в «бычий глаз».

– Как? – страшно удивились они.

– Так! – просветил он их.

– Что-то я плохо соображаю, – признался Джон Кебич и налил водки, но уже на донышко, потому что изрядно был пьян.

Феликсу показалось, что они приуныли – не туда пошёл разговор.

– А какие козыри? – спросил Виктор Бергамаско и перевёл на Феликса любопытный взгляд.

Интересно ему стало, что нового может сказать им рус-

ский, который и водку из горла может пить, и выворачивается, как угорь.

– Оба фартовые.

– Какие? – ехидно уточнили они хором, чтобы он не тянул кота за одно место.

Первый козырь, который Спиридонов разыграл виртуозно, к величайшей радости Феликса, заключался в том, что все доходы от нефти и газа он направил на социальные выплаты. Сумма, конечно, получалась смехотворная, всего-то от трех с половиной до пяти тысяч рублей на каждого человека, включая младенцев. Однако... желание пожить на халяву перевесило здравый смысл. Население оказалось диким, как бабуины на плантации кукурузы, – все сожрать, ничего не оставить. Населению было наплевать на здравый смысл и государство, населению хотелось жить радостно и счастливо, желательно сейчас, а не завтра. К счастью, весь мир давно уже так жил, а время обещаний кончилось. Пришло время расплаты, и Владимир Трофимов попался на этом.

Об этом Феликс и сообщил, опустив, разумеется, о диком народонаселении и государстве. В последний момент в нём разыграл патриотизм, и нечего было расшаркиваться перед иностранцами, хотя, пожалуй, от одного из них зависела его карьера. Недаром Джон Кебич таскался за ним по Европе и, должно быть, строчил отчёты в Лэнгли мистеру Биллу Чисолму. Подлые они все, решил Феликс, ужас, какие подлые,

нагибают нашего брата журналиста почём зря.

Но они почему-то хотели от него не этого. Разумеется, его реакция их забавляла, но на уме у них было ещё что-то, чего он не улавливал.

– Ну и что? – хмыкнул Джон Кебич, и Феликсу показалось, что он подмигнул Виктору Бергамаско. – Это мы знаем. А что ещё?

– Финансовый ресурс, – уверенно сказал Феликс.

Джон Кебич цыкнул зубом и сказал:

– Херня!

– Почему это? – обиделся Феликс и приготовился дать ему в зубы или в выступающую, как галоша, челюсть. Хорошая, кстати, мишень для кулака.

– Ты не всё знаешь, – заверил его Виктор Бергамаско, цедя водку, как молоко.

Феликс так не умел. Его передергивало, словно он вливал в себя кипяток. Не хватало закуски: красной икры и чёрного хлеба с маслом.

– Чего я могу не знать? – уточнил Феликс, он сунул было в рот костяшку большого пальца, но передумал. Спокойно, Бонифаций, спокойно, сказал он сам себе.

Джон Кебич принялся рассуждать:

– Россия не может сравниться с той же самой Норвегией, где населения с гулькин нос. А Спиридонов сразу же честно предупредил, что государство не может просто так, за здорово живёшь, раздать деньги, значит, должны возрасти налоги

как минимум в пять раз.

– Ну? – сказал Феликс. – Вот видишь! Всё честно.

Всё-таки они его раззадорили, он кинул очередной бонус в свою копилку тщеславия.

– Но ведь каждый думал, что сумеет обмануть государство, – заключил Виктор Бергамаско, хотя это не было главным.

Главное заключалось в чём-то другом. Феликс ещё не понял, куда клонят эти два забулдыги, и всё-таки незаметно для себя погрыз многострадальный палец. Сомневался он, а это было плохо.

– Сумеет, – согласился Феликс, не вынимая палец изо рта.

Он и сам делал это весьма виртуозно, но, естественно, не кричал на каждом углу, что обманывает государство. Государство большое, не обеднеет, рассуждал не он один.

– Второй козырь заключался в том, что все свои двадцать миллиардов Михаил Спиридонов кинул в предвыборную гонку. Такие деньги у Владимира Трофимова, конечно же, были. Но он не мог сравниться со Спиридоновым в плане железной пропаганды, – всё это Феликс произнёс менторским тоном.

Однако и это не удивило их. На митингах Спиридонову ехидно кричали: «Расстанься со своими миллиардами! Сделай наконец что-нибудь путное!» И тогда он сотворил то, что от него никто не ожидал: он построил новый микрорайон «Подольский», за которым, однако, в народе твердо за-

крепилось название «Спиридоновский», или «Спиридонка». Ему также хватило денег, чтобы перекрасить пару городов на севере в ярко-малиновый цвет. Американская краска оказалась такой стойкой, что и через двадцать лет дома должны были выглядеть как новенькие. Фирма-изготовитель гарантировала. С тех пор эти города любили фотографировать на календари и обложки журналов. Спиридонов продал все свои активы, в том числе и команду из НБА «Нью-Джерси Нетс». А на волне отрицания «Макдоналдс» вложил также пару миллиардов в народные дома. Конечно, народ это оценил и говорил: «Айда в спиридоновские харчевни, ушицы отведаем, а какие там расстегаи!» Правда, нашлись и такие, которые кричали: «Нас не купишь за краюху жидовского хлеба!» И должно быть, в такие моменты Михаил Спиридонов горько жалел о своей щедрости. Но на кону был такой куш, с помощью которого можно было с лихвой «отбить» свои деньги назад. И произошло чудо, народ ему поверил, и Михаил Спиридонов стал президентом. По крайней мере, так думал Феликс. Такая у него была картина мироздания в голове.

А Владимиру Трофимову не помог, как принято говорить, даже административный ресурс. Во втором туре он проиграл выборы на величину погрешности. Но этого оказалось достаточно, чтобы Михаил Спиридонов обошёл его.

– Ха! Чудак ты! – воскликнул Джон Кебич и в очередной раз хлопнул Феликса по плечу.

На этот раз Феликс сильно поморщился. Кто любит, когда тебя трескают по плечу?

– Да... чудак... – подтвердил Виктор Бергамаско, разливая остатки водки. – Думаешь, этого было достаточно?

– Думаю, да, – смело ответил Феликс.

– Каких-то несчастных двадцать миллиардов?

Феликс вдруг почувствовал, что над ним посмеялись, а ещё он почувствовал, что опьянел. Надо закусывать по-русски, подумал он, а не пить по-иностранному.

– Вы мне надоели! – сказал он, поднимаясь.

– Куда ты? – удивился Джон Кебич. – Мы тебе главного не сообщили.

– Да?.. – Феликс внимательно поглядел на них.

Джон Кебич двоился. Его рыжая шевелюра почему-то закрывала половину бара. Белые-белые глаза плыли, как две таблетки аспирина. Виктор Бергамаско со своей пудовой цепью на волосатой груди казался цыганским медведем. А серебристый смех Гринёвой – гласом сирены. Феликса качнуло, и он схватился за стол. Стены кабака едва не сложились гармошкой.

– Сейчас за водкой сбегая, – сообщил Виктор Бергамаско. – У кого есть «чечеши»?

– На, – Джон Кебич выгреб из кармана мятый комок денег и сунул в огромную лапу Виктора Бергамаско.

И Феликс понял, что пьянка приняла необратимую форму скотства. Он вспомнил, как газеты всего мира пестрели заго-

ловками: «Цена вопроса 20 миллиардов долларов». Ему сделалось смешно, действительно, двадцать миллиардов – это на удивление мало. Возникла маленькая несостыковка: за такую сумму Россию не купишь, она слишком большая. Подавишься. Он глупо хихикнул и уселся назад в небольшой растерянности. Заронили-таки они в него семена сомнений. Неужели Владимир Трофимов не мог наскрести двадцать миллиардов? Да запросто. Одной левой. Честно говоря, Феликс иногда об этом задумывался, но как-то несерьёзно. О чём думать, если Мишка Спиридонов в Кремле? Дело сделано. Пыль выборов и страстей улеглась. Впереди «новая свобода» и «военный отдел». От этого кружилась голова и хотелось петь патриотические песни о реке Волге, о Карелии и о проливе Лаперуза, да мало ли ещё о чём.

– Молодец! – похвалил Джон Кебич и снова хлопнул его по плечу.

Странно, но Феликсу это уже не было противно, хотя они выпили совсем ничего, должно быть, сказались вчерашняя пьянка, Гринёва, нервотрёпка на границе и общая изношенность организма.

– Я тебе так скажу, – начал Джон Кебич, глядя на него всё теми же до неприличия светлыми глазами, – вы... русские ещё очень наивная нация и ничего не понимаете. – Он смешно икнул и, если бы Феликс не придержал его за плечо, съехал бы на пол, размахивая руками, как аист крыльями.

На него уже настороженно оглядывались, хотя, разумеет-

ся, привыкли к выходкам Джона Кебича, который был звездой журналистского мира.

– Ну да... – ехидно согласился Феликс и подумал, что у него так и чешутся кулаки, а почему, непонятно.

Гадом был Джон Кебич, а ещё начётником и простофилей, ничего не понимающим в русской жизни, но пробующим учить других. Впрочем, мистер Билл Чишолм тоже любил учить, и эта черта иностранцев страшно не нравилась Феликсу. Чего они к нам все пристали, думал он. Самые умные, что ли?

Явился Виктор Бергамаско с водкой и закуской: нарезкой из какой-то вонючей рыбы.

– Рыба к пиву, – со знанием дела сообщил Джон Кебич.

– Пожалуйста! – и Виктор Бергамаско водрузил на стол баклажку «Невского» номер три.

Феликс фыркнул: пьянка походила на обычное русской застолье в каком-нибудь второсортном кабаке на Пречистенке.

– Пиво с водкой страшное дело, – со знанием сообщил Джон Кебич, но возражать не стал, когда Виктор Бергамаско открыл баклажку.

– Так почему всё-таки ничего не понимаем? – напомнил Феликс, задела его тема.

Мешать пиво и водку он не собирался. Это уже был русский экстрим. А на сегодня с Феликса экстрима было достаточно. Он так и подумал: «Баста, пить буду только водку, а

то умру молодым».

– Почему? – как показалось ему, ехидно переспросил Джон Кебич. – Почему? – уточнил он у Виктора Бергамаско.

И оказалось, что Виктор Бергамаско абсолютно трезв, трезв также и Джон Кебич, хотя всё ещё норовил упасть со стула, а пьян один Феликс. Не может быть, подумал он, впрочем мыслями, как рулевой килем, я мало выпил, и ему всё ещё хотелось заехать Джону Кебичу в челюсть. Владела им эта несусветная страсть. Однако он сдержался. Драться было некультурно, драться было дико, это он хорошо помнил какой-то частью мозга, в которой жил второй человек и который периодически напоминал: «Плюнь на всё, в том числе и на прекраснейшую Гринёву, езжай зарабатывать бабло, потом война начнётся, то да сё, упустишь такой шанс».

Виктор Бергамаско долил в пиво водку, они чокнулись. Джон Кебич вытер губы точно так же, как вытирают его русские после третьего стакана водки, то есть размашисто и неряшливо, и поведал со всей той откровенностью, которая должна была сразить наповал:

– А если мы тебе дадим такой материал, который дискредитирует вашего президента?

– Как?! – поперхнулся Феликс.

Прежде чем лезть за платком и вытирать пену с лица, он махнул на Джона Кебича, как на заигравшуюся кошку. У него как-то в голове не укладывалось, что находятся люди, ненавидящие Михаила Спиридонова. Вот оно что, вот поче-

му они ко мне прицепились, сообразил он, а всё потому, что я написал о нём книгу, а Спиридонов полюбил меня как сына, и он закашлялся от растерянности – не пошло пиво, вернее, попало не в то горло.

– Ну ты же самый-самый?.. – спросил Джон Кебич, не скрывая ехидства.

– Да, я самый-самый, – согласился Феликс и не узнал своего голоса.

Голос у него стал сиплым и тусклым. Да, он был самый-самый: самый модный, самый умный и самый удачливый. У него было будущее, и это будущее было связано с Америкой, потому что «военный отдел» – это всего лишь ступенька в длинной-длинной карьере. Удачный ход – предмет вожделевения конкурентов. А теперь что? Он почувствовал угрозу своему гениальному плану, и угроза проистекала от этих двух типов.

– Ладно, чего там! – хлопнул его по плечу Джон Кебич. – Покажи ему, – сказал он Виктору Бергамаско.

Виктор Бергамаско достал из кармана сложенный вдвое листок бумаги и протянул Феликсу. Феликс с пренебрежением развернул его и прочитал. С первого раза он не понял и прочитал ещё раз, а потом сказал:

– Ерунда какая-то...

– Читай, читай дальше, – сказал Джон Кебич.

– Провокация, – не поверил Феликс и бросил листок на стол.

Кто-то из любопытствующих соседей потянул шею. Виктор Бергамаско ловко накрыл листок пятернёй. Единственное, что могли разглядеть конкуренты – слово Wikileaks и «абсолютно секретно» по-английски. Но даже этого было достаточно, чтобы Александр Гольдфарбах из журнала «Wired» весело сказал:

– Джон, твоя тайна раскрыта.

Феликс вспомнил, что Гольдфарбах работал на Березовского. Их познакомили на вечеринке в испанском посольстве, и Гольдфарбах сказал: «Попомни меня, Боря ещё въедет в Кремль на белом коне!» Феликс тогда рассмеялся, а Гольдфарбах как в воду глядел.

Виктор Бергамаско спрятал листок в карман. Гольдфарбах сделал вид, что ничего не понял. Феликс проглотил слюну и потянулся за пивом, хотя не собирался больше пить. В горле пересохло. Если это правда, подумал он, если они все в сговоре, то всему конец и моей карьере тоже. Он уже сроднился с «военным отделом», мысленно руководил им, выставляя Глебу Исакову двойку за двойкой, чтобы он убрался из газеты ко всем собачьим чертям. А здесь вон оно что! Голова у него заработала, как компьютер. Ясно было, что эта информация – бомба, что она взорвется рано или поздно, и не суть важно, в чьих руках. Но лучше, если в моих, потому что это, как учили его в университете, шанс на ходу перескочить во встречный поезд. А такое бывает раз в жизни. Он вспомнил, как Билл Чишолм учил его: «Есть совсем мало

людей в военной, научной и политической разведках, которые что-то понимают. Остальные витают в облаках». Феликсу показалось, что сейчас, именно в этот момент, он, как ни странно, понял все-все без исключения взаимосвязи в этом мире. Картинка на какой-то момент захватила его. Это было просветление чистой воды, прорыв в шестое измерение, апофеоз столетия!

– Ну, чего ты молчишь?

– Вы хотите, чтобы я опубликовал это в газете? – прочистил горло Феликс.

– Не в твоей, конечно, – миролюбиво сказал Виктор Бергамаско. – В твоей не возьмут. Что же мы, не понимаем?

– А где?

Вопрос был более чем риторическим. Всегда найдётся пара десятков газет, которые вцепятся в такой материал бульдожьей хваткой, например «Боря и Ко». Если это правда, с тоской думал Феликс, то это мировая сенсация и мой конец. Но я не такой дурак.

– У тебя же есть связи?

– Конечно, есть, – мрачно кивнул он, расстраиваясь сверх меры.

А здесь ещё Гринёва, которая смеялась, как сирена. Станет ли она рисковать? Дело пахнет керосином. Скандал будет грандиозный, мирового значения. Переворот на носу. Это надо понимать! Отстреливать будут всех подряд. Можно попасть под горячую руку. Глупо умирать, не увидев конца.

– Дай мне бумагу, – сказал он твёрдо, – дай, я проверю. Но если это враньё!..

Виктор Бергамаско так на него посмотрел, что Феликс понял: никакое это не враньё, а самая что ни на есть сермяжная правда. Но уступать просто так он не собирался, потому что уважать не будут.

– Ты хорошо всё взвесил? – спросил Джон Кебич.

– Не знаю, – ответил Феликс, – какая разница?

– Я же говорил, что он испугается, – грубо сказал Джон Кебич и вопросительно уставился на Виктора Бергамаско.

– Действительно, – согласился Виктор Бергамаско, – нехорошо получилось, – но достал и протянул Феликсу злополучный листок бумаги.

Дело решало мгновение.

– Мы бы сами могли, – объяснил Джон Кебич, – но нужен источник с не подмоченной репутацией, консервативный и честный.

– Это я-то консервативный? – удивился Феликс.

– Ты, – заверили они его хором.

– А вы кто тогда?

В голове у него всё смешалось. Действительно, кто они? Работают на ЦРУ или на какую-то другую разведку? А может, они просто честные и неподкупные? – подумал Феликс. Но таких не бывает! А-а-а... решил он, они из ФСБ. Волосы у него стали дыбом.

– Мы те, кто понимает немного больше, чем ты, – сооб-

щили они опешившему Феликсу.

– Да, – предупредил Джон Кебич, – и не звони мистеру Биллу Чишолму. Это опасно.

Вот влип, подумал Феликс, так влип. Мысли у него путались. Из угла доносился серебристый смех Гринёвой. В кармане лежала огнеопасная и взрывоопасная бумага, которая была страшнее любой термоядерной бомбы. В гараже ждал «Land cruiser», чтобы заняться контрабандой. Что делать, что делать? – соображал он.

– Сколько у меня времени? – спросил он, не слыша собственного голоса.

– До начала войны, начиная с этого часа, – Джон Кебич взглянул на часы.

Его белые-белые глаза уже не казались Феликсу такими неприятными, они были просто зловещими, как торнадо в Аризоне, как взгляд смерти, как зрачок пистолета.

– Надо проверить, – Феликс ткнул пальцем в бумажку.

– Проверь, кто мешает, – согласился Виктор Бергамаско.

– Ладно... – Феликс выдохнул воздух, – я согласен.

Джон Кебич криво усмехнулся и хлопнул его по плечу. Феликс так и не понял, кто они: свои, не свои? А кто я тогда? Я точно не свой, подумал он и вспомнил, что Гринёва служит во вражеской газете. А это самый короткий путь, чтобы сбросить компромат. Но вначале надо было всё проверить, потому что Лору Гринёву ни в коем случае подставлять было нельзя. Значит, придётся играть в открытую, по-другому

не получится.

* * *

В гостиной в номере он застучал блондинку Мону, взасос целующуюся с каким-то незнакомым журналистом. Журналист был «чёрным» – арабом. Блондинка ахала и дышала, как загнанная газель. На ней была одна блузка. Журналист сказал по-французски:

– Пардон! – и ничуть не смущаясь, подхватил штаны.

Они смотались в спальню, чтобы продолжить громко ахать. Голый зад у блондинки был совсем неплох, даже на привередливый вкус Феликса, хотя ему, этому заду, не хватало округлости – всё-таки блондинка была высоковатой, и стало быть, все части тела у неё были вытянуты. А Феликс любил гармонию даже в женском теле. Поэтому мне нравятся пропорционально сложенные женщины, как Лариса Гринёва, от одного воспоминания о которой у него сводило чресла. Много бы я дал, чтобы снова очутиться с ней в постели, мечтал он.

Рассуждать на эту тему не было ни душевных сил, ни времени, сейчас надо было ваять мировую политику. Феликс взял в спальне ноутбук, заперся в кабинете и подключился к Сети. Он посидел, соображая, как же ему правильно поступить. Если позвонить Рыбе или, скажем, сразу мистеру Биллу Чишолму и выложить всё, как на духу, то значит, отдаться

в их руки и лишиться тактического манёвра. Я сразу попаду в чёрный список. Меня поблагодарят, может быть, даже очень и очень щедро, но перестанут доверять. Если я вообще ничего не сделаю, а с умным видом верну этим деятелям бумагу, то это ещё хуже: информация пройдёт мимо меня, Мишку, как пить дать, скинут, Борька вернётся, а я окажусь не у дел. А если не скинут? Если он выкрутится с помощью всё той же Америки? Нет, Америка воевать из-за Спиридонова с Россией не будет. Она почиет на лаврах властителя мира, она похожа на падишаха в гареме. Зачем ей лишаться вкусной жизни? А Мишку сбросят в любом случае. С его стороны это уже перебор. Значит, всё равно моя карьера собаке под хвост! Вот как получается! Несколько мгновений он бездумно смотрел в окно на вечерний Грозный, то бишь Жовхар, который сверкал и переливался огнями. Даже не верилось, что через пару дней начнётся война. Может, Соломка ошибся? Обложили меня со всех сторон, думал он, и Гринёва, и эти два деятеля, и Рашид Темиргалаев, и Спиридонов со своей Америкой. Что делать? Что делать? А делать надо вот что, пришёл он к выводу, проверить надо информацию, хотя она уже наверняка сотни раз проверена, иначе бы они не всучили её мне, потому что понимают, с кем имеют дело. Но проверить надо, а потом видно будет.

При всех прочих достоинствах Имарат Кавказ провёл полный комплекс работ по информационным технологиям, здесь даже можно воспользоваться космической связью, ми-

ную все промежуточные системы. Но такой «щелчок», посланный из гостиницы, легко отслеживался, если только не использовать ложный адрес. Такой адрес нужно было вначале зарезервировать в любой точке мира, в данном случае – в Москве. Кто теперь обвинит Феликса Родионова в том, что он звонил по закрытому каналу в «Большую Тройку» в Швейцарии. А на самом деле, это не «Большая Тройка», а банк, находящийся, например, на Мальдивах. Впрочем, это не имело никакого значения. Все подтвердят, что Феликс в этот момент сидел в баре шикарной гостиницы «Спожмай» и напивался, как сапожник.

У Феликса Родионова, как и у любого подготовленного к конкуренции журналиста, было два десятка ложных адресов во всех крупных городах. Учили его этому очень умные люди, учили и в России, и за океаном. И быть может, даже научили на свою голову. А ложные адреса ему нужны были для сбора конфиденциальной информации, иначе долго не проживёшь на общедоступной ниве. Кто же тебя, пустозвона, уважать будет?

Он позвонил, и когда на той стороне взяли трубку, не здороваясь, произнёс по-английски код, читая его с листа бумаги.

– Please wait a minute⁴⁹, – попросили в трубке.

И затем уже другой голос сказал:

---

⁴⁹ Пожалуйста, подождите минуту (англ.).

– Relieve the known your address confirmation⁵⁰.

У Феликса уже всё было набрано в «почте». Он нажал «пуск».

– What do you want?⁵¹ – спросил всё тот же голос.

Феликс сбросил второе письмо, в нём значилась цифра «пять миллионов» и счёт в банке на предъявителя. Но самое главное заключалось в остатке. Банк должен был подтвердить остаток на контрсчете. Что он, собственно, и сделал: на экране ноутбука высветилась цифра пять со множеством цифр. Феликс долго смотрел, пока не сообразил, что пятёрка и остальные цифры означают пятьдесят миллиардов с копейками. Это было всё, что осталось от пяти триллионов. Больше не понадобилось. Америка даже сэкономила. Но деньги, должно быть, на всякий случай лежали в резерве. Потом он проверил счёт в банке, на который перевели деньги. Он увеличился на пять миллионов. Таким образом можно было без труда перевести все пятьдесят миллиардов. Но во-первых, такую сумму так просто не отдадут, в любом случае придётся возвращать со скандалом, а во-вторых, он не собирался присваивать деньги себе. Это был «замороженный счёт», открытый специально для нечто подобного, когда надо было докопаться до правды, а потом огласить её. Феликс никогда им не пользовался. Теперь он пригодился.

Все операции Феликс свёл в один файл, туда же «засунул»

---

⁵⁰ Сбросьте по известному вам адресу подтверждение (англ.).

⁵¹ Что вы желаете? (англ.)

разговор и номер «замороженного счёта» в Москве. Затем скопировал файл на две флешки, а информацию на ноутбуке стёр и сделал пару операций, чтобы её нельзя было восстановить.

Техническая часть дела была завершена. Она заняла не больше пятнадцати минут. Феликс больше ни о чём не думал. Его не мучила этическая сторона вопроса: о верности работодателям, лично Соломке Александру Павловичу, то бишь Рыбе, или же – мистеру Биллу Чишолму. Это было глупо, надеяться, что они его пожалеют в той мясорубке, которая вот-вот завертится.

Этический вопрос стоял так: втягивать в эту историю Гринёву или не втягивать? Феликс спрятал ноутбук в сейф и отправился в бар. Его грела мысль, что Гринёва будет очень и очень удивлена, а это повышало его шансы до небес.

Глава 7

Четвёртая спичка

Олег Вепрев кинул гранату, переулочек наполнился дымом, и они побежали. Игорь напоследок оглянулся и страшно удивился: Севостьянихин незаметно перекрестил их, и лицо у него было совсем не хитрым, а старым-старым. Даже знаменитый нос, как обычно, не выражал былого восторга. «Мало мы вломили, – говорил он всем своим видом, – зато вломим сейчас. В этом и есть смысл нашего существования». А ещё нос словно понимал нечто большее, что находилось за пределами реальности, но выдавать своего секрета не собирался. Возможно, он сам, как и все люди, не был в этом уверен.

– Ну... ну... Ёпст! Чего застыл?! – пихнул его Герман Орлов и тоже невольно оглянулся, ему показалось, что в дверном проёме застыла прекрасная Божена с печальными глазами. Повезло Игорёхе, позавидовал он. А чем я хуже? Я, может быть, только снаружи большой и страшный, а внутри – добрый и нежный. Только никто меня не разглядел и не провожает. Эх, жизнь! И тотчас забыл об этом, потому что не привык себя жалеть, а ещё потому, что в конце концов остановился на «любимой зазнобе», как он говорил про себя, – буфетчице Клаве, похожей на змею. Когда Герман Орлов прибывал домой, то за неделю худел на пять-семь ки-

лограммов. Потом потихонечку, конечно, набирал своё, но первая неделя была, как первая брачная ночь. Клава спуска не давала, а он добросовестно отработывал за всю командировку. Обещала ждать честно и в знак верности подарила перстень с бриллиантами. Правда, Герман Орлов стеснялся его носить и надевал только с гражданской одеждой, а так он лежал у него в застегнутом, и знали о нём только Игорь Габелый и Олег Вепрев. Помнится, что Игорь Габелый заметил: «Это много значит».

Игорь, цепляясь оружием, полез в окно. Промелькнули два ряда сосен, асфальт, искромсанный осколками, неразорвавшаяся мина в кустах, и он ввалился в общежитие Пятигорской фармацевтической академии. За сутки оно заметно изменилось: пол был усыпан гильзами, добавились пятна крови, и, уж, конечно, все окна напрочь были выбиты, и внутри гулял сквозняк. В углу валялись чехи, убитые, как говорили, термобарическим взрывом: сдуру залезли в одно помещение, ну тут их и подловили, и всё везунчик судьбы – Герман Орлов, который владел огнемётом «шмель-м», как зубной щёткой, то есть виртуозно и мастерски. У одного из чехов грудная клетка была вскрыта, как комод во время генеральной уборки, видны были розовые лёгкие. Глаза у всех без исключения были выдавлены. А ещё один, в которого, видно, попал заряд, сгорел дотла – остались голова и ноги. Пахло, как на причале, когда солярку жгут.

– Ого! – сказал кто-то с изумлением, вертя головой.

Одно дело, стрелять издалека и не лицезреть, как умирает враг, а другое – увидеть результат этой стрельбы воочию. Впрочем, Алексей Ногинский не дал насладиться местными достопримечательностями, а потащил дальше – в гостиницу «Пятигорск», где, собственно, и сидели его бойцы.

– Вон они! – воодушевлённо сказал боец, показывая куда-то в густые заросли цветущей акации, за которыми скрывались высотки проспекта Калинина и торчал купол какого-то здания, судя по всему – библиотеки.

По старым неписанным правилам вся группа рассредоточилась по комнатам, и всматривалась, и запоминала эти самые кварталы напротив, в которых сидели боевики, которых надо было обойти под землёй и ударить с тыла. Мало ли что, может, придётся уходить по этим самым улицам.

– Не показывай пальцем, – назидательно сказал Алексей Ногинский, судя по всему, не испытывая ни малейшего желания следовать примеру бойца. – Чего они?..

– Да тихо! – убеждённо сказал боец. – Как танк подорвали, так и скисли. Порох кончился! – весело заявил боец, сияя, как новенький пятак, словно он один выиграл сражение, ну и ещё, похоже, хотелось ему «показаться» спецназовцам, на крытом рынке не успел, а здесь захлебывался от восторга. А о выгребной яме он уже забыл, не научила его выгребная яма ничему. Ну да всё впереди, снисходительно подумал Игорь.

Алексей Ногинский, совсем как Севостьянихин, иронично уставился на бойца, выразив тем самым презрение спец-

наза к полиции, для наглядности подёргал свои неуставные белые кудри, которые выбивались из-под косынки, и сказал с той деловитостью, которой невольно завидовали новички:

– Не говори «гоп». Ты сделал то, что я тебя просил?

– Так точно, товарищ старший прапорщик, – всё понял боец: нельзя было расслабляться, нельзя было тыкать пальцем в окно, нельзя было казаться желторотым, а надо просто взять карту и показать, что да как, откуда стреляют и откуда не стреляют. «Снайпера на вас нет», – обычно говорил майор Колентьев Алексей Сергеевич в таких случаях и был сто-кратно прав, потому что на войне надо прежде всего думать. Смерть тебя и так найдёт, если захочет, но ты можешь её избежать, если будешь стараться.

Игорю стало интересно, чего такого он не предусмотрел, а «сидельцы» предусмотрели.

– Антенну он натянул, – объяснил Алексей Ногинский, сверкая железными зубами. – Теперь мы с базой можем связываться по локалке без проблем.

– Отлично! – оценил Герман Орлов в обычной своей хамоватой манере, хотя Костя давно уже понял, что от этой «локалки» толку мало, не давала она преимуществ. – Ну а где твой лаз? – Будто бы Герман Орлов один оценил своим глазом и высказал здоровый армейский скепсис по отношению к плану пройтись под землёй и выскочить неизвестно где. Никто не ходил, а они пройдут. Сказки для желторотой полиции.

В центре города места не хватало, и здание гостиницы построили над узлом коллектора, который соединял старую и новую части города. Разумеется, это было крайне неудобно: в случае аварии сточные воды могли затопить подвалы. Но с военной точки зрения сооружение было гениальным. Как ещё духи не пронюхали, подумал Игорь и поёжился. Меньше всего он хотел воевать под землёй, хотя за годы службы бывало всякое. Здесь, как в подводной лодке: кто первым выстрелил, тот и победил. Деваться-то некуда.

– Уходим! – сказал Игорь.

И они по одному стали покидать позицию так, чтобы их не заметили в окнах. Бойцы с любопытством смотрели им вслед. Элита, думали они, спецназ! Мужики старые, изрядно тёртые жизнью. Вон сколько «железа» на себе тянут, восхищались и завидовали. И мы когда-нибудь такими станем – большими, всё понимающими, с суровыми железными лицами, и суеверно вздрагивали, потому что один Герман Орлов чего стоил – скала, а не человек. Ходили о нём самые страшные легенды, хотя воочию не лицезрели, как он выбивает коленную чашечку. Однако неизменно находился человек, который знал человека, который видел это собственными глазами. Поэтому в присутствии Германа Орлова все немели и словно набирали в рот воды.

– Куда мы лезем?.. Куда?.. – задумчиво сказал Герман Орлов, когда они спустились в подвалы, из которых тянуло запахом канализации.

Схохмить вовремя он ничего не придумал, вот и мучился, как от несварения желудка. Не мог он жить, чтобы не вставить ядреное словцо. Однако вставлять было вроде как не к месту и не ко времени, да и Олег Вепрев злился. А чего злиться, если всё идёт по плану?

– Прямо к Яшкиному мосту, – ничего не замечая, объяснил добросовестный Алексей Ногинский и подёргал себя за кудри. – Там до вокзала рукой подать.

– Это я знаю, – отмахнулся Герман Орлов. – А вообще, в принципе?

Не выходил у него каламбур, не за что было зацепиться, а время шло, и душа черствела.

– Со стороны железнодорожного вокзала периодически слышны выстрелы, – серьёзно ответил Алексей Ногинский и не заметил, что над ним тонко издеваются.

– Может, они нас заманивают? – высказал предположение Герман Орлов и сделал загадочно-глубокомысленное лицо.

В глазах у него плясали чёртики. Игорь отвернулся, чтобы не рассмеяться. Любил Орлов морочить людям голову.

– Вряд ли, – отозвался добросовестный Алексей Ногинский, подавая в люк оружие.

Лёву Аргаткина, как самого молодого, поставили на самую тяжёлую работу: принимать оружие. Потом полезли сами. Герман Орлов долго примеривался, а потом ухнул вниз, как мешок картошки, – конечно, не по глупости, а всё рассчитав, в том числе и реакцию зрителей. Однако Олег Вепрев

заскрипел зубами, хотя и промолчал, потому что, во-первых, Орлов понимал что к чему и не особенно выделялся, а во-вторых, как ни странно, с утра демонстрировал серьёзное лицо, как эталон дисциплины и благих намерений. «Вот какой я, – словно говорил он, – суровый, но справедливый, и чехов жарю, как на вертеле, и танки подбиваю всякие, какие ещё могут быть претензии». Поэтому, наверное, Олег Вепрев не мог даже формально поймать старшего прапорщика на разгильдяйстве. И водки они перепили немерено, и братались не единожды, и всё равно злился Олег Вепрев, как злился и на Лёву Аргаткина, и, должно быть, на Игоря, только тайно, потому как они были друзьями.

Игорь подумал, что Герман Орлов нарывается, а Олег в очередной раз сходит с ума – натянутый, как струна, и вдруг догадался, что это его последний защитный барьер, что если барьер рухнет, то Олег Вепрев действительно сорвётся, а тогда мало не покажется, тогда спасайся, кто может. Дома, в перерыве между командировками, Олег Вепрев ничего не делал, возился с дочкой и тремя сыновьями, ходил на тренировки и на жениных разносолах обрастал жирком, который потом сбрасывал в два счёта. Вот и тянуло его на родину, вот он и злился на весь белый свет, а особенно на моджахедов, которым приспичило идти на прорыв именно в тот момент, когда он должен был отбыть домой.

Туннель оказался старым и широким, но всё равно не был рассчитан на быстрое передвижение. К тому же в нём было

жарко и душно. Игорь мгновенно вспотел, по спине потёк липкий пот.

Алексей Ногинский шёл первым, как опытный минёр. За ним налегке – Олег Вепрев, с автоматом наперевес. А за ними – остальные во главе с Игорем: соблюдая дистанцию, по всем правилам, чтобы, если что, не все погибли, чтобы у кого-то остался бы шанс.

Туннель слегка загибался влево, и отсвет, падающий на стены, создавал иллюзию безмятежности, но это могло быть и признаком опасности. Однако Алексей Ногинский двигался уверенно, светя себе фонариком под ноги, и Игорь подумал, что раз он спокоен, то всё нормально, и спрашивать ни о чём не стал. Уж Ногинский-то не подведёт, недаром сидел в выгребной яме. Насчёт этой ямы бойцы давно меж собой зубоскалили, но с оглядкой, чтобы не обидеть Ногинского и его «сидельцев». Теперь их всех называли «сидельцами» и беззлобно хихикали за спиной, на что Игорь закрывал глаза: «Пусть отведут душу, хуже от этого не будет. Если что, Ногинский сам осадит, если потребуется, конечно. Но не потребуется». Игорь был уверен, что бойцы не перейдут ту грань, за которой начинаются обиды.

По его расчетам, они уже миновали проспекты Калинина и Октября, то есть большую часть пути, и осталось-то всего чуть-чуть – пройти под железнодорожными путями, как вдруг Алексей Ногинский произнёс:

– Чок!

Это означало опасность. Для тех, кто ходит в рейды по горам и весям, это слово было на уровне рефлекса: сел, замер, изготовился к стрельбе, жди команды. Всё просто и ясно. Игорь продублировал для особо непонятливых, но и без этого сразу наступила тишина, и слышно стало, как течёт вода, да где-то капает.

– Что там у тебя?

– Секунду, командир.

Ты же ходил здесь, подумал с досады Игорь, смотрел. Через полминуты Ногинский дал команду к движению и тут же остановился. Что-то его смущало. Игорю, который на одном плече тащил кассету с двумя «шмелями-м», а на другом – РПГ-7 и автомат, стало невмоготу. Сидеть на корточках было неудобно: ноги мгновенно затекали, спину сводило судорогой. Он снова спросил, но так, чтобы не торопить:

– Опять что-то?

Ему не ко времени страшно захотелось есть. В клапане лежали галеты и «чай»: крепкий напиток с большим количеством сахара и лимона, однако вытащить бутылку он не успел.

– Я где-то здесь растяжку ставил, не могу найти.

– Значит, чехи сняли, – деловито прокомментировал Герман Орлов и настойчиво задышал Игорю в затылок.

На светлом фоне нервный профиль друга был особенно чётко, как на монете. Хороший у Игоря был профиль – мужественный и решительный. Недаром его женщины любят,

ревниво подумал Герман Орлов, а меня не любят, хотя я красивее, а главное, больше в размерах.

– Нет, – сказал Алексей Ногинский, – я вначале спички втыкал. Три нашёл, а четвертой нет.

– Поищи лучше! – зло зашипел Олег Вепрев, но не сделал и шага вперёд, потому что в таком деле, как минёрское, спешить было нельзя. Кроме этого он прикрывал Ногинского, держа под прицелом ту часть туннеля, которая была видна. Если что, они погибнут первыми. В этом смысле они были смертниками.

– Не нравится мне всё это, – проворчал Герман Орлов и опять задышал в спину.

Алексей Ногинский присел. Видно было, как он осторожно водит рукой по воде.

– После четвертой спички должна быть растяжка. А найти не могу, – пожаловался он.

– Ну и плюнь на неё, – посоветовал Герман Орлов, – пошли дальше, – и поднялся, чтобы черкануть «трубой» о потолок.

– Всем сидеть и ждать, – скомандовал Игорь. Он засёк время: прошло три минуты, Алексей Ногинский продвинулся на метр вперёд.

– Фу! – вздохнул он. – Нашёл растяжку.

– Растяпа, – прокомментировал в микрофон Герман Орлов. – Гы-гы-гы!

– Тихо! – оборвал его Игорь, и хотя их никто не мог слы-

шать, ржание в микрофоне забивало все остальные звуки. Весело, видите ли, ему, с раздражением подумал он. Недалеком Вепрев бесится. – А спичку? Спичку нашёл?

– Спички нет, – упавшим голосом признался Алексей Ногинский.

– Ну и долго ты там будешь сидеть? – спросил Герман Орлов.

Игорь подумал, что спичку могло унести водой. Но, с другой стороны, Алексей Ногинский не тот человек, который не предусматривает такую вероятность. Поди теперь пойми, то ли духи здесь побывали, то ли спичку действительно смыло. В любом случае плохо, очень плохо, но и прекращать выполнение операции из-за какой-то спички глупо, вдруг это всего лишь случайность.

– Где ближайший люк? – спросил он.

– Метров через десять впереди, – ответил Алексей Ногинский, блеснув своими фиксами.

На его лице было написано, что он страшно виноват.

– Выходим на поверхность.

– А как же план? – удивился Олег Вепрев.

По плану они должны были пройти ещё метров триста до узлового коллектора, оттуда до «китайской стены» рукой подать, да и железнодорожный вокзал, как на ладони, – через железнодорожные пути и насыпь. И штаб близко. Хотя о нём-то суеверно думали в самую последнюю очередь, потому что человек живёт этапами. Один преодолён – следу-

ющий на подходе. А сразу обо всём не думают из суеверия. Вот и был у них сейчас один большой этап на всех. Хорошо, если удачный.

– Выходим здесь, – скомандовал Игорь и добавил, совсем как Севостьянихин. – Чует моё сердце, что в конце нас ждут. Моджахеды – не дураки.

– Может, и ждут, – нервно согласился Олег Вепрев, – а может, и нет.

Он снял с головы косынку и промокнул ею блестящую, как бильярдный шар, лысину. Не согласен он был с Игорем, но субординацию соблюдал. Негоже лезть вперёд командира да ещё во всеуслышание.

– Хорошо, – понял его Игорь, – иди и проверь.

– Ха! – среагировал Олег Вепрев, что означало: поищи дурака.

– Давайте я пойду, – предложил Кирилл Жуков, сержант из Пскова.

Должно быть, ему надоело сидеть где-то в хвосте и слушать перепалку.

– Отставить, – среагировал Игорь.

– Ходил один такой, – назидательно подал голос Лёва Аргаткин. – Смерть тараканам...

Слышно было, как Олег Вепрев от злости заскрипел зубами. Не переваривал он с утра Лёву Аргаткина. А Лёва, в свою очередь, не понимал момента, когда можно ляпать языком, а когда нет, не было у него такого природного чутья. Мечтал

он обо всём, о чём угодно, но только не о бое.

– Растяжку-то не сняли, – заикнулся Алексей Ногинский в свое оправдание.

– Зато спичку твою не заметили.

– Ёпст! – выругался Герман Орлов. – Куда ни кинь, всё клин.

– Отцы командиры, – сказал старлей Пётр Нестеров, – предлагаю кинуть жребий.

– Пошёл ты! – послали его сразу и безотлагательно.

– Ладно, – решил Игорь, – выходят двое, я и... – он покрутил головой, выбирая напарника.

– Я! – отозвался сидящий рядом Герман Орлов и снова, как собака, задышал в затылок.

– Нет, ты не годишься.

– Это почему? – обиделся Герман Орлов.

Даже в сумраке туннеля было заметно, как вытянулось лицо у Орлова. Он застыл, как муравленный ангел, не в силах переварить услышанное.

– По кочану. Бургазов, на выход.

Паша Бургазов хорош был тем, что был маленьким, плотным и подвижным. Такому в бою удобно: ноги не торчат, руки куда не надо не высовываются. И реакция у него получше. Да и спорить не будет, не то что Орлов, который вначале гундосит, а потом уже делает дело. Правда, и чутьё у него отменное, однако решение было принято. Хуже не будет, подумал Игорь, хуже будет, если Олег Вепрев пойдёт. Но заме-

ститителя надо оставить, мало ли что.

Он открыл карту и посветил фонариком. Герман Орлов ещё громче задышал в затылок:

– Правильное решение, командир, правильное.

– Правильное будет, если мы не ошибёмся. Вот котельная и пятая школа, а потом – насыпь.

– Всё равно правильное, – с лукавством сказал Герман Орлов.

– Заткнись, – посоветовал Игорь, а сам подумал, что четвёртая спичка окажется роковой. Но поди угадай, в каком случае: или идти до конца, или нарваться здесь.

Четвёртая спичка сделалась чуть ли перстом судьбы! А судьбу, как известно, не обманешь.

– Я бы на месте чичей на насыпи засаду устроил, – сказал Герман Орлов, заглядывая в карту.

– Не учи учёного.

Игорь подумал, что засады на всю железную дорогу не посадишь, у духов людей не хватит, хотя их здесь тысячи две точно. Скорее всего, они караулят у моста. Упадут, как снег на голову. Запыхавшись, прибежал Паша Бургазов:

– Я готов!

Место действительно было крайне неудобным. Позади многоэтажки, впереди котельная, а за котельной железнодорожные пути. Яшкин мост бы я охранял, снова подумал Игорь. Под мостом удобно просочиться. А мы не пойдём под мостом, вдруг понял он, а если получится – вдоль насыпи,

а там видно будет. Если моджахеды нас ждут, то не здесь, а в микрорайоне на улице Мира, где удобно передвигаться вдоль «китайской стены». Они тоже смотрят на карту. Только не ясно, есть ли у них линия подземных коммуникаций. Наверняка есть, ведь они готовились не один день.

– Командир... – нагло сказал Герман Орлов, всем своим видом полагая, что достаточно натерпелся несправедливости, что Игорь всё-таки войдет в его положение и возьмёт с собой.

– Иди ты в пень, – беззлобно ответил Игорь, отвернув микрофон в сторону. – Держи лучше, – и, глянув другу в глаза, не обидел ли, отдал ему кассету со «шмелём-м» и РПГ-7. – Если что, знаешь, что делать.

– Ёпст! – обрадовался Герман Орлов. – Вот это разговор! – Он понял, что ему доверено прикрывать друга.

Алексей Ногинский уже ждал под люком. Сверху струилась дневной свет и тянуло свежим воздухом. Было тихо. Вдалеке, как всегда, обыденно стреляли. Ни музыки тебе, ни фанфар, вдруг подумал Игорь, убьют, и никто не вспомнит, разве что свои. И всё-таки его тревожила четвёртая спичка: прав я или не прав? Перст это или не перст, а если перст, то куда указывает?

– Севостьянихину надо доложить, – напомнил Олег Вепрев, вопросительно глядя на Игоря.

– А вдруг нас слушают? – Игорь подумал, что они в спешке не разработали план «б».

– Всё равно надо, – убеждённо сказал Олег Вепрев, намекая, что духи не настолько умны, что этой опасностью можно пренебречь.

– Доложишь, что мы идём по плану «б».

– А если он спросит?..

– Скажи по плану «б», и всё! – разозлился Игорь. – Что тебя, учить, что ли?!

Он вдруг понял, почему злится Вепрев: завод у него кончился, устал человек и не может принимать верные решения, вот и путается в простой обстановке, хотя и держится. Пересидели в командировке все мыслимые и немыслимые сроки. А что та «смена»? Наверное, уже легла под «стеной» костями.

– Давай!

Паша Бургазов полез первым. Был он похож на старую машинку «Зингер» – сколько её ни эксплуатируй, а она всё, как новенькая, шьёт и шьёт себе. Так и Паша тянул и тянул армейскую лямку и никогда ни на что не жаловался: ни на офицерское общежитие, ни на урезанное довольствие, ни на «палёнку» в гарнизонном магазине под Ярославлем, которую всучивали по ВИП-ценам. О нём давно забыли. Есть такая политика: не повышать и не награждать, словно нет человека. Однако это неправильно, как неправильно выставлять на границу такой маленький отряд. Вроде как разведка не работала и никто ничего не знал о готовящемся прорыве. И вдруг в тот момент, когда Паша Бургазов мелькнул и про-

пал на фоне яркого неба, Игорь почувствовал, что они обречены. Мысль была настолько чёткая и ясная, что он испугался. Никогда у него не было откровения, а здесь возьми да приди. Неужели всё из-за четвёртой спички? – подумал он.

– Ладно, – хлопнул он по плечу Германа, – не злись, – и больше ничего не добавил, хотя хотел, но что путного скажешь в такой ситуации – ничего, а к сантиментам они не привыкли, не были у них сантименты в ходу. Скорее, они были в меру грубы и циничны, но это была форма самозащиты, иначе не выживешь, как не выживешь без водки.

Он полез следом за Бургазовым. Паша Бургазов лежал в ближайших кустах и, как положено, держал под прицелом дорогу и насыпь. Только если бы на насыпи была засада, то им не продержаться и тридцати секунд. Игорь перекатился чуть правее и сориентировался. Карта оказалась неверной: на самом деле выход из туннеля оказался с левой стороны дороги, которая ныряла под Яшкин мост, стало быть, пересекать её не было нужды. И это было большим плюсом и маленькой удачей, такой удачей, которая могла спасти кому-то жизнь. Вот тебе и четвёртая спичка, подумал Игорь и пополз в сторону котельной. Перед ним стеной стояли лебеда и татарник. А за этими зарослями виднелся штакетник. Если духи здесь есть, то только в котельной, подумал он, стараясь не чихнуть из-за пыли, которую сам же и поднял. Левее в кустах, как барсук, шарахался Паша Бургазов. Он всё понял без команды. Молодец капитан, подумал Игорь. На таких ка-

питанах вся Россия держится.

Естественно, они не стали приближаться со стороны фасада. А дверь, на их счастье, оказалась в торце здания. Игорь потянул её на себя, ожидая чего угодно: взрыва, стрельбы или окрика на предмет пароля, но ничего не произошло, и ужом проскользнул внутрь, откатившись в ближайший угол. Перед ним тянулись трубы. Свет падал из больших окон, прямо на второй этаж убегала железная лестница, но самое главное, было тихо и даже чуть-чуть сонно, как бывает сонно в покинутых помещениях.

Следом в котельную проскользнул Паша и забился куда-то под трубы. С минуту они слушали тишину да считали ворон, пролетающих мимо окон. Если кто-то и затаился наверху, то он или очень умён, или очень перепуган. Обычно в таких зданиях на втором этаже размещались мастерская и помещение для персонала.

Игорь показал Паше Бургазову, что пошёл наверх и чтобы он его страховал. Вряд ли это было самое хорошее решение, но прежде чем вызывать своих, надо было проверить котельную снизу доверху. В тот момент, когда Игорь поднимался по первому пролёту, он был наиболее уязвим, но ничего не произошло. То ли духи не успели, то ли проворонили. Он в два прыжка влетел на второй этаж и понял, что здесь никого нет: в ярком солнечном свете мирно плавали пылинки и пахло солидолом и железом – в общем, так, как пахнет в любой мастерской.

– Паша, вызывай наших, – сказал он и, как показалось ему, прислонился к пожарному ящику с песком.

За пожарным ящиком было окно, а за окном – та самая железнодорожная насыпь. Следующие события он помнил фрагментарно. Во-первых, форточка от сквозняка закрылась сама по себе, во-вторых, он всё же краем глаза увидел, как мимо подоконника что-то промелькнуло, и не успел удивиться. А в-третьих, его словно ударило мешком с цементом и отбросило на перила, но он даже не ощутил боли и если и потерял сознание, то на короткие две-три секунды, потому что сразу попытался подняться, но не смог опереться на левую руку. Тогда он подтянулся правой рукой и сел. Автомат валялся рядом, и Игорь несколько мгновений бессмысленно смотрел на него, вспоминая, для чего он нужен. К нему стал возвращаться слух. В правом же ухе поселилась большая ватная подушка. Да я же ранен, сообразил он и полез в верхний карман за промедолом. Несколько раз у него не получалось, потом он всё же достал шприц. Надо было сделать укол до того, как придёт боль. От боли можно было потерять сознание. Три года назад его ранило под Кизляром, он знал, что нужно делать, к тому же он, как и любой боец, мысленно тренировался и готов был к таким ситуациям. Главное было выиграть время.

Прибежал Паша Бургазов и, совсем как мама, когда Игорь заболел, стал причитать, всплескивая руками:

– Да что ж такое, да куда это годится!

– Паша, – сказал Игорь, не слыша своего голоса. – Что-то взорвалось в ящике. Промедол я себе ввёл. Не вздумай, если я потеряю сознание, колоть меня ещё раз, а то я дуба врежу.

Паша схватился за голову и исчез, зато возникли Олег Вепрев и Герман Орлов.

– Ёпст! – высказался Орлов коротко и ясно.

Олег Вепрев, который был по совместительству врачом, спросил:

– Тебе больно?

– Нет, мне хорошо, – ответил Игорь, впервые почувствовал, что у него не всё в порядке с лицом. Было такое ощущение, что он попал под удар боксёра-тяжеловеса.

Но Олег Вепрев сварливо сказал:

– Не трогай!

И стал возиться с раной.

Котельная действительно оказалась пустой. Только за трубой висела растяжка. Её-то торжественно и продемонстрировал Герман Орлов.

– Не в ящике, – авторитетно сказал Олег Вепрев, зачем-то доставая кривую иглу.

Шить будет, сообразил Игорь. А ещё он понял, если бы в ящике, то рана была бы сильно загрязнена. Хоть в этом повезло.

– А-а-а... – отозвался он.

Собственно, ему было всё равно. Странное спокойствие охватило его. Но он знал, что стоит ему собраться с силами,

как всё вернётся на круги своя. Пять минут можно почувствовать себя расслабленным.

Герман Орлов сказал:

– А за трубой, в стакане была закреплена РГД-5. Ты чего-то коснулся, дыхнул не в ту сторону, что ли, стакан упал, и взорвалось. Основной заряд в трубу и окно ушёл. Так что тебе повезло. Да и «бронник» с воротником спас. Если бы не воротник, шею бы разворотило.

– Хорошо повезло, – иронично заметил Олег Вепрев.

Игорь языком потрогал щеку справа. Не было щеки – одна сплошная дыра и раскрошенные зубы.

– Убери язык! – приказал Олег Вепрев и сделал ему укол куда-то в челюсть.

У Игоря было такое ощущение, что игла разрывает сухую, скрипучую материю. Олег Вепрев стал чистить рану. Это было очень неприятно, словно тебя дёргали пилой, и в голове всякий раз что-то дёргалось, а отдавалось в пятке. Он старался не думать о боли, а вспоминал Божену, как они познакомились, и как он первый раз взял её за руку. Рука была холодной и чужой. Потом он привык к её рукам, и они сделались родными, и он уже не мог обходиться без них, но самый первый момент, наполненный удивлением и чувствами, он хорошо запомнил. Поэтому он об этом и думал, пока Герман Орлов не сказал, стараясь ему помочь:

– Могло взорваться от дуновения ветра.

– Сквозняк был, – сказал Игорь. – Что с лицом?

Он чувствовал, что говорит вяло, не как обычно, потому что челюстью нельзя было сильно двигать.

– Кожу осколками посекло, – в обычной своей манере, абсолютно недипломатично сообщил Герман Орлов.

По выражению его лица Игорь понял, что посекло прилично, что Герман Орлов его ещё жалеет.

– Ерунда, – сказал Олег Вепрев, выдёргивая зуб, который держался на честном слове, – главное, что глаз цел, а остальное зарастёт.

– А с рукой?

– С рукой ничего. Нормальная рука, – деловито сказал Олег Вепрев, вдевая нитку в иголку и делая первый стежок.

Игорь закрыл глаза и, чтобы отвлечься, осторожно пошевелил левой рукой. К его удивлению, она была в норме, то есть её можно было без усилия поднять и даже пошевелить пальцами, только онемело плечо. Потом он снова начал думать о Божене, как у них здорово всё вышло. Ну да теперь уже всё равно, решил он.

Герман Орлов забубнил:

– Я бы тоже влез в такую ловушку. С каждым бывает. А сквозняк не угадаешь.

Игорь сжал кулак.

– Не дёргайся, мешаешь, – сказал Олег Вепрев. – А руку ты просто сильно ударил.

Несколько минут они молчали. Прибежал Юра Драганов, посмотрел и убежал. Затем явился Алексей Ногинский и то-

же убежал. Мешали сосредоточиться. Олег Вепрев сделал ещё один укол и стал бинтовать. Бинт у него было особый – коричневым, чтобы не демаскировал.

– Ты мне глаз-то не закрывай, – попросил Игорь.

– А ты сможешь?

– Чего?

– Дальше идти?

– Думаю, что смогу. Промедол есть. Боли я не чувствую.

Так что заканчивай, и вперёд, а то ещё духи прибегут на взрыв.

– Не прибегут, – авторитетно заявил Герман Орлов. – Взрыв в помещении, да ещё и насыпь заглушила. К тому же...

– Что «к тому же»? – повернул он чуть голову.

– Да бой там впереди. Похоже, на станции. Так что чехам не до нас.

– Всё, – Олег Вепрев отступил на шаг, любуясь на дело своих рук. – Не обессудь, вышло, как получилось, чуть грубовато, зато через пару дней, если, конечно, не будет заражения, заживёт, как на собаке. Я тебе таблетку антибиотика вшил. Грубо, но со вкусом.

– Спасибо, Олег, – сказал Игорь, поднимаясь.

Его качнуло, и он ухватился за перила, стараясь как можно быстрее привыкнуть к своему новому положению. Потом взял автомат, проверил его, и они побежали вниз. Он старался ступать мягче, чтобы не отдавалось в голове, но, к его

удивлению, чувствовал он себя довольно сносно.

* * *

То, что им несказанно повезло, Игорь понял минут через пять, когда они беспрепятственно миновали метров двести вдоль насыпи. И похоже, четвёртая спичка была ни при чём: ну, предположим, вылезли бы мы в микрорайоне и всё равно пошли бы на звуки боя, но только со стороны железнодорожных путей. Так что неизвестно, что лучше. А лучше так, как получилось, решил он. И всё-таки у него осталось сомнение, правильно ли он поступил.

За спиной высилась громада Машука, слева тянулись пирамидальные тополя. Впереди шёл интенсивный бой. Должно быть, моджахеды оставили этот район, поэтому техникум за котельной оказался пуст. Лёва Аргаткин доложил, что в нём никого нет.

– А были? – любопытствовал Олег Вепрев, прислушиваясь к стрельбе.

– Были, – Лёва Аргаткин любезно сунул под нос Олегу Вепреву блошистую «душманку».

– Что это? – брезгливо отпрянул Олег Вепрев.

– Чтобы поверили.

– Ты бы ещё трусы притащил! – зареготал Герман Орлов и хлопнул себя по ляжкам.

– Мусульмане трусы не носят, – не без внутреннего тор-

жества пояснил Лёва Аргаткин.

– Иди, таракан, иди прочь от меня, – к удивлению Игоря, сдержанно посоветовал Олег Вепрев.

Они пробежали ещё немного, хоронясь за насыпью, поверх которой иногда посвистывали пули – откуда и куда непонятно, заскочили в башню от этих самых пуль и огляделись: в башне никто не бывал лет сто, везде строительный хлам и пыль, кошками пахнет.

– Во жарит кто-то, – с восхищением сказал Лёва Аргаткин, выглядывая в узкое, как бойница, окно, – как по нотам.

Действительно, в стрельбе пулемёта был какой-то ритм. Но Лёве Аргаткину всё равно не ответили, потому что спешили всё увидеть своими глазами, а пока работала разведка. Наконец Алексей Ногинский доложил, что духи штурмуют гостиницу «Южная», до которой по прямой было метров триста.

– Так, – Игорь сплюнул кровь и открыл карту.

Площадь в форме подковы охватывала одноэтажный вокзал. А гостиница имела то преимущество, что стояла, примыкая к вокзалу, а вокруг, кроме здания общежития техникума, больше серьёзных построек не было, а если и были, то с другой стороны площади и достаточно далеко от гостиницы, так что стрельба оттуда была бы неэффективной.

– Разбиваемся на три группы, – сказал Игорь, мотая головой, которая начинала тихонько болеть.

– А доложить? – напомнил Олег Вепрев, и на его физио-

номии отразились все его чаяния делать всё по правилам.

Ну не хотелось Игорю почему-то докладывать Севостьянихину именно сейчас. Не лежала у него душа к такого рода докладам, словно он что-то чувствовал, но не мог пока объяснить.

– Подождём, – ответил он не без некоторого колебания. – Если моджахеды нас действительно слушают, то потеряем эффект внезапности.

Он ощущал, что говорит медленнее обычного, и старался не лезть языком в правую часть рта, но не мог удержаться и каждый раз нащупывал острые края разбитых зубов.

– Это да, – очень умно кивнул Герман Орлов.

Олег Вепрев больше не стал настаивать, хотя видно было, что и в этот раз он не согласен с Игорем.

– Так, всё, – сказал Игорь, стараясь не отвлекаться от дела, – разбежались по местам. Как только возьмём здание, доложим Севостьянихину по факту.

– Так не делается, – напомнил Олег Вепрев, и нервозность, которая проистекала от него, сделалась ещё явственней.

Игорь пристально посмотрел на него и подумал: «Сколько можно искушать судьбу, однажды она тебя подведёт».

– Бережёного бог бережёт, – заключил он, стараясь объяснить этим всё, что он хотел сказать.

– А дурака даг стережёт, – не мог не ляпнуть Герман Орлов и тут же принял самый невинный вид.

Олег Вепрев только зубами заскрипел да покривился, но в бутылку по понятным причинам не полез: кто же любит оставаться в меньшинстве, к тому же спорить было не ко времени, хотя он понимал, что Севостьянихин ничем помочь не сможет, но оставался крохотный шанс, что в случае прихода помощи он направит удар именно сюда. У кого больше информации, тот и выигрывает – это азбучные истины боя. Однако Игорь Габелый ими почему-то пренебрёг.

– А вдруг наши ударят? – внаглую спросил он, словно никто ничего не понимал.

– В ближайшие полчаса всё равно ничего подобного не произойдёт, – сказал Игорь, – а потом самолично доложишь.

И Олег Вепрев вынужден был согласиться, хотя остался страшно недоволен, и, как всегда, нервно кривился:

– Как скажешь, командир.

На этом и порешили. Игорю выпало штурмовать правый фланг. В его группу вошли: Кирилл Жуков из Псковского РОВД, Паша Бургазов и Юра Драганов.

Семён Котляров, которого берегли как снайпера, пошёл в группе Олега Вепрева, которой предстояло ворваться в центр общежития. Лёву Аргаткина Игорь специально поставил под команду Германа Орлова, чтобы Олег Вепрев, если что, его не третировал, а Лёва Аргаткин сгоряча не совершил бы какой-нибудь сногшибательный подвиг, о котором загодя, должно быть, мечтал.

– Всё! – сказал Игорь. – Оружие проверить. Лишнее оста-

вить здесь.

И они выскочили из башни. До общежития было каких-нибудь метров восемьдесят. За кустами и деревьями они проскользнули незаметно.

* * *

Общежитие было п-образной формы, и, как всегда, повезло, конечно, Олегу Вепреву, потому что к его услугам были целое крыльцо и двери, Игорю же, как и Герману Орлову, предстояло проникнуть внутрь через окна. К тому же с правой стороны цоколь здания оказался высоким.

Разумеется, выбрали угловое окно, смотрящее во двор. Игорь, как самый высокий, нагнулся, на него вскарабкался маленький Паша Бургазов, заглянул внутрь и сказал:

– Всё нормально, открываю.

Посыпались стекла. Паша матюгнулся и прыгнул в окно. Следом вскарабкался Юра Драганов, а затем уже – Кирилл Жуков с пулемётом. То ли оттого, что Игорь стоял нагнувшись, то ли от напряжения, но у него снова пошла кровь во рту. Он сплюнул на землю и полез следом. Голова уже болела заметно сильнее, то ли наркоз прекращал действовать, то ли надо было элементарно отлежаться.

Комната, в которую попал Игорь, была пустой, если не считать кроватей, сдвинутых в угол. Юра Драганов уже был по другую сторону коридора и подавал оттуда знаки, что пу-

лемётчик в конце крыла и на этаж выше. Но и без этого было слышно, как он периодически даёт очереди. Нервным или даже очень нервным был пулемётчик, потому что Игорю показалось, что в ритмичности стрельбы угадывается какая-то мелодия. Так это ж «Forget me»⁵², понял он. Последний хит «Inextinguishable»⁵³. Признаться, он порой и сам напевал эту мелодию, которая цеплялась, как репей, на пару дней. Но ведь хорошая мелодия, простая и хорошая. Сволочи, подумал Игорь, чужие песни поют. Псих, точно, псих. С какой стати чеху петь английские песни? Под эти мысли он выскочил в коридор. Справа были окна, слева двери в комнаты, и за каждой притаилось по духу.

Игорь достал ПСС и передёрнул затвор. С его длинными пальцами ему было легко обращаться с этим оружием. Однажды в Кизляре до того, как его ранило, этот пистолет спас ему жизнь в ближнем бою. Тогда он в переулке нос к носу столкнулся с боевиками. Самое странное, что никто из своих ничего не понял и не услышал, хотя они во главе с Германом Орловым сидели за забором в засаде. Четыре раза дёрнулся затвор, четыре тела упали на землю, и всё: глухой металлический звук, разносящийся не более чем на три метра. Кто раньше не слышал, тот не разберёт. Потом уже, после боя, он рассказал, что уложил четверых, все удивились и поверили, чего только на войне не бывает. А он с тех пор доверял

---

⁵² Забудь меня (англ.).

⁵³ Неугасимых (англ.).

этому оружию. Хорошее было оружие – надёжное и простое, а главное – мощное.

Они не стали досматривать каждую комнату – времени не было. Вот-вот должна была начаться стрельба, и надо было успеть захватить «свою» часть здания, хотя оставлять за спиной потенциальную угрозу было непростительно и даже глупо. В тот момент, когда они уже прошли почти всё крыло, за спиной у Игоря раздался скрип открываемой двери, и он, оглянувшись, поднял пистолет и выстрелил в боевика, который стоял на пороге и изумлённо пялился на не менее изумлённого Пашу Бургазова, который не то чтобы растерялся, а просто не успел бы выстрелить, потому что оружие у него направлено было совсем в другую сторону. Тяжёлая пуля пробила дверной косяк и разнесла боевику голову, как камень арбуз. Горячая гильза отлетела прочь, это был почти единственный реальный звук в наступившей тишине.

У Паши Бургазова отвисла челюсть.

– Ну что ты! Что ты! – крикнул Игорь и выругался, чтобы Паша быстрее пришёл в себя.

Ведь он просто обязан был следить за дверьми, а не глазеть в окна. Ну да, конечно, там стрелял «музыкант», но это ещё не повод, чтобы потерять бдительность.

В общем, Паша Бургазов, обляпанный кровью с ног до головы, дал маху. И хотя он побелел, как полотно, но сумел найти в себе силы и сунулся в ту комнату, откуда появился боевик, и даже вернулся из неё торжествующий с пулемётом

ПКП в руках и парой коробок с лентами.

– Пошли! – нервно сказал Игорь, не обращая внимания на радостное лицо Паши Бургазова, который потрясал трофеем.

Они побежали за Юрой Драгановым и Кириллом Жуковым, которые ушли вперёд. На их счастье, в общежитии была слышна только стрельба моджахедов. Значит, ни Герман Орлов, ни Олег Вепрев себя ещё не проявили, значит, они пока тоже зачищают первые этажи. Однако надо было спешить. «Музыкант», как назвал пулемётчика для себя Игорь, сменил ленту и снова принялся за свои трели. Теперь ритм «Forget me» с тремя аккордами стал даже отчётливей.

Юра Драганов ждал их на втором этаже. Откуда-то дальше по коридору доносилось:

– Do you hear me?⁵⁴

Юра показал пальцем: в комнате наискосок заливался «музыкант».

– We're at the «South» stuck⁵⁵.

Однако Игоря ещё ничего не насторожило, он только чувствовал, что времени у них в обрез. Дверь была распахнута, он заглянул в щёлочку и увидел, что их двое: чечен сидел, тупо уставившись в пол, и курил «косяк», второй – славянин – высокий, жилистый и натасканный, как фокстерьер, стрелял, выставив в дыру в стене ствол пулемёта. Когда он нажи-

---

⁵⁴ Слышишь меня? (англ.)

⁵⁵ Мы у «Южной» застряли (англ.).

мал на гашетку, то чувствовалось, что он силён и что находится в своей лучшей физической форме, потому что двигал достаточно инерционным в стрельбе ПКП, как спичкой. Такому легко в горах и в долгих переходах, такой считается профессионалом, и такого очень сложно уничтожить. Куртка на спине у него даже не промокла, и разговор с ним должен быть короткий.

Игорь показал жестом, чтобы ему прикрывали спину. Паша Бургазов всё понял и приготовился. Игорь, не зная сам, почему-то дал довести «музыканту» мелодию до слов «without me you're like a bird without wings»⁵⁶, шагнул в комнату и выстрелил «музыканту» в спину там, где было сердце. Похоже, что «музыкант» даже не понял, откуда пришла смерть. Колени у него подогнулись. Пулемёт заглушил короткий крик, и ствол задрало вверх. Второй, с косяком, прежде чем умереть, сильно испугался, по его лицу пробежала судорога, он дёрнулся за автоматом, который лежал рядом, но даже не успел дотронуться. Пуля попала ему в лоб, и кровь забрызгала стену. Две гильзы под аккомпанемент стрельбы откатились в угол. «Музыкант», навалившись, продолжал палить, но уже куда-то в небо и, естественно, на одной ноте, словно ему наконец изменил слух.

Из соседней комнаты они тотчас услышали голос связиста:

– Fight conduct! Be always in touch. Hey, John, why is it bad

---

⁵⁶ «и без меня ты, как птица без крыльев» (англ.).

shooting?⁵⁷ – Связист обернулся, но слишком поздно: Юра Драганов прикладом размозжил ему голову и едва не угодил под пулю со стороны гостиницы «Южная», присел и выругался матом.

Должно быть, в гостинице напротив заметили что-то необычное и усилили огонь, хотя до этого стрелял всего лишь один снайпер, да порой отзывался пулемёт.

За время, пока Игорь со своей группой добрался до второго этажа, снайпер сменил три позиции. То ли его рука дрогнула, то ли рок отвёл пулю, только черкнула она стенку рядом с головой Юры Драганова, и он аж схватился за неё:

– Ох! – и побелел, но юмора не утратил: – Думал, кранты, – признался он, ощупывая макушку.

Густые усы его смешно топорщились, как у заправского старшины. «Быть ему артистом, если не убьют раньше», – подумал Игорь, констатируя сам факт мысли, а не её содержание, потому что в бою время то бежало, как сумасшедшее, то застывало, словно в ступоре. И не было этому объяснения, как не было объяснения везению или неудаче.

– Да нет там ничего, нет, – успокоил он Юру Драганова, даже не взглянув, потому что если бы что-то было, то Юра уже не разговаривал бы.

И время вдруг сдвинулось рывком, потому что по коридору уже бежали свои, и он понял, что пропустил какую-то

---

⁵⁷ Бой ведём! Будь постоянно на связи. Эй, Джон, почему плохо стреляешь? (англ.)

часть событий. Уже всюду базил Герман Орлов, уже гневно сверкал глазами Олег Вепрев, а Лёва Аргаткин стал рассказывать, что самолично уложил троих. Но это оказалось неважным, хотя Герман Орлов подтвердил:

– Точно троих.

А важным оказалось следующее:

– Ёпст!!! Я ещё такого не видел, – вполголоса пожаловался Герман Орлов, – пятеро белых, остальные даги и арабы.

– И у нас, – сказал Игорь, вспомнив лицо пулемётчика.

Тут его словно что-то толкнуло в бок, и он начал соображать. Через мгновение второй этаж был очищен. Олег Вепрев уже орудовал на третьем. Игорь со своими ворвались по правому флангу, вырвал кольцо и бросил гранату в крайнюю комнату, откуда слышалась стрельба. Взрывом вышибло дверь, и кто-то заорал так, словно ему пилили ногу, и тут же, булькнув, затих. Кирилл Журавлев на ходу дал внутрь очередь из пулемёта: «Тр-р-рум-м...» – и опасно проскочил дальше. Но Игорь этого уже не видел, потому что Юра Драганов занимался следующей комнатой, а где-то впереди мелькнул Паша Бургазов. Почему один?! – со злостью подумал Игорь и рванул к нему. Рядом что-то пыхнуло в раненое ухо: «Пух-х-х!!!» – как будто зажглась газовая горелка, только очень большая. Игоря сбilo с ног, он покатился по полу и, не обращая внимания на боль в ране, расстрелял дверь, из-за которой пыхнуло, сменил рожок и отполз за колонну наискосок, потому что Паша Бургазов никак не мог подавить

огонь из комнаты справа, пятой или шестой по счёту. «Тр-р-рум-м... тр-р-рум-м... тр-р-рум-м...» – бил ручной пулемёт, не давая приблизиться. Пули рикошетили так, что в коридоре негде было укрыться. Из-за пыли было плохо видно, где противник, а единственное мёртвое пространство сразу за дверью занимал Паша Бургазов. Глаза у него были испуганными, и он всё не решался закатить в комнату гранату, хотя держал её в левой руке. Надо было улучшить момент. В такого рода делах подсказчик не нужен, знал по собственному опыту Игорь, ибо только ты сам ощущаешь, когда сможешь сделать это. Паша, однако, медлил, и приходилось ждать. Уже где-то рядом кричали и топали свои. Игорю казалось, что он даже различает тяжёлые шаги Германа Орлова, а пулемётчик все никак не мог успокоиться: даст очередь из пяти пуль и замолчит, даст и снова замолчит, видно, прикидывал, как половчее сбежать. В свою очередь, Игорь тоже «держал» его, стреляя так, что пули влетали через дверь в верхний угол комнаты.

Наконец последняя очередь боевика оказалась самой короткой, Паша Бургазов не очень-то ловко кинул гранату, а Игорь прикрыл его, изрядно изрешетив простенок левее – так чтобы не задеть Пашу. Но и сам Паша знал своё дело: не откатился дальше, чем положено, потому что, выстрелил пулемётчик, и его тут же бы и зацепило, а сжался в комок, благо, что руки и ноги у него короткие. Граната взорвалась. От ударной волны Игорь ощутил, что рана на лице у него

ещё не зажила, и всё было кончено, наступила тишина. Третий этаж как-то враз наполнился своими. Особенно громогласным было Герман Орлов: «Ёпст! Гы-гы-гы!!! Ёпст! Гы-гы-гы!!!»

Игорь помог Паше Бургазову подняться, оказалось, что он всё же легко ранен в ногу, и заглянул в комнату. Тот, кто их чуть не убил, лежал, заваленный койкой, нехитрой общежитской мебелью и тряпками. Игорь откинул штору. Это был не чича. Да и вряд ли чича отстреливался бы с таким ожесточением, а скорее бы сбежал. Это был европеец. Осколки попали ему в голову, и кровь разливалась тёмным пятном. А вот если бы сидел, подумал Игорь, то мучился бы дольше.

Вот тогда-то Игорь удивился ещё сильнее, поняв наконец, что чечены разговаривали по-английски, а главное – выглядят, как европейцы, по крайней мере, связист и «музыкант». И пока очищали третий этаж, вернулся к «музыканту» и обыскал его. Самое интересное, что, в отличие от чичей, у которых были документы на арабском языке, «музыкант» при себе ничего не имел. Не было абсолютно ничего, что бы указывало на его национальность, – даже наколки. Значит, не наш, решил Игорь, наш бы точно отметился в этом плане, как за ними ни следи. Любит спецназ наколки. Только те, кто думал о будущем, таких наколок не делали, потому что сразу становились негодными для операций за рубежом. В России куда ещё ни шло, но за границей нужны были люди без имени и прошлого. На то, что «музыкант» не славянин,

указывало ещё и то, что во рту не было одной коронки и все зубы запломбированы полимером. Одежда из чёрного «номекса». Но поди разберись, что это значит? Сейчас каждый второй уважающий себя боевик одет в «номекс», потому что очень удобно: одежда не горит, не плавится и не намокает, но при этом «дышит» и сохраняет тепло. Только на груди под лямкой Игорь обнаружил значок об окончании парашютных курсов: парашют с двумя крылышками и никакой надписи. Был ещё у «музыканта» пистолет «глок-17», а в ближайшем углу валялось более экзотическое оружие – боевой дробовик «спас-15», и всё. Над этими фактами стоило задуматься.

Нехорошее предчувствие посетило Игоря, он взял значок, оружие и подался искать Олега Вепрева, потому Олег должен был знать, что это значит, хотя и так было ясно – влипли они, по-крупному влипли. Может быть, ещё не влипли, но влипнуть могли. Игорь, однако, до поры до времени гнал эту мысль: одно дело воевать с плохо обученными чеченами, а другое – схватиться со спецназом. Если это англичанин, то в ближайшие полчаса нам мало не покажется.

Олег Вепрев повертел значок, скептически посмотрел на итальянский дробовик и сказал:

– Ты прав, брат, это спецназ, только чей, непонятно. Похож на САС. «Дикие гуси», одним словом.

– И я о том же, – мрачно сказал Игорь. – Сейчас они очухаются, проведут разведку, поймут, что нас с гулькин нос, и мама не горюй. Уходить надо.

У него появилось такое ощущение, что четвёртая спичка всё-таки сработала, что, зайдя он к гостинице с другой стороны, столкнулись бы не со спецназом, а с чичами – хотя хрен редьки не слаще. Чичи тоже умеют воевать. Не те, которые окружили «Интурист», а те, кто обучен.

– Да ладно... – не поверил Герман Орлов, который до этого молчал. – Не может быть, что же, получается, англичане против нас воюют?

На него посмотрели как на полного и неизлечимого идиота.

– Да сейчас каждый спецназовец в частном порядке может воевать на стороне любого государства, – сказал Олег Вепрев, словно Герман Орлов был в чём-то виноват.

– А кто сказал, что он англичанин, он может и американцем, и немцем быть, – не моргнув глазом, возразил Герман Орлов. – Мы, кстати, нашли пакистанские эмблемы.

– Уходить надо, – ещё раз сказал Игорь. – Не продержимся, – и крикнул: – Драганова ко мне!

Но им под аккомпанемент редких выстрелов уже кричали из гостиницы:

– Эй! Свои, что ли?!

И не верили в счастье, в то счастье, которое выпадает раз в жизни, потому что это пропуск в светлую будущую жизнь, которой живёт вся большая страна, и ты тоже будешь жить этой жизнью, если, конечно, выберешься отсюда. Не понимают они ещё, что это, быть может, начало большой войны,

подумал Игорь и попытался избавиться от этой мысли. Тревожная была мысль, не предвещающая ничего хорошего в ближайшем будущем.

– Свои! – ответили им. – Не бойтесь!

– Слава богу! А то, думали, гранты! – орали радостно, чуть ли не срывая голосовые связки, и конечно же, из любопытства высунулись во все окна.

Игорю показалось, что их дюже много, вот чичи их и не взяли.

– Юра Драганов, остаёшься за старшего, – приказал он. – Займи оборону и пошли троих с пулемётом в техникум, а мы посмотрим, кто там. Главное растянись пошире, пулемёты на фланги.

– Есть занять оборону и пулемёты на фланги, – заученно повторил Юра Драганов.

– Прикажи собрать всё оружие.

Зря он это говорил. Юра Драганов знал своё дело не хуже его самого. Всё он сделает: и оружие раздаст, и наметит секторы обстрела. А самое главное – прекратит шмон убитых, хотя это дело святое: очистить карманы на предмет всего ценного и пригодного в бою.

– А мы пойдём узнаем, что к чему, а потом решим, что делать, – сказал Олег Вепрев.

Ох, подумал Игорь, твоими устами да мёд бы пить. Вепрев ему всегда нравился, за исключением тех случаев, когда злился. А ещё он умел сохранять хладнокровие даже в самых

тяжёлых ситуациях, хотя держался исключительно на одних нервах. Вот и сейчас он даже вида не подал, что дело дрянь, потому что на войне всегда так: сейчас – дрянь, а через пять минут пришли наши, вот как сейчас, и тебя выручили. Главное, ни о чём плохом не думать, авось, пронесёт. На войне авось значит очень многое.

Своими оказалась группа Киренкина из Кисловодска.

– А вы как здесь?.. – удивился Олег Вепрев, когда они втроём перебежками преодолели расстояние до гостиницы и ввалились внутрь.

– Ёпст! Гы-гы-гы!!! – уже шумел Герман Орлов, облапав Киренкина, под началом которого когда-то служил.

Киренкина, которого Игорь видел всего пару раз, трудно было узнать: почернел он и осунулся, как перед смертью. Не человек, а пугало огородное. Сделался словно невесомым, в глазах у него стояли самые настоящие слёзы. Видел Игорь и такое: готов был, видно, Киренкин умереть в этой гостинице, ан нет, явилась судьба в виде спецназа. Какие уж здесь слёзы? Однако не сдержался Киренкин, дал себе слабину. Да и с кем не бывает. А ведь это только начало большой войны, и хлебнем мы по полной, подумал Игорь, и по спине у него пробежали мурашки. Хотел сообщить о своём открытии, да передумал: у людей и так крыша едет, а здесь я со своими догадками, может, всё обойдётся, может, никакой войны не будет, может, мне показалось сдуру.

– Братцы... – у Киренкина сел голос. – Мы... мы... – он

задохнулся, не найдя слов, – да... – только махнул рукой.

– Ладно, мужик, чего ты?! – обнял его Олег Вепрев. – Ещё детей твоих крестить будем. Пошли домой!

– А где наш дом? – со слезами в голосе спросил Киренкин, вытирая щёки.

– У Севостьянихина, – со странным значением в голосе сказал Герман Орлов.

Игорь посмотрел на него с удивлением: любит Орлов навести тень на плетень. Какой же там дом? И вдруг понял, что действительно дом, что нет ничего роднее гостиницы «Интурист», потому что они к ней привыкли, потому прикипели, как к пяточку российской земли.

– А-а-а... – только и сказал Киренкин, потому что, как понял Игорь, думал, что речь шла о разблокировании «стены».

– Ничего, ничего, – добавил Игорь, – там лучше, чем здесь.

Чтобы сгладить ситуацию, он протянул Киренкину свой заветный «чай», который готовила Божена. Казалось, он ещё пах её руками. Влил в себя Киренкин не меньше полбутылки и только тогда очухался:

– Вода есть? – спросил он абсолютно командирским тоном, и когда ему дали две фляжки, обернулся и передал сержанту: – Отнеси в подвал.

– Много вас? – спросил Герман Орлов.

– Сорок два человека, половина раненых. Трое тяжело. Мы бы до вас дошли, да, видишь, споткнулись. – Он мотнул

головой туда, в сторону подковообразной площади, по другую сторону которой прятались боевики.

И стало ясно даже без подробностей, что отряд Киренкина использовал железную дорогу, которая и привела их в Пятигорск.

– На дизеле ушли. В Ессентуках нас сбили. Слишком много раненых, – сказал Киренкин, понимая, что подробно рассказывать нет времени.

Одно понял Игорь, запутали они моджахедов, обвели вокруг пальца, поэтому и остались живы. Ждали их где угодно, но только не в Пятигорске, в самом пекле.

– А рация? – спросил Игорь просто для того, чтобы прояснить ситуацию.

– Какая рация! – махнул Киренкин.

И стало ясно, что хлебнули они с избытком, что ничего подобного никому не пожелаешь, потому что это всё, что осталось от двух батальонов.

– Собираемся и уходим! – сказал Игорь.

Словно в подтверждение его слов, на площади раздалась пулемётная очередь, и все бросились к окнам. Игорь заметил, что двое бойцов, которые были с Киренкиным, вмиг куда-то пропали, а через мгновение гостиница ощерилась огнём. Били из двух точек: из высокого здания на краю улицы Октябрьской, где над крышами темнел купол Михайловской церкви, и со стороны «зелёнки», с другой стороны площади. «Зелёнка» была неопасна, «зелёнка» была далеко, а

Октябрьская – рядом, через квартал. Одно то, что стреляли синхронно, говорило о том, что боевики очухались и предприняли ответные действия. Было бы странно, если бы этого не произошло, подумал Игорь, прячась за колонну. Но стреляли недолго, словно бы для проверки бдительности, и самих боевиков видно не было.

Бойцы Киренкина недаром растворились, как привидения: за первый этаж держались, как за зеницу ока, потому что если бы духи прорвались, то получилось бы, как в Сталинграде – слоёный пирог со всеми вытекающими из этого последствиями, как то: отравляющими газами, или боевики просто подорвали бы несущие стены. Поэтому хотя первый этаж и был разнесён вдребезги, и бойцов не было видно, это ещё не значило, что их нет, просто они научились воевать на собственной шкуре.

– Мамырин! – крикнул Киренкин.

И тотчас, словно из-под земли, явился высокий, сутулый прапорщик с преданными, как у эрделя, глазами.

– Григорий Борисович, так разве успеем?! – развёл он руками, протестуя против того, что его оторвали от любимого пулемёта.

Он тоже выглядел смертельно усталым и, похоже, держался исключительно на силе воли.

– У нас тридцать минут! Всех раненых – за общежитие. Старший прапорщик покажет!

– Давай! – скомандовал Герман Орлов. – Давай живее! –

и оглянулся на Игоря, словно спрашивая: «Разве это главное для меня? Я в другом деле пригожусь!»

Но Игорь сделал вид, что не понял Германа Орлова:

– Выполняй приказ, прапорщик! Сейчас главное вынести раненых.

– Ладно, – вовсе не по-уставному ответил Герман Орлов. – Я же говорил, что мы, как в Брестской крепости. Но я тотчас вернусь! – заявил он в своей обычной нагловатой манере.

Игорь пожал плечами, давая понять, что этот вопрос чисто риторический: вернёшься – хорошо, не вернёшься – тоже неплохо, главное – руки развязать. – Ну а теперь самое время сообщить Севостьянихину обстановку, – сказал он Олегу Вепреву.

Судя по аппаратуре духов, его опасения подтвердились – слушали их духи и мотали на ус, только в этот раз ничего не поняли – слишком неожиданно они свалились им на голову. Так что получилось, что Игорь прав оказался. Но кому сейчас что докажешь? Да и надо ли доказывать? Обошлось, ну и слава богу. Игорь только лишний раз убедился, что интуиция его не подвела и что русский авось сработал.

Боль сделалась почти невыносимой, и он полез за промедолом. Были у него в запасе ещё пара шприцов.

* * *

Боевики не дали себя одурачить: начали атаку задолго ещё

до того, как вынесли последнего раненого. Обнаружили, видать, передвижение и стали планомерно затягивать петлю, но до железнодорожной насыпи в спешке не добрались. Предусмотрительный Олег Вепрев посадил на ней Виктора Максимова с тем, чтобы он не дал боевикам хотя бы в течение пятнадцати минут зайти в тыл.

– Если они оседлают дорогу, то нам кранты, – сказал он для остротки.

Кирилла Жукова сунул в башню, хотя сектор был слеповат, однако давал возможность вести фланирующий огонь, если боевики пойдут вдоль опять же всё той же насыпи, потому что насыпь была самым слабым местом. А ещё одного пулемётчика – Лёву Аргаткина – поставил в здании железнодорожного вокзала. Если бы Игорь увидел это, он бы решил, что Олег Вепрев сводит с Лёвой счёты, настолько позиция, с одной стороны, была неудачной, практически слепой, а с другой – необходимой, потому что правый фланг всё равно надо было защищать, и в этом смысле она, разумеется, была и проигрышной, и промежуточной одновременно. К чести Олега Вепрева, он самолично разместил ещё две позиции за спиной Лёвы Аргаткина, дав ему возможность перебежать на них, но чисто теоретически, потому что стоило боевикам прорваться в центре, как Лёва Аргаткин оказался бы отрезанным от своих, и тогда ему один путь – в центр города, если, конечно, он правильно, а самое главное, своевременно оценит ситуацию. Но это была эфемерная надежда, пото-

му что надо было дожидаться, когда всех раненых опустят в туннель. Теперь всё зависело только от Германа Орлова, насколько быстро он сработает.

– Жди сигнала, – приказал Олег Вепрев. – Жди!

И Лёва Аргаткин согласно кивнул, потому что верил в свою судьбу и знал, что умрёт не сегодня и даже не завтра. Было у него такое святое чувство: перед смертью повидать любимый север и ещё хотя бы раз сходить на Рыбачий, где ловились огромные камчатские крабы и пикша. Пикшу он коптил прямо на берегу и подбрасывал в костёр для аромата смолистые веточки можжевельника, а крабов варил в ведре и угощал своего любимого эрделя.

– Буду ждать, – ответил он, обкладываясь магазинами с пулемётными лентами.

Справа под руку он положил пару гранат, а потом сбегал и убрал свисающий алюминиевый лист, который мешал стрелять, и стал ждать. Перед ним торчали остатки того, что когда-то было торговыми павильонами, и больше всего его волновало то, что боевики могли подобраться через эти развалины вплотную.

Игорь в этот момент был совсем в другом месте, на крайнем левом фланге, на первом этаже гостиницы, потому что главный удар они с Олегом Вепревым ожидали именно здесь. И когда началась стрельба, первым делом развалил дом «шмелём-м» на краю Октябрьской, пулемётчик в котором не удосужился сменить позицию. И хотя это была классическая

пятиэтажка времён Сталина, то есть кирпичная и крепкая, она вспухла в центре, а потом сложилась внутрь, и края задралась в голубеющее небо. Естественно, всего этого Игорь не увидел, потому что сразу после выстрела отбросил трубу и пополз туда, где за кирпичной стенкой лежал его пулемёт. Ему повезло дважды: во-первых, он сумел улучшить момент, когда кто-то из своих сбил одного из пулемётчиков на той стороне площади и огонь на несколько секунд ослаб, а во-вторых, в простреливаемом насквозь первом этаже в него попали всего лишь один раз. И боли он вначале даже не почувствовал, только в правом ботинке, когда он поднялся, за стенкой из кирпича что-то хлюпнуло, и Игорь решил, что провалился ногой в одну из тех ям, которые образовались в полу первого этажа и были наполнены зловонной жижей из туалетов.

Первая атака духов если не захлебнулась, то, по крайней мере, не была столь эффективной. Удалось положить чичей мордами в клумбу, хотя огонь их был очень и очень плотен и не давал поднять головы. Семён Котляров, меняя позицию, отстреливал гранатомётчиков исключительно с верхних этажей гостиницы. Потом они снова пошли, перебежками, от здания к зданию, от машины к машине, которыми была заставлена площадь. За какие-то пять минут Игорь расстрелял восемь магазинов, ствол у пулемёта дымился. Казалось, что время тянется, как резина. Когда Игорь посмотрел на часы, то прошло всего-навсего десять минут, а моджахеды – ря-

дом. Видны даже их лица и разноцветные «арафатки», которые хорошо были заметны на фоне асфальта и ларьков. Стрелять и по ним было одно удовольствие, если бы только не ответный огонь, который заставлял кланяться каждой пролетевшей мимо пуле. Но не кланяться было нельзя, ибо когда к тебе пристреливаются, вторая или третья пуля может быть твоей. Рядом стреляли два бойца из группы Киренкина. Один всё время икал, а когда попадал или думал, что попал, радостно вскрикивал:

– Ещё один!

Его товарищ крутился за кучей щебня на выходе из зала и стрелял исключительно хладнокровно, даже когда моджахеды перенесли огонь конкретно на первый этаж.

К ним действительно пристрелялись, и каждое мгновение рой пуль крошил всё вокруг, и воздух был серым от пыли. Железобетонная колонна, которая служила основой для укрытия, принимала на себя основную порцию свинца. И позиция ещё была неплоха тем, что за спиной не было стены, а стало быть, рикошета было меньше, и это давало возможность стрелять в те моменты, когда моджахеды поднимали головы.

Игорь увидел, как моджахед с гранатомётом перебежал и спрятался за машиной, которая стояла напротив магазина. Взял в прицел эту машину и изрешетил её так, что на ней живого места не осталось.

В этот момент в укрытие попала очередь, от которой, ка-

залось, невозможно уцелеть. Игорь ткнулся лицом вперёд, а бойца, который всё время радостно вскрикивал, убило. Он как раз пытался ногой передёрнуть заклинивший затвор. Игорь только услышал булькающие звуки, словно из бочки выливали масло: «Буль-буль...» – но даже не имел возможности пошевелиться. Второй боец куда-то делся, и Игорь остался один. Три магазина для пулемёта, пять рожков для автомата и три гранаты – весь его арсенал, не считая пистолета ПСС.

Сбивать пулемётчиков сразу не хотели. Задумка заключалась в том, чтобы вовремя переместиться в общежитие техникума. Тогда пулемётный огонь окажется неэффективным и есть возможность сэкономить дефицитные «шмели-м» и выиграть пару минут, которые при таком бое стоили много. Но Герман Орлов всё не давал и не давал условленного сигнала, и приходилось полагаться на то, что боевики окажутся не столь удачливыми. Однако минуты через три Игорь понял, что удержать их невозможно. Спецназ он и есть спецназ, знал, где прилечь, а где подняться, где ползти, а где действовать в обход. Уже кое-где хлопали гранаты РПГ-7 и подствольники. Это значило, что боевики выходят на дистанцию броска и что они под прикрытием пулеметного огня и гранат вот-вот подойдут к гостинице, забросают первые два этажа ручными гранатами и ворвутся внутрь.

– Олег! – крикнул он, – пора, не удержим!

– Давай! – отозвался Олег Вепрев.

С верхних этажей ударили «шмели-м», атака моджахедов окончательно захлебнулась, и наступила та спасительная пауза, которая давала надежду выстоять хотя бы ещё один раз, несмотря на то что из ручной «артиллерии» осталась пара гранатомётов ну и, разумеется, подствольники.

Боец рядом уже затих. Игорь сел, прислонившись к стенке. В правом ботинке хлюпало вовсю, а голова слегка кружилась. Он отнёс это на счёт ранения в голову, но когда снял ботинок, то вылил из него кровь, как воду из ванной. Боли, однако, не почувствовал, должно быть, сказывалось действие промедола. Вот она – четвёртая спичка, понял он, заливая ногу йодом из раздавленной ампулы и накладывая давящую повязку. Медлить было нельзя: боевики вот-вот должны были начать вторую атаку.

Вдруг рядом, как привидение, возник Киренкин.

– А ты как здесь? – удивился Игорь, засовывая ногу в ботинок.

– Я вернулся! – крикнул Киренкин.

И Игорь понял, что Киренкин контужен.

– А Орлов? – так же громко спросил Игорь.

– Орлов там ещё.

– Олег! – позвал по «локалке». – Как обстановка?

– Какая, к чёрту, обстановка! – нервно отреагировал Олег Вепрев. – У меня пулемёт перегрелся. Одна надежда на подствольник.

И действительно, на площади то там, то здесь взрывались

гранаты, и получалось так, если боевики задержатся ещё на некоторое время, то их методично перебьют. Но с другой стороны, они отвлекали все силы на себя и кто-то из них наверняка заходил в тыл – уж слишком очевидной была пауза.

Надо сменить позицию, подумал Игорь и сказал в микрофон:

– Уходим!

– Рано! – как всегда, заартачился Олег Вепрев.

– Потом поздно будет, – возразил Игорь.

– На следующем рубеже не удержимся!

– Удержимся!

– Ладно, – нехотя согласился Олег Вепрев. – Уходим.

– Уходим! – крикнул Игорь тем бойцам, у которых не было «локалки».

И вдруг со стороны насыпи разгорелась яростная стрельба. Под её аккомпанемент они и побежали. Всё, блин, подумал Игорь, нащупали слабое место, сейчас перемахнут через насыпь, и нам конец, не доберёмся до туннеля. Но чехи на этот раз тоже дали маху. Вместо того, чтобы кинуться всем разом, они замешкались на площади, а Олег Вепрев самостоятельно влез на насыпь и помог Виктору Максиму загнать их под платформу. Однако он понимал, что это всего лишь временный успех.

Игорь пробежал восемьдесят метров до общежития и только когда плюхнулся в одну из комнат на первом этаже, почувствовал, как бешено колотится сердце. Никогда с

ним такого не было. Всегда он был вынослив, как джейран, а здесь задохнулся.

* * *

Лёве Аргаткину вначале повезло: чехи ударили левее, через площадь, а тех из них, которые полезли по платформе, он смел одной очередью. Через разрушенные павильоны, оказывается, было трудно пробраться, а спрятаться ещё труднее. Вот они и ограничились всего лишь вялым отстрелом правого фланга – мол, всё равно там один Лёва Аргаткин сидит, что он сделает с пулемётом-то.

С Лёвой были ещё три Киренкиных бойца с автоматами. Двоих поставил так, чтобы прикрывали платформу, а с третьим переместились к той части вокзала, которая смотрела на площадь. И в середине атаки моджахедов они ударили во фланг, и атака захлебнулась. Если бы не очень сильный огонь, который перенесли моджахеды на их флаг, то пощелкали бы они их на площади, как куропаток в чистом поле. Пришлось Лёве Аргаткину и бойцу по-пластунски отползать в сторону железнодорожных путей, потому что здание практически не давало защиты, а два или три пулемёта прошивали его насквозь.

Спрятались они за колонны и стали ждать передышку. Команды отступить не поступало. Потом убило одного из тех бойцов, которые прикрывали платформу, и моджахеды по-

лезли снова. Лёв Аргаткин кинул гранату и по «локалке» услышал долгожданный отбой. Но поди оставь позицию: те же самые боевики расстреляют в спину. Лёва Аргаткин переполз в глубь помещения за вторую линию позиции, и всё-ма вовремя, потому что боевики так внезапно показались на перроне, что он едва успел передёрнуть затвор и дать очередь.

Боец, которого звали Степаном, кажется, из Омска, Лёва Аргаткин плохо расслышал, сел с гранатомётом «муха» в засаду, и когда боевики скопились за домиком и внутри домика обходчика, ударил в него так, что попал в окно, и они сквозь грохот боя слышали крики смертельно раненных врагов.

Но это оказалась всего лишь пауза: моджахеды мелькнули гораздо правее, за кустами и деревьями, и Лёва Аргаткин сообразил, что их обходят так, чтобы ударить со стороны Яшкиного моста. Тогда он бойцами рискнул, оголил левый фланг и принялся стрелять поперёк железнодорожных путей.

* * *

Боевиков было много. Они мелькали то там, то здесь. И с захватом гостиницы доминировали над площадью и общезжитием, не давая поднять головы. Теперь приходилось вести огонь из глубины помещения, потому что высунуться в окно

было равносильно смерти: в один миг в него влетало столько пуль, что приходилось вжиматься в простенок и ждать, когда они перестанут визжать и биться о стены, но вслед за ними влетали новые, и так, казалось, до бесконечности. Игорь понимал, что если в течение пяти минут не убраться дальше, в учебный корпус техникума, то их элементарно сомнут со всеми вытекающими из этого последствиями.

В этот момент от Германа Орлова и пришло спасительное сообщение в виде условленной фразы:

– Командир, готовность номер один!

Герман Орлов продублировал три раза, прежде чем Игорь сообразил, о чем идёт речь: голова была, как пустой котёл, мало что соображала. Всё это время он не давал боевикам покинуть первый этаж гостиницы, и у него остался единственный магазин.

– Уходим! – крикнул он и вдруг ощутил полное безразличие к собственной судьбе.

Это было маленькое открытие, но разбираться в нём не было, конечно же, времени, как не было времени думать о чём-то постороннем, например о Божене – о той Божене, которую он любил, и там с ней всё было очень и очень сложно и далеко-далеко, словно на другой планете, а здесь и в данный момент надо было просто не пустить боевиков вперёд и при этом умудриться не схлопотать пулю в лоб. К его удивлению, в помещении, в котором он находился, а это был холл, оказалась ещё пара солдат из группы Киренкина и даже Алексей

Ногинский, который крикнул:

– Командир, уходи! Я прикрою!

Но Игорь так зло мотнул головой, что Алексей Ногинский понял: дорога каждая секунда, и дело даже не в том, кто кого прикроет, а в ощущении плеча товарища, и спорить не о чем, а конкретно с Игорем Габелым себе дороже. Поэтому он побежал вслед за людьми Киренкина, дав напоследок короткую очередь из пулемёта. Больше Игорь его не видел, хотя бросился следом и вместе со всеми попетлял для приличия во дворе и ввалился в помещение техникума. Слава богу, в спины им никто не стрелял. И это тоже была маленькая, но заслуга спецназа – уловить правильный момент для отступления, а не делать это в панике и не в последний момент, а вполне осознанно. Этому никто не обучает, это надо прочувствовать на собственной шкуре и впитать с армейским потом – то единогласие действий, которое делает толпу боевым подразделением.

Здание было старым, стены были толстыми, и предусмотрительный Юра Драганов, во-первых, перетащил сюда часть оружия, захваченного у боевиков в общежитии, во-вторых, два пулемёта по флангам не дали боевикам ворваться следом на плечах отступающих. Ко всему прочему Олег Вепрев заминировал лестничные пролёты. Даром, что ли, они тащили пластит.

Сколько осталось людей, трудно было понять. Игорь, который, сам не зная того, бежал последним, заметил всего-то

пару человек, но это были рядовые из команды Киренкина. А самого Киренкина видно не было. Может быть, он ушёл с первой волной, успокоил себя Игорь и конечно же не поверил самому себе: такие не уходят ни первыми, ни последними, такие вообще никуда не уходят, несмотря на то что иногда плачут. Может быть, ему как раз не хватало плеча товарища, и оно, возникнув из ниоткуда, сыграло такую роль, от которой мурашки бегут по коже, – то боевое славянское братство, о котором не принято говорить, а если и говорят, то вскользь, словно бы стесняясь самого вопроса, да и то после стакана водки.

В здании техникума у него появилось свободное время, без стрельбы и взрывов, и он почему-то потратил его на то, чтобы найти Киренкина:

– Кто его видел? – спрашивал он у его же бойцов, перебегая с этажа на этаж.

– Я! Я видел, как он бежал в общежитие, – ответил один боец.

– И я тоже видел командира, – ответил другой, который был ранен в голову и говорил, растягивая слова.

А остальные пожимали плечами и ничего толком сказать не могли. Один Мамырин сообщил, что, кажется, видел командира на левом фланге и что Киренкин, по сути, спас их, когда они прорвались из Кисловодска.

Игорь не стал говорить, что он сам был на левом фланге. Может, Киренкин уже спустился в туннель? Но это было

чисто гипотетическое предположение. Игорь вдруг подумал, что теперь всю жизнь будет гадать, куда делся Киренкин, хотя, казалось бы, за последние годы навиделся столько случаев, когда люди пропадали в бою, что должен был привыкнуть к этому, и никто не видел, как они пропали и при каких обстоятельствах. Судьба Киренкина поразила его больше всего, наверное, потому, что он видел, как Киренкин плакал.

– Всем уходить! – крикнул он.

Однако и без его команды было ясно, что если кто и остался, то только самые решительные. На четвёртом этаже никого не было, зато было много оружия – то, чего им не хватило в общежитии. И Игорь первым делом расстрелял пять гранатомётов, чтобы сбить наступательный темп боевиков. Общежитие на втором этаже загорелось, и дым мешал вести прицельный огонь. Но какая война без дыма и огня – так, пустяки, если тебя не поджаривает, то можно воевать. В общем, напоследок он показал, на что годен. И боевики вначале не поняли, что он один: бегал от окна к окну и стрелял уже почти вслепую, разве только если где-то мелькали они, то тратил драгоценные секунды, чтобы прицелиться. И во всём этом была странность: в него не то чтобы ни разу не попали, а даже пристреляться не успевали, и страшна была именно не эта пристрелка, а случайная очередь или граната, на которую ты напорешься.

А потом пришел вначале Олег Вепрев, а через пару минут – Юра Драганов. За ними подтянулись двое или трое бой-

цов от Киренкина, когда их вытеснили снизу. Почему они не ушли, для Игоря осталось загадкой, хотя имели полное моральное право, никто их не держал, никто им не приказывал. Просто остались, и всё.

– Ты зачем здесь? – крикнул Игорь, всаживая очереди в окно общежития, в глубине которого сверкали вспышки выстрелов, и перебегая на следующую позицию, в кабинет химии, что ли, где у него был гранатомёт.

– Не учи отца... – лениво ответил Олег Вепрев, с азартом новобранца вступая в бой.

Кто-то этажом ниже тоже стрелял, и даже, может быть, бойцов там было двое или трое, и это позволило удержать боевиков на расстоянии.

– Киренкина не видел?

– Не видел! – отозвался Олег Вепрев в тот момент, когда наступила короткая пауза и стреляли где-то в отдалении, но не из общежития. – Максимова убило.

– Семёна Котлярова видел? – прокричал Игорь. – Снайпера бы нам не помешало.

– Не видел.

Игорь понял, что Семёна Котлярова тоже убили, потому что он был исключительно добросовестным бойцом, а такие без командира не уходят.

– Слышь, – обрадовался Олег Вепрев, – Котляров щёлкает!

– Точно! – согласился Игорь.

Но что-то ему в глубине души не дало согласиться: Семён Котляров стрелял виртуозно – «Щёлк-щёлк, щёлк-щёлк!» Как семечки. А здесь: «Щёлк», пауза. «Щёлк», пауза. И даже вроде не так громко, как обычно стрелял Семён Котляров. Ну да ладно, подумал Игорь, главное, что есть результат: боевики и хваленый спецназ на рожон не лезли. Силы копили.

А потом он вспомнил, что так стрелять мог только Лёва Аргаткин, потому что долго прицеливался. Хотел он поделиться своим открытием с Олегом Вепревым, но в этот момент в отдалении послышался лязг гусениц, и они решили, что это конец, что против танка им не устоять. Но это всего лишь приполз бронетранспортёр – быть может, тот самый, о котором они думали, что его подбили у Яшкиного моста.

Юра Драганов обосновался на левом крыле в аудитории по физике и держал под огнём часть площади, из глубины которой подходили резервы боевиков. К нему быстро стали пристреливаться, и Игорь пару раз сносил боевиков, которые конкретно охотились за Юрой Драгановым и неосторожно высывались в окнах больше чем надо.

– Меняй позицию! – крикнул он, когда в очередной раз оказался в аудитории по физике.

– Сейчас они у меня... – в азарте ответил Юра Драганов, и Игорь подумал, что, может, он отчасти прав, потому что знал, откуда стреляют, и стрелял точно, а в нужный момент вжимался в стену, потом давал очередь и снова прятался.

До того, как Олег Вепрев взорвал лестничные пролёты,

снизу пробился раненый Пётр Нестеров, который ездил в командировку в Чечню, а попал в Украину. Он сообщил, что все спустились в туннель и что пора уходить.

Игорь и сам видел, когда выглядывал в сторону котельной, что рядом с люком никого нет и что кто-то из своих засел в котельной и поддерживает огнём, да так удачно, что духи, которые норовили зайти в тыл, вынуждены были искать пути обхода.

Можно было действительно уходить. Просто спуститься с четвёртого этажа и добежать до спасительного люка.

– Уходим! – крикнул он.

Но в этот момент тридцатимиллиметровые снаряды стали крушить этаж, и они с Олегом Вепревым просто упали на лестничной площадке, потому что это были единственные места, где стены были потолще и покрепче и куда снаряды залетали гораздо реже.

Последующие минуты две, которые казались вечностью, они только и делали, что зажимали уши и вжимались в пол, потому что боевики под прикрытием бронетранспортёра стали стрелять из гранатомётов и здание наполнилось пылью и осколками, которые разлетались по аудиториям и коридорам.

Вот тогда-то Олег Вепрев и подорвал лестничные пролёты, лишив боевиков возможности одним махом захватить четвёртый этаж.

– Ну давай, давай... – уговаривал их Игорь, и когда боеви-

ки мелькали внизу, бросал гранаты. Гранат было всего три, и он использовал их очень быстро.

Наступила передышка, и было слышно, как боевики, подбадривая себя, кричали:

– Аллах акбар!

Но наверх сунуться не смели. Игорь пошёл искать оружие, у него остались только пара рожков да та единственная граната, которую он берёт для себя. Олег Вепрев, которого ранило в предплечье, попросил:

– Воду посмотри, пить хочется.

За последние пять минут четвёртый этаж был разбит вдребезги. Вначале в туалете Игорь увидел Петра Нестерова. У него была сломана рука в запястье, и он отдал ему последний шприц с промедолом. Затем он пробрался в кабинет физики. Оказалось, что боевики снесли не только простенок между окнами, но и часть угловой стены, и крыша просела до середины помещения. Игорь стал искать Юру Драганова и не мог найти, пока не раскидал, срывая ногти, груды кирпичей. Он ещё надеялся, что Юра Драганов ушёл и спрятался в глубине четвёртого этажа, но когда наткнулся на него и увидел татуировку в виде штрих-кода, в котором значился личный номер, номер дома, квартиры и телефон, то понял, что никуда Юра Драганов не ушёл, а лежит здесь, под тоннами кирпича.

Он выглянул в окно. Во дворе общежития бродили боевики. Удивило его то, что, оказывается, в здании всё ещё

находился Лёва Аргаткин, потому что он: «Щёлк», пауза. «Щёлк», пауза. «Щёлк» положил троих из них, прежде чем они сообразили, что к чему, и бросились кто куда.

После этого снова ударил крупнокалиберный пулемёт бронетранспортёра, стали рваться гранаты, и Игорь забился в какой-то угол и ждал, что его вот-вот убьёт. Но его не убило.

* * *

– Почему они молчат? – просил Олег Вепрев.

– Перезаряжают, – ответил Игорь.

– Сейчас я эту коробку грохну! – мрачно объявил Олег Вепрев.

– Не надо, – попросил Игорь, – убьют.

– Ну и что? – равнодушно ответил Олег Вепрев. – Чего ждать-то?

Он, как всегда, начал заводиться, вернее, он уже давно был заведён до крайности, не хватало только Лёвы Аргаткина, чтобы выплеснуть злобу. Тут подвернулся бронетранспортёр, и Олегу не терпелось его поджечь.

Конечно, бронетранспортёр – это не танк, от которого не спрячешься, но, тем не менее, крупнокалиберные пули с визгом и грохотом очищали комнаты и коридоры. Спасение заключалось в том, чтобы спрятаться в «мертвых зонах». Но поди узнай, где эти «зоны» и долго ли ты выживешь.

– Сиди! – приказал Игорь, подполз к стене и выглянул в дыру, которая образовалась после взрыва гранаты.

– Я не знаю, на что ты надеешься, – проворчал Олег Вепрев, оказавшись рядом, – всё равно нас никто не выручит.

Игорь подумал, действительно ли Севостьянихин такой, как решил Олег. Нет, суждения эти неверны, просто он ищет решение, если, конечно, ему сообщили, что они здесь застряли. А когда найдёт, то сделает всё правильно. Я бы ударил техникой напрямик: через проспекты Калинина и Октября. Наверняка все боевики стянуты сюда.

– Терпение, мой друг, терпение, – сказал он так, что Олег Вепрев странно посмотрел на него и, кажется, что-то сообщил, но спорить не стал. Не хотелось ему, видите ли, спорить. Остался он при своём мнении, и Игорь понял, что Олег Вепрев всё равно пойдёт и взорвёт этот чёртов бронетранспортёр, который мешал жить. А ещё он понял так: в таком деле, как война, случается всякое и чаще самое плохое, поэтому надо быть готовым к самому худшему.

Боевики теперь не высывались, они осторожничали. Их вообще не было видно. Даже самые отчаянные не шныряли по двору в поисках трофеев.

– Наверняка что-то затеяли, – предположил Олег Вепрев, тоже выглядывая наружу.

Однако Игорь ошибся: на втором этаже появился дух. Это был зелёный боевик, которому война была ещё интересна и которому, наверное, ещё нравилось убивать. Игорь снял

его одной очередью: «Тр-р-р...» – и они с Олегом Вепревым быстренько покинули то, что когда-то было аудиторией по информатике: разбитые компьютеры были разбросаны по полу. Снова начался обстрел – вначале из легкого оружия, а потом присоединился бронетранспортёр. На этот раз он зашёл с тыла и принялся долбить лестничные пролёты. Боевики внизу подбадривали себя:

– Аллах акбар! Сдавайтесь!

Крупнокалиберный пулемёт стрелял безотрывно: «Ду-ду-ду-ду-ду...» Пули крошили потолок и стены. Игорь и Олег Вепрев вовремя переползли в коридор, но и сюда периодически с визгом залетали осколки. Боевики сунулись под шумок, полезли по центральному проходу, но Игорь бросил две гранаты, и боевики отступили.

Олег Вепрев подозрительно долго молчал, затем вдруг покраснел и закричал:

– Бляди, бросили нас здесь! Пойду и грохну его!

– Стой! – кричал Игорь. – Убьют!

– Отойди! – кричал Олег, хватая гранатомёт.

Несколько мгновений они боролись. Шансы у Игоря были никчёмные, он получил удар в челюсть и на секунду отключился, а когда пришёл в себя, Олег уже лез по металлической лестнице на чердак.

– Стой, дурак! – крикнул Игорь.

Но Олег только оскалился в ответ и пропал в чёрном люке. Самого взрыва Игорь не услышал, просто пулемёт захлеб-

нулся на высокой ноте, и наступила тишина.

Сколько прошло времени, Игорь не помнил. Боевики снова начали кричать:

– Аллах акбар! Аллах акбар! Поджарим!

Потянуло запахом горячей солянки. Дышать стало нечем. Игорь пополз к оконному проёму. Из соседнего здания выстрелили: граната пролетела через весь этаж и взорвалась, попав в перегородку.

Дальнейшее Игорь помнил плохо. Единственно он понял, что его отбросило в аудиторию и с лица сорвало повязку.

* * *

В соседней комнате ходили боевики и добивали раненых.

– Аллах акбар! – радостно кричали они после каждого выстрела.

Игорь пошевелился, приходя в себя. Он вспомнил, что у него в кобуре пистолет, потянулся, преодолевая страшную слабость, и не нашел оружия. Не было на ремне кобуры, её словно срезало. Тогда он вспомнил, что у него осталась граната. Специально оставил для себя. Не израсходовал, и это было хорошо. Достал её из клапана на груди и потянул кольцо.

В этот момент появился боевик. Кольцо не поддавалось. Игорь тянул изо всех сил. То ли усики сильно загнулись, то ли сил не было, только он не сумел выдернуть кольцо.

Боевик, который вначале испугался, всё понял, поднял автомат, но вместо того, чтобы выстрелить, вдруг стал заваливаться вперёд. В глазах у него промелькнуло страшное удивление, и он упал лицом вниз, изо рта у него брызнула струя крови. Только тогда Игорь услышал бешеную стрельбу, а потом в комнату шагнул майор Севостьянихин Андрей Павлович, улыбнулся и сказал:

– Чего ты здесь валяешься?! Вставай! Мы за тобой приехали!

Из-за его спины радостно выглядывали Герман Орлов и Лёва Аргаткин:

– Ёпст!!! – заорал Герман Орлов.

– Смерть тараканам! – отсалютовал Лёва Аргаткин.

– Ну чего скалитесь? – одёрнул их Севостьянихин. – Взяли да понесли!

Его гениальный нос на этот раз был единодушен с хозяином и всецело одобрял его действия.

Глава 8

Попался

Он поймал её перед лифтом в тот момент, когда она собралась ехать вниз. Коридор был пуст: журналистская братия праздновала по номерам и барам. Слышались пьяные голоса и заразительный смех. В любое другое время Феликс с удовольствием присоединился бы к одной из компаний и, быть может, даже при случае забрал бы должок у Глеба Исакова. Давно он ждал случая. А Глеб Исаков ему много должен: за ту же самую Лору Гринёву, за «военный отдел», за то, что имеет неприятные манеры, и за то, что он вообще существует на белом свете. Какого чёрта, спрашивается, ты портишь воздух? Естественно, Феликсу никто ничего ответить не мог. Не существовало ответа на такой глупый вопрос.

– Что?! – воскликнула она. – Пять триллионов! Но ведь это третья часть долга США! – и улыбнулась так, что его бедное сердце встрепенулось, словно в последний раз.

Нет, это была даже не любовь, это было нечто грандиозное, чему ещё не придумано название.

– Ц-ц-ц... – приложил он палец к губам и оглянулся – коридор был пуст, а камеры, которыми была напичкана гостиница, слава богу, не писали ни звука.

Он проверил своё лицо: оно должно было отражать невоз-

мутимость и уверенность в завтрашнем дне, а не жалкие потуги влюбленного пингвина. Нельзя, нельзя было давать Гринёвой ни преимущества, ни единого шанса. Но, похоже, она в этом и не нуждалась.

– Но это же третья часть! – повторила она слегка ошарашенно.

Любого другого тоже ударил бы столбняк, только не Лору Гринёву. Феликс даже залюбовался. Она была всего лишь слегка ошарашена и переваривала новость одно-единственное мгновение, а потом её лицо снова приняло насмешливое выражение, и в глазах заплясали чёртики.

Действительно, подумал Феликс, всё ещё контролируя свою мимику, есть отчего испугаться. Я бы тоже не поверил, но, с другой стороны, легче купить, чем воевать. А что деньги? Деньги пыль! Деньги ещё напечатают. Где те деньги, за которые продали Аляску? Всё превратилось в историю, а Аляска осталась. Хитрый мистер Билл Чишолм. Очень хитрый. Я бы так не сумел, а американцы сумели, поэтому я ими очарован. Очень дальновидная нация. Нам бы у них поучиться. Господи, чего я говорю?! – подумал он.

– Да, третья часть, – согласился Феликс, ещё не вполне осознавая масштабность происходящего.

Пока новость существует как бы за горизонтом событий и не материализовалась в грандиозный скандал, не спроецировалась на президента, не всколыхнула страну, пока она «дремлет», как тикающая термоядерная бомба, трудно по-

нять её значение со всех точек зрения. Вышло так, что этот вопрос отдавался на откуп СМИ и народу. Что скажет народ, то и будет. Может быть, некоторые СМИ после этого заткнутся на веки вечные, а «пятая колонна», к которой я себя причисляю, подумал Феликс, вымрет, как динозавры. На какое-то мгновение он пожалел о том, что делает. Но отступить было поздно, ибо прекраснейшая из прекраснейших – Гринёва не поняла бы его и презирала бы его так, что не подпустила бы на пушечный выстрел. Дело было сделано. Пан или пропал!

– Значит, они сделали это?! – она схватила его за руку, и его словно током ударило.

Это уже была игра на его слабостях. Как правило, обычно он был ведущим, а здесь едва успевал реагировать. Впрочем, она тут же сделала вид, что лёгкий флирт ни к чему не обязывает: подумаешь, Феликс Родионов. Да таких журналистов пруд пруди. На пару секунд ему стало обидно, а потом он подумал, что, быть может, это залог прекрасного будущего, к которому он подспудно стремился, но до сего дня не понимал своего счастья, и вдруг ему открылась истина, что счастье – это очень простая вещь, вот оно, рядом, в виде Гринёвой, и слегка окосел от просветления.

– Да, они сделали это! – кивнул он через силу и сглотнул слюну.

От неё пахло сигаретами, губной помадой и алкоголем. К тому же она дергалась, как заведённая, и её рыжая чёлка

взлетала, как облако. Ещё мгновение, и он, не в силах сдержаться, полез бы целоваться.

– Феличка, ты гений! – махнула она рукой, но так, словно он был всего-навсего надоедливой мухой.

– Ну не без этого... – скромно потупился Феликс, хотя ему сделалось чуть-чуть обидно, но это приятная и сладостная обида.

Молодец, моя девочка, моя муза, моя любовь, моя судьба, самозабвенно расчувствовался он, но, естественно, промолчал, ибо был великим стратегом по части любви и знал, что надо держать язык за зубами, потому что ни одна крепость не сдаётся без планомерной осады. Он понимал это умом, но не сердцем, и его мучил краеугольный вопрос: «Почему она легла со мной в постель? Почему?» И боялся думать, что действительно по любви. В жизни так не бывает, страдал он, только в кино и только в сказках. Как он хотел, чтобы сказка оказалась былью.

– Но это же мировая сенсация! – Она сразу всё поняла. Она была хорошей журналисткой и всё ловила на лету.

Её аналитический аппарат превосходит даже мой аналитический аппарат, восхитился он до умиления и слегка прослезился. Она создана, чтобы делать политику и купаться в политике. Мы будем отличной парой, если не уьём друг друга в постели.

– Да, – сказал он, наполненный до краёв собственной благодарностью, – я дарю её тебе, – и незаметно сунул ей в ла-

донь флешку.

Дверь открылась, и они, держась за руки, как примерные дети, вошли внутрь. Кабина оказалась пустой. Феликс тут же решил воспользоваться ситуацией, но наткнулся на продуманную оборону, состоящую из локтей, предплечий и прижатого к груди подбородка. Он отступил и вопросительно уставился на неё.

– Но ведь мы же уже?.. – вопросительно сказал он.

– А ничего не было... – огорчила она его, поправляя прическу. – Ты, Фелюшенька, был мертвецки пьян.

– Не может быть, – удивился он. – То есть я могу быть мертвецки пьян, но шанса своего не упускаю.

– Это не тот случай, – снова огорошила она его.

– Ты меня разыгрываешь? – уточнил он.

– Нисколечко, – холодно ответила она.

Её игра губами стоила ему нескольких седых волос, испорченной печени и излившейся желчи, а лицо у него непроизвольно дёрнулось с правой стороны, словно у него началась невралгия троичного нерва.

– Тогда я ничего не понимаю, – отступил он и забыл, что лицо нужно контролировать во что бы то ни стало, словно это был последний редут, сдав который, не имело смысла жить.

– Я тоже ничего не понимаю, – согласилась она, глядя на него, как мадонна на неразумного дитяню.

Но ведь мадонны на то они и мадонны, чтобы быть лю-

бовницами в жизни, подумал Феликс:

– Так не бывает...

– И на старуху нисходит проруха, – призналась она беспечно, подув на свою волшебную чёлку. – Но!.. – и брови её взметнулись вверх.

– Иди ты знаешь куда! – разозлился он, потому что впервые попал с женщиной в неловкое положение.

Вот что значит спать с собратом по перу: слова не даёт сказать. Язычок у неё острый, как бритва.

– Упустил ты свой шанс, Фелюшенька, – подразнила она его и подула на свою шикарную чёлку.

– Не называй меня так, – попросил он почти что слёзно.

– А как тебя называть? – она посмотрела на него, широко распахнув глаза.

– Но ведь... – пропустил он мимо ушей шпильку, – ещё можно что-то исправить?

– Второй попытки, как в спорте, не бывает.

– Я не напысь, – скромно пообещал он.

– А стоит ли таких жертв? – спросила она и снова подула на свою шикарную чёлку.

– Конечно, стоит! – воскликнул он так, что она поморщилась, как при виде дохлой кошки.

На него словно столбняк напал. Он не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Всего-то делов, думал он так, как привык думать, но почему-то окончательно оробел. С такой продуманной обороной он ещё не встречался: Гринёва снова об-

вела его вокруг пальца, выскользнула, как угорь из пальцев, она словно читала его мысли и опережала на полшага, а в её глазах прыгали чёртики смеха. Ведьма, подумал он, точно, ведьма. Страх, который оставил было его, всплыл откуда-то из-под сознания, и он снова стал один-одинешенек во всей вселенной, никому не нужный и совсем пропащий, хоть бери да вешайся.

– Я не могу принять твоего предложения, – сказала она и гордо протянула ему флешку.

– Почему? – спросил он упавшим голосом.

Всё, что он возводил с таким трудом, рушилось в одно мгновение. Сердце падало, как в скоростном лифте. Ему казалось, что он заслужил благосклонности.

– Потому что это то, что бывает в жизни один раз, – вдруг абсолютно серьёзно объяснила она.

Вот это принципы! – восхитился он и предложил:

– Давай поделим славу пополам. Всё равно тебе придется упомянуть меня как источник информации. К тому же надо будет объясняться с очень серьёзными людьми.

Он почему-то вспомнил мистера Билла Чишолма и подумал, что теперь им не по пути и что мистер Билл Чишолм обязательно предъявит претензии и что надо сделать всё, чтобы он их не предъявил.

– Я подумаю, – сказал она, загадочно блеснув улыбкой.

– А чего здесь думать?! – удивился он, полагая, что всё в жизни, за редким исключением, надо делать быстро, ибо

обстоятельства в этой жизни быстро, если не мгновенно, меняются.

Переспи я с ней на самом деле, она бы не так пела, подумал он со странным ожесточением к самому себе, но не был уверен в собственных выводах.

– Боюсь, что на нас спустят всех собак, – сказала она небрежно.

И вмиг стала серьёзной – такой, какой она, должно быть, бывала в больших кабинетах, где сидели толстые, задастые дяди, правившие этим миром. А вся её напускная бравада – всего лишь защитная форма, чтобы выжить в суровой журналистской действительности. У Феликса не хватило слов: оказывается, такой, именно такой он любил её ещё больше всего. Однако, к своему ужасу, он понял, что это всего-навсего демонстрация пакта о ненападении, не дающего никакого преимущества. С другой стороны, надежда говорила, что половина дистанции пройдена, и он тут же подумал, что в очередной раз ошибся, ибо не видел финиша. Финиш был где-то за горизонтом, в далёком будущем, до которого надо было ещё топтать и топтать.

– Им будет не до нас, – заверил он её, хотя сам не был до конца уверен.

И вообще он даже себя не слышал, ему казалось, что вместо него говорит кто-то другой. Мстить будут, понял он, страшно и мерзко мстить. И проверил своё лицо. Оно было печально-кислым, таким кислым, словно он жевал шнурок

от ботинок.

– Вот то-то и оно, – серьёзно сказала Гринёва, словно угадав его мысли, и стала ещё прекраснее и недоступнее.

Он так и не понял, уговорил её или нет. Кабина мягко дёрнулась, двери открылись, и в неё ввалилась компания, состоящая из Глеба Исакова, Норы Джонсон из «USA Today» и Александра Гольдфарбаха из журнала «Wired». Все навеселе, все на взводе, всех водой не разлей, все словно в мёде сахарные, а на деле волки волками – только бы урвать своё, только объегорить кого-нибудь и проехаться за чужой счёт. Почуяли сенсацию, понял Феликс. Сейчас пытаться начнут всякими доступными и недоступными методами.

Александр Гольдфарбах полез обниматься:

– Феликс!!!

Это был неприятный еврей, высокий, костлявый, с длинными волосами, как у Джонни Деппа, с манерами из той «совковой» системы, которую Феликс ненавидел и презирал всеми фибрами души. Должно быть, поэтому Гольдфарбах и приглянулся Березовскому, потому что не давал забыть СССР. Ко всему прочему он лысел на затылке и мазался какой-то вонючей дрянью. Однажды Феликс застал его, ухаживающего за своей шевелюрой. Гольдфарбах не растерялся и счёл нужным объяснить, что это японская настойка из перцовых водорослей, которая стимулирует рост волос. Но кажется, она ему не помогла, потому что кое-где сквозь невымытые волосы просвечивал череп, как глина сквозь водоросли

в реке.

– Хватит! – едва отбился Феликс, брезгливо вытирая рот. – Ещё подумают чёрт-те что!

– И пусть думают! – согласился Александр Гольдфарбах, весьма довольный собой.

В Лондоне они почему-то напились в одном издательстве и продолжили у какого-то богатого дяди на ферме под Лутонном, долго болтая под мелким дождиком о проблемах России и всего мира, и чувствовали себя вершителями этого самого мира. Только он об этом даже не подозревал. Александр Гольдфарбах учил Феликса жизни. В те времена Феликс считал это само собой разумеющимся. Ему льстило, что акула пера «гвоздевой» английской журналистики, особо приближенный к Березовскому, возится с простым студентом, пусть даже этот студент и весьма талантлив. Быть может, гадал он, всё дело в мистере Билле Чишолме? Как ему хотелось, чтобы его любили просто за красивые глазки. Оказывается, в мире политики так не бывает. Только преданные женщины готовы любить тебя таким, какой ты есть.

Нору Джонсон и представлять не было нужды. Это была звезда политического олимпа Потомака. Чёрная, как индианка, сложенная, как фотомодель, правда, уже пережившая свои лучшие времена. Но, тем не менее, смотрящаяся весьма-весьма даже очень, если не обращать внимания на лицо, которое после многочисленных операций больше напоминало посмертную маску, чем что-то живое. Единственное,

что его оживляло, – гневливая морщинка между бровями. Остальное всё было лаковое и блестящее, как фарфоровая чашка.

Впрочем, Нора Джонсон так часто появлялась на экранах Америки, что взгляд невольно вырывал её из толпы. Уж ей-то не надо было никуда карабкаться и работать локтями. А слово «карьера» уже не играло для неё никакой роли. Её имя было вписано золотыми буквами в историю американской журналистики. И вдруг – бах! – она здесь, в Имарате Кавказ, разговаривает с Феликсом Родионовым и что-то от него хочет. Событие знаковое, из ряда вон выходящее. Только причина непонятна. Это всё равно, как если бы Билл Гейтс выбрал на Бродвее первого встречного-поперечного и стал бы с ним болтать на тему «СПИД и финансирование». Каково было бы изумление публики? Что бы они подумали? Что Билл Гейтс сошёл с ума?

Неужели здесь так раскошегарят, что Америка бросила сюда лучшие силы? – очень удивился Феликс. Значит, секрет Полишинеля? Значит, Рыба зря старался? Значит, слетелось вороньё? И должно быть, американцы хорошо осведомлены. Это мы из всего делаем военную тайну. А надо быть проще и открытее, и тогда люди со всего света потянутся к нам и безумно полюбят нас всей душой и телами. И всё же кое-чего они не понимали, иначе бы не жаждали выпить в компании малоизвестных русских журналистов, которых в глубине души наверняка презирают и намереваются обвести во-

круг пальца. А недоносок Глеб Исаков туда же. Ох, дай мне стать начальником «военного отдела», ох, дай, шкуру спушу. В этот миг Феликс совсем забыл, что никакого «военного отдела» ему не светит, как не светит «Единогласию» дальнейшее существование. И хотя он считал Россию, пропахшую нафталином и серой, никуда не годную и, по сути, давно развалившуюся, самым диким и гнилым местом, в нём вдруг разыграли национальные чувства. Русский я, в конце концов, или не русский, или обычный жополиз? – спросил он сам себя. И, к своему удивлению, не нашёл ответа. Не было его там, куда он заглядывал, а была вечно непрекращающаяся игра страстей и чувств. Обидно ему стало и горько на душе: получалось, что он сам себе уже не принадлежит, что за него думают, что всё уже определено, что он давно лёг, как вся страна, под мистера Билла Чишолма, а в его лице – под всю Америку. Ох, и тяжек груз оказался, ох, и тяжек!

– Ни! – заорала Нора Джонсон, изображая на посмертной маске неискреннее восхищение. – I heard that you are the best «nail» journalist in all of Russia?⁵⁸

– Это слегка преувеличено. Но я действительно не только самый лучший и хитрый «гвоздевой», – с ухмылкой оглянулся он на Гринёву, – но и самый умный «гвоздевой».

Лора Гринёва закивала головой в знак подтверждения и высокомерно подула на свою чёлку, которая взлетела и опу-

---

⁵⁸ Привет! Я слышала, что ты самый лучший «гвоздевой» журналист во всей России? (англ.)

стилась рыжим облаком. Ей тоже с первой минуты не понравилась Нора Джонсон, а американцев она точно не любила. По сравнению же с мировой звездой она выглядела лёгкой, изящной принцессой, у которой вся жизнь впереди. К тому же у неё на руках был такой козырь, о существовании которого они подозревали, но точно не знали, как он выглядит, иначе бы вытащили, как заправские пираты, ножи и пистолеты. На одно короткое мгновение Феликс забыл, где находится и что делает. Его рука в знак благодарности нашла талию Гринёвой, и эта осиная талия была божественна и неповторима. А ещё ему страстно хотелось её поцеловать, защитить от этих падальщиков и затащить к себе в номер, но удобного момента, естественно, не представлялось. Может быть, потом, когда она окончательно поймёт масштабы происходящего и ослабнет? Впрочем, придётся ещё обговорить насчёт флешки, вспомнил он и страшно огорчился, потому что Лора сделала неуловимое движение и ловко вывернулась из его объятий.

– Ну если ты самый-самый... – сказал Александр Гольдфарбах, глядя на него сверху вниз, – то просвети нас о грядущем наступлении.

Его кудри в люминесцентном свете ламп казались искусно сделанным париком. Должно быть, что-то изменилось с тех пор, как Феликс видел его последний раз.

– Если бы я знал что-нибудь больше вас, – хитро ответил Феликс, – то уж, конечно же, не попёрся в такую глушь, а

обскакал всех, не выезжая из столицы, ибо я действительно самый-самый.

– Bravo! Bravo! One oh! – обрадовалась Нора Джонсон. – But you will surely have something to hide from us. You are very clever, Felix⁵⁹.

– Я чист, аки ангел, – потупился Феликс.

– Греха! – хохотнул Александр Гольдфарбах, и его длинные волосы спутались, как пакля.

– А не обсудить ли нам это за бутылкой водки? – не к месту предложил Глеб Исаков.

Но на него почему-то никто не обратил внимания.

– Что нового сообщили вам наши пулицеровские лауреаты? – не без внутреннего надрыва спросил Александр Гольдфарбах.

Феликс внимательно посмотрел на него, ничего не понял и удивился:

– Кто?

Нарочно или нет, но Лора Гринёва вдруг оказалась между Норой Джонсон и Глебом Исаковым. Сердце Феликса ревниво заныло. Никакой благодарности. Ему пришлось напрячься, чтобы понять вопрос.

– А не обсудить ли нам это за бутылкой водки? – снова предложил Глеб Исаков.

На него снова никто не обратил внимания, словно в ком-

---

⁵⁹ Bravo! Bravo! Один-ноль! Но вы, несомненно, от нас что-то скрываете. Вы очень хитры, Феликс (англ.).

пании Александра Гольдфарбаха и Нора Джонсон он играл роль пустого места.

– John Kebich and Victor Bergamasco, – сказала Нора Джонсон, и её гневливая морщинка была единственным, что ожило на её лице.

– А-а-а... эти... – сделав равнодушный вид, произнёс Феликс. – Я не знал. А что они натворили?

Глеб Исаков радостно потрясал бутылкой водки и бутербродами с колбасой и походил на доморощенного клоуна, из рукавов которого выпадают разные загадочные вещи. Ему не терпелось выпить. Такова была его природа. Он кодировался и расшивался, кодировался и расшивался, и этому не было предела: череда взлетов и падений, ключицы у него тоже не было, сломал он ключицу в пьяной автоаварии. И вдруг Феликсу показалось, что это уже было, что они ехали в этом лифте: Глеб Исаков потрясал бутылкой, Александр Гольдфарбах смотрелся голенастым аистом, а старуха Нора Джонсон ревновала юную Гринёву буквально ко всем мужчинам.

– John Kebich came up with a character eight addict⁶⁰, – сказала она осуждающе.

– Это большое прегрешение, – через силу согласился всё ещё расстроенный Феликс.

Лифт остановился, и они оказались в холле. Гринёва по-прежнему делала равнодушный вид и беспечно болтала с Глебом Исаковым, который вился вокруг неё, как комар, по-

---

⁶⁰ Джон Кебич придумал персонаж восьмилетнего наркомана (англ.).

чуявший кровь. Значит, это игра? Значит, она меня не любит? – думал Феликс, не смея взглянуть в их сторону. Кровь отлила у него от лица, кожу словно стянуло алебастровой маской.

– А не обсудить ли нам это за бутылкой водки? – в третий раз предложил Глеб Исаков.

Он старался не глядеть на Феликса. Лицо его было угодливым и льстивым. Феликса передёрнуло. Вот кто остался в прошлом веке, вот кто настоящий «совок», ибо, несмотря на «новую свободу» и «журналистику без оглядки», он всего боялся. Боялся ступить не так, боялся сказать лишнее слово. Поэтому больше глубокомысленно молчал, а если и выражался, то короткими, рублеными фразами. На начальство это производило огромное впечатление, оно почему-то решило, что за этим скрывается большой ум. Феликс же раскусил этого угодника в два счёта, как только первый раз увидел его. Глеб Исаков умел вызывать к себе сильное чувство неприязни. С тех пор это чувство в Феликсе не уменьшалось, а наоборот, только возрастало. И конечно же, он теперь мог с превосходством смотреть на своего врага, ибо враг этот не знал своего даже ближайшего будущего, а Феликс знал, и знал, что надо делать.

– А что натворил Виктор Бергамаско? – спросил он, чтобы только отвлечься, чтобы только не мучиться неразрешимым вопросом в отношении Гринёвой и Глеба Исакова.

Гринёва подула на чёлку и сотворила очередной фокус с

рыжим облаком. Сердце у Феликса сладко ёкнуло. Рыжая чёлка сводила его с ума. Рыжая чёлка была вершиной совершенства. Рыжая чёлка была вестником его преждевременной смерти от гепатита А.

– Он придумал английского солдата, застрелившего подростка в Белфасте, – с разоблачительными нотками в голосе сообщил Александр Гольдфарбах и нагнулся, чтобы заглянуть Феликсу в глаза и проверить его реакцию.

Феликс ответил жёлчно:

– Я умилен, – любил он так поддеть, когда собеседник оказывался в слабой позиции.

– Чему? – не понял Александр Гольдфарбах и уставился на него, как профессор ботаники, то есть абсолютно бессмысленно, осуждая Феликса с точки зрения непонятно какой морали, но уж точно не христианской, ибо в Библии сказано: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

Они на своём Западе или слишком наивные, или мазохисты, впервые с неприязнью подумал Феликс. Да у нас таких фокусников пруд пруди. Нет, конечно, они не пулицеровские лауреаты, попроще, но тогда получается, что вся западная журналистика ничего не стоит, что она построена на лжи и лицемерии, что они прошли свою часть пути и теперь пытаются учить нас жизни.

Примерно об этом Феликс и сообщил Александру Гольдфарбаху, заставив его погрузиться в тягостные раздумья.

– Нет... – озадаченно сказал он через минуту, – почему

же? Мы очищаем свои ряды...

– In our instinct of self-preservation⁶¹, – заверила его Нора Джонсон, которая прекрасно понимала по-русски, но не умела говорить.

Они вышли на улицу. Воздух был свеж и наполнен запахами сосны. На небе висела огромная жёлтая и порочная луна, призывая людей действовать согласно своим низменным инстинктам. Город лежал в низине и переливался огнями. Подбежал испуганный охранник:

– Господа... господа... по закону шариата алкогольные напитки можно распивать только в помещении гостиницы.

Александр Гольдфарбах посмотрел на него так, словно увидел чёрта, и чуть ли не перекрестился. Глеб Исаков возмущённо взмахнул руками, собираясь улететь в чёрное небо, где у него обитал двойник. Нора Джонсон ничего не поняла. А прекрасная Лора Гринёва загадочно улыбнулась, словно она одна знала, чем всё кончится. И действительно, не переться же нам обратно в гостиницу, подумал Феликс, это не по-русски.

– А знаешь, что такое Америка? – Александр Гольдфарбах ткнул охранника холёным пальцем в грудь.

– Да, сэр, – кивнул охранник. – Америка – это...

– Не напрягайся, – сказал Глеб Исаков.

– Хорошо, – согласился охранник.

– Это очень могущественная страна, – заверил его Алек-

---

⁶¹ В нас срабатывает инстинкт самосохранения (англ.).

сандр Гольдфарбах. – Ты даже не представляешь, какая могущественная!

– Да, сэр, – испуганно согласился охранник.

– Ты лучше подскажи, где нам пристроиться. Мы будем вести себя пайньками.

– Сэр, меня выгонят с работы... – сказал охранник не очень твёрдо и, ища поддержку, с мольбой посмотрел на Феликса.

Феликс пожал плечами, говоря тем самым, что он не комментирует действия Александра Гольдфарбаха.

– Слушай, что тебе говорят, – вмешался в спор Глеб Исаков, – и ты станешь счастливым человеком.

– Это тебя успокоит, – Александр Гольдфарбах сунул ему в карман формы купюру.

– Сэр, меня всё равно уволят, а сейчас очень трудные времена.

На этот раз его голос был ещё менее твёрд, в нём проskalьзывали панические нотки. Похоже, он знал, что такое жизнь, и страшился её.

– Ничего, – похлопал его по плечу Глеб Исаков, – возьми автомат и пойдёшь воевать в Россию.

Как всегда, он нёс ахинею, как всегда, он был глуп в своих умозаключениях. Нора Джонсон ничего не сказала, потому что мало что поняла. Гринёва же промолчала, потому что знала, чем, где и как заканчиваются все русские пьянки. Надо родиться в России, чтобы понимать значение выпивки

для русской души, подумал Феликс. Выпивка была национальным гимном, знаком, судьбой!

Охранник затравленно вертел головой:

– Ладно, – согласился он, – идёте я покажу вам место. Только ради Аллаха, не шумите. Меня уволят, я и так уже три раза был ранен.

Феликс пригляделся: охранник действительно был немолод и вполне мог участвовать и в первой, и во второй чеченских войнах, но дослужился всего лишь до гостиничного охранника, и у него действительно был повод задуматься о смысле жизни.

– Я тоже был ранен вот здесь! – громко сказал Александр Гольдфарбах, показывая себе на грудь, – но, слава богу, выжил.

Врёт, подумал Феликс. Господин Александр Гольдфарбах появлялся только на пепелищах, когда все мировые страсти улягутся. Вот тогда и начиналась его работа сутяжника с игроками мира сего, которые естественным образом наследили за собой. И, видать, работа шантажиста была весьма прибыльной и удачной, иначе бы Березовский не держал его при себе. Вот и теперь он выискивал себе кусок покрупнее да пожирнее и, как гончая, чуял его, но не мог найти. Естественно, на такой информации можно было много наварить. Главное, знать, как. А Александр Гольдфарбах знал, как это делается. Так по своей наивности думал Феликс, не веря теперь абсолютно никому: ни Норе Джонсон, ни, естественно, Алексан-

дру Гольдфарбаху, ни мистеру Биллу Чишолму, даже самому себе, не говора уже о Глебе Исакове. У него осталась только призрачная надежда, что его великолепная, прекраснейшая Лора Гринёва совсем не такая, что она единственная понимает и, главное, любит его, но не хочет поступиться гордостью.

– Ради Аллаха, господа, тише, – испуганно оглянулся на гостиницу охранник, из которой за ними, несомненно, наблюдали и фиксировали каждый шаг. – И бутылочку спрячьте, спрячьте вашу бутылочку, господа...

Он повёл их на задний двор, за какие-то железные конструкции, которые в свете луны казались воздетыми в бездонное небо скорбными руками. В низине за соснами пряталась беседка с дубовым столом и скамейками.

– Вот тебе ещё за услуги, – сказал Александр Гольдфарбах, и в его голосе проскользнули барские нотки.

То ли от избытка чувств, то ли от преданности, но охранник смахнул со стола клейкие тополиные почки и, пробормотав: «Баркал»⁶², убежал, испуганно косясь на здание гостиницы.

Глеб Исаков расставил стаканы.

– They belong to a new wave of «objective journalism»⁶³, – вернулась к разговору Нора Джонсон и изобразила на лице учтивость.

---

⁶² Спасибо (чеч.).

⁶³ Они принадлежат к новой волне «объективная журналистика» (англ.).

Российский аналог «журналистика без оглядки». Но именно она, журналистика, оказалась самой и самой консервативной, ибо мир кухонь в одночасье рухнул, свобода выплеснулась на улицы, а журналистика плелась где-то в хвосте и однажды обнаружила, что она не в силах осмыслить происходящее, что она безнадежно деградировала. Оказалось, чтобы писать по-свободному, надо учиться мыслить по-свободному. Тут и началось самое интересное, потому что вся пресса моментально пожелтела, ибо никто не знал, где верх-низ, где право, а где лево. Благодатная почва для промывания мозгов населению. Ура! Наша маленькая буржуазная революция свершилась!

– Наверное, у вас очень правильная страна, – сказал Феликс, думая совсем о другом, как бы очутиться рядом с Гринёвой, но она, как назло, села между Глебом Исаковым и Александром Гольдфарбахом. – У нас на такие пустяки не обратили бы внимания, – добавил он, замечая, как Глеб Исаков вроде бы как случайно прижимается к Гринёвой, а той хоть бы хны.

– I hope you do not trust them?⁶⁴ – решительно спросила Нора Джонсон.

Она походила на вышедшую в тираж лесбиянку. Пару раз Феликс с удивлением заметил, как она откровенно рассматривает Лору Гринёву – так обычно мужчины смотрят на женщин. Он вспомнил, как одна его приятельница, чертовски

---

⁶⁴ Надеюсь, вы им не доверяете? (англ.).

красивая приятельница, здороваясь с ним, всегда смотрела куда-то ему в пах. Она оказалась любвеобильной, но замеченной в порочащих её связях, как то: ещё с десятком-другим мужчин. Феликс сразу же её бросил. Похожий взгляд был и у Норы Джонсон.

– Нет, конечно, – весело ответила Лора Гринёва и вопросительно посмотрела на Феликса: правильно ли она сообразила.

Феликс незаметно показал ей большой палец, поставил в гроссбухе жирную пятёрку с не менее жирным плюсом и догадался, что она специально держится с ним так, чтобы их потом ни в чём нельзя было заподозрить. Молодец, девочка, решил он, далеко пойдёт. Они выпили, и водка показалась ему слабенькой, как сидр.

– Финская, – сказал Глеб Исаков и выложил бутерброды.

Он по-прежнему избегал взгляда Феликса и старался не общаться с ним. Ясно, что, если бы не Александр Гольдфарбах и Нора Джонсон, с которыми он дружил из корыстных интересов, он, как и прежде, обошёл бы Феликса Родионова десятой дорогой. А здесь деваться некуда.

Феликса же воротило от его голоса и манер. И вообще, мысленно он его уже уволил из «военного отдела». А ведь за ним должок, вспомнил Феликс. Ну да мы ему ещё припомним, и он решил при случае набить ему морду.

– Эти люди себя дискредитировали, – важно объяснил Александр Гольдфарбах.

– Я не в курсе дела, – миролюбиво ответил Феликс.

В общем-то, ему было наплевать на подобные мелочи: буря в стакане воды. Нам бы их проблемы. Его больше заботила Лора Гринёва, которая мучила его, как зубная боль.

– What they do not tell you, it's all a lie⁶⁵, – заверила его Нора Джонсон, и её гневливая морщинка между бровями обозначилась явственней.

«Американцы заражены мессианством. Каждое воскресенье Нора Джонсон ходит в церковь и молится на ночь. Может быть, от этого все их беды – переделать мир под себя?» – подумал Феликс и впервые нашёл объяснение поведению американцев, которое было абсолютно чуждо русскому духу.

– К тому же они любовники! – со смехом сказал Александр Гольдфарбах.

– И это люди, которые учат весь свет быть толерантным! – воскликнула Лора Гринёва и насмешливо блеснула глазами.

– Не надо быть наивным! – нервно отозвался Александр Гольдфарбах. – Честно говоря, господа, меня их отношения мало волнуют. Гораздо интереснее, что будет сейчас и в данный момент.

– Что будет? – наивно переспросил Глеб Исаков. – Война будет, что ещё будет.

– It's just all understand⁶⁶, – многозначительно сказала Нора Джонсон.

---

⁶⁵ Что бы они вам не говорили, это всё ложь (англ.).

⁶⁶ Это как раз все понимают (англ.).

– Нас интересует нечто другое, – снова важно сказал Александр Гольдфарбах. – Скрытое движение материи.

– Но кто же об этом в открытую заявит, – засуетился Глеб Исаков, стараясь показать свою журналистскую хватку.

– We're not talking about that⁶⁷, – словно отрезала Нора Джонсон.

Глеб Исаков растерялся и, чтобы скрыть свою промашку, снова налил водки. Они выпили в мрачной тишине, откуда-то снизу долетел пронзительный звук трамвая, да в акции запела цикада, а в остальном Имарат Кавказ затих в предчувствии большой войны.

– Мы говорим о сенсации, которая витает в воздухе, – наконец-то проговорился Александр Гольдфарбах и вопросительно посмотрел на Феликса.

Если он сейчас унижится до того, что попросит раскрыть ему информацию, то он будет самым большим дураком в мире, невольно подумал Феликс, и ему впервые за сутки стало по-настоящему весело, он даже на мгновение забыл о своей неудаче с Гринёвой.

– А что это? – очухавшись после оплеухи, спросил Глеб Исаков.

– Мы не знаем, о чем идёт речь, – признался Александр Гольдфарбах. – Просто наши коллеги проявили нетактичность и пытаются водить нас за нос.

---

⁶⁷ Мы не об этом (англ.).

– But sooner or later, it will end⁶⁸, – многозначительно поведала Нора Джонсон.

– Да, кончится, – заверил непонятно кого Александр Гольдфарбах и снова вопросительно посмотрел на Феликса.

– А я при чём? – удивился Феликс, сообразив, что отмалчиваться дальше опасно и подозрительно.

– What did they ask you?⁶⁹

– Они мне показали телеграмму адмиралтейства, в которой названа точная дата начала войны, – не моргнув глазом соврал Феликс.

– So what?⁷⁰

– Хотели, чтобы я напечатал в нашей газете, – снова соврал Феликс, – а гонорар поделил поровну.

И так у него ловко вышло, что ему захотелось рассмеяться им в глаза и посмотреть, какие у них после этого будут рожи – особенно у Глеба Исакова. Вот кто тут же побежит доносить. Порой откровенная ложь доходчивей правды.

– Это не тайна! – очень серьёзно сказал Александр Гольдфарбах.

– Yes, it is no mystery⁷¹, – согласилась Нора Джонсон.

– Для кого как, – сказал Феликс, намекая на тот общеизвестный факт, что все сенсации имеют предварительную ин-

---

⁶⁸ Но рано или поздно, это кончится (англ.).

⁶⁹ О чём они вас просили? (англ.)

⁷⁰ Ну и что? (англ.)

⁷¹ Да, это не тайна (англ.).

формацию, вектор которой можно нащупать. Но такое дано не каждому. Это высший пилотаж в журналистике, ибо тогда можно достаточно точно прогнозировать и прослыть умным малым. Такому малому живётся, словно сыру в масле.

– Они бы не стали тебя поить, – убеждённо сказал Александр Гольдфарбах. – Я их знаю.

Несомненно, он заподозрил, что Феликс соврал.

– А мы встречались в Европе. Эта был дружеский жест, старые долги. Они мне предложили сделку, я отказался.

– Why?⁷² – с безнадежностью в голосе спросила Нора Джонсон.

– Мелко, – будничным голосом пояснил Феликс. – Через пару дней и так всё будет ясно. Тогда и начнётся настоящая работа.

Александр Гольдфарбах хлопнул себя по лбу, словно он прозрел:

– Я понял, на что ты нацелен.

– Да, я буду писать об ужасах и зверствах, чинимых русской армией, – просто и естественно ответил Феликс. – Такова линия нашей газеты «Единогласие», – заверил он их и даже самого себя.

По лицу Александра Гольдфарбаха промелькнуло разочарование. Он понял свою ошибку, забыв, должно быть, что та информация, которой он обладал, совсем не об этом. А ещё он плохо подготовился к этой вроде бы случайной встрече и

---

⁷² Почему? (англ.)

не узнал, действительно ли Феликс Родионов был знаком с Джоном Кебичем и Виктором Бергамаско. Это был его прокол. Он надеялся обскакать русского на одном дыхании, которого не хватило, обмишурился он, где и как – ещё не понял, и ему нужно было время, чтобы сообразить, что делать дальше. А чтобы сообразить, ему нужно было залезть в компьютер и пошевелить мозгами. В общем, у Феликса появилась фора, и он понял это.

Нора Джонсон с беспокойством посмотрела на Александра Гольдфарбаха. Ясно было, что они не успели обговорить такой вариант развития событий.

От конфуза Александра Гольдфарбаха спас звонок мобильного телефона:

– Да? – с удивлением сказал он в трубку и вопросительно уставился на Феликса. – Ты уверен? – Он словно глядел сквозь Феликса, и надменная улыбка сходила с его лица, как дешёвая краска с забора.

– Абсолютно, – услышал Феликс, потому что связь была отличная, и голос был с характерным кавказским акцентом.

– Ну смотри... – как-то странно произнёс Александр Гольдфарбах и убрал телефон.

Теперь он был бледен, как покойник, даже бледнее Феликса.

Глеб Исаков, который абсолютно ничего не понял, снова подсуетился, и они неохотно выпили водку, которая больше напоминала сидр. Феликс на радостях даже закусил. По

тому, как переглянулись Александр Гольдфарбах и Нора Джонсон, он почувствовал, что произошло что-то, имеющее непосредственное отношение именно к нему, Феликсу Родионову. И это «что-то» было не очень хорошее, даже, наверное, очень плохое, быть может, кардинально изменившее ситуацию. В гробовой тишине Исаков снова разлил водку. Выпили, и Норе Джонсон захотелось курить. Они отошли в сторонку.

– There’s nothing there⁷³, – услышал Феликс, у которого из-за Лоры Гринёвой до предела обострились все чувства.

– Are you sure?⁷⁴

– More precisely does not happen⁷⁵.

– Was he so clever?⁷⁶ – Она невольно оглянулась.

– God knows⁷⁷.

– What do we do?⁷⁸

– I’ll think of something⁷⁹.

– Think fast, there’s no time⁸⁰, – нервно сказала она, и её гневливая морщинка стала похожа на трещину в коже.

---

⁷³ Там ничего нет (англ.).

⁷⁴ Это точно? (англ.)

⁷⁵ Точнее не бывает (англ.).

⁷⁶ Неужели он такой хитрый? (англ.)

⁷⁷ Бог его знает (англ.).

⁷⁸ Что будем делать? (англ.)

⁷⁹ Я что-нибудь придумаю (англ.).

⁸⁰ Думай быстрее, у нас нет времени (англ.).

– Do not worry, I'll do it⁸¹, – заверил он её.

– You feel good, – сказала она, – and I would be killed without hesitation⁸².

– Do not worry, dear, not so bad⁸³.

– Mind you, with both of us will be asked to complete⁸⁴.

– Carefully, he observes⁸⁵.

Они вернулись к столу со злыми лицами. И вот тогда страх, который сидел где-то в подкорке, снова вылез, и Феликса охватила паника. Вдруг эти двое связаны с секретными службами, а я их дразню. Рано или поздно они докопаются до истины. Хорошо бы, это произошло после начала войны, когда меня здесь не будет. Как он глубоко ошибался.

* * *

Он так расстроился, что всю ночь то ли спал, то ли не спал, а под утро, когда всплыл из небытия, страх снова овладел им: что если Гольдфарбаха посетит озарение и он поймёт что к чему? При ухудшении ситуации компашка может упредить развитие событий – недаром у них в наперсниках человек с кавказским акцентом.

---

⁸¹ Не волнуйся, я всё сделаю (англ.).

⁸² Тебе хорошо, а меня убьют, не задумываясь (англ.).

⁸³ Не волнуйся, дорогая, не всё так плохо (англ.).

⁸⁴ Учти, с нас обоих спросят по полной (англ.).

⁸⁵ Осторожно, он наблюдает (англ.).

Но наступил рассвет, ничего не случилось, и Феликса чуть-чуть отпустило, но ненадолго. Утром он снова кусал пальцы и не знал, что ему делать. Впрочем, думал он, если мне так везёт в жизни, то почему бы ещё раз не смотаться за марочным «наркозом»? И силы были на исходе, и колени дрожали, и сон бежал из глаз, однако надо было что-то делать, а не оставаться в неподвижности. Лора Гринёва! Любовь и отчаяние! Золотое облако из рыжей чёлки и серебристого смеха растаяли, как наваждение. На ней можно было поставить жирный крест: вчера она, вихляя своим восхитительным задом и поводя туда-сюда угловатыми плечами, ушла с Глебом Исаковым. И Феликс с его опытом и с бесконечным везением понял, что ничего не понял в жизни, что запутался, как в трёх соснах, как глупый пингвин в сетях, как мотылёк, прилетевший на огонь. Обожгла ему крылья Гринёва окончательно и бесповоротно. Так обожгла, что при мысли о ней у него начинала болеть голова, а в паху поселялся кирпич. И думать было абсолютно не о чем, потому что всё было передумано, всё истёрто в порошок и посыпано пеплом.

А ещё он понял, что кабинет кто-то обыскивал и возился с компьютером. Найти, конечно, этот кто-то ничего не нашёл, потому что Феликс съёл буквально всю информацию, относящуюся к «тайне президента». Научили его кое-чему на свою голову помощники мистера Билла Чишолма, кое-чему – приятели, но в основном он постигал азы самостоя-

тельно и хорошо себе представлял, где что лежит и как «это» убрать, да ещё так, чтобы не оставить следов – даже намёка, даже вздоха. Поэтому Александр Гольдфарбах и Нора Джонсон попали впросак. Ах, какой я хитрый, без особого восторга думал Феликс, хитрый и глупый – проворонил Гринёву.

Однако уничтожить вторую флешку у него не хватило духа. Не потому что он не надеялся на Гринёву, и не потому что надежда умирает последней, а потому что, если что-то пойдёт не так, как, по идее, должно пойти, и его обвинят в банальном воровстве – это единственное алиби, которое его оправдает. Впрочем, в чём бы его ни обвинили, лучше об этом не думать, ибо что-то ему подсказывало, что исход такого развития событий может быть один – голова с плеч, ибо им займутся люди куда более могущественные, чем мистер Билл Чишолм, люди, умеющие работать исключительно руками, а не головой. Поэтому он взял флешку с собой, примотав её клейкой лентой к внутренней стороне лодыжки. Не очень удобно, он зато надёжно: лодыжка – это как раз то место, которое обыскивают в последнюю очередь.

Всё это Феликс обдумывал, пока собирался. Нашёл деньги, которые засунул в грязные носки, оделся по-дорожному: в джинсы и куртку, набил карманы «nescafe» и прихватил бутылку минеральной воды. По старой привычке посидел на тумбочке – сосредоточенно, как Будда, и со вздохом поднялся, чтобы покинуть номер. После вчерашнего загула гостиница спала мертвецким сном, лишь на сорок восьмом эта-

же в холле какая-то девица с голым задом пила из горлышка шампанское и пробовала помочиться в кактус.

Прислуга оказалась настолько вышколенной, что не замечала ничего вокруг, служащие гаража залили полный бак и свозили «Land cruiser» в мойку. Теперь он сиял своим никелированным «кенгуру» и окантовкой. Стоимость услуг и бензин входили в счёт номера. Имарат Кавказ ни в чём не хотел ударить лицом в грязь.

Феликс, дыша алкогольными парами, забрался в машину и выехал, когда жёлтая луна ещё властвовала на небосклоне и город уже притих, ожидая своей участи, а муэдзины призывали к молитве. Рассвет был по-весеннему тёплый, ветер гулял по салону и свистел в обшивке всё то время, пока Феликс нёсся по трассе, как навстречу судьбе. На границе у него даже не стали проверять документы, только глянули на перекошенную физиономию. Капитан Габельый, как старому знакомому, махнул рукой, а прапорщик Орлов поглядел с нескрываемым презрением. Впрочем, Феликс не остался в долгу и продемонстрировал большой палец, на что прапорщик Орлов пообещал «вырвать его с корнём», но капитан Габельый не позволил и что-то такое сказал, отчего Орлов радостно заржал:

– Гы-гы-гы!!! – и хлопнул себя по ляжкам, едва не выронив оружие.

Феликс было обиделся, хотел выяснить отношения, даже открыл было дверцу, но передумал, вспомнив, что ему ещё

раз пересекать границу: «А потом вы запляшете у меня!»

Он так и сказал:

– Зажпляшете!

– Это кто запляшет?! – возмутился прапорщик и попёр, как бульдозер, выставив грудь колесом и демонстрируя зачатки драчуна.

Однако капитан его снова остановил и даже произнёс что-то похожее: «Не трогай, вонять не будет». Инцидент был исчерпан. Феликсу вдруг расхотелось выяснить, кто «вонять-то не будет». Нетрудно было догадаться, о ком идёт речь. Он только пообещал самому себе, что в первой же статье назло всем напишет именно об этом КПП № 29 и именно о капитане Габелом и о прапорщике Орлове, и как они требовали мзду за проезд, и как обыскивали служебную машину с посольскими номерами, и как нагло себя вели – сатрапы, одним словом, а не русская армия. Ну ничего, думал он, цепеня от злости, распишу самую красочную историю, пусть потом отмываются. Хотя это и мелко, хотя в этом всём нет ничего глобального, хотя наверняка не напечатают, но назло возьму и напишу.

С огромным разочарованием он унесся прочь. Радовало только одно, что очень скоро дикие сыны Востока укажут войкам их место. Были бы вы нормальными, я бы вам по секрету сообщил дату войны, злорадно подумал Феликс, а так дудки! Утешив таким образом своё самолюбие и разделавшись с врагами, он успокоился и подумал, что впереди у него

трудный день. Странное дело, за делами и заботами Гринёва никуда не делась, а сидела, как заноза, в подсознании и мучила, и мучила Феликса. Он запрещал себе думать о ней, но стоило расслабиться, как он обнаруживал, что беседует с ней, доказывая очевидность своей влюблённости и очевидность неразумности её поступков. А главное – зачем она пошла с Глебом Исаковым? Не в постель же? Чёрт побери! Никому не простил бы такого, а перед ней был бессилён, как дурак или как святой. Впрочем, выбирать не приходилось, ибо он был болен, и болезнь эта называлась этой самой дурацкой любовью.

Получается, он сам себе сделал прививку от всех других радостей жизни. Ничего не хотелось: ни выпивки, ни женщин, ни общения с друзьями в ресторане у Рашида Темиргалаева, не радовал сам факт командировки в Имарат Кавказ, хотя раньше он мотался сюда с большим удовольствием. Растерял вкус к жизни он. И всё она – Гринёва, при одном воспоминании о которой его горло стягивала горькая обида. «К чёрту, – обещал он сам себе, – больше думать не буду». Но затем вдруг обнаруживал, что ведёт с ней долгие, изматывающие душу беседы. Это походило на маленькое помешательство, от которого невозможно никуда деться. Разве что броситься с ближайшего моста. Однако речки все были мелкие и перекатные. Не утонешь, только шею сломаешь. А шею ломать Феликс себе не хотел.

Нужный человек словно только и ждал его:

– Слава Аллаху! – воскликнул он. – Я знал, что приедешь!

И они борзо, как олени, побежали в подвалы, будто понимая, что время мирной жизни стремительно истекает и надо успеть сделать ещё множество дел, до которых раньше руки не дошли. Перед смертью не надышишься, решил Феликс и три раза прочитал: «Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое», хотя в Бога не верил. Водила его в детстве мать в храм Христа Спасителя, вот он и запомнил.

Они работали, как одержимые, и Феликс взял по полной – шестьсот литров, и пока трудился в поте лица своего, невольно прислушивался, ему почему-то казалось, что война начнётся раньше времени, именно сегодня, а не завтра. Естественно, местные бандиты, которых пока сдерживала власть, ринутся в такие подвалы, как этот. От этого и от других тоскливых предчувствий в голову лезли самые необузданные мысли, например о «валовом национальном счастье», хотя бы частички его, хотя бы капельки. Глупо, конечно, но лезли, и всё из-за Лоры Гринёвой. В основе предвыборной программы Михаила Спиридонова лежала идея этого самого «валового национального счастья». Иными словами, претендент поставил себе задачу создать такие условия, при которых народ вольно или невольно должен был стремиться к этому самому счастью. Может быть, всеобщее пьянство и есть это самое «валовое национальное счастье»? Кстати, идея Спиридонова оказалась не так уж нова. Стоило Феликсу покопаться в инете, как он обнаружил, что что-то подоб-

ное уже было апробировано в далёком горном Бутане, только там вместо водки пили пиво. Для русского уха «валовое национальное счастье» прозвучало смешно. Но потом привыкли, и на улице можно было слышать: «А вот наше валовое национальное счастье...» – ну и прочее, соответствующее моменту, что добавлялось в таких случаях, особенно в сочетании с квартплатой, пенсиями и ценами на «наркоз». Нельзя было сказать, что в такой формулировке идея прижилась, но над ней тихонько или прилюдно потешались. Счастья хотелось всем, но у каждого было своё представление об этом странном счастье. Впрочем, все единогласно сходились во мнении: чем больше денег, тем ближе долгожданное счастье. А так как Михаил Спиридонов не мог обуздать инфляцию, коррупцию и прочие асоциальные явления, то получилось, что идея «валового национального счастья» не выгорела, и Феликс тоже недоумевал, как можно было с такой платформой выиграть выборы. А дело обернулось вон как, наконец понял он, совсем даже меркантильно: пятью триллионами баксов. Такой огромной взятки в истории человечества ещё никому не давали. Несомненно, Россия в очередной раз оказалась впереди планеты всей. Всё, чем он когда-то восхищался, показалось ему пустым и ненадёжным. Замки из песка, подумал он. А вдруг американцы настолько хитры, что точно так же, как и в истории с Александром Лебедем, ведут Михаила Спиридонова втёмную. За такие-то деньги-то, конечно. Нашупали его нерв – неуёмное стремление к власти и

к пустопорожним реформам ради реформ. Впервые Феликс подумал о Михаиле Спиридонове нелицеприятно. Говорят, что генерал Лебедь тоже борзо начал, а потом оказалось, что под тонким руководством моих любимых американцев. Чем он кончил, всем известно – нежданно-негаданно разбился на вертолёте.

Феликс нервно предложил, расплачиваясь:

– Выпьем на прощание.

Нужный человек покорно согласился:

– Выпьем.

Сбежал куда-то в глубь подвала и вернулся с таким коньяком, который Феликс за всю свою бурную молодость ни разу не пробовал – даже в занюханном Нью-Йорке.

– Исключительно для себя храню, – объяснил нужный человек. – Ну да теперь уже всё равно.

– Может, обойдётся?

– Сегодня у меня соседа-полицейского убили, – сказал нужный человек и косо посмотрел в тёмный угол.

– Вот как... – оценил его слова Феликс, он не сразу понял их значение.

До сих пор ему почему-то казалось, что все-все играют в страшно интересную игру под названием «Большая Кавказская война», и что это чисто виртуальная игра, и что она никогда не произойдёт на самом деле, даже после того как о ней громко заявил Соломка Александр Павлович. И вдруг она проявилась совсем в другом качестве и сделалась реальной

и неотвратимой. От этих мыслей у Феликса по спине пробежал мороз. Зря я не остался дома, подумал он, зря. Может, плюнуть на всё и рвануть в Москву? Страшный соблазн охватил его: с одной стороны, к вечеру завтрашнего дня, если повезёт, он будет дома, а с другой – Гринёва всё ещё в объятиях Глеба Исакова. Нет, этого перенести он не мог. Конечно, убеждал он себя, она не легла с ним в постель. Конечно, она не настолько глупа. Конечно, всё это игра для того, чтобы запутать противника. Моя девочка всё сделает верно и надёжно. Она всех обхитрит, в том числе и меня, думал он с горечью, чтобы совершить правое дело. А вдруг я её идеализирую, вдруг она – просто шалава, которая спит со своим главным и со всеми подряд, в том числе и с Глебом Исаковым? А я на неё надеюсь, как на Бога? Нет, не может быть, страдал он в неведении. Она любит меня, иначе бы не прыгнула ко мне в постель. Как же, в следующее мгновение думал он, пошла перепихнулась с Глебом Исаковым, как и с любым другим. Неразрешимые противоречия разрывали его душу. То он её ненавидел, то боготворил и не мог прийти ни к какому мнению. От неизбывного горя очень хотелось укунить себя за палец.

В таком состоянии он не без душевных терзаний и расстался с нужным человеком. Алкоголь только усугубил его страдания.

– Утром всё вылью на землю, – бесцветным голосом сообщил нужный человек.

– Куда поедешь?

– На Алтай, говорят, там медовуху умеют варить. Буду полугар гнать. Заводик открою, то да сё...

Они обнялись.

– Ну... прощай! – сказал Феликс с тяжёлым сердцем. – Ты был хорошим винокуром.

– Прощай! – ответил нужный человек. – Ты был хорошим покупателем.

Назад он ехал, как на казнь, невольно сбрасывая скорость, и там, где управлялся за полчаса, ему понадобилось ещё столько же. Так или иначе, но до «стены» он всё-таки добрался с тяжёлым сердцем и разбитыми надеждами. Он и сам уже не знал, нужны ли ему эти деньги. И когда её грозный облик проявился на горизонте, сердце его забилося, как у колибри, деньги ему явно были уже не нужны, а нужна была только Гринёва.

КПП № 29 встретил его гробовым молчанием. Феликс уже собрался было сцепиться с неугомонным прапорщиком по фамилии Орлов, однако из вагончика едва ли не на карачках выполз сонный лейтенант Аргаткин и, едва взглянув на «Land cruiser», лениво поднял шлагбаум. Ну и порядочки! – возмутился в душе Феликс. Впрочем, подумал он, не буди лихих, пока оно тихо, и прошмыгнул, как мышь.

На другой стороне границы его уже ждали. Он почувствовал это сразу. Даже остановился на нейтральной территории, хотя на чеченской стороне всё было тихо, как в июньский

полдень: бродила коза с колокольчиком, да шелудивая собака чесалась у шлагбаума, гоняя блох, и ни одной бандитской рожи, не говоря уже о союзничках. Только за поворотом, в отдалении, там, где чернели плоские крыши «караван-сарая», шлялась чеченская детвора, готовая к поборам.

Ох, как не хотелось ехать дальше Феликсу. Так не хотелось, что рука сама потянулась выдернуть ключ из зажигания, а в животе возникла пустота, словно Феликс попал в воздушную яму. Да что же это я, очнулся он. В голове даже возник дикий план протаранить шлагбаум и пойти на прорыв. Но он тут же отбросил эту глупую мысль. Поймают, хуже будет. Кожу сдерут с живого.

В тот момент, когда он уже было решил вернуться, на дороге вышел не кто иной, как сам мистер Билл Чишолм и поманил Феликса волосатым пальцем. Для Феликса всё было кончено. Животный страх овладел им, и он сделался, как загипнотизированный кролик, ползущий к удаву. Казалось, он даже слышит: «Феликс, договор дороже денег, кто будет освещать события в Имарате Кавказ?» «Я, я, я...», – твердил Феликс, послушно приближаясь к мистеру Биллу Чишолму, который стоял, широко расставив ноги и крепко упираясь в землю. Его круглая голова, сидящая на короткой шее, поросшей рыжими волосами, кургузое тело с непомерно развитыми плечами, и руки-крюки человека, который три раза в неделю таскает «железо» в тренажёрном зале, всегда действовали на Феликса завораживающе, и хотя он всячески бо-

ролся, как и сейчас, со своим животным страхом, но до конца так не мог избавиться от гипнотического взгляда мистера Билла Чишолма.

– Да, мистер Чишолм, есть, мистер Чишолм, будет сделано, мистер Чишолм! – твердил он, как заведенный на все лады.

И вдруг очнулся. Это был вовсе не мистер Билл Чишолм, а американский солдат в шлеме, в стандартном трехцветном зеленом камуфляже, естественно, в бронежилете «хардкор», с винтовкой М16 наперевес и в крагах на толстой подошве.

Солдат даже не счёл нужным взять Феликса на прицел. Он просто стоял и лениво смотрел на приближающийся «Land cruiser», просевший на амортизаторах так, что было ясно: загружен под самую завязку. Кто ж такую добычу упустит?

Наконец в голове у Феликса что-то щёлкнуло, и он понял, что вовсе это никакой не американский чмарина, а самый настоящий чеченец, только бритый и упакованный под американца – именно такой, каким его часто описывал в своих репортажах он сам – мужественный, честный, а самое главное, несущий свободу в задрипанную Россию. Сердце у Феликса тихо ёкнуло. Он почувствовал, что попал в ловушку, а когда оглянулся, то увидел, что с другой, со «своей» стороны за ним наблюдают с любопытством тот же самый капитан Габелый, прапорщик Орлов и лейтенант Аргаткин, ну и рядовые за компанию. Лейтенант даже радостно скалился и, кажется, кричал: «Попался, красавчик! Ура тараканам!» Каки-

ми добрыми, нежными, а главное, родными показались они Феликсу. Пускай они его презирали, пускай они его не любили, пусть они даже были из другого лагеря, но были «своими», понятными и предсказуемыми. Им можно было в шутку сказать: «Пошли вы, ребята, в жопу!» И они бы поняли надрыв его души и даже посочувствовали. А уж чтобы отпустить, то отпустили бы точно. Ну может быть, накостыляли для порядка, но не со зла, а по-свойски, по-русски, чтобы вправить мозги. Но ведь я, к своему ужасу, подумал Феликс, уже готов. Самое страшное, что эти чувства противоречат всем установкам, о которых твердил мистер Билл Чишолм и о которых я сам думал, как о незыблемых истинах. А оказалось, что эти установки меняются. И ему впервые сделалось неприятно за то, что он такой непостоянный. Он даже готов был себя презирать, как полное ничтожество, но времени на самоанализ больше не было.

Феликс снова посмотрел на чеченца, в его пронзительно-хмурые глаза. Тот поднял винтовку и укоризненно покачал головой. Тотчас из здания КПП выскочили моджахеды всех мастей, одетые кто во что горазд, и окружили Феликса. У него ещё хватило сил спросить:

– А где американцы?!

– Мы за них! – захохотали они весело, как хохочут только дети гор. – Аллах велик и прозорлив! Мы ждали тебя, Вася!

Он ещё пытался что-то доказывать. В отчаянии много говорил. С надеждой показывал на дипломатический номер,

пока один из моджахедов не отбил его прикладом:

– Гаски⁸⁶, где твои номера? Ах-х... Ха-ха-ха!!!

И все засмеялись даже не то чтобы обидно, а издевательски, с угрозами, как умеют смеяться кавказцы, когда чувствуют свою безнаказанность и силу.

Тогда он дрожащими руками в качестве последнего аргумента достал документы. Их вырвали из рук, увидели российский герб, потоптали, затем выволокли его из машины и принялись избивать тут же на дороге.

* * *

Толстый хмурый человек спросил по-русски:

– Кто вы?

– Я Феликс Родионов, журналист газеты «Единогласие», – ответил Феликс, слегка заикаясь.

Не привык он к подобным жизненным встряскам и чувствовал себя, мягко говоря, не в своей тарелке. К тому же голова гудела, как котёл.

– Да, мы знаем, что вы журналист из Москвы. Что такой большой человек делает в нашей стране?

– Я аккредитован как дипломатический журналист при посольстве России освещать события в Имарате Кавказ.

Конечно, эта была липа, придуманная Соломкой Алексан-

---

⁸⁶ Русский (чеч.).

дром Павловичем и реализованная генеральным на самом высоком уровне. Но поди разоблачи эту липу, шишки набьёшь, а правды не найдёшь. Однако чеченцам правда не нужна. У них свои соображения. Всё это молнией пронеслось в голове у Феликса, и он отбросил всё лишнее и сосредоточился на главном – любым способом убраться отсюда живым и здоровым.

– Какие события?

– Ну... грядущие? – замялся Феликс, боясь ляпнуть не то, ибо бог знает, что эти кавказцы вообразят, потащат сразу на дыбу.

– На что вы намекаете?

Голос толстяка, как и прежде, был равнодушной ледника. Не видел он в Феликсе никого, кроме бутлегера. А бутлегеры – это кто? Это экономические преступники, ну ещё, разумеется, осквернители веры. Однако к новой вере толстяк относился не более чем с официальным пиететом, скорее, равнодушно, чем фанатично, ибо совсем недавно был начальником линейного отдела на станции Моздок в звании майора и своё теперешнее назначение рассматривал не только как недоверие новой власти, но и как понижение в должности. Поэтому он на службе не радел, а, что называется, тянул лямку да ещё под началом сил ООН, то бишь американцев. А под ними особенно не разгуляешься. Поэтому майору и его подчинённым ничего не доставалось, а здесь приличный куш сам приплыл в руки впервые, между прочим, за всё вре-

мя службы на границе и впервые за вторые сутки, как ушли американцы, и, похоже, единственный. Не воспользоваться им было глупо, люди майора не поняли бы. Вот он и прикидывал, как это половчее сделать, чтобы, во-первых, журналист молчал, а во-вторых, никто из своих не проболтался, ибо наверняка среди них затесался религиозный фанат, а фанатов даже чеченцы не любят. Значит, следовало проскочить между Сциллой и Харибдой и остаться с кушем. Майор любил греческую мифологию.

– Ни на что. У меня дипломатические номера и документы.

– Да, документы в полном порядке, – равнодушно согласился майор.

Он ещё не решил, как поступить с журналистом, а действовал по старой полицейской привычке выведать как можно больше, авось пригодится.

– Тогда в чём дело? – воспрянул было духом Феликс, и потрогал глаз, который пёк так, словно в него плеснули кислотой.

– Дело в том, что мы нашли в вашей машине алкоголь.

– Это не мой. Я вёз в гостиницу.

– Тонну алкоголя?! – ехидно спросил майор.

– Не тонну, а шестьсот литров.

– Какая разница. Алкоголь у нас запрещен. Исключение сделано лишь для иностранных представителей, в том числе и для журналистов на отдельных, оговоренных законом тер-

риториях. Всё остальное является преступлением, которым занимается шариатский суд, – майор посмотрел на Феликса с любопытством.

Интересно, как он вывернется, подумал он. Должен вывернуться, на то он и журналист. Феликс же понял его взгляд как предложение к покушению на дачу взятки.

– Но я же его не пил! – воскликнул Феликс.

– От вас пахнет, – парировал майор.

– Я выпил на той стороне, – Феликс мотнул головой в окно, за которым гоголем ходили пьяные чеченцы, гордые тем, что поймали бутлегера.

– Надо было протрезветь, – веско сказал майор. – Может, вы специально выпили, как только пересекли границу, мы же не знаем.

– Понял, – покорно сказал Феликс. – Что мне делать?

– Я сейчас позвоню кое-куда, – взялся за трубку майор.

– Не надо звонить. Давайте договоримся, – тихо попросил Феликс.

– Давайте, – охотно согласился майор.

– Там почти двести тысяч долларов.

– Где? – удивился майор и даже вытянул шею, чтобы посмотреть в окно.

Кроме уныло тянущейся степи, в окне ничего не было видно.

– Машина и алкоголь стоят сто шестьдесят тысяч, – объяснил Феликс так, словно майор чего-то недопонимал. – Это

всё ваше плюс те пятьдесят тысяч, которые были у меня в борсетке.

– Хм-м-м... – недоверчиво хмыкнул майор и подумал, что так оно и есть.

– Это минимум, – соблазнял его Феликс. – А алкоголь продать можно дороже.

– А вас, конечно же, отпустить? – иронично осведомился майор.

– Да, – скромно подтвердил Феликс его догадку и потрогал разбитую губу.

– Слишком много народа вас видело, – сказал майор так, что Феликс невольно присмирел и подумал, что чего-то не понимает.

«Зачем я ему, если есть куш?» – понял он.

– Если не поспекутите, то все будут молчать, – высказал своё мнение Феликс.

– Хм-м-м... – снова хмыкнул майор, соображая, вывернулся журналист или нет.

А ведь вывернулся, снисходительно подумал он. Ну да, собственно, это не имеет большого значения, деньги и так мои.

– Чеченец с врагом не договаривается, – отрезал майор и взялся за трубку.

– Ну что вам стоит, – сказал Феликс. – Я обязуюсь никому ничего не говорить, а там война начнётся.

– А откуда вы знаете о войне?! – оживился майор и даже

подпрыгнул в кресле.

По роду своей прежней работы он привык выдавливать из жертвы все соки, добираясь до исходных корней человеческой низости, в этом отношении журналист ничем не отличался от других людей.

– Об этом знает любая собака, – сказал Феликс упавшим голосом.

Майор посмотрел на Феликса в задумчивости, но трубку положил на место.

– Не сообщайте никому. Я уйду, а в Москве скажу, что меня ограбили русские пограничники, – предложил Феликс.

– А что... – удивился майор, – это даже интересно. А как вы себе это представляете?

Его позабавила сама мысль унижить русских руками же русского журналиста.

– Я пишу на тему коррупции в армии. Это мой конёк.

– Ах, да-да-да... Вы тот самый журналист, – майор бросил взгляд на пыльные документы, лежащие перед ним. – Я читал ваши статьи. Правильные статьи.

– Никто ничего не узнает, – соблазнял его Феликс.

Он почувствовал, что майор почти созрел.

– Ладно, – сказал майор, – предположим, я соглашусь. А где гарантии, что вы не напишете обо мне в своей газете?

– Я даю вам слово, что не напишу.

– Этого мало, – сказал майор. – Если бы вы были простым смертным... – и снова взялся за трубку.

Феликс почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Впервые его подвела профессия.

– Там, в паспорте, мой адрес... – сказал он вдруг осевшим голосом.

– А что вы ещё можете предложить? – загадочно спросил майор.

– Я не знаю... – сказал Феликс, лихорадочно ища выход. Не было выхода. Был один безысходный тупик, в который он влетел по собственной глупости.

– А родители у вас есть?

– А при чём здесь родители? – оторопело спросил Феликс.

– Для гарантии. Или девушка?

О Гринёвой Феликс забыл напрочь. Стресс выбивает стресс. О Гринёвой он ни разу даже не вспомнил, словно её не существовало. Но Гринёву нельзя было выдавать даже под страхом лишения живота. И вообще толстый майор вёл странные разговоры, лишённые всякого смысла: груз с машиной в его власти, получается, Феликс ему не нужен? От этой мысли Феликс второй раз покрылся холодным потом.

– Девушка? – переспросил он и вдруг понял, что заигрался, что дело зашло слишком далеко, чтобы о нём думать легкомысленно. – Девушки у меня нет, – сказал он неожиданно для себя окрепшим голосом.

– Ну вот видите, – осуждающе покачал головой майор. – Гарантий у вас нет. Что с вами делать?

Феликс подумал, что даже если отдать этому мерзавцу

флешку, то это не изменит дела. Флешка – это бесценный подарок, если знать, как ею воспользоваться. Но в данный момент отдавать её бессмысленно.

– Алихан! – позвал майор.

– Да, начальник, – в дверь просунулась самая свирепая и самая небритая морда. Она измывалась над Феликсом с особенным удовольствием.

– Выводи!

– А можно я у него туфли сниму? Мне у него туфли понравились.

– Снимай! – великодушно разрешил майор.

– Разувайся! – велел Алихан, схватил Феликса за шкуру и вытряхнул из обуви.

* * *

Его вывели с прибаутками, пьяными шутками. Между делом сорвали куртку и ремень. Сняли бы и джинсы, но сами же их и порвали, когда били. Тыкали стволами в ребра и в спину, там, где почки.

– Ссать будешь кровью! – заглядывали с издёвкой в глаза.

– А зачем ему ссать?! – глумились с другого боку. – В аду не ссут! А-а-а-ха-ха-ха!

Феликсу было всё равно, на мгновение он ощутил себя, как в детстве, когда, не желая обуваться, выбегал в одних носках во двор дачи. Только теперь под ногами попадались

камушки, и хотелось ступать осторожно, только ему не давали, хотя тычков он уже не чувствовал. Потерял он ощущения. А ещё он почему-то думал о флешке, что её всё равно найдут и что зря он её не уничтожил. А надо было.

Его ткнули в столб так, что из глаз полетели искры, но сознание он не потерял, а упал на колени. Руки ему связали той самой колючей проволокой, которую он так боялся, а она оказалось сущей ерундой по сравнению с тем, что в затылок тыкнули дулом и произнесли:

– Ну молись, русский!

Затем над ухом что-то щёлкнуло так громко, что передалось в кость, и всё тот же голос сказал:

– Чёрт, осечка! Повезло тебе, русский!

Чеченцы снова зареготали, уперевшись в бока, довольные, как дети, и снова щёлкнуло, и снова зареготали:

– Вставь обойму-то!

– Сейчас, их бог троицу любит!

И вдруг всех их перекрыл зычный голос майора:

– Стой! Хватит! Ведите назад!

Перед тем, как поднять, на него помочились, и в его положении это стало спасением, потому что теперь его не били, а лишь стращали, брезгливо сторонясь и зубоскаля.

* * *

– Посадите в угол у окна! – велел майор, не отрываясь от

трубы.

Феликс понял, что майор перед кем-то набивает себе цену – уж очень красноречивыми были его жесты и гордый вид. Затем он перешёл к делу и красочно описал картину захвата бутлегера. Затем вскочил и вытянулся в струнку.

– Есть! – произнёс он по-русски и крикнул: – Алихан!

– Да, начальник.

– Быстро привести пленного в нормальный вид!

– Зачем?!

– Я сказал!

– Рахман, почему такая честь? – удивился Алихан, свирепо, как показалось Феликсу, вращая глазами.

– Я сказал! – стукнул по столу Рахман.

– Не понял?

– Им заинтересовалось большое начальство. Он оказался птицей высокого полёта.

Казалось, майор, с одной стороны, сожалеет, что пистолет у Алихана дал осечку, а с другой – радуется, что не убил Феликса, потому что собственная голова дороже. Едва не обмишурился майор и теперь благодарил Аллаха за это, ибо за журналиста вступились такие большие люди, при разговоре с которыми майор невольно вспоминал все свои грешки.

– О! – гневно воскликнул Алихан и бросил Феликсу куртку. – Держи, собака! Потом заберу!

– Туфли отдай! – разлепил губы Феликс.

– Какие туфли, собака?!

– Отдай! – велел майор. – Себе дороже будет.

В Феликса полетели туфли:

– Обувайся, урод!

– Алихан!

– Ну?!

– Руки ему развяжи.

– Что?..

– Руки, говорю, развяжи!

– Э-э-э... – произнёс с досады Алихан, перекусывая ку-сачками проволоку на руках Феликса. – Совсем ничего не понимаю!

– А тебе и понимать не надо. Убери людей в казарму и выставь часового! – велел майор. – Повезло тебе, – оборотился он к Феликсу, который массировал запястья, размазывая кровь, – правда, не знаю, в чём.

– Это почему? – спросил Феликс.

Голова у него кружилась, и он не мог засунуть ступни в туфли.

– Потому что, – равнодушно сказал толстяк. – Сам увидишь.

В окно Феликс действительно увидел, как из бронированной машины, которая затормозила у КПП, выскочили люди в чёрном – шариатская стража, и через минуту его уже волокли в машину, вымещая на нём злобу. Но Феликсу уже было всё равно, убьют, решил он, ну и пусть.

– Это что такое?! – закричал Александр Гольдфарбах, когда Феликса толкнули на стул в комнате с голыми стенами.

Александр Гольдфарбах тыкал Феликсу в нос тем, что осталось от флешки. Нора Джонсон со своей гневливой морщинкой между бровями согласно кивала головой.

Феликс криво усмехнулся: мешали выбитые зубы и рассеченная губа. Первое, что он сделал, когда его на минуту оставили одного в камере, сорвал флешку с ноги и раскусил её зубами. Зубы были не в счёт. Зубы были не нужны, тем более что его действия не остались не замеченными: ворвалась охрана и заставила выплюнуть изо рта всё, что там было, включая зубы. Надо было проглотить, подумал он с облегчением, ибо прежде чем потерял сознание, увидел, что от флешки остались одни осколки.

Теперь это в качестве вещественного доказательства лежало на столе.

– Провёл ты меня, брат, надо признаться, хитро, – поднялся из-за стола Александр Гольдфарбах.

– You have deceived us⁸⁷, – сказала Нора Джонсон.

Она была настроена решительно, но плохо представляла, что можно сделать с Феликсом. Должно быть, это не входило

---

⁸⁷ Вы нас обманули (англ.).

в её обязанности – убивать. Она была тактиком, выполняющим чужую волю, и на поле боя, именуемом психологией, разбиралась лучше всего. Но русского она так и не поняла, словно он был из другого теста.

– В чём? – спросил Феликс, вытирая кровь с губ, которая у него никак не хотела останавливаться.

Его мучила жажда, а ещё сильно болела голова, так сильно, что моментами он не понимал, что с ним происходит. И вообще ему казалось, что события, текущие мимо него, нереальны, что всё это сон, что можно проснуться с Гринёвой в одной постели и быть вечно счастливым.

– Рассказала нам всё твоя подружка.

– Yes, said!⁸⁸ – подтвердила Нора Джонсон и уставилась на Феликса.

Несомненно, Александр Гольдфарбах должен был подыгрывать, но почему-то опаздывал с реакцией.

– Какая? – спросил Феликс невпопад.

У Норы Джонсон сделалось напряжённое лицо, она растерялась.

– Какая? – переспросил Александр Гольдфарбах и вздохнул. – Неважно, какая. Рассказала, и всё!

А-а-а-а... подумал Феликс, и ты боишься. Он вдруг понял, что они здесь хозяева и хотят получить своё так, чтобы больше никто ничего не услышал. А то, что чеченцы всё слушают, не вызывало у Феликса никаких сомнений.

---

⁸⁸ Да, рассказала! (англ.)

– Нет у меня здесь подружек, – сказал Феликс и сплюнул на бетонный пол, потому что во рту накопилась кровь и ещё потому, что ему было не до этикета.

Нора Джонсон брезгливо отступила в угол:

– We were given a talk to you for five minutes. So you have only one chance⁸⁹.

Феликс хотел сказать, что шансов у него вообще нет, но передумал. К чему дразнить гусей.

– Чем это от тебя так воняет? – брезгливо потянул носом Александр Гольдфарбах.

– А ты как думаешь? – отозвался Феликс.

Нора Джонсон, которая давно всё поняла, вообще не вылезала из своего угла и глядела на Феликса, как хирург смотрит на больного, у кого обнаружил множественные метастазы. Должно быть, она дока по части допросов, подумал Феликс, но стесняется.

– Что, плохи дела? – подошёл, забывшись, Александр Гольдфарбах, тут же поднёс к носу платок и больше его уже не убирал. – Слушай, у нас действительно совсем мало времени. – Он невольно покосился на дверь камеры. – Мы специально приехали поговорить с тобой. Давай так, ты нам всё рассказываешь, и мы уходим отсюда втроём. Иначе...

– Что иначе? – покривился от боли Феликс.

Болела спина, болело всё тело, которое словно очнулось.

---

⁸⁹ Нам дали поговорить с тобой пять минут. Так что у тебя один-единственный шанс (англ.).

Хотелось заползти в ближайший угол и забыться, поэтому ему было всё равно, о чём говорят Александр Гольдфарбах и Нора Джонсон, главное, чтобы его несколько минут не трогали, и можно было даже собраться с духом. Духа, оказывается, ему хватало на пять минут, потом язык готов был развязаться сам собой, только никто об этом не знал, кроме Феликса.

– Иначе за тебя возьмутся другие люди, – сказал, присев на край стола, Александр Гольдфарбах.

Нора Джонсон одобрительно кивнула. Её мёртвое лицо было похоже на маску.

Интересно, Гринёва сообразила убраться подальше? Пока я об это не узнаю, я вам ничего не скажу, неожиданно для самого себя набрался смелости Феликс. Нужно выиграть час, потом ещё час, потом ещё и ещё, сколько хватит духа, а когда информация о пяти триллионах попадёт в печать, можно будет болтать всё, что угодно, ибо враги будут повержены.

– Я всего лишь контрабандист, – нашёл в себе силы усмехнуться он, – а вы мне политику шьёте.

– А это что?! – Александр Гольдфарбах потыкал в то, что осталось от флешки.

Хотел Феликс заявить им, что это их смерть, да передумал. Александр Гольдфарбах как будто прочитал его мысли и покривился так, словно проглотил живую мышь. Нора Джонсон сделала лицо, как у попа на кладбище, постным и равнодушным, но её выдавала гневливая морщинка между

бровями.

– We want to help⁹⁰, – завершила она.

– Если то, о чём мы догадываемся, правда, мы тебе не завидуем. – Александр Гольдфарбах доверительно наклонился, забыл о запахе, исходящем от Феликса. – У нас предателей не любят.

– А-а-а... Вот как вы запели, – сказал Феликс. – А когда-то я был вашим другом. Помнится, вы меня жизни учили.

Александр Гольдфарбах почему-то покраснел, должно быть, он вспомнил, каким красноречивым, а главное, патетичным он был, призывая следовать за всем цивилизованным миром. Только этот мир почему-то теперь показался Феликсу кривым.

– Do not have to be carried away. The department at you thick case⁹¹, – зло произнесла Нора Джонсон.

– А-а-а... мистер Билл Чишолм в курсе? – догадался Феликс.

– Mister Bill Chisholm informed⁹², – в запале ответила Нора Джонсон.

Должно быть, она таким образом хотела надавить на Феликса. Её лицо, похожее на маску, вдруг ожило, на нём отразились вполне человеческие чувства: смесь злости и испуга.

– Он в курсе, что я здесь? – вцепился в них Феликс. – Да

---

⁹⁰ Мы хотим помочь (англ.).

⁹¹ Не надо оболящаться. В департаменте на тебя толстое дело (англ.).

⁹² Мистер Билл Чишолм в курсе (англ.).

или нет?! – Он понял, что они проговорились.

Это было непростительной ошибкой.

– В курсе, – после минуты молчания ответил Александр Гольдфарбах и осуждающе оглянулся на Нору Джонсон

Феликс тоже посмотрел на Нору Джонсон. Вид у неё был, словно она дала маху, но ещё не вполне поняла это. Они не должны были знать мистера Билла Чишолма. С какой стати? Разные ведомства. Разные департаменты. Разные страны. Значит, одна компашка, догадался Феликс. Значит, разведка. И удивился самому себе. Впервые он противопоставил себя таким людям, как Александр Гольдфарбах. А ведь совсем недавно они мне даже нравились, подумал он, особенно мистер Билл Чишолм. Мало того, я готов был с ним дружить и заглядывал ему в рот. Что-то изменилось, а что именно, я ещё не понял. Ну побили за контрабанду, ну и ладушки, с кем не бывает. Однако здесь что-то другое. Мысль о том, что он в самое ближайшее время подложит им большую, просто огромную, тухлую свинью, придавала ему силы. Только бы Гринёва не подвела.

Александр Гольдфарбах понял, что они обмишурились на полную катушку. Он был умным человеком. Недаром он работал на Бориса Березовского.

– Значит, мы зря время на тебя потратили, – сказал он, безглаголиво нюхая платок.

– Выходит, зря, – согласился Феликс.

– Сам напросился, – Александр Гольдфарбах постучал в

железную дверь. – Не продешевил, Феликс, – сказал он, покидая камеру.

У Норы Джонсон её гневливая морщинка выразила абсолютное презрение к русскому, который так ничего им и не сказал.

– We'll be back!⁹³ – заявила она.

* * *

До конца дня его оставили в покое.

Первый вопрос, который встал перед ним, кто его слил? Неужели Лёха, друг и соратник? Нет, думал Феликс, не может быть. Лёха – не предатель. Тогда кто? Естественно, Глеб Исаков! Кто ещё?! Кто метит в начальники «военного отдела»? Только он! Значит, Глеб Исаков!

И вдруг его прошибла дикая мысль: а вдруг Лора Гринёва с ним заодно? Мысль сама по себе показалась ему дичайшей. Гринёва не могла! Да и зачем ей? Да, она водит меня за нос. Да, у неё есть цель, которую я не вижу. Но несомненно, я ей нравлюсь, и подставлять ей меня не резон, если я только чего-то не понимаю. К тому же я подарил ей такую информацию, которая попадает в руки журналисту раз в жизни. Значит, не Гринёва! Не моя любовь!

Тогда кто? Может быть, это только очень длинная комби-

---

⁹³ Мы ещё придём! (англ.)

нация, которую трудно проследить. Он подумал о странном звонке Рашида Темиргалаева. Рашид Темиргалаев незнаком с Соломкой. Это исключено. Кто такой Рашид Темиргалаев и кто Александр Павлович? Абсолютно разные люди. К тому же, когда я первый раз пересёк границу, меня не проверили, однако следили. Значит, команда арестовать пришла позднее. И вдруг он понял – Александр Гольдфарбах! Кто ещё? Ведь речь о «президентской тайне». Однако Александр Гольдфарбах не мог знать о моём бизнесе.

Тогда это случайность? Случайность, что Джон Кебич и Виктор Бергамаско вышли на меня? Нет, не случайность. Эти-то действовали целенаправленно. Вероятность того, что я накануне войны появлюсь в соответствующем месте, очень велика. Ясно, что они меня поджидали. Хотя у них наверняка были запасные варианты. Но им-то меньше всего нужен мой арест. Они отпадают.

Так я запутаюсь. Давай всё сначала. Несомненно, что решение перед носом. Джон Кебич, Виктор Бергамаско, Гринёва и Александр Гольдфарбах с Норой Джонсон ни при чём. Они вцепились в меня позже. Значит, в сухом остатке остаются: Глеб Исаков, который теоретически мог знать о моём бизнесе, Рашид Темиргалаев, из-за которого я и попал в Имарат Кавказ, и кто ещё? Соломка! Он единственный заварил эту кашу. Но зачем ему меня подставлять? А если он узнал, что я решил его подсадить? Мог узнать? Мог догадаться. Уж слишком я его ненавижу. Не нужен ему сильный и мо-

лодой да ещё и очень талантливый. Глеб Исаков куда предсказуемей, а главное, им легко манипулировать. Но за такие вещи Александр Павлович мог лишиться головы. Неужели за ним стоит мистер Билл Чишолм? Значит, это всё же политика.

* * *

Они явились на рассвете злые и нервные.

– Это твоя работа?! – с порога закричал Александр Гольдфарбах и швырнул ему в лицо кипу газет.

Они легли вокруг, как лепестки роз, как нежнейшее послание от Лоры Гринёвой. И конечно же, Феликс с жадностью выхватил жирные заголовки: «Президент-предатель», «Иуда с лицом демократии», «Наймит США», «Новая свобода куплена за бешеные деньги!», и ещё, и ещё, и ещё тому подобное, что должно было убить Михаила Спиридонова.

– Да, – сказал он, глядя в их разъярённые лица, – это моя работа!

– But why?⁹⁴ – удивилась Нора Джонсон.

А ещё она страшно боялась. Должно быть, они курировали это направление, и вдруг такой конфуз. Очень непростибельный конфуз, исправить который они уже не могли, и это было концом их карьеры. Вот они и бесились.

---

⁹⁴ Но зачем? (англ.)

– А чтобы вы мне не задавали таких вопросов!

– Что!.. – крайне удивился Александр Гольдфарбах. – Что ты сказал? Ты думаешь, что изменил историю?! Ты ничего не понимаешь в истории!

– Yeah, you do not understand! – заявила Нора Джонсон. – Today, we will rewrite the history of Russia!⁹⁵

И Феликс сообразил, что началась война.

* * *

Его били три дня. Но однажды за ним пришли на рассвете и зачитали приговор суда, которого он в глаза не видел. Ему вменялись контрабанда алкоголя и шпионаж в пользу России.

– В пользу кого? – удивился он.

– Мы используем вас в информационной войне в качестве доказательства злонамерений вашей страны. Вы приговариваетесь к смертной казни с отсрочкой до конца войны. Не волнуйтесь, это произойдёт очень быстро. На этот раз мы поставим Россию на колени.

* * *

Феликс потерял счёт дням. Тюремщики, радостно ска-

---

⁹⁵ Ты ничего не понимаешь! Сегодня мы перепишем историю России! (англ.)

лясь, сообщали ему о победах Имарата Кавказ.

– Захвачена вся Кубань! До Москвы два дня пути!

– Ваня, наши флаги висят в Краснодаре!

– В Новороссийске мы захватили терминалы и теперь качаем нефть в танкеры!

Феликс, оцепенев, валялся в углу. Не верилось, что все его усилия были напрасны. Его больше не трогали, только великодушно кидали хлеб и ставили на пол кружку с водой.

И вдруг на следующий день тюремщики сделались озабоченными и уже не скалились, а молча шныряли по коридору. А потом Феликс проснулся от того, что тюрьма замерла в странном оцепенении: не было слышно ни звука, только где-то далеко-далеко, так далеко, что казалось едва различимым, возникли звуки боя. Прошло ещё некоторое время: может быть, сутки, а может быть, двое, и охрана разбежалась. А ночью тюрьму так тряхнуло, что с потолка посыпалась пыль. И Феликс понял, что Грозный бомбят.

И вдруг коридор наполнился русскими голосами, дверь в камеру отворилась, и Феликсу показалось, что он бредит: над ним наклонился не кто иной, как капитан Игорь Габелый со свежим розовым шрамом на щеке, протянул фляжку и сказал:

– Пей, друг! Сейчас мы тебя вытащим.

* * *

– За мужество! – сказал Герман Орлов.

– За мужество! – подтвердил Лёва Аргаткин.

– Я не знаю, что такое мужество, – задумчиво сказал Игорь. – Может, это то, что мы не дали себя убить, а может, это просто способность жить, несмотря ни на что? В любом случае, это нечто, что заставляло нас двигаться и делать своё дело.

– Точно, братишка!!! – заорал Герман Орлов. – В самую точку! Я тоже так думал, а произнести не мог! Игорёха!!! – И полез целоваться.

* * *

Россия денонсировала «большой договор», ввела на территорию так называемого Имарата Кавказ войска и вышла на границу с Грузией.

Мир стоял на пороге Третьей мировой войны.